

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

3

2018

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** **КОХАНОВСКИЙ А. Г.** – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
- Заместитель
главного редактора** **МЕНЬКОВСКИЙ В. И.** – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: menkovski@bsu.by
- Ответственный
секретарь** **МАЛЮГИН О. И.** – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: maliugin@bsu.by
- Белецкий С. В.** Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
- Бон Т.** Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
- Бондаренко К. М.** Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
- Бородкин Л. И.** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Бригадин П. И.** Государственный институт управления и социальных технологий Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Вабищевич А. Н.** Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
- Виддер Э.** Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Карла Эберхарда, Тюбинген, Германия.
- Егорейченко А. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Жеребцов И. Л.** Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми.
- Карпов С. П.** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Карпюк С. Г.** Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
- Коваленя А. А.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Кодин Е. В.** Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия.
- Колесник В. Ф.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
- Коршук В. К.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Космач В. А.** Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
- Костюк М. П.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Кошелев В. С.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

- Кудрявцева Т. В.** Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.
- Лавринович Д. С.** Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
- Ларин М. В.** Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
- Линднер Р.** Констанцкий университет, Констанц, Германия.
- Локотко А. И.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Марзалюк И. А.** Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Матяш И. Б.** Высший совет юстиции, Киев, Украина.
- Мезга Н. Н.** Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
- Микнис Р.** Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
- Нечухрин А. Н.** Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
- Новаковски В.** Институт археологии Варшавского университета, Варшава, Польша.
- Новгородский Т. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Пилипенко М. Ф.** Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Прохоров А. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Рок Б.** Вроцлавский университет, Вроцлав, Польша.
- Сальков А. П.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Ставнюк В. В.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
- Терпиловский Р. В.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
- Туманс Х.** Латвийский университет, Рига, Латвия.
- Федосик В. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Фэн Ш.** Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
- Ходин С. Н.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шадурский В. Г.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Шиндлинг А.** Институт истории Нового времени Тюбингенского университета им. Карла Эберхарда, Тюбинген, Германия.
- Шмигель М.** Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
- Шумейко М. Ф.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Яновский О. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЯНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	МАЛЮГІН А. І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: maliugin@bsu.by
Бялецкі С. В.	Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры Расійскай акадэміі навук, Санкт-Пецярбург, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Бандарэнка К. М.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Брыгадзін П. І.	Дзяржаўны інстытут кіравання і сацыяльных тэхналогій Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
Вабішчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Карла Эберхарда, Цюбінген, Германія.
Егарэйчанка А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Жарабцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктыв'кар, Рэспубліка Комі.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Кодзін Я. У.	Смаленскі дзяржаўны ўніверсітэт, Смаленск, Расія.
Калеснік В. Ф.	Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
Коршук У. К.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Касцюк М. П.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Кудраўцава Т. У.	Расійскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя А. І. Герцэна, Санкт-Пецярбург, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.

- Ларын М. В.** Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
- Лінднер Р.** Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
- Лакотка А. І.** Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Марзалюк І. А.** Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
- Мацяш І. Б.** Вышэйшы савет юстыцыі, Кіеў, Украіна.
- Мязга М. М.** Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
- Мікніс Р.** Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
- Нячухрын А. М.** Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
- Навакоўскі В.** Інстытут археалогіі Варшаўскага ўніверсітэта, Варшава, Польшча.
- Навагродскі Т. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Піліпенка М. Ф.** Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Прохараў А. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Рок Б.** Вроцлаўскі ўніверсітэт, Вроцлаў, Польшча.
- Салькоў А. П.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Стаўнюк В. У.** Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
- Церпілоўскі Р. У.** Кіеўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Тараса Шаўчэнкі, Кіеў, Украіна.
- Туманс Х.** Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
- Фядосік В. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Фэн Ш.** Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагагічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
- Ходзін С. М.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Шадурскі В. Г.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Шындлінг А.** Інстытут гісторыі Новага часу Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Карла Эберхарда, Цюбінген, Германія.
- Шмігель М.** Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
- Шумейка М. Ф.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Яноўскі А. А.** Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KOHANOVSKY A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	MALIUGIN O. I. , PhD (history), docent; associate professor at the department of Ancient and Medieval history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: maliugin@bsu.by
-
Beletsky S. V.	Institute of History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.
Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Bondarenko K. M.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Bryhadzin P. I.	State Institute of Management and Social Technologies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute of the Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
Yegoreichenko A. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Kodin E. V.	Smolensk State University, Smolensk, Russia.
Kolesnyk V. F.	Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Korshuk V. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
Kostyuk M. P.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kudryavtseva T. V.	Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia.
Lavrinovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives of the Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.

- Marzaluk I. A.** House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
- Matyash I. B.** High Council of Justice, Kyiv, Ukraine.
- Miazga M. M.** Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
- Miknys R.** Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
- Nechukhrin A. N.** Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
- Nowakowski W.** Institute of Archaeology of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
- Nowogrodski T. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Pilipenko M. F.** Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Prokhorov A. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Rok B.** University of Wroclaw, Wroclaw, Poland.
- Salkov A. P.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Stavnyuk V. V.** Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
- Terpilovsky R. V.** Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
- Tumans H.** University of Latvia, Riga, Latvia.
- Fedosik V. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Feng S.** School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
- Khodzin S. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Shadurski V. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Schindling A.** Institute of the Early Modern History of the Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
- Šmigel' M.** Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
- Shumeiko M. F.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Yanouski A. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ОТ РЕДАКЦИИ АД РЕДАКЦЫІ EDITORIAL

Память о первой четверти XX в., наполненной судьбоносными для мирового сообщества событиями, во многом формирует современный исторический дискурс. Столетние юбилеи становятся отправной точкой научной рефлексии, позволяющей редакции «Журнала Белорусского государственного университета. История» привлечь ведущих отечественных и зарубежных исследователей к обсуждению причин и последствий событий. В текущем номере в качестве стержневой темы выделен вопрос о национальных движениях в 1914–1918 гг. – годы Первой мировой (Великой) войны. Год начала войны завершал собой «Долгое XIX столетие», которое прошло под знаком господства империй в Европе. Однако война империй кардинальным образом изменила геополитическую ситуацию и создала условия для формирования новых национальных государств. Цена имперского распада была чрезвычайно высока, миллионы человеческих жизней были безвозвратно потеряны на полях сражений и в тылу воюющих армий. Волна революций и гражданских войн прокатилась по Европе и Азии. Право на независимость и государственное строительство было обретено в жестокой политической, национальной и социальной борьбе.

Предлагаемые вашему вниманию статьи рассматривают различные аспекты национально-государственного строительства на обломках трех европейских империй: Российской, Германской и Австро-Венгерской. В статье И. Л. Жеребцова и М. В. Таскаева рассмотрены общественно-политическая ситуация в Коми крае накануне войны и основные черты национального движения в 1914–1918 гг. Авторы отмечают, что импульсы, полученные коми национальным движением в годы войны, первоначально удалось реализовать лишь в сфере образования и культуры.

Работа Н. В. Глибищука представляет анализ места гетманской Украины во внешнеполитических проектах Австро-Венгерской империи и кайзеров-

ской Германии путем демонстрации различных интересов венского и берлинского правительств в украинском вопросе. Австро-венгерское руководство рассматривало Украину исключительно в качестве источника продовольствия, тогда как немецкая элита считала режим Павла Скоропадского основой становления своей военно-политической и экономической гегемонии в континентальной Европе. В публикации А. Ю. Карабина рассматриваются процесс создания и деятельность национальных добровольческих подразделений, сформированных из военнопленных, их роль в ходе Гражданской войны в России. Особое внимание обращается на Чехословацкий корпус, также проанализирована деятельность Югославского корпуса, легиона сечевых стрельцов, польских добровольческих формирований военнопленных.

Именно в ходе мировой войны начали складываться предпосылки для постановки и включения в сферу международных отношений вопроса о белорусской государственности. До 1914 г. вся территория Беларуси входила в Российскую империю, и «белорусский вопрос» воспринимался лишь как второстепенный аспект внутрироссийской проблематики. Однако, когда в ходе войны российская администрация потеряла контроль над значительной частью территории империи, стало очевидно, что белорусскую ситуацию невозможно оценивать исходя лишь из российских событий и вырывая из международного контекста.

В статье П. И. Бригадина и Д. П. Бригадина анализируются условия и факторы, которые способствовали созданию Белорусской Народной Республики (БНР) в 1918 г., прослеживается деятельность БНР по международному признанию белорусского государства, сохранению его территориальной целостности, национально-культурному развитию. Отношение к белорусской государственности первого президента Чехословакии Т. Масарика раскрывает П. Калета, показывая, что в концепции Т. Масарика

белорусы были составной частью русского народа (впрочем, как и украинцы). Белорусскую Народную Республику президент Чехословакии рассматривал как временное образование. Тем не менее в 1919 г. он принял в Праге А. Луцевича и обсудил с ним актуальные проблемы белорусского движения, что означало для президента БНР надежду на поддержку во время последующих переговоров в Париже.

К моменту окончания Первой мировой войны государственность Беларуси начала приобретать очертания политической востребованности. Ключевое значение имели действия субъектов белорусской политики, предлагавших варианты выбора внутреннего социально-политического курса

и внешней политической ориентации в условиях крайне ограниченного набора решений и действий. Реализация белорусской национальной идеи была потенциально возможна в разных формах, и их сторонники зачастую выступали как антагонисты. Однако всех белорусских политических деятелей в те беспокойные годы – в ходе и после окончания Первой мировой войны – объединяло одно: они были убеждены в необходимости формирования белорусского государства.

Границы белорусского государства неоднократно изменялись, но важнейший фактор оставался неизменным и более не подвергался сомнению. Белорусский народ должен иметь собственную государственность.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ГИБЕЛЬ ИМПЕРИЙ

ПЕРШАЯ СУСВЕТНАЯ ВОЙНА: НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ РУХІ І ГІБЕЛЬ ІМПЕРЫЙ

WORLD WAR I: NATIONAL MOVEMENTS AND THE FALL OF EMPIRES

УДК 94(476)+323+327

БЕЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА В 1918 г.

Д. П. БРИГАДИН¹⁾, П. И. БРИГАДИН²⁾

¹⁾Государственный институт управления и социальных технологий БГУ, ул. Обойная, 7, 220004, г. Минск, Беларусь

²⁾Институт бизнеса БГУ, ул. Московская, 5, 220007, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются условия и факторы, которые способствовали созданию Белорусской Народной Республики в 1918 г. Определены особенности геополитических изменений на белорусских землях в связи с заключением 3 марта 1918 г. Брестского мирного договора. Проанализированы подходы разных политических групп к проблеме самоопределения Беларуси, поиска возможных союзников среди руководства больших стран и правительств соседних государств. Очерчена деятельность БНР, направленная на сохранение территориальной целостности Беларуси, международное признание нового государственного образования, показаны усилия по национально-культурному возрождению страны.

Ключевые слова: самоопределение Беларуси; Белорусская Народная Республика; международное признание; территориальная целостность белорусских земель; национально-культурное возрождение.

Образец цитирования:

Брыгадзін ДП, Брыгадзін ПІ. Беларуская Народная Рэспубліка ў 1918 г. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2018;3:10–16.

For citation:

Brigadin DP, Bryhadzin PI. The Belarusian People's Republic in 1918. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;3:10–16. Belarusian.

Авторы:

Денис Петрович Бригадин – кандидат исторических наук; декан факультета повышения квалификации и переподготовки.

Петр Иванович Бригадин – доктор исторических наук, профессор; директор.

Authors:

Denis P. Brigadin, PhD (history); dean of the faculty of advanced studies and retraining.

denisbrigadin@gmail.com

Petr I. Bryhadzin, doctor of science (history), full professor; director.

director@e-edu.by

БЕЛАРУСКАЯ НАРОДНАЯ РЭСПУБЛІКА Ў 1918 г.

Д. П. БРЫГАДЗІН^{1*}, П. І. БРЫГАДЗІН^{2*}

^{1*} Дзяржаўны інстытут кіравання і сацыяльных тэхналогій БДУ, вул. Шпалерная, 7, 220004, г. Мінск, Беларусь

^{2*} Інстытут бізнесу БДУ, вул. Маскоўская, 5, 220007, г. Мінск, Беларусь

Разглядаюцца ўмовы і фактары, якія садзейнічалі стварэнню Беларускай Народнай Рэспублікі ў 1918 г. Вызначаны асаблівасці геапалітычных змен на беларускіх землях у сувязі з заключэннем 3 сакавіка 1918 г. Брэсцкага мірнага дагавора. Прааналізаваны падыходы розных палітычных груп да праблемы самавызначэння Беларусі, пошуку магчымых саюзнікаў сярод кіраўніцтва вялікіх краін і ўрадаў суседніх дзяржаў. Акрэслена дзейнасць БНР, скіраваная на захаванне тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі, міжнароднае прызнанне новага дзяржаўнага ўтварэння, паказаны намаганні па нацыянальна-культурным адраджэнні краіны.

Ключавыя словы: самавызначэнне Беларусі; Беларуская Народная Рэспубліка; міжнароднае прызнанне; тэрытарыяльная цэласнасць беларускіх зямель; нацыянальна-культурнае адраджэнне.

THE BELARUSIAN PEOPLE'S REPUBLIC IN 1918

D. P. BRIGADIN^a, P. I. BRYHADZIN^b

^aState Institute of Management and Social Technologies of the BSU, 7 Špaliernaja Street, Minsk 220004, Belarus

^bSchool of Business of the BSU, 5 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

Corresponding author: D. P. Brigadin (denisbrigadin@gmail.com)

In the article the conditions and factors that contributed to the creation of the Belarusian People's Republic in 1918 are considered. Specifics of geopolitical changes in the Belarusian lands are reflected in connection with the conclusion of the Brest Peace Agreement on 3 March 1918. The author analyzed the approaches of different political groups to the problem of self-determination of Belarus, the search for possible allies among the large states and governments of neighboring countries. The activities of the BPR aimed at preserving the territorial integrity of Belarus, international recognition of the new state formation, attempts of national cultural revival of the country are revealed.

Key words: self-determination of Belarus; Belarusian People's Republic; international recognition; territorial integrity of the Belarusian lands; national cultural revival.

Уводзіны

На пачатку 1918 г. беларускія землі ў чарговы раз сталі арэнай супрацьстаяння вялікіх краін. Перамовы Савецкай Расіі з Германіяй аб падпісанні мірнага дагавора зайшлі ў тупік. Германская дэлегацыя патрабавала значных тэрытарыяльных уступак. Савецкая дэлегацыя на чале з Л. Троцкім заявіла аб спыненні вайны, дэмабілізацыі арміі

і неабходнасці заключэння міру без анексій і кантрыбуцый. У адказ нямецкае камандаванне 16 лютага аб'явіла аб заканчэнні перамер'я з Расійскай Рэспублікай 18 лютага ў 12 гадзін. Германскія войскі перайшлі ў наступленне. Большая частка Беларусі апынулася пад нямецкай акупацыяй. Гэта змяніла палітычную сітуацыю ў Беларусі.

Асноўная частка

Наступленне германскіх войск прывяло да ліквідацыі савецкай улады на Беларусі. У ноч з 19 на 20 лютага Саўнаркам Заходняй вобласці з'ехаў у Смаленск. З турмы выйшлі дзеячы Цэнтральнай беларускай вайскавой рады. Распараджэннем Выканаўчага камітэта Рады Усебеларускага з'езда К. Езавітаў быў прызначаны камендантам г. Мінска. За яго подпісам 20 лютага з'явіўся загад аб увядзенні ваеннага становішча ў горадзе. Выканаўчы камітэт у ноч на 21 лютага, калі нямецкія войскі ў Мінск яшчэ не ўступілі, абвясціў сябе вышэйшай уладай. У вы-

дадзенай 21 лютага Першай Устаўной грамаце да народаў Беларусі падкрэслівалася, што «беларускі народ павінен здзейсніць сваё права на поўнае самавызначэнне, а нацыянальныя меншасці – на нацыянальна-персанальную аўтаномію. Права нацыі павінна знайсці сваё здзяйсненне шляхам склікання на дэмакратычных пачатках Устаноўчага сойма. Выканаўчы камітэт Рады Усебеларускага з'езда, дапоўнены прадстаўнікамі рэвалюцыйнай дэмакратыі нацыянальных меншасцей, абвясчае сябе часовай уладай на Беларусі»¹ [1, с. 111].

¹Тут і далей цытаты прыводзяцца ў адпаведнасці з нормамі сучаснай арфаграфіі і пунктуацыі. – Д. Б., П. Б.

На наступны дзень, 22 лютага 1918 г., быў надрукаваны спіс членаў урада: І. Варонка (народны сакратар замежных спраў), І. Макрэў (народны сакратар унутраных спраў), А. Смоліч (народны сакратар адукацыі), Я. Бялёвіч (народны сакратар юстыцыі), І. Серада (народны сакратар народнай гаспадаркі), В. Рэдзька (народны сакратар транспарту), Г. Белкінд (народны сакратар фінансаў), П. Бадунова (народны сакратар сацыяльнай абароны), П. Злыбін (народны сакратар вялікарускіх спраў), А. Карач (народны сакратар пошт і тэлеграфа), П. Крачэўскі (народны сакратар кантролю), Т. Грыб (народны сакратар земляробства), К. Езавітаў (народны сакратар ваенных спраў), М. Гутман (без партфеля), Л. Заяц (кіраўнік спраў) [1, с. 41]. Народны сакратарыят Беларусі стварыў беларускую камендатуру, наўё адносны парадак у горадзе. Выканаўчы камітэт Рады Усебеларускага з'езда ўвайшоў у кантакт з гарадскім самакіраваннем, земствам, прадстаўнікамі грамадскіх і палітычных арганізацый.

Нямецкая ваенная ўлада, якая ўсталявалася ў Мінску 22 лютага, аднеслася да дзейнасці Народнага сакратарыята Беларусі стрымана. Але калі ён стаў прэтэндаваць на ўладныя функцыі і выдаў 25 лютага пастанову № 1, паводле якой «казённая маёмасць, установы, капіталы і каштоўнасці, якія ў іх знаходзяцца і складаюць народную ўласнасць, аб'яўляюцца народным здабыткам і пераходзяць у ведамства і распараджэнне Народнага сакратарыята Беларусі»², акупацыйныя ўлады прымянілі сілу. Дэлегацыя Народнага сакратарыята Беларусі на чале з І. Варонкам 28 лютага 1918 г. наведла рэзідэнцыю германскай адміністрацыі ў Мінску і выказала лаяльнасць у дачыненні да нямецкай акупацыйнай улады.

Пасля акупацыі большай часткі Беларусі войскамі кайзераўскай Германіі лідары беларускага нацыянальнага руху дзейнічалі ў надзвычай складаных палітычных умовах. Германскія акупацыйныя ўлады насцярожана адносіліся да Народнага сакратарыята Беларусі па прычыне яго «сацыялістычнага» складу. Ім больш імпаніравала палітычная пазіцыя віленскай групы беларускага нацыянальнага руху на чале з братамі Антонам і Іванам Луцкевічамі, Вацлавам Ластоўскім, Янам Станкевічам і іншымі дзеячамі, якія 25 студзеня 1918 г. на канферэнцыі беларускіх арганізацый Віленшчыны ўтварылі Віленскую беларускую раду. Апошняя заняла адкрытую прагерманскую пазіцыю. Віленская беларуская рада 19 лютага прыняла пастанову, згодна з якой сувязь паміж Беларуссю і Расіяй абвешчлася парванай [2, с. 281].

Віленскія дзеячы выступілі з ідэяй беларускай дзяржаўнасці ў этнічных межах рассялення

беларусаў. Пазней рэйхсканцлер Германіі адкрыта даў ведаць Народнаму сакратарыяту Беларусі, што Берлін разглядае Беларусь як «частку Савецкай Расіі і па Берасцейскім угаворы без урада Леніна гэта пытанне сам вырашыць не можа» [3, с. 12].

Ідэя незалежнасці ў беларускім грамадстве ўзмацнілася ў перыяд падрыхтоўкі Брэсцкага мірнага дагавора пасля яго падпісання 3 сакавіка 1918 г. Прадстаўнікоў Выканаўчага камітэта Рады Усебеларускага з'езда (А. Цвікевіч, С. Рак-Міхайлоўскі, І. Серада), якія былі накіраваны ў Брэст, не прызналі паўнамоцнымі прадстаўнікамі беларускага народа. Яны атрымалі статус дарадцаў дэлегацыі Украінскай Народнай Рэспублікі. Беларуская дэлегацыя ўручыла сваю дэкларацыю аб непадзельнасці беларускіх зямель і іх аўтаноміі ў складзе Расійскай федэрацыі, правах нацыянальных меншасцей, стварэнні міжнароднага фонда для фінансавання парушанай вайной эканомікі і інш. «Мы сваім прыездом, – пісалі С. Рак-Міхайлоўскі і А. Цвікевіч, – ужо трохі перамітусілі карты, і толькі шкада, што трохі спазніліся, але наша мэта – незалежнасць Беларусі ў этнаграфічных яе граніцах – ужо зрабіла ўражанне на немцаў і ўчора вечарам Карахан па тэлефоне адмовіўся з намі гаварыць доўга, кажучы што “мне вядомы тыя мэты, з якімі Вы прыехалі”» [4, с. 35].

Сітуацыя ўскладнялася тым, што яшчэ 9 лютага 1918 г. германскі блок падпісаў дамову з Украінскай Народнай Рэспублікай, у якой гаварылася не толькі аб межах Украіны з Аўстра-Венгрыяй, але і аб перадачы Украіне часткі зямель Брэстчыны на ўсход ад Буга.

У гэтых умовах Выканаўчы камітэт Рады Усебеларускага з'езда 9 сакавіка 1918 г. аб'явіў Другую Устаўную грамату да народаў Беларусі. Беларусь абвешчлася Народнай Рэспублікай у межах этнічнага рассялення і колькаснай перавагі беларусаў. У Другой Устаўной грамаце замацоўваліся сацыяльныя здабыткі (васьмігадзінны рабочы дзень), абвешчлася свабода слова, друку, сходаў, забастовак, веравызнання, роўны статус усіх моў народаў Беларусі. Калі раней вырашэнне пытання аб зямлі адкладвалася да Усебеларускага ўстаноўчага сходу, то ў адпаведнасці з сёмым пунктам Другой Устаўной граматы скасоўвалася прыватная ўласнасць на зямлю і яна перадавалася тым, хто на ёй працуе³. З гэтымі прынцыпамі пагадзіліся розныя плыні грамадска-палітычнага руху Беларусі: меншавікі, эсэры, бундаўцы, паалейцыяністы.

У сувязі з абвешчэннем Беларускай Народнай Рэспублікі Выканаўчы камітэт Рады Усебеларускага з'езда стаў называцца Радай І Усебеларускага з'езда, а 18 сакавіка быў пераўтвораны ў Раду Беларускай Народнай Рэспублікі. У яе склад увялі

²Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 21. Арк. 99.

³Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 46. Арк. 121.

членаў Віленскай беларускай рады А. Луцкевіча, І. Луцкевіча, Д. Сямашку, Я. Станкевіча і Я. Туркевіча, якія прыехалі ў Мінск. Гэта значна ўмацавала незалежніцкую плынь у Радзе БНР.

На першым пасяджэнні Рады БНР 19 сакавіка былі зацверджаны Першая і Другая Устаўныя граматы, а таксама вызначаны склад Рады БНР. Колькасна ён павялічваўся з 27 да 71 чалавека. Акрамя былых членаў Выканкама Савета Усебеларускага з'езда, якія лічыліся пераемнікамі ўлады, атрыманай ад І Усебеларускага з'езда, у склад Рады БНР увайшлі 9 членаў ад правінцыяльных беларускіх рад, 10 – ад Мінскага земства, 10 – ад гарадскога самакіравання, 15 – ад нацыянальных меншасцей (7 яўрэяў, 4 палякі, 2 рускія, 1 літовец і 1 украінец). Быў абраны Прэзідыум Рады БНР на чале з І. Серадой. Галоўнае, на што, па прызнанні І. Варонкі, накіроўваліся «нечалавечыя намаганні беларускіх дзеячаў, пачынаючы з моманту разгону І Усебеларускага з'езда», было «паставіць Беларусь хаця б у асяродак малых дзяржаў і дабіцца прызнання самастойнасці Беларускай Народнай Рэспублікі» [5, с. 7]. Але яшчэ 10 сакавіка ўрад Германіі адхіліў пасланую яму ноту аб прызнанні Беларускай Народнай Рэспублікі.

Праблема дзяржаўнага самавызначэння заставалася. Арыентацыя на Расію пасля разгону большавіцкімі ўладамі Усебеларускага з'езда, Устаноўчага сходу (6 студзеня 1918 г.), заключэння Брэсцкага міру (3 сакавіка 1918 г.) губляла сваіх прыхільнікаў. Кіраўніцтва Рады БНР, як пазней канстатаваў А. Луцкевіч, усе свае далейшыя надзеі ўсклала на кайзераўскую Германію, імкнучыся ўмацаваць саюз з ёй у той ці іншай форме [6, с. 141].

На пасяджэнні Рады БНР 24 сакавіка абмяркоўваліся праблемы абвешчэння незалежнасці рэспублікі. Дыскусія доўжылася 10 гадзін, выступілі 26 чалавек. «Атмасфера наэлектрызавалася», – сведчыць пратакол пасяджэння⁴. Толькі ў 6 гадзін раніцы 25 сакавіка была прынята рэзалюцыя аб абвешчэнні незалежнай рэспублікі. Гарадская група Рады БНР і прадстаўнікі Бунда галасавалі супраць, земская група (9 чалавек) у знак пратэсту пакінула залу. Ад галасавання ўстрымаліся прадстаўнікі Аб'яднанай яўрэйскай сацыялістычнай партыі, Палей Цыёна і сацыялістаў-рэвалюцыянераў.

Пасля аднаўлення ў 12 гадзін дня пасяджэння была прынята Трэцяя Устаўная грамата Рады БНР, якая аб'яўляла аб стварэнні беларускай дзяржаўнасці: «Ад гэтага часу Беларуская Народная Рэспубліка абвешчаецца незалежнай і вольнай дзяржавай» [7, с. 261–262].

За аддзяленне Беларусі ад Расіі галасавалі 40 членаў Рады БНР, супраць – 22, устрымаліся 9 удзельнікаў галасавання. Згодна з трэцяй Устаўной граматай Беларуская Народная Рэспубліка

аб'яўлялася ў складзе ўсіх беларускіх зямель. Грамата пацвярджала правы і свабоды грамадзян і народаў Беларусі, якія абвешчаліся ў Другой Устаўной грамаце [7, с. 261].

На паскарэнне прыняцця Трэцяй Устаўной граматы паўплывалі дзяржаваўтваральныя працэсы, што мелі месца ў суседніх краінах. Нямецкія ўлады прызналі незалежнасць Украіны. Пасля прыняцця Літоўскай Тарыбай акта аб незалежнасці Літвы германскі ўрад 23 сакавіка 1918 г. прызнаў незалежнасць Літвы (дэкларацыя Літоўскай Тарыбы аб супрацоўніцтве і саюзе з Германіяй была прынята яшчэ 11 снежня 1917 г.).

На чарговым пасяджэнні Рады БНР 29 сакавіка была ўнесена прапанова сямі яе членаў аб уключэнні ў парадак дня пытання «разгляду пажадання федэрыравання з Вялікарасіяй, Украінай і Літвой». Аднак большасцю галасоў прапанова не была прынята для абмеркавання. У гэтых умовах Народны сакратарыят Беларусі пакінулі народныя сакратары фінансаў, унутраных спраў, транспарту, пошт і тэлеграфа [8, с. 58].

Устаўныя граматы вызначылі найважнейшыя палажэнні аб грамадскім і дзяржаўным ладзе Беларусі. БНР была абвешчана на тэрыторыі, дзе ўлада належала нямецкай акупацыйнай адміністрацыі. Рэалізацыя ідэй аб дзяржаўнай самастойнасці абмяжоўвалася палітыкай кайзераўскай Германіі ў беларускім пытанні.

На пятым пасяджэнні Рады БНР 12 красавіка пад старшынствам І. Серады ў склад Рады былі прыняты 10 членаў Мінскага беларускага прадстаўніцтва (Р. Скірмунт, А. Уласаў, протаіерэй Кульчыцкі, ксёндз В. Гадлеўскі, адвакат П. Аляксук і інш.).

Правае крыло Рады БНР 25 красавіка 1918 г. выступіла з ініцыятывай прыняць тэкст тэлеграмы германскаму кайзеру Вільгельму II, у якой І. Серада, І. Варонка, Р. Скірмунт, Я. Лёсік, А. Аўсянік, П. Аляксук, П. Крачэўскі звярталіся са словамі падзякі «за вызваленне Беларусі» і прасілі абароны ў справе «ўмацавання дзяржаўнай незалежнасці і недзялімасці края ў саюзе з Германскай імперыяй» [7, с. 263]. Тэкст тэлеграмы быў прыняты пад грыфам «сакрэтна». За адпраўку тэлеграмы галасавалі 35 членаў Рады БНР, супраць – 4, устрымаліся 7 асоб.

Дэлегаты БНР (А. Цвікевіч, М. Доўнар-Запольскі, П. Трэмповіч) 25 красавіка звярнуліся да германскага пасла пры ўрадзе Украінскай Рады з просьбай аб «прызнанні самастойнасці Беларусі і ўлады ў ёй у асобе Рады і яе кааліцыйнага міністэрства, захаванні Беларусі ў яе натуральных гістарычных, этнаграфічных і эканамічных межах» [4, с. 46]. У звярочце адзначалася, што для Германіі ёсць рэальная выгада пайсці насустрач стварэнню дзяржаўнасці ў Беларусі.

⁴Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 8. Арк. 5.

Такая палітыка выклікала ўнутрыпалітычны крызіс урада і Рады БНР. Са складу Рады БНР выйшлі гарадская група, прадстаўнікі Бунда, Аб'яднанай яўрэйскай сацыялістычнай партыі. У знак пратэсту супраць адпраўкі тэлеграмы Т. Грыб, П. Бадунова 1 мая выйшлі са складу Народнага сакратарыята БНР. Разам з членамі Рады БНР М. Пашкевічам, Н. Нямкевічам, М. Шылам і іншымі дзеячамі яны засталіся ў Радзе БНР як апазіцыя. Месцы гарадской групы ў Радзе БНР занялі прадстаўнікі культурных, навуковых і прафесійных арганізацый, Мінскай яўрэйскай абшчыны.

На X пасяджэнні Рады БНР 14 мая члены Народнага сакратарыята Беларусі І. Варонка, А. Смоліч, П. Крачэўскі, Л. Заяц, І. Серада і К. Езавітаў заявілі пра сваю адстаўку⁵. Фарміраванне новага складу Народнага сакратарыята Беларусі было даручана Р. Скірмунту. У склад Прэзідыума Рады БНР тайным галасаваннем выбралі Я. Лёсіка (старшыня), А. Смоліча і А. Уласава (таварышы старшыні), П. Крачэўскага і Лянкоўскага (сакратары). Аднак ужо 23 мая Р. Скірмунт вымушаны быў афіцыйна заявіць аб немагчымасці сфарміраваць новы склад сакратарыята. Прадстаўнікі фракцыі злучаных сацыялістаў змянілі першапачатковую пазіцыю супрацоўніцтва. Урадавыя функцыі працягваў выконваць ранейшы склад Народнага сакратарыята Беларусі.

26 мая Р. Скірмунт быў накіраваны ў Кіеў на перагаворы з гетманам Скарападскім, які прыйшоў да ўлады ва Украіне. Урад Скарападскага стаў актыўна праводзіць палітыку захопу паўднёвых зямель Беларусі. Беларуская дэлегацыя перадала ўкраінскім уладам прапановы аб дзяржаўнай мяжы, але падпісанне дагавора з БНР адкладвалася. Між тым у Кіеве былі адкрыты Генеральнае консульства БНР і Беларуская гандлёвая палата.

Кіраўнікі БНР прыкладалі намаганні, каб знайсці падтрымку ў германскіх акупацыйных улад. Камандуючы 10-й арміі генерал Э. фон Фалькенгайн 27 мая заявіў беларускай дэлегацыі ў складзе І. Варонкі, П. Аляксюка, І. Серады, А. Аўсяніка, што «германскае кіраўніцтва прымае ва ўвагу імкненне Народнага сакратарыята і Рады жыць у згодзе і дружбе з Германскай дзяржавай, а гэта ў недалёкім будучым дасць Беларусі дадатныя вынікі»⁶.

Была дасягнута дамоўленасць аб стварэнні інстытута дарадчыкаў пры павятовых камендантах з мэтай урэгулявання ўзаемаадносін насельніцтва і германскіх войск. Асабліва ўвага звярталася на культурна-асветніцкую працу. Як адзначаў І. Варонка, «беларуская справа стала заваёўваць усё болей і болей правоў» [3, с. 12]. Але практычная дзейнасць створаных на тэрыторыі Беларусі гарадскіх дум,

упраў, земстваў жорстка кантралявалася нямецкімі ўладамі. Ухіленне ад выканання іх распараджэнняў вяло да роспуску мясцовых органаў самакіравання.

Афіцыйнае непрызнанне БНР Германіяй і адначасовае спрыянне дзейнасці ўрадавых структур рэспублікі пад аховай 10-й арміі адлюстроўвала своеасаблівую тактыку паводзін акупацыйных улад, абумоўленую эвалюцыяй іх поглядаў на беларускае пытанне. У 1915–1916 гг. яны былі перакананы ў няздольнасці беларусаў на нацыянальнае самавызначэнне. Аднак у пачатку 1918 г. Германія пераканалася ў рэальнасці беларускага нацыянальна-палітычнага руху, дзякуючы якому ўзніклі ўладныя структуры, праводзілася актыўная дзейнасць па стварэнні беларускай дзяржаўнасці.

Пасля вяртання Р. Скірмунта з Кіева, а ён там знаходзіўся каля месяца, міжфракцыйная палітычная барацьба за ўладу абвастрылася. На пасяджэнні сесіі Рады БНР 9–11 ліпеня была прынята прапанова Мінскага прадстаўніцтва (22 галасы – за, 18 – супраць) аб стварэнні новага складу Народнага сакратарыята Беларусі, які, згодна з рашэннем Рады БНР ад 9 ліпеня, узначаліў Р. Скірмунт. У знак пратэсту прадстаўнікі фракцыі блока І. Варонкі і сацыялістаў-рэвалюцыянераў пакінулі залу пасяджэнняў.

Крызіс у дзейнасці Народнага сакратарыята Беларусі і Рады БНР прывёў да адстаўкі кабінета Р. Скірмунта 20 ліпеня. Надзеі на кайзераўскую Германію не спраўдзіліся: 27 жніўня 1918 г. Германія і Савецкая Расія падпісалі дадатковы дагавор. У ім адзначалася, што «Германія ніякім чынам не будзе ўмешвацца ў адносіны паміж Рускай дзяржавай і яе асобнымі абласцямі і, значыць, яна ў асаблівасці не будзе ні выклікаць, ні падтрымліваць утварэнне самастойных дзяржаўных арганізмаў у гэтых абласцях» [4, с. 58]. Беларусь была падзелена на пяць рэгіёнаў. Частка Гродзеншчыны і Віленшчыны ўключалася ў склад Усходняй Прусіі (Германія). Тэрыторыя на захад ад лініі Рыга – Дзвінск – Ліда – Пружаны адыходзіла ў склад Літвы. Цэнтральныя землі Беларусі аб'яўляліся часовай акупацыйнай зонай. Усходнія раёны Беларусі знаходзіліся ў складзе Расіі, а паўднёвыя землі перадаваліся Украіне. «Надзвычайная дэлегацыя БНР» (А. Луцкевіч, І. Варонка, А. Аўсянік, Г. Базарэвіч) 23 верасня ўручыла прадстаўніку СНК Савецкай Расіі ў Кіеве Х. Ракоўскаму ноту пратэсту ў сувязі з падпісаннем Расіяй дадатковага пратакола да Брэсцкага дагавора.

У гэтых абставінах блок сацыялістаў у Радзе БНР пашырыў свой уплыў. У канцы верасня ў Раду БНР увайшлі прадстаўнікі нацыянальных меншасцей і духавенства. У пачатку кастрычніка Рада БНР

⁵Нац. арх. Рэсп. Беларусь. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 10. Арк. 119.

⁶Там жа. Спр. 21. Арк. 196.

зацвердзіла Статут Беларускае Народнае Рэспублікі. У ім падкрэслівалася, што да выбару Сойма БНР заканадаўчая ўлада належыць Радзе БНР, а вышэйшая выканаўчая ўлада – Народнаму сакратарыату Беларусі. Пазней, 11 кастрычніка, Народны сакратарыят Беларусі быў перайменаваны ў Раду Народных Міністраў.

Кіраўніцтва БНР шукала саюзнікаў у справе дзяржаўнага самавызначэння сярод розных палітычных сіл. Так, 10 кастрычніка надзвычайная дэлегацыя Рады БНР на чале з А. Луцкевічам у чарговы раз звярнулася да міністра замежных спраў Украіны з прапановай аб афіцыйным прызнанні дзяржаўнай незалежнасці Беларусі.

Таксама беларуская дэлегацыя накіравала старшыні рэйхстага і рэйхсканцлеру 18 кастрычніка Германіі ноту аб прызнанні дзяржаўнай незалежнасці Беларусі, каб «даць магчымасць беларускаму ўраду здзейсніць прыналежныя яму функцыі дзяржаўнага будаўніцтва і ўпраўлення, а разам з гэтым арганізаваць аружную сілу дзеля самаабароны» [4, с. 66].

Да прэзідэнта Паўночна-Амерыканскіх Злучаных Штатаў, да нейтральных і ваюючых дзяржаў Рада БНР звярнулася 20 кастрычніка з просьбай аб падтрымцы «безабароннай Беларусі ад разгрому... забяспечыць ёй знешнюю недатыкальнасць прызнаннем яе самастойнасці і незалежнасці...» [4, с. 67].

У гэты ж дзень у Берлін была накіравана дэлегацыя БНР (Р. Скірмунт, Я. Лёсік, К. Савіч, І. Луцкевіч, Ш. Разенбаўм) з прапановай прызнаць незалежнасць Беларусі, што «надзвычайна своечасова і неабходна як у інтарэсах Беларусі, так і ў інтарэсах самой Германіі» [4, с. 68]. Канцлер Германіі 20 кастрычніка 1918 г. прыняў дэлегацыю Літоўскай Тарыбы і пацвердзіў прызнанне незалежнасці літоўскай дзяржавы. У той жа час дэлегацыя Рады БНР не была прынята канцлерам [9, с. 293]. Такім чынам, Рада БНР не знайшла падтрымкі сярод кіраўніцтва вялікіх краін свету.

Крах надзей кіраўнікоў БНР на прызнанне і падтрымку заходнімі краінамі вымусіў іх шукаць кантакты з урадам РСФСР. Яшчэ ў верасні 1918 г. дэлегацыя БНР на чале з А. Луцкевічам правяла пе-

рамовы ў Кіеве з Х. Ракоўскім. У лістападзе на перагаворы ў Маскву выязджалі А. Луцкевіч, Т. Грыб.

У лістападзе змянілася палітычная сітуацыя ў Еўропе. У Любліне 7 лістапада быў створаны Часовы народны ўрад Польскай Рэспублікі. Паражэнне германа-аўстрыйскага блока, рэвалюцыя ў Германіі стварылі ўмовы для анулявання Брэсцкага мірнага дагавора (13 лістапада). Чырвоная армія пачала рух на захад. У гэтых абставінах большасць членаў Рады БНР з'ехала ў Вільню, дзе вяліся актыўныя перагаворы Віленскай беларускай рады з прадстаўнікамі літоўскага ўрада. У канцы лістапада 1918 г. у склад Дзяржаўнага Савета Літвы ўвайшлі 6 членаў Віленскай беларускай рады (В. Ластоўскі, І. Луцкевіч, Я. Станкевіч, К. Фалькевіч, Д. Сямашка, ксёндз В. Талочка).

Пры літоўскім урадзе было створана Міністэрства беларускіх спраў, якое ўзначаліў І. Варонка. Міністэрства прадстаўляла кандыдатаў-беларусаў на пасады кіраўнікоў гарадскіх і павятовых органаў самакіравання, школьных інспектараў, суддзяў, следчых, ляснічых. Такія прадстаўнікі з ліку беларусаў былі прызначаны ў Гродна, Беласток, Ліду, Бельск, Белавежу, Дзятлава, Крынкі і Саколку. Тэрыторыя, на якую распаўсюджвалася юрысдыкцыя Міністэрства беларускіх спраў, павінна была мець статус аўтаномнай адзінкі з урадавай беларускай мовай.

Міністэрства беларускіх спраў займалася і вайсковай справай. Генералам К. Кандратовічам, які некаторы час з'яўляўся віцэ-міністрам краёвай абароны ў складзе літоўскага ўрада, вялася праца па арганізацыі беларускага войска. Быў сфарміраваны першы беларускі полк пад камандаваннем М. Лаўрэнцьева, якога затым змяніў К. Езавітаў. Вайсковае фарміраванне дыслацыравалася ў Гродне.

Намаганнямі міністэрства і беларускіх дзеячаў былі сфарміраваны Гродзенская губернская беларуская ўправа, беларуская камендатура горада і Гродзенская ваенная акруга, адкрыты прафесійныя саюзы настаўнікаў, чыгуначнікаў, беларускія клубы, бібліятэкі. Дзейнічаў беларускі нацыянальны тэатр і хор. Выдаваліся газеты «Бацькаўшчына», «Беларускі народ», часопіс беларускага культурна-асветніцкага таварыства «Бацькаўшчына».

Заклучэнне

Такім чынам, на працягу 1918 г. кіраўнікі БНР, супрацоўнікі розных устаноў рэспублікі вялі актыўную палітыку, скіраваную на прызнанне незалежнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі. Беларускія дыпламатычныя місіі, консульствы, прадстаўніцтвы былі адкрыты ва Украіне, Расіі, Літве, Германіі, Польшчы, Балгарыі, Фінляндыі, Чэхаславакіі, Латвіі, Эстоніі, Турцыі. Але дабіцца прызнання незалежнасці краіны яны не змаглі.

Былі зроблены крокі на шляху нацыянальна-культурнага адраджэння: адкрываліся беларускія школы, гімназіі, установы культуры, пад кантролем БНР выходзіла мноства беларускіх газет. Аднак значныя геапалітычныя змены ў Еўропе ў канцы 1918 г. абумовілі новы расклад палітычных сіл на беларускіх землях. У 1919 г. праблемы дзяржаўнага будаўніцтва вырашаліся ўжо іншымі палітыкамі і на іншай – савецкай – аснове.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Турук Ф. *Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов*. Минск: [б. и.]; 1994.
2. Сідарэвіч А. Віленская беларуская рада. У: Пашкоў ГП, рэдактар. *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 2. Беліцк – Гімн*. Мінск: БелЭн; 1994. С. 281.
3. Варонка Я. *Беларускі рух ад 1917 да 1920: кароткі агляд*. Коўна: Таварыства імя Ф. Скарыны; 1920.
4. *Знешняя палітыка Беларусі. Т. 1. 1917–1922* [зборнік дакументаў і матэрыялаў]. Мінск: БелНДІДАС; 1997.
5. Воронко ИЯ. *Белорусский вопрос к моменту Версальской мирной конференции. Историко-политический очерк*. Ковно: Госбиблиотека БССР; 1919.
6. Михнюк ВН, Климович НМ, Гесь АИ. Апостол национального возрождения. *Неман*. 1995;1:127–166.
7. Ладысеў УФ, Брыгадзін ПІ. *Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.)*. Мінск: БДУ; 2003.
8. Чернякевич А. *БНР. Триумф побежденных*. Минск: А. Н. Янушкевич; 2018.
9. Міхалюк Д. *Беларуская Народная Рэспубліка. 1918–1920 гг.: ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці*. Смаленск: Інбелкульт; 2015.

References

1. Turuk F. *Belorusskoe dvizhenie. Ocherk istorii natsional'nogo i revolyutsionnogo dvizheniya belorusov* [The Belarusian movement. Essay on the history of the national and revolutionary movement of Belarusians]. Minsk: [publisher unknown]; 1994. Russian.
2. Sidarevich A. Vilenskaja belaruskaja rada [Vilna Belarusian Council]. In: Pashkou GP, editor. *Jencyklapedyja gistoryi Belarusi. Tom 2. Belick – Gimn* [Encyclopedia of the history of Belarus. Volume 2. Belick – Himn]. Minsk: BelEn; 1994. Belarusian.
3. Varonka J. *Belaruski ruh ad 1917 da 1920: karotki agljad* [Belarusian movement from 1917 to 1920: an overview]. Koūna: Tavarystva imja F. Skaryny; 1920. Belarusian.
4. *Zneshnjaja palityka Belarusi. T. 1: 1917–1922* [Foreign policy of Belarus. Volume 1: 1917–1922] [a collection of documents and materials]. Minsk: BelNDIDAS; 1997. Belarusian.
5. Voronko IJ. *Belorusskii vopros k momentu Versal'skoi mirnoi konferentsii. Istoriko-politicheskii ocherk* [Belarusian issue at the time of the Versailles Peace Conference. Historical and political essay]. Kovno: Gosbiblioteka BSSR; 1919. Russian.
6. Mikhnyuk VN, Klimovich NM, Ges' AI. Apostol natsional'nogo vrozozhdeniya [An Apostle of the National Renaissance]. *Neman*. 1995;1:127–166. Russian.
7. Ladysev UF, Bryhadzin PI. *Pamizh Ushodam i Zahadam: stanawlenne dzjarzhawnasci i tjerytaryjal'naj cjelasnasci Belarusi (1917–1939 gg.)* [Between East and West: the establishment of statehood and territorial integrity of Belarus (1917–1939)]. Minsk: BSU; 2003. Belarusian.
8. Chernyakevich A. *BNR. Triumf pobezhdennykh* [BNR. Triumph of the defeated]. Minsk: A. N. Yanushkevich; 2018. Russian.
9. Mikhalyuk D. *Belaruskaja Narodnaja Rjespublika. 1918–1920 gg.: lja vytokaw belaruskaj dzjarzhawnasci* [Belarusian People's Republic. 1918–1920: at the origins of the Belarusian statehood]. Smolensk: Inbelkul't; 2015. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 05.04.2018.
Received by editorial board 05.04.2018.

УДК «1917/1919»+94(437)«1917/1919»

Т. Г. МАСАРИК И ЕГО ВЗГЛЯД НА БЕЛОРУССКУЮ ПРОБЛЕМУ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

П. КАЛЕТА^{1), 2)}

¹⁾ Университет им. Масарика, ул. Поржичи, 7, 60300, г. Брно, Чехия

²⁾ Карлов университет, пл. Яна Палаха, 2, 11638, г. Прага, Чехия

Отмечено, что позиция первого президента Чехословакии Томаша Гаррига Масарика по белорусскому вопросу относится к темам до сих пор мало разработанным. В трудах Т. Г. Масарика присутствуют только его единичные высказывания, касающиеся белорусов и белорусского вопроса, более ясно точку зрения он выразил в письме чехословацкому министру иностранных дел Эдварду Бенешу от 30 апреля 1919 г. На основании доступных документов выяснено, что согласно концепции Т. Г. Масарика белорусы являлись составной частью русского народа (точно также, как, например, украинцы), однако подобным образом он относился и к славянам иной этнической принадлежности, например, рассуждал о чехословаках или югославах. Сделано наблюдение, согласно которому Белорусскую Народную Республику (БНР) президент Чехословакии рассматривал как временное образование, хотя и принимал в 1919 г. в Праге Антона Луцкевича, президента БНР, и обсуждал с ним актуальные проблемы белорусов (белорусского движения). А. Луцкевич, в свою очередь, аудиенцию у Т. Г. Масарика воспринял весьма позитивно, ведь она означала поддержку в последовавших затем переговорах в Париже, где А. Луцкевич, помимо всего прочего, встретился с Э. Бенешем.

Ключевые слова: Томаш Гарриг Масарик; белорусский вопрос; Антон Луцкевич; Первая мировая война.

Т. Г. МАСАРЫК І ЯГО ПОГЛЯД НА БЕЛАРУСКУЮ ПРАБЛЕМУ ПАСЛЯ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

П. КАЛЕТА^{1*, 2*}

^{1*} Універсітэт імя Масарыка, вул. Поржычы, 7, 60300, г. Брно, Чэхія

^{2*} Карлаў універсітэт, пл. Яна Палаха, 2, 11638, г. Прага, Чэхія

Адзначана, што пазіцыя першага прэзідэнта Чэхаславакіі Томаша Гарыга Масарыка па беларускім пытанні адносіцца да тэм, якія мала распрацаваны да гэтага часу. У працах Т. Г. Масарыка прысутнічаюць толькі яго адзінкавыя выказванні пра беларусаў і па беларускім пытанні, больш ясна пункт гледжання ён выразіў у лісце да чэхаславацкага міністра замежных спраў Эдварда Бенеша ад 30 красавіка 1919 г. На падставе даступных дакументаў выяўлена, што, згодна з канцэпцыяй Т. Г. Масарыка, беларусы з'яўляліся састаўной часткай рускага народа (як, напрыклад, і ўкраінцы), аднак падобным чынам ён адносіўся і да славян іншай этнічнай прыналежнасці, напрыклад, казаў пра чэхаславацкі і югаслаўскі народы. Зроблена назіранне, згодна з якім Беларускаю Народную Рэспубліку (БНР) прэзідэнт Чэхаславакіі разглядаў як часовае ўтварэнне, хоць Антона Луцкевіча, прэзідэнта БНР, ён прыняў у Празе ў 1919 г., абмеркаваўшы актуальныя праблемы беларусаў (беларускага руху). А. Луцкевіч, у сваю чаргу, аўдыенцыю ў Т. Г. Масарыка ўспрыняў вельмі пазітыўна, таму што яна азначала падтрымку ў перамовах у Парыжы, дзе А. Луцкевіч сярод іншага сустрэўся з Э. Бенешам.

Ключавыя словы: Томаш Гарыг Масарык; беларускае пытанне; Антон Луцкевіч; Першая сусветная вайна.

Образец цитирования:

Калета П. Т. Г. Масарик и его взгляд на белорусскую проблему после Первой мировой войны. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2018;3:17–22.

For citation:

Kaleta P. T. G. Masaryk and his views on the Belarusian issue after World War I. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2018;3:17–22. Russian.

Автор:

Петр Калета – доктор философии; доцент кафедры истории педагогического факультета¹; доцент кафедры изучения Средней Европы философского факультета².

Author:

Petr Kaleta, doctor of science (philosophy); associate professor at the department of history, faculty of education^a; associate professor at the department of Central European studies, faculty of arts^b.
kaleta@ped.muni.cz

T. G. MASARYK AND HIS VIEWS ON THE BELARUSIAN ISSUE AFTER WORLD WAR I

P. KALETA^{a, b}

^aMasaryk University, 7 Poříčí Street, Brno 60300, Czech Republic

^bCharles University, 2 nám. Jana Palacha, Prague 11638, Czech Republic

Tomáš Garrigue Masaryk's attitude toward the Belarusian question is not a very well-known topic. Masaryk mentioned the Belarusians and the Belarusian question in his work only very rarely, but offered a clearer perspective in a letter to the Czechoslovak Foreign Minister Edvard Beneš from April 30, 1919. Based on the accessible documents, it follows that, in Masaryk's view, the Belarusians were a part of the Russian nation (just like, for example, the Ukrainians). However, he viewed other Slavic ethnicities in a similarly combinatory way, e.g. he talked about the Czechoslovak or the Yugoslav nation. He considered the Belarusian People's Republic to be temporary, even though he received its prime minister, Anton Lutskevich, in Prague in 1919, and discussed the Belarusian issues (and those related to the Belarusian movement) of the time with him. Lutskevich, though, perceived the visit with Masaryk very positively. For him, it meant support during further negotiations in Paris, where he met with E. Beneš, among others.

Key words: Tomáš G. Masaryk; Belarusian question; Anton Lutskevich; World War I.

Введение

Томаш Гарриг Масарик со студенческой скамьи изучал этнические, географические и религиозные проблемы европейского пространства, продолжая исследовать их и в то время, когда уже стал университетским профессором и политиком (рис. 1–3). В отличие от украинцев (по определению Т. Г. Масарика «малороссов»), на которых президент Чехословакии в своих трудах обратил немалое внимание, белорусы и белорусский вопрос рассматриваются в работах весьма кратко. Так, например, в фундаментальной работе Т. Г. Масарика о России «Россия и Европа» (1995–1996), первые два тома которой увидели свет перед Первой мировой войной, о белорусах дается только краткое пояснение: «У белорусов мысли о дифференциации оживают только в самое новейшее время»¹ (здесь и далее перевод наш. – П. К.). К этому автор добавил, что численность белорусов достигает 6 млн человек [1, с. 225]. Сегодня отсутствует достаточное количество материалов о взглядах Т. Г. Масарика на проблематику

белорусского национального движения, из доступной информации можно лишь делать выводы о его позиции по белорусскому вопросу в международно-политическом контексте. До настоящего времени в научной литературе не уделялось большого внимания изучению отношения Т. Г. Масарика к белорусскому вопросу. Однако подробно не только эта проблематика, но и в целом чехословацко-белорусские отношения в период между мировыми войнами исследуются в работе Д. Коленовской, вышедшей в конце 2017 г., *Běloruská emigrace v meziválečném Československu. Studie a dokumenty. Sociopolitický aspekt* («Белорусская эмиграция в межвоенной Чехословакии. Исследования и документы. Социополитический аспект». Прага, 2017) [2].

Цель настоящей статьи – показать позицию первого президента Чехословакии по белорусскому вопросу, используя при этом доступную корреспонденцию, сочинения Т. Г. Масарика и воспоминания приближенных к нему людей.

Белорусская проблема

С приближением окончания Первой мировой войны Т. Г. Масарик, работая над созданием чехословацкого государства, в эмиграции все чаще высказывался о послевоенном устройстве Европы, будущих государствах и этнических проблемах. О белорусах, однако, он не упоминает даже в работе «Новая Европа», которую дописал перед окончанием Первой мировой войны. В труде присутствует только краткая отметка о Беларуси в контексте

рассуждения о немецком плане «Берлин – Багдад»: «Главные политические усилия пангерманисты направляют на Восток – на Россию: Польша с Литвой и балтийские провинции России должны были быть добыты; к этому часто добавляется Белоруссия и Украина. Целиком эта территория (разные политики по-разному определяют ее границы) обозначается как Центральная Европа»² [3, с. 157].

¹«U Bělorusů se ozývají myšlenky diferenciační teprve v nejnovější době» (цитата на языке оригинала).

²«Hlavní politické úsilí pangermanisté věnují Východu – Rusku: Polsko s Litvou a baltické provincie Ruska měly by být dobyty; k tomu se často přibíraly Bělorusko a Ukrajina. Celé toto území (různí politikové jeho rozsah stanovili nestejně) označováno jako centrální Evropa» (цитата на языке оригинала).

Когда Т. Г. Масарик 14 ноября 1918 г. был избран президентом Чехословацкой Республики, его политические контакты в Средней и Восточной Европе продолжали расширяться, а влияние – усиливаться. Он официально и неофициально общался с представителями новых государств, обсуждая эти встречи главным образом с министром иностранных дел Чехословакии Эдвардом Бенешем, который представлял страну на Парижской мирной конференции. Наиболее подробно о белорусском вопросе Т. Г. Масарик высказался в письме Э. Бенешу от 30 апреля 1919 г.: «Дд. [Дорогой друг], был у меня вчера председатель совета министров Белорусской республики [Антон Луцкевич]. Он добивался нашей моральной и, насколько возможно, политической помощи. Они придут к Вам. Изложат Вам дело и дадут меморандум. Эта Белор[усская] республика является плодом русского распада, им бы следовало оставаться русскими и баста! Как украинцы, но Россия распалась, и поэтому на сегодняшний день организация этих окраин лучше, чем распад под моск[овской] неумелой централизацией! Поэтому мы, не пускаясь в филологию и внутреннее администрирование, принимаем *status quo*. С этой точки зрения я их заверил, что будем рады с ними торговать и прочее. Обратим внимание на поляков, которые в нашем нейтралитете увидят умысел против Польши, ибо они хотят овладеть белор[усской] территорией»³ [4, с. 129; 2, с. 118]. Очевидно, что Т. Г. Масарик воспринимал усилия белорусов как центробежные силы внутри русского народа, однако А. Луцкевичу он о том, скорее всего, не сказал⁴.

В свою очередь, М. Луцкевич аудиенцию у Т. Г. Масарика воспринимал иначе и упомянул об этом в некрологе президенту Чехословакии, написанном в 1937 г. [5; 6]. По словам А. Луцкевича, он посетил чехословацкого президента в Праге в апреле 1919 г. по дороге в Париж, их разговор продолжался два часа. По поводу самой встречи президент Белорусской Народной Республики (БНР) отметил: «Масарик принял меня с необыкновенной сердечностью и какой-то своеобразной покоряющей простотой. Входя, я приветствовал его на бе-

Рис. 1. Т. Г. Масарик в Бобруйске в чехословацком запасном батальоне. Бобруйск, 27 июня 1917 г.
Источник: Масариков институт и архив Института истории Академии наук Чешской Республики (MÚA AV ČR, f. ÚTGM I (42/2), sign. 1938)

Fig. 1. T. G. Masaryk in Bobruisk in the Czechoslovak reserve Battalion. Bobruisk, June 27, 1917.
Source: Masaryk Institute and Archives of Czech Academy of Sciences (MÚA AV ČR, f. ÚTGM I (42/2), sign. 1938)

лорусском языке, после чего, однако, стало заметно, что он тяжело постигает смысл моих слов, и я перешел на русский язык, которым Масарик, как известно, владел превосходно. Я намеревался коротко информировать президента о белорусском движении национального возрождения, а затем перейти к политическим вопросам» [5, с. 4]⁵. Также А. Луцкевич отметил, что Т. Г. Масарика не интересовало белорусское движение, о котором он, должно быть, был осведомлен славистом, поэтом и редактором «Славянского обозрения» (*Slovanský přehled*)⁶ Адольфом Черным. Внимание президен-

³«Mpr. [Milý příteli], byl u mne včera ministrpředseda Běloruské republiky [Anton Luckevič]. Ucházejí se o naši mravní a pokud možno i politickou pomoc. Přijdou k Vám. Vyloží Vám věc a dají memoranda. Ta Bělor[uská] republika je ovocem ruského rozkladu; měli by zůstat Rusy a basta! Jak Ukrajinci; ale Rusko se rozpadlo, a proto na čas organisace těchto okrajů je lepší než rozpad pod mosk[evským] neumělým centralismem! Proto my, nepouštějce se do filologie a vnitřní administrace, akceptujeme status quo. Z toho hlediska jsem je ubezpečil, že rádi s nimi budeme obchodovat atd. Pozor ovšem na Poláky, kteří v naší neutralitě uvidí protipolskost, neboť chtějí se zmocnit bělor[uského] území» (цитата на языке оригинала).

⁴О контактах того времени и упомянутых переговорах Масарика с Луцкевичем см.: Kolenovská D., Plavec M. Běloruská emigrace v meziválečném Československu. Studie a dokumenty. Sociopolitický aspekt. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2017. S. 27–29.

⁵«Masaryk przyjął mnie z niezwykłą serdecznością i jakąś osobliwą, ujmującą prostotą. Powitałem go na wstępie po białorusku, poczem widząc, iż z trudnością łączy sens moich słów, przeszedłem na język rosyjski, którym Masaryk, jak było wiadomo, władał doskonale. Zamierzałem pokrótce poinformować prezydenta o białoruskim ruchu odrodzenia naogół i potem przejść do zagadnień politycznych» (цитата на языке оригинала).

⁶О интересе к белорусскому вопросу Адольфа Черны см.: Черны М. Адольф Черный и белорусская литература // Białorusiastyka Białostocka. 2014. Tom 6. S. 51–68; Černý M. Adolf Černý jako první český překladatel novodobé běloruské literatury // Slavia, časopis pro slovanskou filologii 82. 2013, sešit 1–2. S. 11–69.

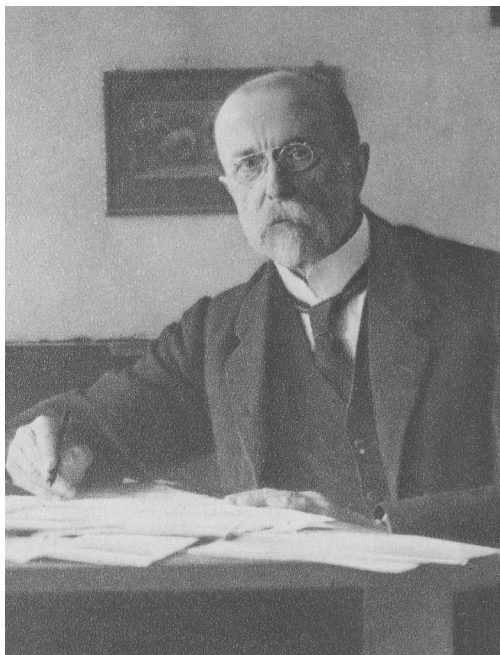

Рис. 2. Профессор Т. Г. Масарик в своем кабинете в Киеве при посещении чехословацкого легиона в России, 1917 г. Открытка выпущена в 1925 г.
Источник: личный архив автора

Fig. 2. Professor T. G. Masaryk in Kiev in his office while visiting the Czechoslovak Legion in Russia, 1917, the postcard was released in 1925.

Source: personal archive of the author

та Чехословакии привлекало то, что происходило на белорусской территории после Великой русской революции.

По словам А. Луцкевича, Т. Г. Масарик с интересом выслушал собеседника и порекомендовал связаться с Э. Бенешем, но ни в коем случае не с К. Крамаржем. Об этом А. Луцкевич в воспоминаниях дополнительно пояснил: «Со свойственной чехам практичностью Масарик сам вызвался оказать делу дипломатическую помощь со стороны чешской миссии. В Париже, он говорил, ныне находится Бенеш, и с ним непременно необходимо установить контакт. Там же есть и наш премьер Крамарж, однако это русофил старых времен, последний из могикиан. С ним о ваших делах говорить неуместно»⁷ [5, с. 4–5]. После приезда в Париж А. Луцкевич встретился с Э. Бенешем, который был хорошо проинформирован президентом и словно готов предоставить А. Луцкевичу всестороннюю дипломатическую помощь.

Некоторые историки утверждают, что в то время Чехословакия признала независимость БНР,

что связано с упомянутой встречей Т. Г. Масарика с А. Луцкевичем. Информация об этом присутствует в воспоминаниях белорусского политика. Однако данный факт до сих пор не подтверждается архивными документами. Было обнаружено только краткое информационное сообщение, посланное весной 1919 г. чехословацкой делегации в Париже, в котором сообщается, что дипломатическая миссия БНР установила торгово-политические связи с Чехословакией, а также, что президент Т. Г. Масарик в самое ближайшее время примет у себя А. Луцкевича [7; с. 83–84]. Впрочем, мало вероятно, что Чехословакия действительно признала Белорусскую Народную Республику, поскольку отношение к представителям ее правительства было, как явствует из доступных источников, скорее, сдержанным. Равным образом представители БНР, которые вынуждены были в ноябре 1923 г. покинуть временную резиденцию правительства в Литве, нашли убежище как раз в Чехословакии, где тем не менее могли действовать только как частные лица [7; с. 85].

Однако А. Луцкевич, который в качестве председателя Совета министров Белорусской Народной Республики представлял свою страну на Парижской мирной конференции, находился в контакте с чехословацким министром иностранных дел (это подтверждается, кроме прочего, и предшествующими словами А. Луцкевича). В переписке с Эдвардом Бенешем⁸ в период с июня по август 1919 г. президент БНР убеждал собеседника разрешить формирование белорусских военных подразделений на территории Чехословакии, чтобы таким образом было поддержано создание западного фронта, воюющего против большевиков [7; с. 83; 8, с. 300]⁹. Чехословакия, которая принимала русских, украинских, белорусских и прочих беженцев в рамках так называемой Русской акции помощи, не стремилась размещать на своей территории какие-либо воинские формирования, что как программное требование провозглашал и Т. Г. Масарик. Чехословацкое государство отдавало приоритет принятию молодых беженцев и предоставлению им необходимого образования в средних и высших учебных заведениях. О территории, населенной белорусами, Т. Г. Масарик высказывался в письме Э. Бенешу, написанному в августе 1919 г., где он кратко обрисовал адресату будущую послевоенную политику Ватикана: «Постоянно ведут пропаганду поляки. Они считают

⁷ «Z właściwą Czechom praktycznością Masaryk sam poruszył sprawę pomocy dyplomatycznej ze strony misji czeskiej. W Paryżu – mówił – przebywa obecnie Benesz, i z nim należy koniecznie nawiązać kontakt. Jest tam, co prawda, i nasz premier Kramarz, lecz to moskalofil starej daty, ostatni z mohikanów. Z nim o waszych sprawach mówić nie warto» (цитата на языке оригинала).

⁸ Переговоры с Масариком и Бенешем подтверждаются и рефератом Луцкевича о международном положении белорусов от 1919 г. См.: *Вялікі А. Ф.* (ред.). Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў. Мінск : Юніпак, 2008. Т. 1. С. 300.

⁹ *Kolenovská D., Plavec M.* Běloruská emigrace v meziválečném Československu. Studie a dokumenty. Sociopolitický aspekt. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2017. S. 119–125.

7/10 поляков добрыми католиками. Поляки должны быть катол[ическим] дозором против России. Поэтому Литва и Белоруссия вместе и кусок Украины должны быть с Польшей. Литва и Белоруссия в качестве федерации. Фох привлечен как католик, но он использует стратег[ические] аргументы. Поляки должны также получить от Антанты и Америки деньги»¹⁰ [4, с. 210].

В начале 1920-х гг. Т. Г. Масарик обстоятельно занимался славянским вопросом в исследовании *The Slavs after the War* [9, с. 2–23]¹¹, опубликованном в 1922 г. В этой работе президент Чехословакии о белорусах пишет только вскользь, но некоторые упоминания все же присутствуют: «Ситуация Украины, Белоруссии и Литвы не является еще окончательной. (Лапландский фрагмент в Скандинавии не делает погоды)»¹² [10, с. 284]. Дважды в своей работе Т. Г. Масарик упомянул о Беларуси в связи с Польшей. Это, например, краткое примечание о неопределенности вопросов о национальных меньшинствах: «Определенные трудности с польскими меньшинствами заключаются также в том, что вопросы, касающиеся Украины, и таковые же относительно Литвы и Белоруссии еще не зафиксированы и не разрешены»¹³ [10, с. 288]. По сравнению с украинским вопросом информации о белорусском вопросе в исследовании очень мало. Из изложения явствует, что Т. Г. Масарик сомневался в том, что белорусы являются самостоятельным народом с самостоятельным языком [10, с. 293]. Это подтверждает также и тот факт, что при исчислении славян, для которого Т. Г. Масарик использовал данные чешского этнографа и слависта Любора Нидерле 1900 г., белорусы и украинцы считались вместе с русскими (94 млн человек) [10, с. 296].

Белорусов (равно как и украинцев) Т. Г. Масарик расценивал, скорее, в качестве составной части русского народа, даже если об этом факте в своих работах президент не высказывается столь откровенно. В том же духе он смотрел и на новое Королевство сербов, хорватов и словенцев, а также на ситуацию в Чехословацкой Республике. Это подтверждается и авторским тезисом из упомянутого трактата: «Чехи и словаки являются одним народом и имеют один язык. Чехи, будучи более свободными, развивали свой язык больше и более

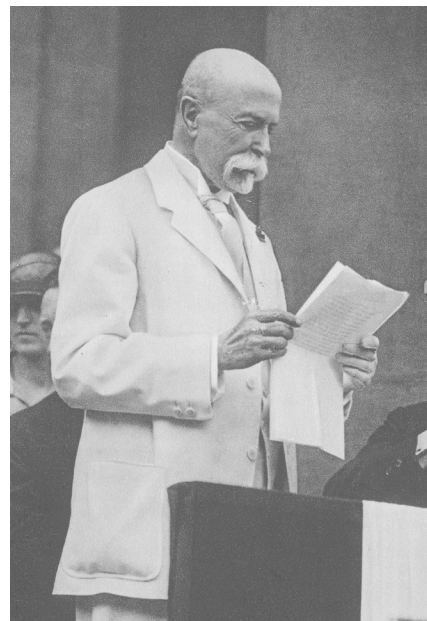

Рис. 3. Т. Г. Масарик на съезде легионеров в Праге в 1928 г. в качестве президента Чехословацкой Республики.

Источник: личный архив автора

Fig. 3. T. G. Masaryk, President of the Czechoslovak Republic, at the Congress of Legionnaires in Prague in 1928.

Source: personal archive of the author

интенсивно, чем словаки. <...> Проблемы языка между чехами и словаками нет и быть не может»¹⁴ [10; с. 285]. О том, что Т. Г. Масарик не отказался от своей концепции и в более позднее время, документально свидетельствует краткий доклад [11], написанный по просьбе британского публициста и историка Роберта Уильяма Сетон-Ватсона, основателя Школы славянских исследований в Лондоне, и адресованный Сетон-Ватсону: «Для Вашей школы славянских исследований речь идет, главным образом, об изучении чехословаков, поляков, югославов, болгар и русских (великороссов и малороссов), но исследование этих народов Вас ведет к тому, чтобы изучать их взаимные политические и вообще культурные отношения и отношения с соседними народами в прошлом и в настоящем»¹⁵ [12, с. 12]. Т. Г. Масарик упоминает чехословаков, югославов и русских, понимая под последними великороссов и малороссов, и полностью забывает о белорусах.

¹⁰ «Stejně fedrují Poláky. Čítají, že 7/10 Poláků jsou dobří katolíci. Poláci mají být katol[ickou] stráží proti Rusku. Proto Litva, Bělorus spolu a kus Ukrajiny mají být s Polskou. Litva, Bělorus federačně. Foch získán jako katolík, ale uplatňuje strateg[ické] důvody. Poláci mají také dostat od Ententy a Ameriky peníze» (цитата на языке оригинала).

¹¹ Чешское издание работ см.: Masaryk T. G. Slované po válce. Praha, 1923.

¹² «Situace Ukrajiny, Běloruska i Litvy není ještě definitivní. (Fragment lapský v Skandinávii nepadá na váhu)» (цитата на языке оригинала).

¹³ «Jisté obtíže s polskými minoritami záleží také v tom, že otázky Ukrajiny a podobně Litvy a Běloruska nejsou ještě ustáleny a rozřešeny» (цитата на языке оригинала).

¹⁴ «Češi a Slováci jsou jeden národ a mají jeden jazyk. Češi, byvše svobodnější, vyvíjeli svůj jazyk více, více a intenzivněji než Slováci. <...> Jazykové otázky mezi Čechy a Slováky není a být nemůže» (цитата на языке оригинала).

¹⁵ «Vaší škole slovanských studií jde ovšem hlavně o studium Čechoslováků, Poláků, Jihoslovánů, Bulharů a Rusů (Velkorosů a Malorosů), ale studium těchto národů Vás vede k tomu, abyste prozkoumal jejich vzájemný politický a vůbec kulturní poměr, i jejich poměr k sousedním národům v minulosti i přítomnosti» (цитата на языке оригинала).

Выводы

Как было сказано в начале настоящей работы, до наших дней дошло малое число данных о белорусах и об отношении Т. Г. Масарика к белорусскому вопросу. Из коротких замечаний и личной корреспонденции чехословацкого президента можно сделать однозначный вывод о том, что Т. Г. Масарик не придавал белорусской государственности после Первой мировой войны большого значения, хотя в воспоминаниях А. Луцкевича о встрече с Т. Г. Масариком заметны вдохновение и надежда, которую белорус возлагал на президента Чехословакии. Белорусскую Народную Республику Т. Г. Масарик считал временным образованием, которое может ослабить польские амбиции в центрально-восточной Европе. Приоритетом для Т. Г. Масарика была мобилизация русских демократических сил

и прежде всего поражение большевистской России. Сам Т. Г. Масарик в рамках Русской акции помощи активно поддерживал прием русских беженцев, среди которых кроме этнических русских были также и украинцы, белорусы, казаки, калмыки и представители многих других этнических групп и религиозных общин. Белорусы в концепции Т. Г. Масарика являлись составной частью русского народа (равно как и, например, украинцы), точно также он воспринимал и представителей чехословацкого или югославского народов. Этой концепции, поддерживающей существование больших славянских народов, сложенных из нескольких меньших этносов, Т. Г. Масарик неизменно придерживался и после окончания Первой мировой войны.

Библиографические ссылки

1. Masaryk TG. *Rusko a Evropa. I. Studie o duchovních proudech Ruska. Díl I. a díl II. Část 1.* Praha: Ústav T. G. Masaryka; 1995.
2. Kolenovská D, Plavec M. *Běloruská emigrace v meziválečném Československu. Studie a dokumenty. Sociopolitický aspekt.* Praha: Nakladatelství Karolinum; 2017.
3. Masaryk TG. *Nová Evropa. Stanovisko slovanské.* Praha: Ústav T. G. Masaryka; 2016.
4. Hájková D, Quagliatová V, Vašek R, editors. *Korespondence T. G. Masaryk E. Beneš. 1918–1937.* Praha: Masarykův ústav a Archiv AV ČR; 2013.
5. Łuckiewicz A. Wspomnienie o Prezydencie Masaryku. *Przegląd Wileński.* 1937;7:2–5.
6. Луцкевіч А. Успаміны аб прэзыдэнту Масарыку. В: *ARCHE Пачатак.* 2003;4(27):213–216.
7. Kolenovská D. Běloruská emigrace v Československu (1918–1938). *Soudobé dějiny* 14. 2007;1:78–105.
8. Вялікі АФ, составитель. *Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў. Том 1.* Мінск: Юніпак; 2008.
9. Masaryk TG. The Slavs after the War. *The Slavonic Review* 1. 1922;1:2–23.
10. Masaryk TG. Slované po válce. V: *Cesta demokracie. II.* Praha: Ústav T. G. Masaryka; 2007. c. 283–299.
11. A Message from prezident Masaryk. *The Slavonic Review* 7. 1929;20:241–244.
12. Masaryk TG. Článek pro The Slavonic Review. V: *Cesta demokracie. IV.* Praha: Ústav T. G. Masaryka; 1997:11–13.

References

1. Masaryk TG. *Rusko a Evropa. I. Studie o duchovních proudech Ruska. Díl I. a díl II. Část 1.* Praha: Ústav T. G. Masaryka; 1995. Czech.
2. Kolenovská D, Plavec M. *Běloruská emigrace v meziválečném Československu. Studie a dokumenty. Sociopolitický aspekt.* Praha: Nakladatelství Karolinum; 2017. Czech.
3. Masaryk TG. *Nová Evropa. Stanovisko slovanské.* Praha: Ústav T. G. Masaryka; 2016. Czech.
4. Hájková D, Quagliatová V, Vašek R, editors. *Korespondence T. G. Masaryk E. Beneš. 1918–1937.* Praha: Masarykův ústav a Archiv AV ČR; 2013. Czech.
5. Łuckiewicz A. Wspomnienie o Prezydencie Masaryku. *Przegląd Wileński.* 1937;7:2–5. Polish.
6. Lutskevich A. Memories of President Masaryk. *ARCHE Home.* 2003;4(27):213–216. Belarussian.
7. Kolenovská D. Běloruská emigrace v Československu (1918–1938). *Soudobé dějiny* 14. 2007;1:78–105. Czech.
8. Vijaliki AF, compiler. *Belarus' u palitycy susednih i zahodnih dzjarzhaw (1914–1991 gg.): zbornik dokumentaw i matjeryjalaw. Tom 1* [Belarus in the policy of neighboring and western countries (1914–1991): collection of documents and materials. Volume 1]. Minsk: Unipack; 2008. Belarussian.
9. Masaryk TG. The Slavs after the War. *The Slavonic Review* 1. 1922;1:2–23.
10. Masaryk TG. Slované po válce. V: *Cesta demokracie. II.* Praha: Ústav T. G. Masaryka; 2007. s. 283–299. Czech.
11. A Message from prezident Masaryk. *The Slavonic Review* 7. 1929;20:241–244.
12. Masaryk T. G. Článek pro The Slavonic Review. V: *Cesta demokracie. IV.* Praha: Ústav T. G. Masaryka; 1997:11–13. Czech.

Статья поступила в редколлегию 12.04.2018.
Received by editorial board 12.04.2018.

УДК 94:323.1(470.13)«1914/1918»

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В КОМИ КРАЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И. Л. ЖЕРЕБЦОВ¹⁾, М. В. ТАСКАЕВ¹⁾

¹⁾Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН,
ул. Коммунистическая, 26, 167982, г. Сыктывкар, Россия

Рассмотрены основные черты национального движения в Коми крае в годы Первой мировой войны. Освещена общественно-политическая ситуация в Коми крае накануне Первой мировой войны. Отмечено, что Первая мировая война стала импульсом к возникновению и развитию национального движения в Коми крае. Показано, как сформировалась и действовала первая коми политическая организация. Выявлено, когда были высказаны первые идеи о создании Республики Коми. Установлено, что импульсы, полученные в годы войны национальным движением коми, первоначально удалось реализовать лишь в сферах образования и культуры.

Ключевые слова: Первая мировая война; Коми край; национальное движение; политические партии; автономия; Дмитрий Попов.

НАЦЫЯНАЛЬНЫ РУХ У КОМІ КРАІ Ў ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

І. Л. ЖАРАБЦОЎ^{1*}, М. У. ТАСКАЕЎ^{1*}

^{1*}Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтру Уральскага аддзялення РАН,
вул. Камуністычная, 26, 167982, г. Сыктывкар, Расія

Разгледжаны асноўныя рысы нацыянальнага руху ў Комі краі ў гады Першай сусветнай вайны. Асветлена грамадска-палітычная сітуацыя ў Комі краі напярэдадні Першай сусветнай вайны. Адзначана, што Першая сусветная вайна стала імпульсам да ўзнікнення і развіцця нацыянальнага руху ў Комі краі. Паказана, як сфарміравалася і дзейнічала першая коми палітычная арганізацыя. Выяўлена, калі былі выказаны першыя ідэі пра стварэнне Рэспублікі Комі. Вызначана, што імпульсы, атрыманыя ў гады вайны нацыянальным рухам комі, першапачаткова ўдалося рэалізаваць толькі ў сферах адукацыі і культуры.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна; Комі край; нацыянальны рух; палітычныя партыі; аўтаномія; Дзмітрый Папоў.

Образец цитирования:

Жеребцов ИЛ, Таскаев МВ. Национальное движение в Коми крае в годы Первой мировой войны. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;3:23–30.

For citation:

Zherebtsov IL, Taskaev MV. The national movement in the Komi region in the years of the First World War. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;3:23–30. Russian.

Авторы:

Игорь Любомирович Жеребцов – доктор исторических наук; директор.

Михаил Владимирович Таскаев – кандидат исторических наук; заведующий отделом истории и этнографии.

Authors:

Igor L. Zherebtsov, doctor of science (history); director. zherebtsov.hist@mail.komisc.ru

Michail V. Taskaev, PhD (history); chief of the department of history and ethnology. mtaskaev@mail.ru

THE NATIONAL MOVEMENT IN THE KOMI REGION IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR

I. L. ZHEREBTSOV^a, M. V. TASKAEV^a

^a*Institute of Languages, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch Russian Academy of Sciences,
26 Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar 167982, Russia*

Corresponding author: I. L. Zhrebtsov (zhrebtsov.hist@mail.komisc.ru)

The article describes the main features of the national movement in the Komi region in the years of the First World War. We investigated the socio-political situation in the Komi region on the eve of the First World War. Noted that the First World War was the impetus for the emergence and development of the Komi national movement. Shows how formed and operated the first political organization. Revealed when first ideas had been expressed about the creation of the Komi Republic. Found that the pulses received during the war years Komi national movement, initially managed to realize only in education and culture.

Key words: First World War; the Komi region; national movement; political parties; autonomy; Dmitrij Popov.

Расположенная на крайнем северо-востоке Европы обширная территория (около 400 тыс. км²), населенная коми народом (Коми край), в период Первой мировой войны входила в основном в состав Усть-Сысольского и Яренского уездов Вологодской губернии, Печорского уезда Архангельской губернии, а также частично Орловского уезда Вятской губернии. Накануне Великой российской революции 1917 г. в Коми крае проживало примерно 214 тыс. человек, из них около 21 тыс. по национальности русские, почти все остальные – коми¹. В Усть-Сысольском уезде коми составляли около 90 % населения, в Яренском и Печорском – более 60 % [1, с. 20–23]. В крае имелся всего один город, Усть-Сысольск, и четыре небольших заводских поселка. Абсолютное большинство населения (93 %) составляли православные государственные крестьяне. Земские органы местного самоуправления также считались крестьянскими, в составе земских управ крестьяне составляли 75 %. Центром региональной политической культуры была церковь (волостной приход) [1, с. 20, 25–26; 2, с. 204].

Коми национальное движение в регионе до Первой мировой войны отсутствовало, что было в немалой степени связано с состоянием местных культуры и образования. В уездах не издавались ни местные журналы, ни газеты (ни на коми, ни на русском языках). Первая продукция местной типографии (в Усть-Сысольске) на коми языке появилась лишь в 1913–1914 гг. Слабые попытки внедрения коми языка в школьное преподавание, предпринятые в самом начале XX в., были пресечены властями. Только в 1913 г. имперское правительство разрешило преподавание предметов на родном языке в первых двух классах начальных школ, однако это новшество не успели внедрить [3, с. 181–209]. Светское среднее и тем более высшее образование можно было получить только за пределами Коми края (что и сделали такие яркие местные представители

науки и культуры, как Питирим Сорокин и Каллистрат Жаков) [4].

Вместе с тем необходимо отметить, что в регионе к началу Первой мировой войны сложилась разветвленная сеть начальных школ, имелось свыше 100 народных библиотек, народные дома (клубы), в уездных центрах появился кинематограф, что положительно влияло на уровень культуры и образования местного населения. В 1916 г. открылась Усть-Сысольская учительская семинария – светское среднее специальное учебное заведение, где готовили преподавательские кадры. В целом в первые полтора десятилетия XX в. был достигнут достаточно высокий уровень адаптации коми крестьянского общества к модернизационным процессам, происходившим в Российской империи (особенно в сфере образования), и это стало отправным пунктом дальнейшего развития коми национальной, в том числе и политической, культуры [5, с. 30–31, 53].

Особенность политизации и партийности масс в Коми крае состояла в том, что официальная политическая культура замыкалась в системе земских выборов. В регионе фактически отсутствовали какие-либо общественно-политические организации, не выдвигались национальные идеи и проекты. Профсоюзы были под запретом, отсутствовали яркие коми крестьянские лидеры (такие, каким в середине XIX в. был Д. И. Балин – безусловный авторитет в крестьянском общественном движении, организатор нескольких экономических протестов коми крестьянства). Ситуация стала меняться под влиянием политических ссыльных из центральных губерний России, которые настраивали против власти местное крестьянское общество, вели революционную пропаганду и создавали первые нелегальные политические организации, в которые вовлекались коми крестьяне, рабочие, служащие и даже представители православного церковного причта, проходившие таким образом начальную

¹Коми – это самоназвание народа, в официальных документах Российской империи их именовали «зыряне».

школу политической культуры. Наибольшее влияние на формирование политической культуры в целом и представлений жителей Коми края о политических партиях и их идеологии в частности имели эсеры и кадеты, причем если первые были ориентированы исключительно на социальную (сословную) составляющую местного населения (крестьянское большинство), то вторые учитывали и национальную (этнолингвистическую) специфику региона [6].

Усиление революционной пропаганды приводило к изменению комплекса представлений коми крестьянства о мире политики, государства и власти, законах и правилах их функционирования. Один из ярких представителей местной интеллигенции того времени А. А. Цембер отметил, например, что работники Нювчимского завода и крестьяне близлежащих волостей, среди которых распространялась листовка «От зырян – к зырянам», первое время не хотели и слушать ссыльных революционеров, «говоря: “Вас без царей нужно бросить в горн”. Потом привыкли... и заинтересовались, стали читать брошюры»². Однако в целом политизация населения шла медленно. Отсутствие лидеров и средств массовой информации, малочисленность интеллигенции, весьма настороженное (если не боязненное) отношение многих ее представителей к общественно-политической деятельности не позволяли вынести в спектр политической культуры края проблемы автономии коми и национальной государственности.

Толчком к возникновению и развитию коми национального движения стала Первая мировая война. Выступая высшей фазой социального конфликта, она, что парадоксально, имеет как негативные, так и позитивные последствия. Негативные очевидны, это смерть, голод, лишения, эпидемии, хаос, т. е. все то, что присуще гуманитарной катастрофе. Однако имелись и позитивные тенденции. Солдаты из Коми края в годы Первой мировой войны, образно говоря, увидели мир: от Западной (например, в составе русского экспедиционного корпуса во Франции) и Восточной Европы до Малой Азии и Дальнего Востока. Выходцы из Коми края, оторванные от малой родины – своей этнической территории, со временем осознавали себя не просто жителями того или иного уезда, принадлежавшими к тому или иному сословию, а представителями определенного народа, носителями собственного языка и культурно-бытовых традиций. В армейских частях возникали национальные землячества. Так, в 202-м запасном пехотном полку сложилось коми землячество, состоящее из 40 человек.

На фронте шел непрерывный обмен социально-политической информацией между солдатами, происходила их постепенная политизация. Этот

процесс набирал обороты по мере нарастания негативных тенденций на фронте и в тылу, особенно он усилился в революционном 1917 г. В результате некоторые созданные коми землячества начали вести политическую деятельность.

Участники собрания коми солдат Петроградского гарнизона 8 апреля 1917 г., подчеркивая, что они выступают «как представители отдельной народности России – зырян, в полном сознании ответственности перед родиной и историей» [7, с. 92], одними из первых поставили и обсудили возможность образования автономии Коми края (в том числе, видимо, выдвигалась и идея полной автономии, т. е. фактического обособления, отделения от России). По словам участника собрания, члена Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, видного коми политика А. М. Мартюшева, «мы... работали над этим вопросом и, обсудив всесторонне, отвергли целесообразность сепаратных идей среди зырян» [8, с. 21]. В принятой на собрании резолюции говорилось, что «широкое использование природных богатств края возможно лишь с помощью русской промышленности и техники» [7, с. 92].

На том же собрании был поставлен вопрос и о переходе власти в Коми (Зырянском) крае от «пришлых» (русских) чиновников к представителям местного коми населения. Озвучивались следующие взгляды: «Местная власть в Зырянском крае ныне находится в руках пришлых и ничего общего с интересами местного населения не имеющих чиновников, назначенных еще старым правительством» [7, с. 92]; «Мы, революционные солдаты, являющиеся... представителями почти всех волостей края, находим необходимым настойчиво рекомендовать своим односельчанам немедленно приступить к созданию крепкой, сплоченной крестьянской организации в уезде» [7, с. 92]. А. М. Мартюшев обратился к землякам с призывом: «Идет организация страны до созыва Учредительного собрания, которое должно дать нам землю и волю, установить порядок управления страной... Призываю вас, граждане зыряне, к участию в строительстве новой России. Организуйтесь! Создавайте местные организации для устройства своей жизни на новых началах свободы, равенства и братства» [1, с. 176–226; 8, с. 21].

Возвращаясь в Коми край, демобилизованные фронтовики активно включались в политический процесс. В марте 1917 г. в уездных центрах региона (Усть-Сысольск, Яренск, Усть-Цильма) возникли Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, сыгравшие заметную политическую роль на местах. Солдатский контингент был первым, требовавшим кардинальных перемен в политической и общественной жизни глубокой российской провинции, какой являлся Коми край.

²Национальный архив Республики Коми. Ф. 963. Оп. 1. Д. 17. Л. 142.

В регионе появлялись новые общественные и политические организации. Одно из первых политических объединений – образованная в Усть-Сысольске 30 апреля 1917 г. «Партия обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда» (далее – «Партия обновления»). Она являлась весьма своеобразным политическим симбиозом людей с эсеровскими, кадетскими и социал-демократическими убеждениями. Инициатором ее создания выступила группа местных коми интеллигентов (в основном земские служащие, учителя, медицинские работники, всего около 30 человек) во главе с имевшими уже опыт партийной деятельности в предвоенный период В. Ф. Поповым, А. Н. Вешняковым и упоминавшимся выше А. М. Мартюшевым. А. Н. Вешняков и В. Ф. Попов входили в первый состав новых («послефевральских») уездных органов власти («временных комитетов»), но после перевыборов лишились мест в них и занялись партийным строительством в регионе. В. Ф. Попов стал председателем партии, А. Н. Вешняков – казначеем, А. М. Мартюшев – членом исполнительного комитета.

Выступала «Партия обновления» за «пробуждение трудового населения Усть-Сысольского уезда к сознательной общественно-политической жизни и активное его участие в местных органах самоуправления», дабы «взять на себя руководящую роль и господствующее положение во всех организациях и учреждениях», вести «подготовку населения к предстоящему Учредительному собранию и пропаганду среди него чисто демократических идей»³. Важное место отводилось культурно-просветительской и образовательной деятельности, реформированию школы с учетом гуманитарных потребностей местного коми населения: «необходимо полное обновление школы (изменение программ преподавания в направлении демократизации науки), введение гуманитарных наук»⁴.

Разнообразие и даже противоречивость политических взглядов организаторов быстро привела к тому, что партия трансформировалась в «общество»: по мнению ряда «обновленцев», в числе которых товарищ (заместитель), председателя партии В. М. Чуистов и другие, «всякая партия должна иметь строго научное, теоретическое обоснование, каковое не дали инициаторы» [8, с. 21–23]. В итоге 4 мая 1917 г. прошло собрание уже не партии, а «Общества обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда» (далее – «Общество обновления»), как в дальнейшем стало называться это первое коми политическое объединение, что и было зафиксировано в его уставе.

Несмотря на значительное количество интеллигенции в составе и особенно руководстве «Общества обновления», крестьянское население региона считало это объединение своей местной крестьянской партией. Во многом этому способствовало решение «обновленцев» о проведении первого в истории Усть-Сысольского уезда съезда Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Отделения «обновленцев» появились в ряде крупных волостей уезда.

Росту авторитета «Общества обновления» и численности его рядов способствовало издание им первой в истории европейского Северо-Востока газеты «Известия Общества обновления местной жизни крестьянского и трудового населения Усть-Сысольского уезда» (председатель редколлегии В. Ф. Попов). Газета вышла всего три раза (18 мая, 7 июня и 14 июля 1917 г.), но ее появление вызвало самый широкий общественный резонанс. На местах все крестьяне давали деньги на «свою газету», выписывали ее в самых отдаленных уголках Усть-Сысольского уезда. На страницах газеты руководители «обновленцев» объявили леса коми национальным достоянием.

Огромный интерес жителей вызвало адресованное им воззвание «Общества обновления» на коми языке «Коми йӧз!» (рус. – «Коми люди!» или «Коми народ!»). Текст одного из первых в истории края политических документов на коми языке составила М. Д. Кузьбожева. Воззвание было отпечатано и получило широкое распространение. В нем, в частности, говорилось о необходимости выборов в Учредительное собрание только «достоинейших» лиц и ни в коем случае не представителей старой администрации (охарактеризованных в воззвании как «югид кизя», что в переводе с коми – люди «с блестящими пуговицами», «в мундирах»), которые уже дискредитировали себя в глазах коми народа. Отметим, что выпуск воззвания «Коми йӧз!» послужил основой для советских исследователей истории Коми края в течение нескольких десятилетий характеризовать «Общество обновления» как «коми националистическую буржуазную организацию» [8, с. 22–23], с чем вряд ли можно согласиться хотя бы потому, что «обновленцы» направили свои основные усилия на политизацию масс и избирательную кампанию в Учредительное собрание, не выдвигая каких-либо специальных лозунгов о национально-культурной самобытности местного населения, создании коми автономии, противопоставлении коми и русских и т. п.

В то же время сам факт основания организации и наличие в ее составе многих будущих активистов коми национального движения, сыгравших позднее значительную роль в становлении коми на-

³Национальный архив Республики Коми. Ф. 844. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁴Там же. Л. 13.

циональной государственности, говорит о политическом пробуждении коми интеллигенции и коми народа, о зарождении новой национальной политической культуры.

После проведения в Усть-Сысольске в августе 1917 г. уездного съезда Советов крестьянских депутатов, на котором были выдвинуты кандидаты в депутаты Учредительного собрания от Усть-Сысольского уезда, «Общество обновления» фактически прекратило свою работу. Его последнее общее собрание состоялось 15 октября 1917 г., на котором было принято решение о прекращении деятельности объединения. «Обновленческий» политический конгломерат распался, участники первой коми политической организации разошлись по возникшим в Усть-Сысольском уезде ячейкам различных партий.

К тому времени лидеры «обновленцев» заняли видное положение в системе местной политической власти, войдя в состав практически всех городских и уездных общественных и государственных структур (в их числе Усть-Сысольский уездный временный комитет и Усть-Сысольский продовольственный комитет, Комиссия по организации волостных земств при Усть-Сысольской земской управе и др.). Летом 1917 г. (в период так называемого наступления Керенского на фронте) состоялись демократические выборы в Усть-Сысольскую городскую думу, которая впервые в истории Коми края получила национальное название «Зырянская». Данный эпитет весьма показателен. Для умонастроений передовой части коми населения того времени характерны слова писателя В. Т. Чисталева, написанные в апреле 1917 г.: «Теперь имеем полное право называться зырянами, а край наш Зыряндией... Отныне будет свобода всем народам, живущим в России... Будем свободно говорить, писать и печатать по-своему, не боясь и не стесняясь...» [8, с. 28]. Усть-сысольские политики (в частности гласные городской думы и ее председатель В. Ф. Попов) видели себя не просто представителями городской власти, но и подчеркивали национальный характер органа, представлявшего в известном смысле интересы коми народа или хотя бы коми населения, обитавшего в центре коми земли – в единственном в крае городе Усть-Сысольске. Неофициальный титул столицы Зырянского края прочно закрепился за Усть-Сысольском еще перед Первой мировой войной. Характерно, например, сообщение одной из вологодских газет о мероприятиях по случаю 300-летия дома Романовых в 1913 г.: «Юбилейные торжества... в столице Зыряннии прошли очень шумно» [9, с. 43].

Во время избирательной кампании в Учредительное собрание с мест выдвигались пожелания выделить для коми депутатов от Усть-Сысольского и Яренского уездов национальную квоту в российском парламенте, но дальше пожеланий дело

не продвинулось. Депутатом Учредительного собрания от коми уездов Вологодской губернии стал П. А. Сорокин – известный ученый-социолог, коми (по матери). Активнейшим образом во время выборов в Учредительное собрание проявил себя будущий «отец Коми автономии» Д. А. Батиев, который вел политическую агитацию на коми языке [7, с. 49–50; 9, с. 64–67].

Постепенно идеи создания Коми автономии все с большей силой овладевали идеями местных политиков. Коми землячество 11-го Псковского полка выпустило в ноябре – декабре 1917 г. воззвание с призывом образовать Зырянскую республику – первый в истории политический документ о создании коми государственности: «Граждане зыряне! Пришло и нам время поработать. Ведь и мы имеем право на самоуправление. Ведь и в нас еще горит чувство национального самолюбия. Неужели мы не пошевелим пальцем для восстановления своих национальных прав? Неужели предоставим свободно исчезнуть свою бывшую когда-то вольную нацию, чтобы она вымерла и пропала без следа? Вспомним наших отцов и дедов, вольных сынов далекого севера, любивших свободу и дороживших ею, гулявших по многоводным рекам: Вычегде, Сыsole, Вишере, гордясь своей вольностью. Возьмемся же дружно за работу, за восстановление своих национальных прав, за право на самоопределение, за автономную зырянскую республику. Да здравствует автономная зырянская республика!» [10, с. 20].

В завершающие месяцы участия России в Первой мировой войне в Коми крае состоялись политические форумы с национальными идеями, появилась коми национальная политическая партия. В январе 1918 г. прошел учредительный съезд Усть-Сысольского уездного Совета с доминирующим участием фронтовиков, на котором была провозглашена советская власть, а видный коми политик, депутат IV Государственной думы священник отец Дмитрий (Д. Я. Попов) впервые озвучил тезисы о коми региональной государственности: «Нам, зырянам, имеющим особые условия быта, мировоззрения и языка, надо стремиться к этому, не считаясь с требованиями и интересами других. Край наш... имеет полное право на самостоятельное существование, обладая громадностью территории, национальными богатствами и даже выходом в море <...> Мы должны... заявить о самостоятельности края. В будущем у нас должен быть собственный маленький парламент, устроенный по типу, принятому в Американских Соединенных Штатах» [8, с. 43–45; 10, с. 22–23].

На заседаниях Усть-Сысольского уездного совета в январе 1918 г. Д. Я. Попов развил мысль о «чрезвычайной важности автономии для нашего края». Он заявил: «Мы установим автономию на совершенно свободных, бытовых началах в поряд-

ке внутреннего управления, не затрагивая вопроса о чеканке монеты, почте и телеграфе» [11, с. 11–12]. В то же время Д. Я. Попов считал, что новой власти в Коми крае «надо придать и функции законодательной: проводить в жизнь пригодные для нас декреты и обязательные постановления... Если мы увидим, что распоряжения высшей власти правильны, то согласимся, если не правильны – не согласимся. Наша организация беспартийная, значит, она будет рассматривать распоряжения центральной власти с точки зрения полезности для края, а не партийности. Поставим нашу власть в подчиненное положение постольку, поскольку это полезно для края, не умаляя значения ее верховности» [11, с. 11–12]. Выступления Д. Я. Попова содержали в себе программу по созданию автономной Коми Республики в составе России – первую программу национально-государственного строительства на Европейском Северо-Востоке. В современной историографии Д. Я. Попов считается «духовным отцом Коми автономии».

Под влиянием идей Д. Я. Попова в феврале 1918 г. в с. Помоздино Усть-Сысольского уезда по инициативе местного судьи, поэта, участника военных действий на Кавказском и Юго-Западном фронтах и будущего большевистского деятеля А. А. Маегова образовалась коми национальная организация «Коми автономист-социалист чукор» («Группа коми автономистов-социалистов»). А. А. Маегов рассчитывал, что это будет политическая партия, борющаяся за образование национальной автономной Зырянской республики. Однако его детище особой известности не получило. В газете «Северодвинский край» 14 февраля 1918 г. появилась статья «Зырянская автономия», где говорилось о надежде положить «основание если не зырянской республике, то во всяком случае созданию автономного зырянского штата какой-нибудь северо-восточной федеративной республики» [8, с. 47].

В Бресте 3 марта 1918 г. был подписан мирный договор Советской России со странами германского блока (ратифицированный 4-м Всероссийским съездом советов, состоявшимся 14–16 марта 1918 г.). В Усть-Сысольске день прекращения участия России в Первой мировой войне ознаменовался тем, что пропагандист идей коми автономии Д. Я. Попов возглавил городскую манифестацию под красным флагом «Да здравствует Интернационал!» В результате Вологодская духовная консистория получила из Усть-Сысольска жалобу: «В городе идет неопишуемая смута, возникновение которой местная интеллигенция приписывает священнику Дмитрию Попову» [11, с. 12]. В конечном итоге консистория лишила Д. Я. Попова сана священнослужителя, что, впрочем, не помешало ему продолжить вести свою политическую деятельность, связанную в том числе и с идеями автономизации региона.

Пока Первая мировая война близилась к завершению, а гражданская война в России – к началу, на заседаниях Усть-Сысольского уездного совета и его исполнительного комитета шли дискуссии об автономии для коми народа. Раздавались голоса как за возможность получить более полную и широкую автономию, так и против такой возможности. Один из бывших «обновленцев» А. А. Чеусов (также отслуживший в армии во время войны), организовав 5 марта 1918 г. в с. Вильгорт «Общество обновления жизни коми», выступал за «создание великого будущего народа коми и сохранение неприкосновенности зырянской территории» [7, с. 14]. Позиция председателя совета А. М. Мартюшева была одной из наиболее взвешенных и реалистичных, на I уездном съезде Советов в конце марта – начале апреля 1918 г. он отмечал: «Полная автономия зырянам непосильна. Мы не сможем содержать сами милицию, дороги, народное просвещение, медицину и пр. Своих средств у нас на это не хватит, и мы будем вынуждены обратиться к Российской республике за помощью, тогда наша автономия будет только на бумаге» [7, с. 87].

В с. Помоздино по инициативе Н. А. Шахова и И. Т. Чисталева в июне 1918 г. была воссоздана организация «Коми автономист чукор» («Партия коми автономистов»), представленная на II Усть-Сысольском уездном съезде Советов как коми национальная партия. Д. Я. Попов являлся своеобразным «духовным отцом» коми автономистов, ибо их партийные цели совпадали с его проектом автономизации Коми края. «Партия коми автономистов» существовала недолго, правда, за короткий срок она успела выпустить несколько громогласных воззваний, в том числе и одно антирусское, обвиняющее русских в эксплуатации коми народа. Д. Я. Попов, впрочем, покинул ряды этой партии в июле 1918 г. (примерно тогда, когда в войну против стран германского блока наконец-то вступили последние участники Первой Мировой войны – Гаити и Гондурас).

В Яренске 22 июня 1918 г. была создана организация, одной из главных целей которой было «образование особой административной зырянской единицы» [9, с. 120] – общество «Коми котыр» («Союз содействия материальному и духовному развитию Зырянского края»). В число его организаторов и лидеров входили Д. А. Батиев, ставшие впоследствии видными коми учеными-гуманитариями А. С. Сидоров, В. А. Молодцов, В. И. Лыткин (последние двое также успели отслужить в армии). По словам Д. А. Батиева, «общество “Коми котыр” фактически было детищем Сорокина. Последний составил и программу этого общества» [9, с. 120]. Отметим, что П. А. Сорокин считал необходимым осуществить автономию национальностей в пределах России, отмечая при этом, что «народности культурные, достаточно многочисленные...должны

получить... более полную автономию <...> малочисленные, неразвитые народы... начав с более ограниченных форм автономии, по мере культурного и политического созревания, будут расширять свои автономные права до тех пор, пока не установят их в полном объеме» [12, с. 20]. Создатели общества «Коми котыр» предполагали также организацию научных экспедиций, создание библиотек и выставок, проведение экскурсий, лекций и т. п.

Следует подчеркнуть, что если государственно-политическая составляющая национальной программы коми политиков и общественных деятелей не получила в то время особого развития, то культурно-просветительские и образовательные проекты, связанные с расширением социальных функций коми языка и повышением его значения и престижа в обществе, напротив, развивались весьма бурно. На серии педагогических совещаний (съездов) в мае-сентябре 1918 г. учителям был представлен разработанный В. А. Молодцовым оригинальный коми алфавит, принято решение о введении преподавания в сельских школах на коми языке, об «изучении зырянского языка во всех средних учебных заведениях города Усть-Сысольска и уезда в качестве необязательного предмета, а в учительской семинарии в качестве обязательного» [13, с. 91], о создании коми художественной литературы и литературного языка. Было создано первое национальное литературное общество «Асья кыа» (в оргкомитет вошли Д. Я. Попов, А. А. Маегов и др.), состоялись первые в Коми крае театральные представления на зырянском языке, в издававшейся с 10 июня 1918 г. газете «Зырянская жизнь» стали печатать материалы на коми языке.

В сентябре 1918 г. Усть-Сысольский уездный исполнительный комитет по инициированному, вероятно, Д. Я. Поповым предложению уездного отдела народного образования обратился к Народному комиссариату по делам национальностей с ходатайством о принятии представителя от зырян Яренского и Усть-Сысольского уездов для организации при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР зырянского отдела, который занялся бы культурно-просветительской деятельностью среди коми народа и работой по подготовке к созданию коми автономии (как раз в это время английские и арабские войска разгромили турецкую армию, после чего Советская Россия отказалась выполнять условия Брестского мира в части, касающейся Турции; разгром турок на Ближнем Вос-

токе, впрочем, не помешал им через полтора месяца оккупировать российский Дагестан). Решение об учреждении Зырянского отдела коллегия Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР приняла 25 ноября 1918 г., т. е. уже после того, как 11 ноября 1918 г. перемирие стран Антанты с Германией вступило в силу, а Всероссийский центральный исполнительный комитет декретом 13 ноября того же года аннулировал Брестский мир. В науке с позиций европоцентризма укоренилось мнение о том, что именно 11 ноября 1918 г. Первая мировая война закончилась, хотя Китай прекратил войну с Германией только осенью следующего года (15 сентября 1919 г.), а Латвия и вовсе 28 ноября 1919 г. объявила войну Германии (состояние войны, впрочем, продолжалось недолго).

Подводя итоги, можно сказать, что Первая мировая война выступила своеобразным катализатором идей коми национальной государственности, расширила горизонты культурного мировоззрения коми крестьянства, сыграла свою роль при генерации новой политической культуры XX в. Импульсы, полученные в эти годы коми национальным движением, в первое время после мировой войны удалось реализовать лишь частично (в сфере образования и культуры). События гражданской войны, оказавшие на Коми край еще более разрушительное влияние, чем предшествовавшая мировая война [14], не дали возможность реализовать идеи создания Коми автономии. Зырянский отдел прекратил работу, в сущности, не начав ее. Только в конце 1920 г., когда политическая обстановка в России стала постепенно стабилизироваться, идеи Д. Я. Попова и других деятелей коми движения о «Зырянской республике», выработанные в годы Первой мировой войны, были реализованы (хотя и не в полной мере) Д. А. Батиевым и его коллегами, возобновившими работу зырянского отдела Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР и добившимися согласия российских властей на образование в 1921 г. Коми автономной области. Сам «духовный отец Коми автономии» Д. Я. Попов скончался в год создания Коми автономной области в родном с. Деревянск, забытый новой «автономной» властью. Впрочем, ему еще повезло: большинство упомянутых в этой статье политических, общественных и культурных деятелей Коми края были либо впоследствии репрессированы, либо вынуждены уехать из родных мест.

Библиографические ссылки

1. Жеребцов ИЛ, Чупров ВИ, Савельева ЭА, Жеребцов ЛН, Мацук МА, Хайдуров МВ и другие. *История Коми с древнейших времен до современности. Том 2*. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; 2011.
2. Сивков КВ, Зимин АА, Сурина ЛИ (редакторы). *Очерки по истории Коми АССР. Том 1*. Сыктывкар: Академия наук СССР. Коми филиал Коми книжное издательство; 1955.
3. Жеребцов ИЛ, Сметанин АФ. *Коми край: очерки о десяти веках истории*. Сыктывкар: Коми книжное издательство; 2003.

4. Жеребцов ИЛ. «Среди народа коми»: годы становления российско-американского социолога Питирима Сорокина. *Российские и славянские исследования*. 2012;7:205–210.
5. Безносиков ЯН. *Культурная революция в Коми АССР*. Москва: Наука; 1968.
6. Жеребцов ИЛ, Таскаев МВ. Русская революция в национальной провинции (на материалах европейского Северо-Востока). В: *Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века: материалы международной научной конференции, 27 февраля – 3 марта 2017, Витебск – Псков, Беларусь*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова; 2017. с. 53–57.
7. Жеребцов ИЛ, Таскаев МВ. *Первые коми политики*. Сыктывкар: Кола; 2007.
8. Жеребцов ИЛ, Таскаев МВ. *Черные годы (революция и гражданская война в Коми крае. 1917–1921)*. Сыктывкар: Фонд «Покаяние»; 2001.
9. Жеребцов ИЛ, Жданов ЛА, Сметанин АФ, Таскаев МВ. *Создатели Коми автономии*. Сыктывкар: Кола; 2006.
10. Давыдов ВН. *Образование Коми автономной области: сборник документов*. Сыктывкар: Коми книжное издательство; 1971.
11. Таскаев МВ. *Дмитрий Яковлевич Попов, «духовный отец Коми автономии». К 95-летию Республики Коми*. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; 2016.
12. Жеребцов ИЛ, Таскаев МВ. Коми национальное движение: от эсеров до наших дней. В: *Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности: материалы к Международной научно-просветительской конференции, 27–31 мая 2016, Сочи (Адлер) Россия*. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; 2016.
13. Жеребцов ИЛ, Таскаев МВ, Колегов БР. *Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен*. Сыктывкар: Коми книжное издательство; 2002.
14. Жеребцов ИЛ, Таскаев МВ. Революция и гражданская война в Коми крае (итоги и задачи изучения). В: *Историко-география Коми*. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН; 1999. с. 48–57.

References

1. Zherebtsov IL, Chuprov VI, Savel'eva EA, Zherebtsov LN, Matsuk MA, Haidurov MV (et al). *Istoriya Komii s drevneishikh vremen do sovremennosti. Tom 2* [History of Komi since the most ancient times to the present. Volume 2]. Syktyvkar: Institute of language, literature and history Komi science centre Ural branch RAS; 2011. Russian.
2. Sivkov KV, Zimin AA, Surina LI. *Ocherki po istorii Komii ASSR. Tom 1* [Essays on the history of the Komi ASSR. Volume 1]. Syktyvkar: Academy of science USSR. Komi branch, Komi book publish house; 1955. Russian.
3. Zherebtsov IL, Smetanin AF. *Komii kraii: ocherki o desyati vekakh istorii* [Komi region: essays about ten centuries of history]. Syktyvkar: Komi book publish house; 2003. Russian.
4. Zherebtsov IL. [«Among the komi people»: the formative years of Russian-American sociologist Pitirim Sorokin]. *Rossiiskie i slavianskie issledovaniia*. 2012;7:205–210. Russian.
5. Beznosikov JN. *Kul'turnaya revoliutsiia v Komii ASSR* [The cultural revolution in the Komi ASSR]. Moscow: Nauka; 1968. Russian.
6. Zherebtsov IL, Taskaev MV. [The Russian revolution in national provinces (on materials of the European North-East)]. In: *Velikaya rossiiskaya revoliutsiia 1917 goda v istorii i sud'bakh narodov i regionov Rossii, Belarusi, Evropy i mira v kontekste istoricheskikh realii 20- nachale 21 veka: materialy mezhdunarodnoy nauchnoi konferentsii, 27 february – 3 march 2017, Pskov – Vitebsk, Belarus*. Vitebsk: Vitebsk state University named after P. M. Masherov; 2017. p. 53–57. Russian.
7. Zherebtsov IL, Taskaev MV. *Pervye komii politiki* [The first komi politics]. Syktyvkar: Kola; 2007. Russian.
8. Zherebtsov IL, Taskaev MV. *Chernye godii (revoliutsiia i grazhdanskaya voina v Komii krae. 1917–1921)* [The black years. Revolution and civil war in the Komi region. 1917–1921]. Syktyvkar: Found «Pokayanie»; 2001. Russian.
9. Zherebtsov IL, Zhdanov LA, Smetanin AF, Taskaev MV. *Sozdатели Komii avtonomii* [The creators of the Komi autonomy]. Syktyvkar: Kola; 2006. Russian.
10. Davydov VN. *Obrazovanie Komii avtonomnoi oblasti* [The establishment of the Komi autonomous oblast]: collected documents. Syktyvkar: Kola; 1971. Russian.
11. Taskaev MV. *Dmitrii Yakovlevich Popov, «dukhovnyi otets Komii avtonomii». K 95-letiiu Respubliki Komii* [Dmitrii Yakovlevich Popov, «the spiritual father of Komi autonomy». Dedicated 95 years of Komi Republik]. Syktyvkar: Institute of language, literature and history komi science centre Ural branch RAS; 2016. Russian.
12. Zherebtsov IL, Taskaev MV. [Komi national movement: from the socialists-revolutionaries to our days]: 27–31 may 2016. Sochi (Adler) Russia. Syktyvkar: Institute of language, literature and history Komi science centre Ural branch RAS; 2016. Russian.
13. Zherebtsov IL, Taskaev MV, Kolegov BR. *Istoricheskaya khronika. Respublika Komii s drevneishikh vremen* [Historical chronicle. Komi Republic since ancient times]. Syktyvkar: Komi book publish house; 2002. Russian.
14. Zherebtsov IL, Taskaev MV. [Revolution and civil war in the Komi region (the results and objectives of the study)]. In: *Istoriografiia Komii*. Syktyvkar: Komi science centre Ural branch RAS; 1999. p. 48–57. Russian.

Статья поступила в редакцию 24.04.2018.
Received by editorial board 24.04.2018.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ПРОСТОРАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1914–1919 гг.

А. Ю. КАРАБИН¹⁾

¹⁾ Учебно-научный институт истории и философии
Черкасского национального университета им. Богдана Хмельницкого,
бульвар Шевченко, 81, 18031, г. Черкассы, Украина

Рассматриваются процесс создания и деятельность национальных добровольческих подразделений, сформированных из военнопленных. Особое внимание обращается на Чехословацкий корпус, созданный как элемент пропаганды, но ставший со временем ощутимой военной силой, что особенно проявилось в Гражданской войне в России. Обращается внимание на роль, которую сыграли военнопленные южные славяне и Югославский корпус в период гибели Российской империи и во время Гражданской войны. Раскрываются особенности создания легиона сечевых стрельцов, который был частично сформирован из военнопленных украинцев. Упомянуто о польских добровольческих формированиях военнопленных, а также подобные военные формирования, созданные большевиками, но включавшие в себя уже не только военнопленных славян, но и немцев и венгров.

Ключевые слова: национальные добровольческие формирования; военнопленные; пропаганда; Чехословацкий корпус; сечевые стрельцы.

ДЗЕЙНАСЦЬ ДОБРААХВОТНИЦЬКИХ ПАДРАЗДЗЯЛЕННЯЎ ВАЕННАПАЛОННЫХ НА АБСЯГАХ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ Ў 1914–1919 гг.

А. Ю. КАРАБІН^{1*}

^{1*} Вучэбна-навуковы інстытут гісторыі і філасофіі
Чаркаскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Багдана Хмяльніцкага,
бульвар Шаўчэнкі, 81, 18031, г. Чаркасы, Украіна

Разглядаюцца працэс стварэння і дзейнасць нацыянальных добраахвотніцкіх падраздзяленняў, сфарміраваных з ваеннапалонных. Асобая ўвага звяртаецца на Чэхаславацкі корпус, які быў створаны як элемент прапаганды, але з часам стаў адчувальнай ваеннай сілай, што асабліва праявілася ў Грамадзянскай вайне ў Расіі. Звяртаецца ўвага на ролю, якую адыгралі ваеннапалонныя паўднёвыя славяне і Югаслаўскі корпус у гібелі Расійскай імперыі падчас Грамадзянскай вайны. Раскрываюцца асаблівасці стварэння легіёна сечавых стральцоў, які быў часткова сфарміраваны з ваеннапалонных украінцаў. Згадваюцца польскія добраахвотніцкія фарміраванні, а таксама створаныя бальшавікамі падобныя ваенныя фарміраванні, якія ўжо ўключалі ў сябе не толькі ваеннапалонных славян, але і немцаў і венграў.

Ключавыя словы: нацыянальныя добраахвотніцкія фарміраванні; ваеннапалонныя; прапаганда; Чэхаславацкі корпус; сечавыя стральцы.

Образец цитирования:

Карабин А.Ю. Деятельность добровольческих подразделений военнопленных на просторах Российской империи в 1914–1919 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;3:31–41.

For citation:

Karabin AY. Activities of war prisoners voluntary units in all of the Russian Empire in 1914–1919. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;3:31–41. Russian.

Автор:

Александр Юрьевич Карабин – аспирант кафедры всемирной истории и международных отношений. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А. И. Овчаренко.

Author:

Alexandr Y. Karabin, postgraduate student at the department of world history and international relations.
karabinoleksandr39@gmail.com

ACTIVITIES OF WAR PRISONERS VOLUNTARY UNITS IN ALL OF THE RUSSIAN EMPIRE IN 1914–1919

A. Y. KARABIN^a

^a*Education-Scientific Institute of History and Philosophy,
the Bohdan Khmelnytsky National University of Cherkasy, 81 Shevchenko Boulevard, Cherkasy 18031, Ukraine*

The article deals with the process of creation and operation of national voluntary units formed out of prisoners of war. Particular attention is devoted to the Czechoslovak Corps, created as a propaganda element, but eventually it became a tangible military force, and during the Civil War in Russia it played a rather significant role. Attention is also paid to the southern Slavs prisoners of war and their Yugoslav Corps, which was also of considerable military importance during the period of destruction of the Russian Empire and during the Civil War. The peculiarities of creation of Sich Riflemen Legion, which was partially formed out of Ukrainian war prisoners, are revealed. It is mentioned about the Polish voluntary war prisoners formations, as well as similar military formations created by the Bolsheviks, consisting not only of Slavic prisoners of war, but also of the Germans and the Hungarians.

Key words: national voluntary formations; prisoners of war; propaganda; Czechoslovakia Corps; Sich Riflemen.

Введение

Во время Первой мировой войны Российская империя, чтобы ослабить Австро-Венгрию и снизить боеспособность ее армии, поддерживала на ее территории славянские национально-освободительные движения и позиционировала себя как защитницу австрийских славян от немцев и венгров. Это было причиной того, что в Российской империи к военнопленным славянам относились лучше, чем к военнопленным немцам или венграм. Также как элемент пропаганды были созданы чехословацкие, югославские и польские добровольческие национальные формирования, состоявшие из военнопленных славян. Однако со временем в этих подразделениях выросла численность, и после Февральской революции и большевистского переворота 1917 г. они приобрели значительную военную силу, повлияв на ход Гражданской войны в России. После гибели империи Центральной радой Украинской Народной Республики было создано военное формирование под названием Украинские сечевые стрельцы, состоявшее из военнопленных, оно стало наиболее боеспособным подразделением украинской армии. Большевики также формировали отряды из военнопленных. Российское правительство больше полагалось на военнопленных немцев и венгров, эти интернациональные военные формирования отличались высокой боеспособностью и зарекомендовали себя как вполне надежные подразделения. В связи с этим целесообразность исследования вопроса создания военных подразделений, состоявших из военнопленных, которые повлияли на ход Гражданской войны в России и на дальнейшую судьбу территории бывшей Российской империи, не вызывает сомнений.

Тематикой добровольческих военных подразделений, состоявших из военнопленных, занимались еще советские историки. Однако большинство из них основное внимание уделяли участию

и роли этих формирований в Гражданской войне, не углубляясь в процесс создания и специфику. Также советским историкам была присуща черта рассматривать тематику военного плена через классовую концепцию. Это связано прежде всего с большевистской пропагандой в отношении военнопленных в 1917–1919 гг. Большевики воспринимали военнопленных в первую очередь как близкий им рабочий класс, который ознакомился с большевистской пропагандой и своими глазами увидел, как осуществляется революция пролетариата, и в результате стал экспортером этой революции в свои страны после осуществления обмена военнопленными. К тому же многие военнопленные, поддавшись пропаганде, участвовали в борьбе на стороне большевиков. Исходя из этого, неудивительно, что советская историография рассматривает данный вопрос именно в таком ключе, отодвигая на задний план сам процесс создания и особенности этих формирований.

Среди современных исследователей рассматриваемой тематики можно выделить украинских историков, занимающихся исследованием темы сечевых стрельцов, которые были частично сформированы из военнопленных украинцев. К таким исследователям можно отнести П. Ткачука и В. Ярового, которые в своих работах указывали на большой процент в числе членов этого формирования именно военнопленных, а также Б. Андрусишина, Л. Шанковського, И. Фому [1–4]. Отдельно стоит отметить С. Шульгу, опубликовавшего работу, посвященную Чешскому корпусу [5], и А. Дмитриеву [6–8].

Данную тему исследовали и российские историки, которые посвящали свои труды тематике Чехословацкого корпуса или затрагивали этот вопрос при исследовании иной проблематики. Среди них стоит отметить таких исследователей, как А. Талапина, Е. Сенявскую, Н. А. Бутенина

и Н. Б. Бутенину, С. Базанова, С. Солнцева, Т. Исламова [9–14].

Также стоит отметить немецкого исследователя Р. Нахтигала [15; 16], опубликовавшего ряд трудов, посвященных военному плену в Российской империи в период Первой мировой войны, в которых поднимал вопрос и о добровольческих формированиях, состоящих из славян.

Целью настоящей научной статьи является исследование процесса создания, специфики и деятельности добровольческих национальных военных формирований, состоящих из военнопленных, на территории Российской империи с 1918 по 1919 г.

Объект данного исследования – национальные добровольческие формирования, состоящие из военнопленных. Предмет исследования – процесс

создания, особенности и деятельность национальных добровольческих формирований.

При написании настоящей статьи использовались как общенаучные, так и специально-исторические методы. К общенаучным в первую очередь следует отнести методы анализа и синтеза. К специально-историческим – конкретно-поисковый, который использовался для поиска и обработки информации. Хронологический метод был применен при исследовании динамики изменений численности национальных добровольческих формирований и эволюции их военного статуса в течение исследуемого периода. При анализе взаимодействия этих подразделений с Российским правительством, Временным правительством, Центральной радой и большевиками был применен историко-системный метод.

Основная часть

В годы Первой мировой войны на территории Российской империи из военнопленных славян, которых считали лояльными к российскому правительству, было сформировано несколько добровольческих военных формирований по типу национальных легионов.

В начале войны Чешский национальный комитет обратился к императору Николаю II с меморандумом, в котором говорилось о возможности будущего присоединения Чехии к Российской империи. Таким образом чехи выразили свою лояльность российскому правительству [17]. На собрании чехов в Киеве 26 июля (8 августа) 1914 г. был создан Чешский комитет помощи жертвам войны во главе с Индржихом Индржишкой. Уже на следующий день этот комитет обратился к чехам Российской империи с просьбой создать чешские подразделения для борьбы с австро-венгерской армией, и уже 29 июля (11 августа) 1914 г. Русский военный совет принял решение об организации Чешской дружины [5]. Кроме чехов, проживавших на территории Российской империи и считавшихся ее подданными, в дружину должны были войти и добровольцы из числа военнопленных чехов. Однако в этом случае юридическая сложность заключалась в том, что правительством Российской империи была подписана Гаагская конвенция, запрещающая использовать военнопленных в войне против их стран [14]. Однако, несмотря на запреты конвенции, большевики, преследуя свои пропагандистские цели, создали отряды [5], которые состояли из военнопленных и должны были идти в бой против Австро-Венгрии под национальными флагами [18].

В день святого Вацлава, 15 (28) сентября 1914 г., на Софиевской площади в Киеве состоялось торжественное освящение знамени Чешской дружины. Этот флаг представлял собой красно-белое полотно с изображением на нем короны святого Вацла-

ва. Командиром Чешской дружины был назначен подполковник И. Созентович. Согласно положению «Правил формирования Чешской дружины» чешские подразделения образовывались только на период войны; командные должности могли занимать только русские офицеры; треть каждой роты должна была также состоять из россиян; уставы, командный язык и документация должны были составляться на русском языке [5]. По численности Чешская дружина приравнивалась к батальону [10]. Чтобы финансировать это подразделение, в Киеве был создан фонд Чешской дружины, который собирал добровольные пожертвования. Из этого фонда также финансировались расходы на лечение солдат дружины и помощь их семьям.

Запись добровольцев в Чешскую дружину началась 8 (21) августа 1914 г. Первыми в нее записались чехи – подданные Российской империи [5]. В марте 1915 г. император Российской империи Николай II дал разрешение на вступление в Чешскую дружину и словакам, так как в то время рассматривалось создание в будущем единого государства Чехословакии [7]. Также во второй половине 1915 г. по просьбе чешских общин в дружину вошли и мобилизованные чехи [5].

Изначально агитация к вступлению в Чешскую дружину велась достаточно слабо. К тому же военнопленные, зачастую сдавшиеся в плен с целью остаться в живых, имели льготы в русском плену и не слишком хотели записываться в дружину. Со временем Союз чехословаков заметил, что записываются в дружину в основном те, кто живет в худших условиях, в результате чехам и словакам специально начинают ухудшать условия жизни. В Чешскую дружину активно записывались военнопленные чехи, находящиеся в Дарницком лагере военнопленных [17]. Через этот лагерь проходили почти все военнопленные Юго-Западного

фронта [13], и чехи составляли наибольшую этническую группу [15]. В Дарницком лагере была собрана специальная команда агитаторов, которая отделяла военнопленных чехов от людей других национальностей и с помощью ухудшения питания и условий содержания заставляла чехов записываться в дружину. Те, кто не хотел записываться, попадал на тяжелые работы, где много военнопленных погибало от болезней. Были случаи, когда Союз чехословаков требовал у работодателей не платить военнопленным чехам заработную плату, это было сделано для того, чтобы больше людей записывались в Чешскую дружину. Именно поэтому, имея ряд документально оформленных льгот, чехи, проживающие в Дарницком лагере, чтобы избежать «агитации» в дружину, иногда записывались как немцы или венгры. Однако к чешским представителям интеллигенции в лагерях относились по-другому, поскольку они настроены были более патриотически и часто сами вступали в эти добровольческие формирования [13]. Иногда ситуация с набором в дружину была противоположной и не всегда власть на местах поддерживала создание этого подразделения. Так, например, на Урале заводская цензура часто не пропускала письма чехов с просьбой об их зачислении в Чешскую дружину [19].

После того, как дружина оказалась укомплектована, на младшие командные должности стали назначать военнопленных чехов [5]. Хотя в Ставке Верховного Главнокомандующего к этому добровольческому формированию относились с опаской. Правительство волновало то, что чехи и словаки принимали присягу на верность Австро-Венгерской империи, а теперь нарушают ее, а значит смогут нарушить присягу и во второй раз.

Что касается деятельности Чешской дружины, то в начале своего существования отряд ловил в прифронтовых районах дезертиров и исполнял полицейские функции [7]. На фронт дружина выехала 26 (9) октября 1914 г. в составе 3-й армии под командованием генерала Р. Дмитриева (болгарина по национальности), где проводила разведку, охраняла тыловые штабы, вела агитацию и выполняла функции переводчиков. Около г. Тарнова в Галиции 6 (19) ноября 1914 г. произошло боевое крещение дружины. В апреле 1915 г. разведчики отряда обнаружили у г. Зборова участок фронта, который оборонял Пражский полк, состоявший из чехов. С полком была заключена договоренность об оказании минимального сопротивления, и в русский плен попали 1400 солдат и офицеров. Такие же операции были проведены и в отношении 2-го Чаславского полка и 36-го Младоболеславского полка [5]. Чешские и словацкие добровольцы на фронте показали себя как храбрые солдаты, и к октябрю 1915 г. вся первая рота, 75 % второй, 50 % третьей, и 40 % чет-

вертой роты стали кавалерами Георгиевского креста [7].

Достаточно интересным и абсурдным оказался тот факт, что согласно Женевской конвенции 1906 г., оказавшись инвалидами, добровольцы Чешской дружины отправлялись властями из Дарницкого лагеря военнопленных в Австро-Венгрию, где бывших дружинников ждал расстрел за измену. Добровольцы, которые хотели покинуть службу, оказывались избиты шомполами и отправлены на тяжелые работы, где многие погибли. Кроме того, дружинникам сообщали, что их преступления в армии приравняются к народной измене, и в Чехословацкой республике за это будет наказан кто-то из членов их семей [13].

Чешская дружина 7 (20) января 1916 г. была преобразована в Чехословацкий стрелковый полк имени Яна Гуса, а 22 марта (4 апреля) 1916 г. этот полк был развернут в Чехословацкую стрелковую бригаду. В государстве велась активная агитация, из-за чего численность бригады быстро росла [5]. Впоследствии в бригаде состояло до 20 тыс. человек. Однако все командование в бригаде взяли на себя российские офицеры, что свидетельствует о частичном недоверии к чехам и словакам со стороны российского правительства [10].

На фронте 22 февраля (7 марта) 1917 г., после Февральской революции, состоялось собрание чехословацкой бригады, на котором чехи и словаки праздновали революцию [17]. Временное правительство разрешило сформировать целую Чехословацкую дивизию [10]. Политическое и военное значение чешских добровольцев возросло, что привело к их частичной самостоятельности. В Киеве военнопленные на постоянной основе вербовали добровольцев в чешские подразделения. Контроль над ними осуществляли сами чехи. В сельских районах Киевщины, Подолья и Волыни они имели еще большую власть, а с лета 1917 г. даже начали действовать в качестве тыловой милиции, применяя, в частности, репрессии к крестьянам, которые пытались завладеть имуществом помещиков. Количество военнопленных, желающих вступить в Чехословацкую дивизию, постоянно росло. Перед летним наступлением 1917 г. военнопленных чехов и словаков в Дарницком лагере, не желавших записаться в дивизию, было всего несколько сотен. В начале мая 1917 г. в лагере насчитывалось около 5 тыс. военнопленных, желающих вступить в дивизию [15].

Летом 1917 г. чехословацкие воинские формирования приняли участие в летнем наступлении на Юго-Западном фронте. Там они за день продвинулись вперед на 4 км и взяли в плен 3150 солдат и 62 офицера, показав свою высокую боеспособность. После этого наступления князь Г. Львов и А. Ф. Керенский дали разрешение на неограниченный на-

бор людей в Чехословацкую дивизию. Также было позволено принять новый устав, наподобие принятого во французском легионе, и чешский командный язык [5].

В октябре 1917 г. начальник Штаба Верховного Главнокомандующего Н. Духонин подписал приказ о формировании Чехословацкого корпуса, который состоял из двух дивизий по 30 тыс. человек (по другим данным по 39 тыс. человек). Временное правительство даже планировало создать и второй Чехословацкий корпус, но этому помешал Октябрьский переворот 1917 г.

После сепаратных переговоров большевиков со странами Четверного союза в Брест-Литовске 2 (15) января 1918 г. все чехословацкие войска в России вошли в состав французской армии как ее автономная часть. Антанта требовала их перемещения в Западную Европу, чтобы использовать их для борьбы против немецких войск [10]. В феврале 1918 г. чешских и словацких легионеров насчитывалось около 42 тыс. человек, что составило 17 % от всех военнопленных чехов и словаков [7].

Еще до переговоров в Брест-Литовске некоторые отряды Чехословацкого корпуса уже осуществили эвакуацию в Европу самостоятельно. Так, отряд капитана Гусака, состоящий из 1240 человек, еще 2 (15) октября 1917 г. отбыл из Архангельска на пароходе и уже в середине ноября добрался до г. Коньяк. Другой отряд, меньший по численности, которым руководил капитан Гибиш, примерно в то же время отбыл из Мурманска, но добрался до Франции только в марте 1918 г. [17].

Под Бахмачем, во время эвакуации легиона на восток, с 23 февраля (8 марта) по 28 февраля (13 марта) 1918 г. легион вел бои с немцами до тех пор, пока все чешские подразделения не эвакуировались, последнее из них отбыло в полночь 28 февраля (13 марта) 1918 г. [5]. Переправившись на другую сторону реки Днепр, а затем через реку Конотоп, они через Курск двинулись на Пензу, откуда планировали добраться до Владивостока [15].

В Пензе 13 (26) марта 1918 г. советская делегация во главе с И. В. Сталиным подписала соглашение с Чехословацким корпусом о его беспрепятственной отправке во Владивосток. Там их должны были ждать корабли для перевозки во Францию. Согласно договоренностям с большевиками чехословацкие легионеры сдали все тяжелое вооружение, оставив лишь небольшое количество стрелкового оружия для несения караульной службы [17]. Каждый чехословацкий эшелон во время движения мог иметь при себе только 168 винтовок и 1 пулемет [5]. С чехословаками во Францию отправилось 63 военных склада по 40 вагонов каждый. Также вместе с чехословаками на восток двигались польские и сербские военные формирования.

На станции в Челябинске 1 (14) мая 1918 г. друг напротив друга оказались эшелоны с чехословацкими добровольцами и венгерскими военнопленными, которых отправляли домой согласно условиям Брест-Литовского мирного договора. Произошла стычка, в которой погиб чешский солдат Ф. Духачек. Чехи в ответ захватили и линчевали виновного, из-за чего большевики арестовали нескольких чехов. Чтобы освободить своих соотечественников от ареста, чехословацкие легионеры напали, разоружили красногвардейцев и захватили городской арсенал [17]. Они пытались доказать свое право пользоваться Транссибирской железной дорогой и хотели не дать воспользоваться ею никому, кроме их транзита [20, с. 505].

Исходя из сложившейся ситуации, большевики под давлением Германии приказали чехословакам немедленно разоружиться [17]. Через некоторое время Л. Д. Троцкий послал телеграмму, в которой обязал всех большевиков под страхом личной ответственности немедленно разоружать чехословаков и расстреливать на месте каждого, кто не согласится сдать оружие. В ответ чехословаки подняли восстание против большевиков.

К концу мая 1918 г. эшелоны с 45 тыс. чехословацких добровольцев растянулись на 7 тыс. км железной дороги: от Пензенской станции «Ртищево» до Владивостока. На тот момент во Владивосток прибыли уже 14 тыс. чехословаков, 4 тыс. находились в районе Новосибирска, 8 тыс. – в Челябинске, еще 8 тыс. – в районе Пензы. До Владивостока чехословаки двигались уже с боями, захватывая станцию за станцией, и способствовали формированию на своем пути ряда антисоветских правительств [10]. Особенно активные бои велись на линии Сердобск – Пенза – Сызрань [17]. У Казани чехословаки захватили половину золотовалютного запаса РСФСР.

Чехия 28 октября 1918 г. стала независимой страной и чехи начали массово ехать на восток, чтобы быстрее попасть домой. Однако французское правительство, имея над чехами, как над частью своей армии, власть, пыталось задержать их и использовать для борьбы с большевиками [10]. К тому же Т. Масарик в Париже заявил, что борьбу чехов против большевиков надо рассматривать как борьбу против Германии, чехословацкие легионеры в количестве 14 тыс. человек во Владивостоке не отправились во Францию, а начали наступление в Приморье и Забайкалье, где за несколько недель повалили советскую власть. К концу 1918 г. чехословаки уже контролировали всю Транссибирскую железнодорожную магистраль, не допуская к ней ни большевиков, ни белогвардейцев [17]. Чехословацкие добровольцы сотрудничали с А. Колчаком, но это сотрудничество не всегда было успешным, поскольку добровольцы понимали, что армия А. Колчака не способна сдержать большевиков. В связи

с этим А. Колчаку со стороны чехословаков было рекомендовано сделать свое правительство более демократичным, с целью привлечь на свою сторону больше местных жителей. В ответ А. Колчак обвинил Чехословацкий корпус в ненадежности и сам просил у стран Антанты ускорить эвакуацию чехословаков в Европу [9].

Эвакуация чехословаков в Европу возобновилась лишь в декабре 1919 г. [10]. Они отдали А. Колчака советской власти 15 января 1920 г. и уже 7 февраля 1920 г. подписали с большевиками соглашение о перемирии, согласно которому чехословаки отдавали большевикам захваченный ими золотовалютный запас, а те, в свою очередь, давали им возможность беспрепятственно добраться до Владивостока и отплыть оттуда на кораблях [17]. Последняя часть Чехословацкого корпуса покинула Владивосток 2 сентября 1920 г. [10]. Всего из Владивостока было отправлено 32 транспортных средства – 72 644 человека (56 459 солдат, 4914 инвалидов и 11 271 гражданский). Эвакуацию обеспечивали 11 американских, 9 английских, 7 японских, 2 русских, 2 чехословацких и 1 китайский пароход [5]. Также стоит отметить, что подобные военные формирования из военнопленных чехов были не только в Российской империи, но и во Франции и Италии.

Кроме чехословацких добровольческих вооруженных формирований, подобные образования были сформированы и из военнопленных южных славян и разбросаны почти по всей империи. Однако многие из них оказались в Одессе, где и началось формирование из их числа добровольческого подразделения.

Изначально планировалось просто создать сербское подразделение, чтобы направить его на помощь сербской армии. Однако после разгрома армии было решено, что это подразделение будет использоваться на фронтах Российской империи. Несмотря на название, в «сербское подразделение» входили не только военнопленные сербы, но и хорваты, словенцы и другие военнопленные южные славяне. Процесс создания этого подразделения продолжался вплоть до 1915 г. из-за того, что Российская империя не испытывала в тот период ведения войны нехватку живой силы. После 1915 г. на базе сербского подразделения была создана Сербская дивизия [12]. А. Брусилов вспоминал, что в конце апреля 1916 г. император с женой приезжали в Одессу для осмотра Сербской дивизии, в которой на тот момент было около 10 тыс. добровольцев с большим количеством пленных офицеров австро-венгерской армии. Что касается их обеспечения, то они на тот момент жаловались только на нехватку артиллерии, которую уже восполняли. Должности командиров в этой дивизии занимали сербские офицеры.

Боевое крещение Сербская дивизия прошла в Добрудже, где понесла большие потери [10]. По другим данным там же, в Добрудже, это формирование было распушено [16]. После этого в сербские военные формирования начали мобилизовать людей принудительно, что нанесло большой удар по добровольческому движению, и сформированная вторая сербская дивизия состояла уже из мобилизованных южных славян. Были отдельные случаи избиения нежелающих вступать в дружину. Против этого очень активно выступали добровольцы, которые хотели воевать с Австро-Венгрией из-за принудительной мобилизации славян в австро-венгерскую армию [10].

В 1917 г. уже был сформирован целый Югославский корпус со штабом в Одессе и командиром генералом сербской армии М. Живковичем. К октябрю 1917 г. в этом корпусе уже насчитывалось 30 тыс. служащих. Каждый восьмой плененный, судя по данным, южный славянин попал в это формирование [12]. По другим данным после Февральской революции 1917 г. из 40 тыс. офицеров и солдат Сербского корпуса в нем осталось всего лишь 7 тыс. человек.

В начале 1918 г. отдельные части Сербского корпуса через Архангельск и Мурманск были переправлены на Салоникский фронт. Из тех, кто остался, одна часть перешла на сторону белого движения, другая – на сторону большевиков [10].

В годы войны было сформировано и польское добровольческое подразделение. Польский запасной стрелковый полк создавался на территории Беларуси в январе 1917 г. и по своей численности достигал 16 тыс. человек. Тогда же на Юго-Западном фронте была создана I польская стрелковая дивизия, в которую и вошел запасной полк [12]. В начале 1918 г. в русской армии было уже три польских корпуса. Самым известным из них был сформированный в июле 1917 г. Первый корпус легионеров генерала И. Довбор-Мусницкого, он состоял из 25 тыс. человек. Когда в Беларуси большевики попытались разоружить Первый корпус, было поднято антисоветское восстание, и подразделение начало вести бои против власти. В январе 1918 г. Первый корпус легионеров генерала И. Довбор-Мусницкого был разбит и отошел на территорию, захваченную немцами. После наступления в январе 1918 г. корпус вошел в состав немецких сил и остался в Беларуси как оккупационное войско. В мае 1918 г. этот корпус был расформирован немцами [10].

В годы Первой мировой войны в лагерях для военнопленных Российской империи оказались десятки тысяч галичан и буковинцев. Это были военнослужащие Золочевского, Перемишльского, Самборского, Коломыйского, Черновецкого, Ярославского, Львовского, Чортковского, Тернопольского, Бережанского, Стрыйского и других полков

ландвера австро-венгерской армии [4, с. 5–6]. Во время летнего наступления Керенского в 1917 г. в плен попало еще 457 легионеров Украинских сечевых стрельцов, большинство из которых перед отправкой в Россию временно разместили в Дарницком лагере военнопленных [4, с. 9–10]. К июлю 1917 г. в русском плену в целом оказалось около 2 тыс. легионеров Украинских сечевых стрельцов [4, с. 5–6]. Отношение к военнопленным украинцам кардинально изменилось после того, как в результате Февральской революции образовалась Украинская Народная Республика (УНА) с Центральной радой во главе.

В царицынском гарнизоне Е. Коновалец и А. Мельник организовали насчитывавший в своем составе около тысячи человек украинский курень (батальон) [4, с. 9], который хотел перевестись в УНР. Однако Временное правительство России, боясь усиления Украины, запретило это делать, усилило над батальоном охрану и отправило на сельскохозяйственные работы. В июле 1917 г. Е. Коновалец договорился о коротком отпуске в Киев из лагеря для военнопленных в Царицыно, где его в то время держали, при этом он дал слово офицера вернуться в лагерь, что и сделал, однако в сентябре 1917 г. Е. Коновалец бежал из плена [21].

Между тем летом 1917 г. в Киеве был создан гуманитарный Галицко-Буковинский комитет помощи жертвам войны, который занимался пленными и беженцами из Галичины и Буковины. Еще в июле 1917 г. комитет обратился к Центральной раде с предложением создать отдельную воинскую часть, состоящую из пленных украинцев, для защиты Украины и борьбы за возвращение в ее состав Галичины и Буковины. Однако Центральная рада, опасаясь обвинений Временного правительства России в австрофильских взглядах, от этой идеи отказалась. Кроме того, чтобы показать лояльность России, военное руководство Центральной рады решительно запретило украинизированным полкам принимать в свой состав галичан [1]. Центральная рада вместо армии хотела ввести милицию, потому и не хотела создавать новых военных формирований [2].

В ноябре 1917 г. Галицко-Буковинский комитет в Киеве организовал собрание, на котором осудил политику Австро-Венгрии, согласно которой полякам предоставлялась автономия в Восточной Галичине. Также комитет отметил необходимость создания галицкой воинской части, которая сможет отвоевать у Австро-Венгрии Галичину и присоединить ее к УНР [1]. В необходимости создания галицкой воинской части убедил генеральных секретарей С. Петлюру и В. Винниченко хорунжий австро-венгерской армии Е. Коновалец, сбежавший из Царицынского лагеря военнопленных в Киев [2]. Уже на следующий день после вече украинская

пресса опубликовала воззвание «Временной Главного Совета галицких, буковинских и венгерских украинцев» [1], в котором говорилось о том, что галицкие, буковинские и венгерские украинцы являются сыновьями одного народа и в это трудное время не могут оставаться зрителями, а должны принять активное участие в создании нового строя в Украине. Также воззвание призывало к созданию силы, которая смогла бы получить и закрепить все то, что было продекларировано в III Универсале [22, с. 159].

Новое военное формирование было названо «Галицко-Буковинский курень сечевых стрельцов», так как основной частью ее основателей были бывшие Украинские сечевые стрельцы. По своей сути это была легионерская формация, состоящая из галицких, буковинских и венгерских украинцев, созданная для борьбы с Австро-Венгрией [3]. Этот батальон должен был входить в состав украинизированного полка им. П. Дорошенко [1]. По инициативе Р. Дашкевича при курене был создан стрелковый совет, который принимал коллегиальные решения [23]. Р. Дашкевич же стал первым руководителем совета [4, с. 12].

За первую неделю набора добровольцев в курень прибыли 200 человек, которых организовали в первую сотню (роту), возглавил ее сотник Ф. Черника [2]. Первой задачей была караульная служба в киевском гарнизоне [1]. Е. Коновалец призвал присоединиться к развитию куреня пленных командиров Украинских сечевых стрельцов: А. Мельника, Р. Сушка, Д. Герчанивского, В. Кучабского, П. Пасеку и др. [4, с. 13]. Многие из прибывших пленных старшин становились рядовыми стрельцами [1]. В конце ноября 1917 г. курень состоял из 317 стрельцов [24], а в декабре 1917 г. он насчитывал уже около 500 стрельцов [4, с. 12].

На начальном этапе формирования дисциплина в батальоне была не на высшем уровне, выборность старшин вводила дезорганизацию в структуру, наблюдалось и дезертирство. В начале войны с большевиками были созданы куренные сборы, на которых было решено отказаться от идеи создания сотенных военных советов, оставив лишь общий стрелковый совет, чем было прекращено расстройство дисциплины и частично уменьшено влияние на стрелков большевистской агитации. Стрелковому совету отводилась функция совещательного органа командира, а также он мог принимать основные решения в идеологических, политических и организационных вопросах [4, с. 13–14].

В январе 1918 г. состоялись куренные сборы, на которых командиром был избран Е. Коновалец. Также на этом собрании большинством голосов сечевые стрельцы перешли в распоряжение Центральной рады. Кроме этого, стрелки должны были подписать документ, в котором обязыва-

лись безоговорочно выполнять приказы командиров и в случае необходимости воевать с Австрией. Около 80 стрелцов не захотели подписывать этот документ и вынуждены были покинуть курень [4, с. 14–15]. Название батальона было изменено, и он стал именоваться «Первый курень сечевых стрелцов». Началось пополнение состава не только из галичан и буковинцев, но и из местных добровольцев и добровольцев из регионов за пределами Украины [2]. Полностью из галичан состояла только первая и вторая сотни, а также оружейная батарея. Так, например, первая сотня состояла на 66 % из бывших военнопленных, из которых 10 % были легионерами Украинских сечевых стрелцов, остальные – беженцами из Галичины и Буковины [1].

Что касается обмундирования стрелцов, то до сих пор не найдено документов, свидетельствующих о каких-либо официальных знаках различия. Сами солдаты носили неуставную кокарду в виде металлического щита, на котором была изображена крылатая фигура святого Михаила с мечом в правой руке и щитом с галицким львом в левой, над Михаилом находился трезубец. На форме солдат были написаны буквы «СС», размещенные над скрещенными винтовками [25].

Сечевые стрелцы принимали активное участие в войне с большевиками, сдерживали врага возле железнодорожной станции «Кононовка» на Полтавщине. Во время отступления после тяжелых боев стрелцы разоружили предавший страну украинизированный полк имени С. Наливайко, который хотел наступать на Киев. В полку изъяли около 2500 винтовок, 75 пулеметов, 8 орудий и большое количество военной амуниции. Сечевые стрелцы подавляли восстания на заводе «Арсенал», обороняли Киев, а также обеспечили эвакуацию Центральной рады из Киева в Житомир.

Во время наступления австро-венгерских и немецких войск в Украине стрелцы продвигались в авангарде второй ударной группы и в марте 1918 г. заняли столицу. После этого батальон не принимал участия в активных боевых действиях, а выполнял функцию охраны органов власти УНР [1]. Впоследствии они были переформированы в Полк сечевых стрелцов, состоящий из двух куреней по четыре сотни, пулеметной и конно-

разведывательной части, а также двух пушечных батарей. Полк насчитывал около 2500 стрелцов, из которых три четверти были надднепрянцами¹ [23]. Во время гетманского переворота полк не признал власти П. Скоропадского и поэтому 30 апреля 1918 г. был разоружен и расформирован немцами [4, с. 29–30].

Создавали свои подразделения, состоящие из военнопленных немецкой и австро-венгерской армии, и большевики. Помогало в этом то, что некоторые антисоветские правительства, не признавая Брестского мира, брали под свой контроль военнопленных и иногда на возмущения последних отвечали расстрелами, чем добавляли военнопленным симпатий к большевикам [26]. Советская власть часто использовала военнопленных немцев и венгров как «пролетарскую гвардию», поскольку иностранцы не имели связей с местным населением и им проще было осуществлять карательные меры [27]. Также немцы и венгры считались самыми надежными большевистскими подразделениями, и в апреле 1918 г. на съезде интернационалистов в Москве они даже объявили войну собственным государствам [26].

В составе интернациональных подразделений большевиков были и военнопленные славяне. Например, сербские добровольцы, которые не успели эвакуироваться из Одессы в Архангельск, вступили в первое международное подразделение Красной армии. Из части солдат и офицеров Сербского корпуса в Екатеринославе (Днепре) был создан Первый сербский советский революционный полк. Также дислоцированный в Киеве Югославский ударный батальон в начале 1918 г. был переформирован в Первый югославский коммунистический полк [12]. С 1917 по 1920 гг. в интернациональных частях Красной армии воевало 9,6–12 тыс. чехословаков, из них около 5 тыс. были бывшими добровольцами чехословацких формирований российской армии [8].

Что касается обеспечения военнопленных-интернационалистов, то весной 1918 г. рядовой солдат красного международного подразделения получал от большевиков заработную плату, которая составляла 250–300 руб. в месяц. По некоторым оценкам участие в гражданской войне в России приняло около 10 % военнопленных [11].

Выводы

Таким образом, учитывая все выше сказанное, можно прийти к выводу о том, что в начале войны Российская империя не нуждалась в новых человеческих ресурсах, а создание добровольческих формирований из военнопленных славян носило пре-

жде всего пропагандистскую функцию. Российское правительство позиционировало себя как защитника славян от немцев и венгров. В связи с этим формирование добровольческих чехословацких, сербских и польских подразделений, которые во-

¹Надднепрянцами в годы Первой мировой войны называли жителей центрального региона Украины, входившего, в отличие от западных регионов, в состав Российской империи (Надднепрянщина).

евали бы с Австро-Венгрией за освобождение от нее своих национальных государств, подрывало бы обороноспособность австро-венгерской армии и вносило бы сепаратистские тенденции в Австро-Венгерской империи. Создавая эти добровольческие формирования, администрация столкнулась с проблемой нежелания многих военнопленных вступать в добровольческие образования и снова попадать на фронт, но воевать уже против Австро-Венгрии. Для решения этого вопроса, несмотря на установленные в законодательном порядке льготы для военнопленных славян, пленным ухудшали условия содержания с целью стимулировать вступление в добровольческие подразделения.

К концу войны формирования, состоявшие из военнопленных славян, являлись уже ощутимой военной силой и использовались не как элемент пропаганды, а как существенная помощь русской армии. После большевистского переворота 1917 г. такие формирования стали важным участником гражданской войны.

После Февральской революции 1917 г. из военнопленных украинцев был сформирован Га-

лицко-Буковинский курень сечевых стрельцов, ставший самой боеспособной частью военных сил, созданной УНР. Чехословацкие, югославские и украинские военные формирования создавались на украинских территориях, поскольку там находилось большинство военнопленных славян, которые проходили через Дарницкий лагерь для военнопленных. Исключением были польские добровольческие подразделения, которые сформировались на территории Беларуси из-за большой концентрации в стране поляков и польских военнопленных.

После большевистского переворота и развертывания на территории бывшей Российской империи гражданской войны, часть чехословацких, югославских и польских военных формирований была эвакуирована за границу, где продолжила боевые действия на стороне Антанты. Часть же из них приняла участие в гражданской войне по разные стороны конфликта. Большевики создали свои интернациональные подразделения, в которые активно начали привлекать военнопленных немцев и венгров, такие подразделения оказались достаточно надежны.

Библиографические ссылки

1. Яровий ВГ, Ткачук ПП. Галицькі збройні формування у боротьбі за державність Української Народної Республіки (січень 1917 – грудень 1918 рр.). *Військово-науковий вісник*. 2012;17:154–165.
2. Андрусишин БІ. Паралелі історії (до 10-ї річниці встановлення меморіальної дошки на будівлі НПУ імені М. П. Драгоманова, присвяченої Галицько-Буковинському куреню Січових Стрільців). *Наукові записки*. 2011;94:236–243.
3. Шанковський Л. Нарис історії Січових Стрільців. *Український історик*. 1969;04:102–107.
4. Хома ІЯ. *Січові Стрільці. Створення, військово-політична діяльність та збройна боротьба Січових Стрільців у 1917–1919 рр.* Київ: Наш час; 2011.
5. Шульга СА. Чеські легіони у Першій світовій війні. *Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Серія: Історичні науки*. 2008;11:48–53.
6. Дмитрієва ОЕ. Військовополонені чехи та словаки у правовідносинах періоду Першої світової війни [дата звернення: 29.05.2018]. *Historians*. URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/1585-oksana-dmytriyeva-viiskovopoloneni-chekhy-ta-slovaky-u-pravovidnosynakh-periodu-pershoi-svitovoi-viiny>.
7. Дмитриева ОЕ. Особенности пребывания чехов и словаков в российском плену в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) [дата обращения: 29.05.2018]. *European Researcher*. 2013;10-1(60):2393–2403. URL: http://www.erjournal.ru/journals_n/1383016882.pdf.
8. Дмитрієва ОЕ. Політика російської влади по відношенню до військовополонених чехів та словаків у період Першої світової війни. *Історія та географія*. 2013;49:93–97.
9. Талапин АН. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири в период гражданской войны и репатриации. *Вестник Омского университета*. 2013;3:81–83.
10. Сенявская ЕС. Народы Австро-Венгрии в Первой мировой войне глазами русского противника. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2009;4:111–127.
11. Бутенин НА, Бутенина НБ. «Германская карта». В политической борьбе на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – ноябрь 1918 гг.). *Известия Восточного института*. 2016;1(29):56–66.
12. Базанов СН. Военнопленные славяне в России в годы Первой мировой войны. *Преподавание истории и обществознания в школе*. 2016;5:10–16.
13. Солнцева СА. Военный плен в годы Первой мировой войны: новые факты. *Вопросы истории*. 2000;4–5:98–105.
14. Исламов ТМ. Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи [дата обращения: 29.05.2018]. *Новая и новейшая история*. 2001;5. URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/HISTORY/IMPERIA.HTM>.
15. Нахтигаль Р. Дарницький табір військовополонених під час Першої світової війни. *Український історичний журнал*. 2010;49(2):109–110.
16. Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны. *Quaestio Rossica*. 2014;1:142–156.
17. Райхель ЮБ. Заколот. Із конфлікту чехів і словаків із радянською владою почалася громадянська війна у Росії [дата звернення: 29.05.2018]. *День*. 2010;100. URL: <https://day.kyiv.ua/uk/article/istoriya-i-ya/zakolot>.
18. Гордеев ОФ. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 – февраль 1917 гг.) Историко-правовые аспекты проблемы. *Актуальные проблемы теории и истории государства и права*. Курск: КГУ; 2002. с. 30–37.

19. Суржикова НВ. Повседневность уральского плена: взгляд изнутри (конец 1916 – первая половина 1917 г.). *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История*. 2009;28(34):167–172.
20. Киган Д. *Первая мировая война*. Москва: АСТ; 2004.
21. Науменко К. Царинська доба Євгена Коновальця. *Український визвольний рух*. 2006;8:11–23.
22. Дацків ІВ. *Дипломатія українських національних урядів у захисті державності (1917–1923 рр.)* [дисертація]. Київ; 2010.
23. Дерев'яний І. Галичина в центрі революції: Коновалець і його Січові Стрільці [дата обращения: 04.06.2018]. *Центр дослідження визвольного руху*. URL: www.cdvr.org.ua/content/галичани-в-центрі-революції-коновалець-і-його-січові-стрілці.
24. Бойко ОД. Січові Стрільці [дата звернення: 29.05.2018]. *Інститут історії України Національної академії наук України*. URL: http://resource.history.org.ua/cgi-bin/eiu/history.exe?&I21DBN=EIU&P21DBN=EIU&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=eiu_all&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=TRN=&S21COLORTERMS=0&S21STR=Sichovi_striltsi.
25. Аббот П, Пінак Є. *Українські армії 1914–1955*. Київ: Гуртом; 2012.
26. Букин СС, Долголюк АА, Савин АИ. Военноплennые в Сибири [дата обращения: 29.05.2018]. *Библиотека сибирского краеведения*. URL: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/voennoplennnye-v-sibiri>.
27. Лосев ІВ. Про феномен полону [дата звернення: 04.06.2018]. *Тижень*. URL: <http://tyzhden.ua/History/161556>.

References

1. Yarovyi VG, Tkachuk PP. The Galician Armed Formations in the Struggle for the Statehood of the Ukrainian National Republic (January 1917 – December 1918). *Vijs'kovo-naukovyj visnyk* [Military Scientific]. 2012;17:154–165. Ukrainian.
2. Andrusyshyn BI. Parallels Historu (to the 10 anniversary of the establishment of a memorial plaque on the building of the NEA Dragomanov devoted to Gslician-Bucovina booth sich Riflemen). *Naukovi zapysky* [Scientific Notes]. 2011;94:236–243. Ukrainian.
3. Shankovskiy L. [History Essay on the Sich Riflemen]. *Ukrai'n'skyj ystoryk*, 1969;04:102–107. Ukrainian.
4. Khoma IY. *Sichovi Stril'ci. Stvorennja, vijs'kovo-politychna dijal'nist' ta zbrojna borot'ba Sichovyh Stril'civ u 1917–1919 rr.* [Sich Riflemen. Creation, Military-political Activity and Armed Struggle of the Sich Riflemen in 1917–1919]. Kyiv: Nash chas, 2011. Ukrainian.
5. Shulga SA. [Czech Legions in the First World War]. *Naukovyj visnyk Volynskogo nacional'nogo universitetu imeni Lesi Ukrai'ny. Serija: Istorychni nauky* [Scientific Reporter of Volyn National University named after Lesia Ukrainka. Ser. Historical Sciences]. 2008;11:48–53. Ukrainian.
6. Dmitrieva OY. [Czech and Slovak War Prisoners in the Legal Relations in the Period of the First World War] [cited 2018 May 29]. *Historians*. Available from: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/1585-oksana-dmytriyeva-viiskovopoloneni-chekhy-ta-slovaky-u-pravovidnosynakh-periodu-pershoi-svitovoi-viiny>. Ukrainian.
7. Dmitrieva OE. Czechs and Slovaks in Russian Captivity during World War I (1914–1918) [cited 2018 May 29]. *European Researcher*. 2013;10-1(60):2393–2403. Available from: http://www.erjournal.ru/journals_n/1383016882.pdf. Ukrainian.
8. Dmitrieva OYe. [Politics of the Russian Authorities towards the Czech and Slovak Prisoners of War During the First World War]. *Istoriya ta geografija* [History and Geography]. 2013;49:93–97. Ukrainian.
9. Talapin AN. [Prisoners of War of the First World War in Siberia during the Civil War and Repatriation]. *Vestnyk Omsko-go unyversyteta* [Reporter of Omsk University]. 2013;3:81–83. Ukrainian.
10. Seniavskaia ES. Austro-Hungary Peoples in World War in vision of Russian Antagonist. *Bulletin of Peoples Friendship University of Russia*. 2009;4:111–127. Russian.
11. Butenin NA, Butenina NB. [«The German Map». In the political struggle in the Russia's Far East (October 1917 – November 1918)]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [News of the Eastern Institute]. 2016; 1(29):56–66. Russian.
12. Bazanov SN. Slavic Ow's in Russia during the First World War. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole* [History and Social Science Teaching at School]. 2016;5:10–16. Russian.
13. Solntseva SA. [Military Captivity during the First World War: New Facts]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2000;4–5:98–105. Russian.
14. Islamov TM. Austria-Hungary in the First World War. Disruption of the Empire [cited 2018 May 29]. *Novaya i noveisha-ya istoriya* [New and recent history]. 2001;5. Available from: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/HISTORY/IMPERIA.HTM>. Russian.
15. Nakhtigal R. [Darnytsia Prisoner of War Camp during the First World War]. *Ukrai'ns'kyj istorychnyj zhurnal* [Ukrainian Historical Journal]. 2010;49(2):109–110. Ukrainian.
16. Nakhtigal R. Prisoners of War in Russia during World War I. *Quaestio Rossica*. 2014;1:142–156. Russian.
17. Raichel YuB. Rebellion. Civil War Began in Russia Starting with the Conflict between Czechs and Slovaks with the Soviet Authorities [cited 2018 May 29]. *Day*. 2010;100. Available from: <https://day.kyiv.ua/uk/article/istoriya-i-ya/zakolot>. Russian.
18. Gordeev OF. [The Prisoners of War of the First World War in Siberia (August 1914 – February 1917) Historical and Legal Aspects of the Issue]. *Aktual'nye problemy teorii i istorii gosudarstva i prava* [Current Issues of the Theory and History of State and Law]. Kursk: KGU; 2002. p. 30–37. Russian.
19. Surzhykova NV. [The Daily Routine of the Ural Captivity. Outward Glance (the end of 1916 – the first half of 1917)]. *Bulletin of Cheliabinsk State University. Series: History*. 2009;28:167–172. Russian.
20. Kigan D. *Pervaya mirovaya voina* [The First World War]. Moscow: AST; 2004. Russian.
21. Naumenko K. [Tsaritsyn Period of YevheniiKonovallets]. *Ukrai'ns'kyj vyzvol'nyj ruh* [Ukrainian Liberation Movement]. 2006;8:11–23. Ukrainian.
22. Datskiv IB. *Dyplomatiya ukrai'ns'kyh nacional'nyh urjadiv u zahysti derzhavnosti (1917–1923 rr.)* [Diplomacy of the Ukrainian National Governments in the Defense of Sovereignty (1917–1923)] [dissertation]. Kyiv; 2010. Ukrainian.

23. Derevianyi I. [Galicia in the Center of Revolution: Konovalets and his Sich Riflemen [cited 2018 June 04]. *Centr doslidzhennja vyzvol'nogo ruhu*. Available from: www.cdvr.org.ua/content/галичани-в-центрі-революції-коновалець-і-його-січові-стрільці. Ukrainian.

24. Boiko OD. [Sich Riflemen] [cited 2018 May 29]. *Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine*. Available from: http://resource.history.org.ua/cgi-bin/eiu/history.exe?&I21DBN=EIU&P21DBN=EIU&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=eiu_all&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=TRN=&S21COLORTERMS=0&S21STR=Sichovi_striltsi. Ukrainian.

25. Abbot P, Pinak Y. *Ukrainian Armies 1914–1955*. Kyiv: Gortom; 2012. Ukrainian.

26. Bukin SS, Dolholiuk AA, Savin AI. [The prisoners of war in Siberia] [cited 2018 May 29]. *Byblyoteka sybyrskogo kraevedenyja*. Available from: <http://bsk.nios.ru/enciklopediya/voennoplennye-v-sibiri>. Ukrainian.

27. Losiev IV. [About the Phenomenon of Captivity] [cited 2018 June 04]. *Tyzhden'*. 2016. Available from: <http://tyzhden.ua/History/161556>. Ukrainian.

Статья поступила в редколлегию 07.06.2018.
Received by editorial board 07.06.2018.

УДК 327(436):94(477)«1918»

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ УКРАИНСКОЙ ДЕРЖАВЫ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ АВСТРО-ВЕНГРИИ И ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В 1918 г.

Н. В. ГЛИБИЩУК¹⁾

¹⁾Черновицкий национальный университет им. Юрия Федьковича,
ул. Коцюбинского, 2, 58012, г. Черновцы, Украина

Сделана попытка проанализировать место гетманской Украины во внешнеполитических проектах Дунайской монархии и кайзеровской Германии. Продемонстрированы различные интересы венского и берлинского правительств в украинском вопросе. Отмечается, что австро-венгерское руководство рассматривало режим Павла Скоропадского исключительно как источник продовольствия, а немецкая элита Украину воспринимала как основу для становления своей военно-политической и экономической гегемонии в континентальной Европе.

Ключевые слова: Украинская держава; гетман Павел Скоропадский; оккупация; Брестский мир; Четверной союз; «Срединная Европа».

ДА ПЫТАННЯ АБ МЕСЦЫ УКРАЇНСЬКОЇ ДЕРЖАВЫ Ї ГЕОПолІТИЧНИХ ПЛАНАХ АЇСТРА-ВЕНГРІЇ І ГЕРМАНСЬКОЇ ІМПЕРІЇ Ї 1918 г.

М. В. ГЛІБИЩУК^{1*}

^{1*}Чарнавіцкі нацыянальны ўніверсітэт імя Юрыя Федзьковіча,
вул. Кацюбінскага, 2, 58012, г. Чарнаўцы, Украіна

Зроблена спроба прааналізаваць месца гетманскай Украіны ў знешнепалітычных праектах Дунайскай манархіі і кайзераўскай Германіі. Прадэманстраваны розныя інтарэсы венскага і берлінскага ўрадаў ва ўкраінскім пытанні. Адзначаецца, што аўстра-венгерскае кіраўніцтва разглядала рэжым Паўла Скарапацкага выключна як крыніцу харчавання, нямецкая ж эліта разглядала Украіну як аснову для станаўлення сваёй ваенна-палітычнай і эканамічнай гегемоніі ў кантынентальнай Еўропе.

Ключавыя словы: Украінская дзяржава; гетман Павел Скарапацкі; акупацыя; Брэсцкі мір; Чацвярны саюз; «Сярэдзінная Еўропа».

Образец цитирования:

Глибищук НВ. К вопросу о месте Украинской державы в геополитических планах Австро-Венгрии и Германской империи в 1918 г. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2018;3:42–48.

For citation:

Hlibischuk NV. Revisiting question of the place of the Ukrainian State in the geopolitical plans of Austria-Hungary and the German Empire in 1918. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2018;3:42–48. Russian.

Автор:

Николай Васильевич Глибищук – кандидат исторических наук; ассистент кафедры истории нового и новейшего времени факультета истории, политологии и международных отношений.

Author:

Nikolai V. Hlibischuk, PhD (history); assistant at the department of modern and contemporary history, faculty of history, political science and international relations.
hlibischuk@gmail.com

REVISITING QUESTION OF THE PLACE OF THE UKRAINIAN STATE IN THE GEOPOLITICAL PLANS OF AUSTRIA-HUNGARY AND THE GERMAN EMPIRE IN 1918

N. V. HLIBISCHUK^a

^a*Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University,
2 Kotsubynskoho Street, Chernivtsi 58012, Ukraine*

In the article the author tried to analyze the place of Hetman Ukraine in the foreign policy projects of the Danube monarchy and Kaiser Germany. The author attempted to demonstrate the different interests of the Viennese and Berlin governments in the Ukrainian question. The Austro-Hungarian governance viewed Pavel Skoropadsky's regime solely as a source of food. The German elite viewed Ukraine as the basis for the formation of its military-political and economic hegemony in continental Europe.

Key words: Ukrainian State; hetman Pavel Skoropadsky; invasion; Treaty of Brest-Litovsk; Quadruple Alliance; «Mitteleuropa».

Введение

Первая мировая война оказалась не только глобальным военно-политическим противостоянием, но и последним аккордом в истории континентальных империй: Австро-Венгрии, Германии, России. Падение этих имперских образований привело к масштабным изменениям на политической карте европейского континента. На их местах возникли новые суверенные политии, которые после 1918 г. играли важную роль в Версальско-Вашингтонской системе международных отношений.

Одно из таких государств, возникшее на финальном этапе Первой мировой войны, – украинское государство. Провозглашение IV Универсала и подписание договоров на Брест-Литовской конференции 1918 г. окончательно оформили независимость молодой украинской республики. Однако внутренние и внешние факторы привели к падению Центральной рады и формированию либерально-консервативной формы государственности вместо социально-федералистической. Новое государство

носило название Украинская держава гетмана Павла Скоропадского.

Необходимо отметить, что тема гетманата П. Скоропадского является одной из наиболее дискуссионных не только в украинской, но и в западной историографии. Одним из наиболее спорных оказался вопрос о роли австро-немецкого фактора в становлении нового политического режима в Украине. Современные украинская, российская и западная историографии имеют значительные исследовательские наработки на эту тему таких историков, как В. Головченко и С. Солдатенко, Р. Пирог, Ю. Фельштинский, И. Михутина, Я. Бутак, Д. Бондаренко, А. Сагомоян, П. Боровский, В. Дорник и С. Карнер, О. Федюшин, М. фон Хаген, В. Люлевичус [1–18]. В настоящей публикации сделана попытка проанализировать только один аспект: место гетманской Украины во внешнеполитических проектах Дунайской монархии и Германской империи в 1918 г.

Основная часть

Следует подчеркнуть, что ни Берлин, ни Вена до 1914 г. не имели четкой позиции в украинском вопросе. Для Германской империи до начала Первой мировой войны эта проблема не вызывала политического интереса. В XIX в. лишь некоторые немецкие интеллектуалы пытались изучать эту проблематику, но только в контексте сепаратистского потенциала для ослабления царской России. Однако для Австро-Венгрии украинская тематика была приоритетной, поскольку имела важное внешнеполитическое и внутреннеполитическое значение. Венское правительство стремилось заручиться лояльностью украинского национального движения, часть которого заявляла о своей антигабсбургской позиции и пыталась найти на международной арене поддержку внешних сил. Тем более, что острую

полемику между Веной и Будапештом вызывал вопрос о контроле украинских земель в Дунайской монархии [19, с. 93–95].

Только начало войны 1914–1918 гг. дало импульс к формированию целостной позиции венского и берлинского правительств по отношению к украинскому вопросу. Начало революции 1917 г. в России привело к существенным изменениям в представлениях правительственных кругов Вены и Берлина по поводу Украины. Однако, на наш взгляд, неправильно утверждать, что Австро-Венгрия и Германия с момента начала революционных событий в Петрограде пытались использовать «украинскую карту» как важный шаг к победе на Восточном фронте и развалу России. Как утверждают западные исследователи Вольфрам Дорник

и Петер Либ, которые являются известными специалистами в изучении данной проблематики, в официальных и неофициальных военных программах 1914–1917 гг. этих государств нет ни единого слова о подрывных проектах или об Украине как о ключе к поражению России в войне [19, с. 101].

Политика Австро-Венгрии по отношению к Украине не была четко определенной ни перед Первой мировой войной, ни во время нее, ни в начале 1918 г. Более осмысленная позиция по отношению к Украине начинает формироваться в Дунайской монархии лишь после подписания мирного договора в Брест-Литовске.

Необходимо отметить, что украинское национальное движение всегда воспринималось венским правительством двояко. С одной стороны, было желание путем усиления подросийских украинцев ослабить Советскую Россию. С другой, нужно было действовать так, чтобы не допустить усиления позиций собственного украинского меньшинства и распространения центробежных и автономистских тенденций в Галиции и на Буковине. При этом следует иметь в виду и сильное национальное движение поляков, которое также выдвигало свои претензии на Буковину, Галицию и отдельные подросийские территории (Холмщину) [20, с. 6].

Таким образом, можем утверждать, что именно подписание договора между Центральной радой и Четвертым союзом кардинально изменило отношение Австро-Венгрии к украинскому вопросу. Главный для Вены смысл подписания Брестского договора в 1918 г. с украинской республикой и частично с оккупированными территориями заключался в обеспечении как можно большего и быстрого экспорта продовольствия в Вену. При необходимости Украина должна была обеспечиваться силой оружия австро-венгерских войск. Несмотря на то что против военных реквизиций раз за разом протестовали представители украинского правительства и немцы, австрийцы не отказывались от своих жестких методов, поскольку потребность в продовольствии для дальнейшего ведения войны была очень велика. Политика Австро-Венгрии по отношению к Украине в период с февраля 1918 г. и до лета того же года была направлена прежде всего на обеспечение экспорта продовольствия, поддержку оккупационного режима и подавление повстанческого движения. Однако в июне – июле 1918 г. вполне очевидными становятся изменения стратегии: по примеру немцев Дунайская монархия начала подключать украинские органы власти к управлению оккупационной политикой. Вместо произвольной расправы над повстанцами за акции против оккупационных войск или за создание препятствий для заготовки продовольствия подозреваемые после изменений представляли перед военно-полевыми судами или передавались в руки

украинского правосудия. Компетенции по заготовке продовольствия все больше передавались в ведение украинских правительственных институций, а применение войск было допустимо лишь в крайних случаях и во время транспортировки. В конце августа 1918 г. в подчинение гетмана П. Скоропадского был передан также и украинский военный курень, сформированный из российских военнопленных украинской национальности. Военные части Австро-Венгрии были проинструктированы относительно особенностей украинского государственного аппарата и конкретных полномочий, а также направлены на сотрудничество с украинскими властями [20, с. 15–16].

На наш взгляд, достаточно полно смысл планов австро-венгерского руководства по отношению к Украинской державе в 1918 г. охарактеризовал в своих мемуарах начальник цисарско-королевского генерального штаба Артур Фрайгер Арц фон Штрауссенбург: «Нашей миссией было получить доступ к территории Украины и ее запасам; нашей целью – удерживать контроль над каналом эвакуации по линии железной дороги Подволочиск – Одесса до одесского порта»¹ [21, с. 239].

Однако следует отметить, что хотя империя Габсбургов на момент заключения Брестского мирного договора была гораздо больше интегрирована в украинскую проблематику, чем империя Гогенцоллернов, Дунайская монархия оказалась в роли младшего партнера (немецкое командование сначала вообще рассчитывало обойтись собственными силами). К тому же соглашение о разделе сфер влияния в Украине от 29 марта 1918 г. относилось к австро-венгерской зоне оккупации часть Волыни, Подольскую, Херсонскую и Екатеринославскую губернии (от Крыма Вена отказалась), эти территории по экономическому потенциалу и геостратегическому положению существенно уступали тем регионам гетманата, о которых «заботилась» Германия.

Фактически австрийцы отрицали легитимность гетманского правления, считая Украинскую державу непризнанным протекторатом. Некоторое напряжение в украинско-австрийские отношения вносило и то обстоятельство, что эрцгерцог Вильгельм Габсбург рассматривался некоторыми политическими кругами как претендент на украинский престол. По большому счету именно вследствие наличия в составе Дунайской монархии западно-украинских земель высшие руководители Австро-Венгрии совсем не желали укрепления украинской государственности над Днепром и не верили в перспективу ее развития [1, с. 277–278].

Для Германской империи гетманат П. Скоропадского имел куда более важное военно-политическое значение, чем для австро-венгерской власти. Однако для того чтобы понять немецкую

¹Здесь и далее перевод наш. – Н. Г.

политику по отношению к Украине как на протяжении 1914–1917 гг., так и в 1918 г. необходимо прежде всего обратиться к концепции немецкой историографии по этой проблематике, поскольку вопрос о том, какие цели преследовала кайзеровская Германия в Первой мировой войне, вызвал одну из самых больших дискуссий историков после 1945 г. В рамках так называемой дискуссии Фишера научные круги оживленно, а иногда и полемически дискутировали на темы немецкой восточной политики и непрерывности немецких военных целей во время Первой мировой войны. Известный немецкий историк Фриц Фишер в своем фундаментальном исследовании пытался обнаружить существование своеобразного генерального плана военных и политических элит Германской империи. По его мнению, уже в период эйфории от полученных молниеносных побед на Западе в августе – сентябре 1914 г. вырисовывались контуры неограниченной аннексионистской и мирной политики 1918 г. Поэтому жесткие условия Брест-Литовского мирного договора вполне вписывались в традиции «стремления к мировому господству» Германии. Политику в отношении Украины Ф. Фишер рассматривал хоть и мимоходом, но в тех же рамках [22].

Такие суждения немецкого историка вызвали серьезную полемику. Часть ученых опровергала основные пункты утверждений Ф. Фишера. Тем более что современные исследования доказывают, что не было никаких стратегических целей ведения войны, а как раз наоборот, политика Германии по отношению к Востоку, в том числе и к Украине, менялась в зависимости от той или иной ситуации на фронте. Однако и сегодня большинство исследователей колеблется между двумя полюсами: целенаправленной и нецеленаправленной политикой по отношению к Украине [19, с. 95–96].

В годы Великой войны 1914–1918 гг. среди представителей немецкой элиты сформировалось несколько подходов к украинскому вопросу, которые имели существенные отличия:

- Пангерманский союз и Партия Отечества ставили целью разгром Российской империи и сдвиг ее границ далеко на восток, а существование независимой Украины рассматривали исключительно в пределах немецкой экономической экспансии на восток и колонизации Донбасса, Крыма и Приазовья;

- журналистско-академическая группа П. Рорбаха выступала за независимость нерусских народов Российской империи, а Украина потенциально рассматривалась главным форпостом в Восточной Европе, направленным против экспансии России на Запад;

- группа профессора А. Гетша развивала политическое направление фон Бисмарка и исходила из того, что Россия останется неделимым государством [1, с. 82].

Однако какое место в геополитических планах немецкого руководства занимала Украинская держава в 1918 г.? Конечно, стержневой линией Германии во взаимоотношениях с украинской стороной выступала реализация экономического потенциала Брестского мира, названного *Brotfrieden* (нем. хлебный). Именно способность обеспечить выполнение договорных обязательств по поставкам продовольствия и сырья определяла перспективы взаимоотношений немецкого правительства с новым режимом и его дальнейшую судьбу [1, с. 268]. Однако Берлин рассматривал гетманат П. Скоропадского не только как источник продовольствия, но и как огромную экономическую базу. Инициативы империи были организованы и развивались в направлении проведения аграрной реформы решения вопросов о банках и железных дорогах, а также о железной руде и угле [22, с. 564].

Германская делегация в Украине требовала передела земли и компенсации помещикам. Центральная рада, популярность которой в стране основывалась на конфискации помещичьих земель без выкупа и на их разделе, этот проект отклонила. Однако новый политический режим ликвидировал все социалистические преобразования в аграрной сфере. Ближайшая цель Германии заключалась в реализации стремления вновь запустить украинские угольную и горнорудную отрасли, а также черную металлургию в целях получить как источник сырья, так и подконтрольное Германии производство продукции. Уже в конце весны 1918 г. германская сторона предложила по образцу Бельгии создать германо-украинское общество по добыче железной руды, которое принесло бы Германии полуфабрикаты и готовую продукцию вместе с домами, а Украине – шахты и часть добываемого сырья [22, с. 564–565].

Вопрос о железных дорогах и теснейшим образом связанный с ним банковский вопрос были урегулированы таким образом, что украинское государство в 1918 г. стало ценнейшим сырьевым и торговым партнером Германии. Была предусмотрена не только перешивка путей на другую колею, но и постройка новых веток в западном и южном направлениях, которые концентрировали бы в направлении Германии железнодорожную сеть Украины. Более того, в рамках банковского вопроса реорганизовывался и рынок капитала в Украине, а также создавалась связанная с Германией валюта, причем переориентация на Германию украинского рынка только усиливалась германскими займами [22, с. 566].

Для оправдания такой политики Германии в немецкой печати нередко приводился тезис, гласящий, что целью помощи Украине со стороны Центральных держав было недопущение ее соединения с Россией. Так, обозреватель газеты *Der Tag* Э. Енли писал, что задачей Германии является «выкопать

наибольшую пропасть между Россией и Украиной» [1, с. 270]. Другая часть аналитиков пыталась обосновать приход к власти П. Скоропадского с конкретно исторических позиций, правда, не слишком удачно. Газета *Deutsche Warschauer Zeitung* 22 мая 1918 г. отмечала: «На исторической традиции украинского народа, над которым ко времени полного порабощения Московией господствовали гетманы» [1, с. 270]. Автор статьи прогнозировал, что, поскольку П. Скоропадский выводит свой род от последнего гетмана Украины, «крестьянин охотно будет подчиняться новым распоряжениям, которые так отличаются от фантастических программ коммунистических теорий» [1, с. 270].

Кроме указанных выше экономических интересов, немецкая военная и политическая элита преследовала куда более масштабные цели в украинском государстве. Интересно, что Германия, исходя из своих геополитических интересов, пыталась не допустить чрезмерного усиления польского элемента на оккупированных территориях. Высшее немецкое руководство усматривало в независимости гетманата П. Скоропадского противовес российскому и польскому влиянию в Центральной и Восточной Европе. В связи с этим Берлин поддерживал Киев в плане определения линии границы в украинско-польском конфликте. На все просьбы официальной Вены оказать совместными усилиями давление на украинское государство с целью добиться согласия на изменение будущего определенной Брестским мирным договором польско-украинской границы Германия давала отрицательный ответ [1, с. 342].

Следует отметить, что одним из обоснований такой позиции является то, что разные правительственные структуры Германии имели противоположные представления о роли гетманской Украины в послевоенном будущем. В отличие от немецких генералов, которые режим П. Скоропадского рассматривали в первую очередь как источник ресурсов, министерство иностранных дел и экономическое управление Германской империи имели совсем другой подход. Они намеревались принять

активное участие в создании функциональных государственных институтов Украинской державы, прежде всего предоставляя консультативную поддержку по всем экономическим, социально-политическим, финансовым и административным вопросам [23, с. 271].

Однако масштабные планы Берлина в отношении гетманской Украины не ограничивались только политико-экономическими целями. Украинская держава П. Скоропадского была важной составляющей реализации геополитической концепции Германской империи – «Срединной Европы» (*Mitteleuropa*). Очевидно, что в «Срединной Европе» главную политическую и экономическую роль должна была играть Германия, однако формирование этой структуры должно было состояться путем политической и экономической централизации и подписанием системы государственных договоров. Фундамент этой договорной системы должен был заложить государственный договор между Германией и Австро-Венгрией. Представители немецкой элиты считали, что путь к «Срединной Европе» лежит через заключение хозяйственно-экономического союза между Германской и Австро-Венгерской империями. По мнению немцев, это должен был оказаться быстрый, логичный и закономерный процесс консолидации Центрально-Восточной Европы [24, с. 197]. В этой системе Украина должна была занять важное место, ведь немецкое руководство рассматривало ее как инструмент для реализации этой внешнеполитической доктрины. Известный немецкий генерал Рихард фон Кюльман, дискутируя о значении Украинской державы в этом геополитическом проекте, заявил: «Мы должны обеспечить себе возможность, чтобы близкие к нам территориально и ставшие нам близкими за счет исторических и иных связей государства получили бы особый режим в экономической сфере» [22, с. 507–508]. Как видим, по замыслу создателей этой системы гетманская Украина должна была стать не только сырьевой базой и рынком сбыта, но и заметным экономическим игроком, с интересами которого надо считаться.

Выводы

Подводя итоги, хотелось бы акцентировать внимание на двух важных аспектах. Во-первых, ни в Австро-Венгрии, ни в кайзеровской Германии на протяжении 1914–1917 гг. не был разработан концептуальный подход к украинскому вопросу. Только после революционного взрыва на территории Российской империи Вена и Берлин активизировали свою политику по отношению к Украине. Поэтому утверждать, как это делают некоторые современные исследователи, что создание украинского государства – это запланированная военно-поли-

тическая стратегия Центральных держав для победы над Россией в войне, на наш взгляд, неуместно. Во-вторых, венское и берлинское правительства имели различные проекты по отношению к гетманату П. Скоропадского. Если для австро-венгерских властей Украинская держава была исключительно базой для добычи продовольственных ресурсов, то Германия строила более серьезные планы. Без преувеличения можно утверждать, что для Германской империи Украина была важным звеном в установлении своей гегемонии в континентальной Европе.

Бібліографічні посилання

1. Головченко ВІ, Солдатенко СФ. *Українське питання в роки Першої світової війни*. Київ: Прапарламентське видо-вещтво; 2009.
2. Пиріг РЯ. *Гетьманат Павла Скоропадського: між Німеччиною і Росією*. Київ: Інститут історії України; 2008.
3. Пиріг РЯ. *Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси*. Київ: Інститут історії України; 2011.
4. Пиріг РЯ. *Діяльність урядів гетьманату Павла Скоропадського: персональний вимір*. Київ: Інститут історії України; 2016. 518 с.
5. Пиріг РЯ. *Відносини України і Центральних держав: нетипова окупація 1918 року*. Київ: Інститут історії України; 2018.
6. Фельштинський ЮГ. *Крушение мировой революции. Брестский мир*. Москва: Терра; 1992.
7. Михутина ІВ. *Украинский Брестский мир*. Москва: Европа; 2007.
8. Бутаков ЯН. *Брестский мир. Ловушка Ленина для кайзеровской Германии*. Москва: Вече; 2012.
9. Бондаренко ДЯ. К вопросу о легитимности участия Украины на Брест-Литовских переговорах. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2009;11:366–368.
10. Сагомонян АА. Брестский мир: международно-политический аспект. *Вестник Московского лингвистического университета. Общественные науки*. 2012;2:92–97.
11. Borowsky P. *Deutsche Ukraine politik 1918 unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen*. Lübeck, Hamburg: Hatthiesen; 1970.
12. Borowsky P. Paul Rohrbach und die Ukraine. Ein Beitrag zum Kontinuitätsproblem. In: Geiss I, Wendt BJ, herausgeber *Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts*, Düsseldorf: VS Verlag für Sozialwissenschaften; 1972. s. 437–462.
13. Borowsky P. Germany's Ukrainian Policy during World War I and the Revolution 1918–1919. In: Torke H-J, Himka J-P, editors. *German-Ukrainian Relations in Historical Perspective*. Edmonton, Toronto: GIUS Press; 1994. p. 84–94.
14. Dornik W, Karner S, Herausgeber. *Die Besatzung der Ukraine 1918. Historischer Kontext – Forschungsstand – wirtschaftliche und soziale Folgen*. Graz: Verein; 2008.
15. Fedyshyn O. *Germany's Drive to the East and the Ukrainian Revolution 1917–1918*. New Brunswick: Rutgers University Press; 1971.
16. Hagen M. *War in a European Borderland: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine. 1914–1918*. Seattle: Herbert J. Ellison Center for Russian, East European, and Central Asian Studies, University of Washington; 2007.
17. Liulevicius V. *War Land on the Eastern Front. Culture, National Identity and German Occupation in World War I*. Cambridge: Cambridge University Press; 2000.
18. Liulevicius VG. *Kriegsland im Osten. Eroberung, Kolonisierung und Militärherrschaft im Ersten Weltkrieg*. Hamburg: Hamburg Edition; 2002.
19. Дорнік В, Ліб П. Політика Центральних держав щодо України під час Першої світової війни. В: Дорнік В, Касьянов Г, Ліб П, Ляйзінген Г, Мімлер А, Мусол Б, Расевич В. *Україна між самовизначенням та окупацією: 1917–1922 роки*. Київ: Ніка-Центр; 2015. С. 93–128.
20. Дорнік В. Політика Австро-Угорщини щодо України в роки Першої світової війни. В: *Перша світова війна та проблема державотворення у Центральній та Східній Європі (до 90-річчя закінчення Першої світової війни)*. Матеріали міжнародної наукової конференції; 29–30 жовтня 2008 з.; Чернівці, Україна. Чернівці; 2009. С. 6–22.
21. Generaloberst Arz. *Zur Geschichte des Grossen Krieges 1914–1918. Aufzeichnungen von Generaloberst Arz*. Wien, Leipzig, Munchen: Rikola Verlag; 1924.
22. Фишер Ф. *Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг.* Лан-ник АВ, переводчик. Москва: Политическая энциклопедия; 2017.
23. Дорнік В, Ліб П. Німецька імперія та Австро-Угорщина як окупанти України 1918 р. В: Дорнік В, Касьянов Г, Ліб П, Ляйзінген Г, Мімлер А, Мусол Б, Расевич В. *Україна між самовизначенням та окупацією: 1917–1922 роки*. Київ: Наука-Центр; 2015. с. 195–316.
24. Троян СС. Німецька ліберальноімперіалістична середньоевропейська концепція Фрідріха Наумана періоду Першої світової війни. *Зовнішня політика і дипломатія: традиції, тренди, досвід*. 2009;21:193–200.

References

1. Holovchenko VI, Soldatenko CF. *Ukrain's'ke pytannja v roky Pershoi' svitovoi' vijny* [Ukrainian question in the years of the First World War]. Kiev: Pralaments'ke vydovectvo; 2009. Ukrainian.
2. Pyrih RYa. *Get'manat Pavla Skoropads'kogo: mizh Nimechchynuju i Rosijeju* [Hetmanat of Pavlo Skoropadskyi: between Germany and Russia]. Kiev: Instytut istorii Ukraïny; 2008. Ukrainian.
3. Pyrih RYa. *Ukrain's'ka get'mans'ka derzhava 1918 roku. Istorychni narysy* [Ukrainian hetman state of 1918. Historical sketches]. Kiev: Instytut istorii Ukraïny; 2011. Ukrainian.
4. Pyrih RYa. *Dijal'nist' urjadiv get'manatu Pavla Skoropads'kogo: personal'nyj vymir* [The activity of hetmanat governments of Pavlo Skoropadskyi: personal dimension]. Kiev: Instytut istorii Ukraïny; 2016. Ukrainian.
5. Pyrih RYa. *Vidnosyny Ukraïny i Central'nyh derzhav: netypova okupacija 1918 roku* [The relationships of Ukraine and Central states: non-typical occupation of 1918]. Kiev: Instytut istorii Ukraïny; 2018. Ukrainian.
6. Fel'shtynskii YuH. *Krushenie mirovoi revolyutsii. Brestskii mir* [The collapse of the world revolution. Brest peace]. Moscow: Terra; 1992. Russian.
7. Mykhutina IV. *Ukrainskii Brestskii mir* [Ukrainian Brest peace]. Moscow: Evropa; 2007. Russian.
8. Butakov YaN. *Brestskii mir. Lovushka Lenina dlya kaizerovskoi Germanii* [Brest peace. Lenin's trap for Kaiser Germany]. Moscow: Veche; 2012. Russian.
9. Bondarenko DY. Problem of legitimacy of Ukraine's participation in Brest-Litovsk peace negotiations. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [The newsletter of Tambovsk university. Series: The Humanities]. 2009;11: 366–368. Russian.

10. Sagomonyan AA. Brest treaty: international-political aspect. *Vestnik Moskovskogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [The newsletter of Moscow Linguistic University. Social Sciences]. 2012;2:92–97. Russian.
11. Borowsky P. *Deutsche Ukraine politik 1918 unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen*. Lübeck, Hamburg: Matthiesen; 1970. German.
12. Borowsky P. Paul Rohrbach und die Ukraine. Ein Beitrag zum Kontinuitätsproblem. In: Geiss I, Wendt BJ, herausgeber. *Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts*; Düsseldorf: VS Verlag für Sozialwissenschaftler; 1972. S. 437–462. German.
13. Borowsky P. Germany's Ukrainian Policy during World War I and the Revolution 1918–1919. In: Torke H-Y, Himka J-P, editors. *German-Ukrainian Relations in Historical Perspective*. Edmonton, Toronto: CIUS Press; 1994. p. 84–94.
14. Dornik W, Karner S, Herausgeber. *Die Besatzung der Ukraine 1918. Historischer Kontext – Forschungsstand – wirtschaftliche und soziale Folgen*. Graz: Verein; 2008. German.
15. Fedyshyn O. *Germany's Drive to the East and the Ukrainian Revolution 1917–1918*. New Brunswick: Rutgers University Press; 1971.
16. Hagen M. *War in a European Borderland: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine. 1914–1918*. Seattle: Herbert J. Ellison Center for Russian, East European, and Central Asian Studies, University of Washington; 2007.
17. Liulevicius V. *War Land on the Eastern Front. Culture, National Identity and German Occupation in World War I*. Cambridge: Cambridge University Press; 2000.
18. Liulevicius V. *Kriegsland im Osten. Eroberung, Kolonisierung und Militärherrschaft im Ersten Weltkrieg*. Hamburg: Hamburg edition; 2002.
19. Dornik V, Lib P. Polityka Central'nyh derzhav shhodo Ukrai'ny pid chas Pershoi' svitovoi' vijny [The policy of the Central states towards Ukraine during the First World War]. In: Dornik W, Sasianov G, Leidinger H, Lieb P, Miller A, Mussial B, Rasenyc V. *Ukraine between self-determination and occupation: 1917–1922*. Kiev: Nauka-Tsentr; 2015. p. 93–128. Ukrainian.
20. Dornik V. Polityka Avstro-Ugorshhyny shhodo Ukrai'ny v roky Pershoi' svitovoi' vijny [The policy of Austria-Hungary towards Ukraine in the years of the First World War]. In: *Persha svitova vijna ta problema derzhavotvorennja u Central'nij ta Shidnij Jevropi (do 90-richchja zakinchennja Pershoi' svitovoi' vijny)*. 2008 October 29–30; Chernivitsi, Ukrainian. Chernivitsi: Chernivets'kyi natsional'nyi universytet imeni IU. Fed'kovycha; 2009. p. 6–22. Ukrainian.
21. Gerereloberst Arz. *Zur Geschichte des Grossen Krieges 1914–1918. Aufzeichnungen von Generaloberst Arz*. Wien, Leipzig, Munchen: Rikova Verlag; 1924. German.
22. Fischer F. *Griff nach der Weltmacht: Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18*. Düsseldorf: Droste Verlag; 1967. Russian edition: Fischer F. *Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voennykh tselei kaizerovskoi Germanii v 1914–1918 gg*. Lannik AV, translator. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya; 2017.
23. Dornik V, Lib P. *Nimec'ka imperija ta Avstro-Ugorshhyna jak okupanty Ukrai'ny 1918 r.* [The German Empire and Austria-Hungary as occupiers of Ukraine of 1918]. In: Dornik W, Sasianov G, Leidinger H, Lieb P, Miller A, Mussial B, Rasenyc V. *Ukraine between self-determination and occupation: 1917–1922*. Kiev: Nauka-Tsentr; 2015. p. 195–316. Ukrainian.
24. Troyan SS. [German liberal and imperialist «Mitteleuropa» concept of Fridrich Naumann during the First World War / Diplomatic Academy of Ukraine, Ministry of Foreign Affairs of Ukraine]. *Zovnishnja polityka i dyplomatiya: tradycii', trendy, dosvid* [The outer politics and diplomacy: traditions, trends, experience]. 2009;21:193–200. Russian.

Статья поступила в редакцию 04.06.2018.
Received by editorial board 04.06.2018.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 94

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПОГРОМЫ: ЛИТВА И БЕЛАРУСЬ В НАЧАЛЕ XX в.

Д. СТАЛЮНАС¹⁾

¹⁾Институт истории Литвы, ул. Кражю 5, 01108, г. Вильнюс, Литва

Утверждается, что очень продуктивным может оказаться сравнение ситуации в Литве и Беларуси при изучении антиеврейского насилия в имперской России. Отмечено, что если в начале 1880-х гг. интенсивность антиеврейских настроений и насилия была небольшой, по сравнению с югом империи, то во время революции 1905 г. разница между этими двумя регионами уже была ощутимой (единичные случаи погромов в Литве и около 70 инцидентов в Беларуси в период с 1903 по 1906 г.). Утверждается, что главной причиной оказался антиимперский характер и литовского, и польского национального движения, в то время как в Беларуси часть православного населения была готова защитить царя и проучить революционеров-евреев.

Ключевые слова: погром; Беларусь; Литва; Российская империя; модернизация; конфессия.

МАДЭРНІЗАЦЫЯ І ПАГРОМЫ: ЛІТВА І БЕЛАРУСЬ НА ПАЧАТКУ XX ст.

Д. СТАЛЮНАС^{1*}

^{1*}Інстытут гісторыі Літвы, вул. Кражу, 5, 01108, г. Вільнюс, Літва

Сцвярджаецца, што вельмі прадуктыўным можа аказацца параўнанне сітуацыі ў Літве і Беларусі пры вывучэнні антыяўрэйскага гвалту ў Расійскай імперыі. Адзначана, што калі на пачатку 1880-х гг. інтэнсіўнасць антыяўрэйскіх настрояў і гвалту і была нязначнай у параўнанні з поўднем імперыі, то падчас рэвалюцыі 1905 г. розніца паміж гэтымі двума рэгіёнамі ўжо была адчувальнай (адзінкавыя выпадкі пагромаў у Літве і каля 70 інцыдэнтаў у Беларусі ў перы-

Образец цитирования:

Сталюнас Д. Модернизация и погромы: Литва и Беларусь в начале XX в. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;3:49–54.

For citation:

Staliūnas D. Modernization and pogroms: Lithuania and Belarus at the beginning of the XX century. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;3:49–54. Russian.

Автор:

Дариус Сталюнас – доктор исторических наук; заместитель директора.

Author:

Darius Staliūnas, doctor of historical science; vice-director. darius.staliunas@istorija.lt

яд з 1903 па 1906 г.). Сцвярджаецца, што галоўнай прычынай стаў антыімперскі характар і літоўскага, і польскага нацыянальнага руху, у той час як у Беларусі частка праваслаўнага насельніцтва была гатова абараніць цара і правучыць рэвалюцыянераў-яўрэяў.

Ключавыя словы: пагром; Беларусь; Літва; Расійская імперыя; мадэрнізацыя; канфесія.

MODERNIZATION AND POGROMS: LITHUANIA AND BELARUS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

D. STALIŪNAS^a

^a*Lithuanian Institute of History, 5 Kražių Street, Vilnius 01108, Lithuania*

In this article I argue that Lithuania is a very suitable region for comparison with Belarus, when investigating the anti-Jewish pogroms in the 19th century. If at the beginning of the 1880s the scale of anti-Jewish violence was minor in both the Lithuanian and Belarusian provinces, then during the 1905 revolution and even on its eve the situation in these two regions already differed radically (few pogroms in Lithuanian and approx. 70 in Belarus' between 1903 and 1906). This article argues, that it was the anti-tsarist nature of Lithuanian and Polish nationalism that is the most important difference between Lithuania and Belarus during the Revolution of 1905, when a wave of pogroms swept through the Russian empire, including Belarus, one of the main reasons for which was a desire on the part of the Orthodox population to teach the Jews a lesson for being revolutionaries.

Key words: pogrom; Belarus; Lithuania; Russian Empire; Modernization; Confession.

Настоящая статья подготовлена на основании написанной нами в 2015 г. монографии [1]. Долгое время в историографии, посвященной антиеврейским погромам в империи Романовых, господствовало убеждение в том, что погромы были организованы имперскими властями. Основателем такой интерпретации является известный историк и еврейский общественный деятель позднеимперского периода Семен Дубнов. Однако эта интерпретация, которая и сейчас имеет небольшое число последователей, на данный момент не представила убедительных доказательств и, что не менее важно, не совсем логична. С. Дубнов, например, утверждал, что на юге империи Романовых антиеврейские погромы были инспирированы царскими властями, а в Северо-Западном крае те же власти, в первую очередь виленский генерал-губернатор Э. И. Тотлебен, предотвратили массовое антиеврейское насилие [2, с. 97–147]. Никакого логического объяснения того, почему имперские власти так по-разному относились к погромам, известный историк не представил.

В центре настоящего исследования как раз и лежит Северо-Западный край, он рассматривается не как единое целое, а разделяется на Литву и Беларусь. Эти регионы понимаются в первую очередь как две территории с преобладанием одной из конфессий: Литва, т. е. Виленская, Ковенская и Сувалкская (часть царства Польского или Привислинского края) губернии, в которых большинство населения составляли католики, и Беларусь, т. е. Минская, Гродненская, Витебская и Могилевская губернии с преобладанием православного населения. В настоящей статье сделана попытка доказать, что ин-

тенсивность антиеврейского насилия в Российской империи зависела от многих факторов, в том числе и от конфессиональной принадлежности большинства населения. Именно поэтому в данном случае не так важны ментальные карты еврейского и христианского населения, включая и имперские элиты [3].

Под погромом понимаем такую форму одностороннего, коллективного, негосударственного насилия, своеобразного самосуда, к которому доминирующая группа прибегает тогда, когда теряет надежду на наказание другой этнической группы за причиненную обиду со стороны власти. При этом доминирующая группа считает всю «провинившуюся» группу ответственной за причиненный ущерб или обиду [4, р. 488]. Погромом будем считать только такие случаи насилия, которые продолжаются как минимум несколько часов и происходят в общественных местах, а также те, в которых участвуют, по крайней мере, несколько десятков погромщиков.

В начале 1880-х гг., когда по югу империи прокатилась первая волна погромов [5], в Северо-Западном крае, т. е. в Литве и Беларуси, по сравнению с южными губерниями было спокойно, поскольку несмотря на то, что наблюдалась осязательная антиеврейская пропаганда, слышались призывы к погромам и учащались нападки на евреев, ни один конфликт в Беларуси не перерос в погром, в Литве же таких случаев было только два: в 1881 г. в Балвержишках (Балбиеришкис) и 1882 г. в Приенай (оба в Сувалкской губернии).

Совсем другую ситуацию видим в начале XX в. В Литве произошло около 7 погромов, все в ма-

леньких городках (штетлах). Пострадавших было очень мало, а две жертвы – это, скорее, непредвиденный результат [1]. Иначе говоря, литовские погромщики не собирались никого убивать, а когда это случилось – сами испугались и разбежались. Картина антиеврейского насилия в Беларуси начала XX в. совсем другая: только в 1904 г. произошло примерно 30 погромов и еще около 40 – во время революции 1905 г. [1, р. 216–217; 6, р. 215–218, 228] Некоторые из этих погромов были очень жестокими: во время Белостокского погрома 1–3 июня 1906 г. было убито около 80 евреев, сотни получили ранения [7, с. 339–340].

Первый большой погром в Беларуси был совершен в Гомеле еще в 1903 г. гомельский погром, вместе с произошедшим в том же году кишиневским погромом, является символическим началом новой волны антиеврейского насилия, продолжавшегося до 1906 г. Началом конфликта стал небольшой инцидент, произошедший на гомельском рынке 29 августа 1906 г. Эпизод перерос в физическое столкновение между двумя этноконфессиональными группами, в результате был убит один крестьянин. Погром, продолжавшийся в Гомеле 1 и 2 сентября 1906 г., привел к жертвам с обеих сторон. Несмотря на то что местные революционеры и некоторые современные историки утверждают, что за погромом стояли местные власти, даже эта историография приводит факты, показывающие, что местная полиция старалась предотвратить массовое антиеврейское насилие [8, с. 35–48; 9, с. 84–85; 10, с. 91–97]. Однако следует признать и тот факт, что власти также предпринимали и меры по предотвращению еврейской самообороны.

Необходимо заметить, что интенсивность межэтнического насилия, в этом случае число и масштаб антиеврейских погромов, необязательно зависит от роли антисемитизма как идеологии. Как утверждают известные теоретики межэтнического насилия Роджерс Брубакер и Давид Д. Лаитин, даже в тех случаях, когда подобное насилие происходит на основе уже существующих конфликтов, его следует не объяснять как натуральный продукт конфликта, а изучать как отдельный феномен [11, р. 426]. Подтверждением этому тезису может служить ситуация в царстве Польском, где, несмотря на нарастающее влияние антисемитизма, число погромов было небольшим по сравнению со многими губерниями за чертой еврейской оседлости [12, р. 219–255].

Если сравнить белорусское и литовское национальные движения, то обнаружится, что в первом случае сложно найти не только антисемитизм в смысле современной идеологии, но и любые выраженные формы юдофобии, особенно если анализировать главный рупор белорусского национального движения – газету «Наша нива» [13, р. 17].

В случае с литовским национальным движением все намного сложнее.

В конце XIX в. антисемитизм в той или иной форме проявлялся во всех главных политических течениях литовского национализма за исключением социал-демократов. Однако с начала XX в., а особенно с революции 1905 г., проявления антисемитизма либо исчезли вовсе, либо появлялись очень редко не только в публицистике либеральных деятелей, но и в публикациях деятелей правого крыла. Начиная с революции 1905 г. только клерикальная литовская пресса продолжала антисемитскую пропаганду. Изменение отношения литовских либералов и правых (кроме клерикалов, как уже было упомянуто) к евреям было связано с политизацией литовского национального движения и поиском потенциальных союзников. Литовский национализм столкнулся с трудно осуществимой задачей достижения территориальной автономии в так называемых этнографических границах, а позже – с задачей создания национального государства. Столицей этой проектируемой автономии должен был стать Вильнюс, в котором литовцы составляли около 2 % населения. Для польского национального движения этот город (как, кстати, и вся территория бывшего Великого княжества Литовского) был частью польского «национального тела», для белорусской интеллигенции – частью «этнографической Беларуси», а для имперских элит – частью Руси, т. е. русской территорией в этническом и историческом отношении. В связи с этим во многих ситуациях начиная с XX в. литовские и еврейские деятели вели более интенсивное сотрудничество друг с другом, например, во время выборов в государственные думы в Ковенской губернии. Этот прагматический альянс уменьшает проявления антисемитизма и антиеврейской риторики в литовском национальном движении [1, р. 63–83]. В любом случае, если бы главной причиной антиеврейских погромов был антисемитизм, то больше их было бы в Литве, а не в Беларуси.

Понятно, что абсолютно идентичных погромов в Литве и в Беларуси не было, но число случаев массового насилия против евреев в обоих регионах позволяет искать общие причины, которые смогут объяснить сравнительно большое число инцидентов в Беларуси (однако, надо признать, что здесь их было намного меньше, чем на юге Российской империи) и малую интенсивность такого насилия в Литве. Произведенный сравнительный анализ позволяет указать на четыре причины, которые в разной степени могут объяснить эту разницу, представили их ниже по возрастанию степени важности.

Однако перед тем как перейти к обсуждению причин, необходимо подчеркнуть тот факт, что вряд ли можно винить имперские власти в погро-

мах. Конечно, в начале XX в. все большее число имперских чиновников, по сравнению с 1880-ми гг., пропагандировали антисемитизм. Некоторые из них, особенно представители среднего и низшего звена, как и некоторые офицеры и полицейские чиновники, подстрекали к насилию против евреев и даже сами участвовали в погромах [14, с. 20–34]. Однако для нас этот фактор вряд ли может быть важен, поскольку такие попытки предпринимались не только в Беларуси, но и в Литве. Даже если предположить, что указанные действия со стороны отдельных чиновников действительно приводили к погромам, то необходимо отметить, что эти попытки были успешными только в Беларуси, следовательно, необходимо искать другие причины для объяснения разницы между двумя регионами.

Во-первых, важную роль для распространения антиеврейских настроений могло играть географическое положение. Белорусские губернии были ближе, чем литовские, к украинским губерниям, например, к Черниговской и Киевской, где во время революции 1905 г. произошло большее число погромов, чем в любой другой губернии черты оседлости (90 и 45 соответственно) [15, с. 77]. Это важно, потому что в белорусские губернии быстрее проникали новости о погромах, т. е. легче создавалась «погромная атмосфера», иначе говоря, возникало суждение о том, что евреев можно избивать. К тому же бывали случаи, когда главными зачинщиками погромов на территории Беларуси были приехавшие из украинских губерний погромщики [16, с. 167].

В ситуации с погромами в белорусских губерниях важную роль могла играть также и более быстрая урбанизация и индустриализация в этом регионе. Исследователи ищут причины погромов 1880-х гг. на Украине именно в этих факторах. Если темпы урбанизации в Виленской, с одной стороны, и Гродненской и Минской губерниях, с другой, были более или менее одинаковые, то сравнение между Ковенской (14 % прирост городского населения с 1897 по 1910 г.), с одной стороны, и Могилевской и Витебской (69 и 48 % прирост соответственно), с другой, уже более ощутим [17, р. 183]. Социологические теории, в свою очередь, говорят о том, что коллективное насилие может быстрее возникнуть там, где большее число незнакомых людей [18, р. 107]. Говоря о промышленном производстве, особое внимание следует уделить Белостоку, где развивалась текстильная промышленность. Традиционно евреи в этом городе работали с ручными станками, а христианские рабочие – с механическими, однако на рубеже веков в некоторых предприятиях ситуация изменилась: евреи заняли «христианскую» сферу, т. е. были допущены к работе на механических станках. На этой почве начинали возникать

конфликты, во время некоторых из них христиане запугивали евреев грозящими им погромами [19, р. 39–40; 20, р. 19–22]. С другой стороны, необходимо признать, что анализ самих погромов, например белостокского, не подтверждает гипотезу о влиянии социально-экономических причин на возникновение погромов. Когда говорим «анализ самих погромов», имеем ввиду анализ в стиле так называемого культурного поворота при изучении коллективного насилия, который говорит о том, что такое насилие «культурно сконструировано, имеет смысл, символику и ритуал» [11, р. 441], а, проще говоря, погром – это инструмент доминирующей группы, использующей его как метод для передачи какой-либо вести. Расшифровать эту весть можно при тщательном анализе действий погромщиков. Так, действия во время белостокского погрома почти никаким образом не указывают на социальные или экономические причины насилия. В связи с этим можно предполагать, что конфликты на экономической почве поощряли межэтнические отношения в Белостоке, но не стали тем главным стимулом к насилию.

Третьим важным фактором выступила деятельность некоторых революционных организаций в первую очередь в том же Белостоке. В 1903–1905 гг. одной из самых влиятельных политических организаций революционного направления (если не самой влиятельной) в Белостоке были анархисты, большинство из которых – евреи. Одним из главных инструментов революционной борьбы для белостокских активистов была террористическая деятельность, причем направленная не только против государственных структур, чиновников, офицеров и солдат, но и против зажиточных жителей города. По мнению местных властей и даже БУНДа (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России), такая деятельность анархистов являлась провокацией [21, с. 208–209]. Мало кого волновал тот факт, что даже на пике деятельности анархистов их число в городе не превышало 200 человек, это была ничтожная часть белостокского еврейского общества, к тому же анархисты, как правило, обрывали все связи с общиной и в их деятельности не наблюдалось ничего еврейского. Однако в глазах христианского населения еврейское общество отвечало за деятельность каждого своего представителя. Следует уточнить, что, обращая внимание на деятельность белостокских анархистов, мы не говорим о том, что сами евреи виноваты в возникновении погромов, но, включив это обстоятельство в рассуждения, вряд ли возможно понять логику погромщиков.

Все приведенные выше обстоятельства могут в какой-то мере объяснить антиеврейские погромы в некоторых местностях Беларуси, но не во всем этом регионе. Указанных причин явно недостаточно

но для того, чтобы объяснить разницу между Литвой и Беларусью в этом отношении.

Главной причиной более интенсивного антиеврейского насилия в Беларуси, по сравнению с Литвой, был конфессиональный состав населения: в Литве господствовал католицизм, а в Беларуси – православие (в Минской, Могилевской и Витебской губерниях по данным 1858 г. православных было больше чем 70 %), что в то же время было связано с лояльностью империи Романовых и влиянием русского национализма. Многие погромы осени 1905 г. происходили по очень похожей схеме: либеральные и левые силы, в том числе и многие евреи, с радостью встречали октябрьский манифест 1905 г. и часто выходили на улицы с красными и черными флагами. У многих русских и других проимперски настроенных подданных создавалось впечатление того, что евреи вводят свой порядок. Проимперские группы на это отвечали контрманифестациями, которые часто перерождались в антиеврейские погромы. Погромы были инструментом, при помощи которого надо было «поставить евреев на место» [16, с. 167, 172–173, 183; 22, р. 213; 23, р. 272]. Типичная для Беларуси времен революции 1905 г. ситуация сложилась в Полоцке. Осенью 1905 г. в этом городе активную

деятельность развивали разные революционные еврейские организации, и эта деятельность явно раздражала консервативно и проимперски настроенные слои населения Полоцка. У некоторых представителей последних создавалось впечатление, что евреи не скрывают своей враждебности по отношению к царю и чувствуют себя хозяевами в городе. Это, по свидетельству одного современника, стало причиной антиеврейского погрома [24, S. 488–497].

В заключение следует сказать, что большое количество погромов в Беларуси и сравнительно малое в Литве можно в некоторой степени объяснить разными темпами модернизации; географической близостью белорусских губерний к украинским, где антиеврейское насилие было более интенсивным и имело старые традиции; деятельностью анархистов в Белостоке. Однако главной причиной было все же то, что в Беларуси слой населения, бывший под влиянием проимперской и русской национальной идеологии был более многочисленным, чем в Литве. Поэтому в Орше, Могилёве, Полоцке и других белорусских городах легче, чем в католической Литве собиралась критическая масса населения, готовая защищать царя, империю и православие от «еврейской угрозы».

Библиографические ссылки

1. Staliūnas D. *Enemies for a Day: antisemitism and Anti-Jewish Violence in Lithuania under the Tsars*. Budapest, New York: Central European University Press; 2015.
2. Дубнов СМ. *Новейшая история еврейского народа. Том 3: 1881–1914*. Берлин: Грани; 1923.
3. Staliūnas D, editor. *Spatial Concepts of Lithuania in the Long Nineteenth Century*. Boston: Academic Studies Press; 2016.
4. Bergmann W. Ethnic Riots in Situations of Loss of Control: Revolution, Civil War, and Regime Change as Opportunity Structures for Anti-Jewish Violence in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe. In: Heitmeyer W, Haupt H-G, Malthaner S, Kirschner A, editors. *Control of Violence. Historical and International Perspectives on Violence in Modern Societies*. New York: Springer-Verlag; 2011. p. 487–516.
5. Klier JD. *Russians, Jews, and the Pogroms of 1881–1882*. Cambridge: Cambridge University Press; 2011.
6. Lambroza Sh. The pogroms of 1903–1906. In: Klier JD, editor. *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History*. Cambridge: Cambridge University Press; 2004. p. 195–247.
7. Петровский-Штерн Й. *Евреи в русской армии 1827–1914*. Москва: Новое литературное обозрение; 2003.
8. Мехедько ВА. Гомельский погром 1903 года: этнический конфликт или гражданская война? В: *Евреи Беларуси: история и культура: сборник научных трудов. Выпуск 3–4*. Минск: Арти-Фекс; 1998. с. 35–48.
9. Мехедько ВА. Антиеврейские погромы в Беларуси в начале XX века: генезис, мотивы, исполнители. В: Киштымов АЛ, Мехедько ВА, Райский ВЯ, редакторы. *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX начало XX веков)*. Гомель: ГОЕО Ахдут; 2004. с. 82–90.
10. Райский ВЯ. Как это было? (Гомель, 29 августа и 1–2 сентября 1903 г.). В: Киштымов АЛ, Мехедько ВА, Райский ВЯ, редакторы. *Евреи в Гомеле. История и культура (Конец XIX начало XX веков)*. Гомель: ГОЕО Ахдут; 2004. с. 91–97.
11. Brubaker R, Laitin DD. Ethnic and Nationalist Violence. *Annual Review of Sociology*. 1998;24:423–452. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.423>.
12. Markowski A. Anti-Jewish Pogroms in the Kingdom of Poland. In: Dynner G, Polonsky A, Wodziński M, editors. *Polin. Studies in Polish Jewry. Vol. 27: Jews in the Kingdom of Poland, 1815–1918*. Liverpool; 2015. p. 219–255.
13. Бядуля З. *Жыды на Беларусі. Бытавыя штрыхі*. Менск: Друкарня Я. А. Грынблата; 1918.
14. Мехедько ВА. Власть, революция и погромы в Беларуси в начале XX в. *Цайтшрифт*. 2013;8(3):20–34.
15. Степанов С. *Черная сотня*. Москва: Эксмо, Яуза; 2005.
16. Аманжолова ДА. *Еврейские погромы в Российской империи. 1900–1916*. Москва: Айро-XX; 1998.
17. Levin V. Socialiniai, ekonominiai, demografiniai bei geografiniai žydų bendruomenės Lietuvoje bruožai. In: Sirutavičius V, Staliūnas D, Šiaučiūnaitė-Verbickienė J, editors. *Lietuvos žydai. Istorinė studija*. Vilnius: Baltos lankos; 2012. p. 153–189.
18. Senechal de la Roche R. Collective Violence as Social Control. *Sociological Forum*. 1996;11(1):97–128.
19. Kahan A. *Essays in Jewish Social and Economic History*. Chicago; London: University of Chicago Press; 1986.

20. Mendelsohn E. *Class Struggle in the Pale: The Formative Years of the Jewish Workers Movement in Tsarist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press; 1970.
21. Френкель Й. *Пророчество и политика. Социализм, национализм и русское еврейство 1862–1917*. Москва: Мосты культуры; 2008.
22. Löwe H-D. *The Tsars and the Jews. Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772–1917*. Chur, Langhorne: Routledge; 1993.
23. Surh GD. Russia's 1905 Era Pogroms Reexamined. *Canadian American Slavic Studies*. 2010;44:253–295.
24. Rohdewald S. «Vom Polocker Venedig». *Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost- und Mitteleuropa (Mittealter, frühe Neuzeit, 19. Jh. bis 1914)*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 2005.

References

1. Staliūnas D. *Enemies for a Day: Antisemitism and Anti-Jewish Violence in Lithuania under the Tsars*. Budapest, New York: Central European University Press; 2015.
2. Dubnov SM. *Noveishaya istoriya evreiskogo naroda. Tom 3: 1881–1914* [The recent history of the Jewish people. Volume 3: 1881–1914]. Berlin: Grani; 1923. Russian.
3. Staliūnas D, editor. *Spatial Concepts of Lithuania in the Long Nineteenth Century*. Boston: Academic Studies Press; 2016.
4. Bergmann W. Ethnic Riots in Situations of Loss of Control: Revolution, Civil War, and Regime Change as Opportunity Structures for Anti-Jewish Violence in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe. In: Heitmeyer W, Haupt H-G, Malthaner S, Kirschner A. *Control of Violence. Historical and International Perspectives on Violence in Modern Societies*. New York: Springer-Verlag; 2011. p. 487–516.
5. Klier JD. *Russians, Jews, and the Pogroms of 1881–1882*. Cambridge: Cambridge University Press; 2011.
6. Lambroza Sh. The pogroms of 1903–1906. In: Klier JD, editor. *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History*. Cambridge: Cambridge University Press; 2004. p. 195–247.
7. Petrovskii-Shtern J. *Evrei v russkoi armii 1827–1914* [Jews in the Russian army, 1827–1914]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2003. Russian.
8. Mekhed'ko VA. Gomel'skii pogrom 1903 goda: etnicheskii konflikt ili grazhdanskaya voyna? [Gomel' pogrom in 1903: Ethnic conflict or civil war?]. In: *Evrei Belarusi: istoriya i kul'tura: sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 3–4* [Jews in Belarus: History and culture. Volume 3–4]. Minsk: Arti-Feks; 1998. p. 35–48. Russian.
9. Mekhed'ko VA. Antievreiskie pogromy v Belarusi v nachale XX veka: genezis, motivy, ispolniteli [Anti-Jewish pogroms at the beginning of the 20th century: Genesis, Motives, and perpetrators]. In: Kishtymov AL, Mekhed'ko VA, Raiskii VYa, editors. *Evrei v Gomele. Istoriya i kul'tura (konets XIX nachalo XX vekov)* [Jews in Gomel'. History and Culture (End of the 19th – beginning of the 20th century)]. Gomel': GOEO Akhdut; 2004. P. 82–90. Russian.
10. Raiskii VYa. Kak eto bylo? (Gomel', 29 avgusta i 1–2 sentyabrya 1903 g.) [How it happened? (Gomel', August 29 and September 1–2 1903)]. In: Kishtymov AL, Mekhed'ko VA, Raiskii VYa, editors. *Evrei v Gomele. Istoriya i kul'tura (konets XIX nachalo XX vekov)* [Jews in Gomel'. History and Culture (End of the 19th – beginning of the 20th century)]. Gomel': GOEO Akhdut; 2004. p. 91–97. Russian.
11. Brubaker R, Laitin DD. Ethnic and Nationalist Violence. *Annual Review of Sociology*. 1998;24:423–452. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.24.1.423>.
12. Markowski A. Anti-Jewish Pogroms in the Kingdom of Poland. In: Dynner G, Polonsky A, Wodziński M. *Polin. Studies in Polish Jewry. Vol. 27: Jews in the Kingdom of Poland, 1815–1918*. Liverpool; 2015. p. 219–255.
13. Biadulia Z. *Zhydy na Belarusi. Bytavyia shtrykhi* [Jews in Belarus]. Minsk: Drukarnya Ya. A. Grynblata; 1918. Belarusian.
14. Mekhed'ko VA. Vlast', revolyutsiya i pogromy v Belarusi v nachale XX v. [Government, revolution and pogroms in Belarus at the beginning of the 20th century]. *Zeitschrift*. 2013;8(3):20–34. Russian.
15. Stepanov S. *Chernaya sotnya* [Black Hundreds]. Moscow: Eksmo; Yauza; 2005. Russian.
16. Amanzholova DA. *Evreiskie pogromy v Rossiiskoi imperii. 1900–1916* [Anti-Jewish pogroms in the Russian Empire. 1900–1916]. Moscow: Airo-XX; 1998. Russian.
17. Levin V. Social, Economic, Demographic and Geographical Characteristics of Lithuanian Jewry. In: Sirutavičius V, Staliūnas D, Šiaučiūnaitė-Verbickienė J. *Lithuanian Jews. Historical study*. Vilnius: Baltos lankos; 2012. p. 153–189. Lithuanian.
18. Senechal de la Roche R. Collective Violence as Social Control. *Sociological Forum*. 1996;11(1): 97–128.
19. Kahan A. *Essays in Jewish Social and Economic History*. Chicago, London: University of Chicago Press; 1986.
20. Mendelsohn E. *Class Struggle in the Pale: The Formative Years of the Jewish Workers Movement in Tsarist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press; 1970.
21. Frenkel' J. *Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862–1917*. Cambridge: Cambridge University Press; 1984. Russian edition: Frenkel J. *Prorochestvo i politika. Sotsializm, natsionalizm i russkoe evreystvo 1862–1917*. Moscow: Mosty kul'tury; 2008.
22. Löwe H-D. *The Tsars and the Jews. Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772–1917*. Chur; Langhorne; 1993.
23. Surh GD. Russia's 1905 Era Pogroms Reexamined. *Canadian American Slavic Studies*. 2010;44:253–295.
24. Rohdewald S. «Vom Polocker Venedig». *Kollektives Handeln sozialer Gruppen einer Stadt zwischen Ost- und Mitteleuropa (Mittealter, frühe Neuzeit, 19. Jh. bis 1914)*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 2005. German.

Статья поступила в редколлегию 04.04.2018.
Received by editorial board 04.04.2018.

УДК 351.751.5(476)

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ В СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ (1917–1922 гг.)

А. А. ГУЖАЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

С привлечением архивных источников, периодических изданий, а также трудов современных исследователей рассмотрено становление политической цензурной системы в Советской Белоруссии. Рассматривается период ведомственной цензуры, когда политический контроль осуществляли одновременно партийные (отдел печати ЦК КП(б)Б) и административные органы (Наркомпрос, Главполитпросвет, Госиздат), а также армейское командование (Революционный военный совет Западного военного округа) и политическая полиция (Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем БССР). Все вместе они образовывали цензурную систему, под контролем которой находились издательства, СМИ, театральное и киноискусство, а также библиотеки.

Ключевые слова: политическая цензура; Советская Белоруссия; ЦК КП(б)Б; Наркомпрос; Главполитпросвет; Госиздат; ЧК; Главлитбел; военно-цензурное отделение.

СТАНАЎЛЕННЕ ІНСТЫТУТА ПАЛІТЫЧНАЙ ЦЭНЗУРЫ Ў САВЕЦКАЙ БЕЛАРУСІ (1917–1922 гг.)

А. А. ГУЖАЛОЎСКИ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

З прыцягненнем архіўных крыніц, перыядычных выданняў, а таксама прац сучасных даследчыкаў разгледжана станаўленне палітычнай цэнзурнай сістэмы ў Савецкай Беларусі. Разглядаецца перыяд ведамаснай цэнзуры, калі палітычны кантроль ажыццяўлялі адначасова партыйныя (аддзел друку ЦК КП(б)Б) і адміністрацыйныя органы (Наркамасветы, Галоўпалітасвета, Дзяржвыдат), а таксама вайсковае камандаванне (Рэвалюцыйны ваенны савет Заходняй ваеннай акругі) і палітычная паліцыя (Надзвычайная камісія па барацьбе з контррэвалюцыяй і сабатажам БССР). Усе разам яны ўтваралі цэнзурную сістэму, пад кантролем якой знаходзіліся выдавецтвы, СМІ, тэатральнае і кінамастацтва, а таксама бібліятэкі.

Ключавыя словы: палітычная цэнзура; Савецкая Беларусь; ЦК КП(б)Б; Наркамасветы; Галоўпалітасвета; Дзяржвыдат; Надзвычайная камісія; Галоўлітбел; ваенна-цэнзурнае аддзяленне.

Образец цитирования:

Гужаловский АА. Становление института политической цензуры в Советской Белоруссии (1917–1922 гг.). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;3:55–63.

For citation:

Huzhalouski AA. Formation of political censorship institution in Soviet Byelorussia (1917–1922). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;3:55–63. Russian.

Автор:

Александр Александрович Гужаловский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета.

Author:

Alexander A. Huzhalouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of ethnology, museology and art history, faculty of history.
huzhalouski@gmail.com

FORMATION OF POLITICAL CENSORSHIP INSTITUTION IN SOVIET BYELORUSSIA (1917–1922)

A. A. HUZHALOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

On the basis of archival sources, periodicals and contemporary research works, formation of political censoring system in the Soviet Byelorussia is presented in the article. The author gives an opportunity to a reader to examine the departmental period of censorship when political control was carried out simultaneously by the Belarusian Communist Party, Soviet administrative bodies, as well as the Red Army and political police. Combined they constituted censoring system which put under control all the intellectual production in Soviet Belarus – books and periodicals, theatrical plays and musical pieces.

Key words: political censorship; Soviet Byelorussia; Byelorussian Communist Party Central Committee; People's Commissariat for Public Instruction; Chief Political Educational Office; State Publishing House; Extraordinary Commission; General Directorate for the Protection of State Secrets in the Press; military-censorship department.

Введение

Объектом исследования в настоящей статье явился период становления государственного цензурного аппарата или, как назвала его Т. М. Горяева [1, с. 5], период ведомственной цензуры, когда политический контроль осуществляли одновременно партийные органы (отдел печати ЦК КП(б)Б), административные органы (Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), Главный политико-просветительный комитет (Главполитпросвет), Государственное издательство (Госиздат)), а также армейское командование (РВС Западного военного округа) и политическая полиция (Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем Белорусской ССР).

Установлению большевистской политической цензуры в трех не оккупированных немцами белорусских губерниях, как и на остальной территории Российской республики, предшествовал непродолжительный период свободы слова. Временное правительство 27 апреля 1917 г. приняло закон «О печати», в соответствии с которым упразднялась политическая цензура, а также легализовывалась издательская деятельность всех политических сил. Последующую цензуру печатных изданий на предмет обнаружения в них раскрытия государственных тайн могли осуществлять в течение суток только губернские комиссары. Тогда же законом «О надзоре за публичными зрелищами» упразднялась предварительная драматическая цензура. Тексты пьес и либретто кинокартин должны были представляться для ознакомления в губернские комиссариаты, представители которого имели право наблюдения за зрелищами в специально отведенных местах в зрительном зале¹.

Однако в Минской, Могилевской и Витебской губерниях (Гродненская и Виленская губернии

были оккупированы немцами) свобода слова преимущественно в виде открытия новых периодических изданий начала реализовываться на практике сразу же после прихода к власти Временного правительства и его комиссаров на местах. Так, в течение нескольких послереволюционных недель только в Минске на смену официозным губернским ведомостям пришли 18 газет, представлявших весь спектр общественно-политических сил: «Вольная Беларусь», «Звезда», «Минский курьер», «Варшавское утро», «Дер Веккер», «Дас Идише Ворт», «Школьное дело», «Минский голос», «Минская газета», «Товарищ», «Новая заря», «Известия Минского губернского комиссара», «Известия Минского совета рабочих и солдатских депутатов», «Известия совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний», «Известия комитета Западного фронта Всероссийского земского союза», «Известия комитета Красного креста Западного фронта», «Вісті Українзапкомітету», «Dziennik Miński»².

Тогда же была отменена политическая цензура в армии. Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал-адъютант А. Е. Эверт 6 марта 1917 г. отдал приказ по фронту о том, что «...политическая цензура отменяется, в виду чего цензоры, при рассмотрении предназначенных к оглашению в печати материалов, не должны руководствоваться политическими соображениями; военная же цензура с ее задачами блюсти интересы армии, остается в полной силе»³.

Свобода слова являлась важным условием становления гражданского общества в белорусских губерниях. Печатные СМИ являлись инструментом гласности, позволяли наладить открытый диалог в публичной сфере, оперативно информировали

¹Законы и постановления. Сборник указов и постановлений Временного правительства. Петроград : Гос. типография, 1917. Вып. 1. С. 212, 218.

²Вольная Беларусь. 1917. № 12. С. 4.

³Вестник комитета Западного фронта Всероссийского земского союза. 1917. № 266. С. 4.

граждан о происходивших процессах и событиях. Единственный инцидент с ограничением свободы слова произошел в последних числах августа 1917 г. в Минске скорее не по политическим, а по военным мотивам. По настоятельной просьбе командования Западным фронтом минский губернский комиссар закрыл редакцию большевистской газеты «Звезда», которая регулярно помещала антивоенные материалы, а также призывала солдат к дезертирству. Несколько днями позже была также пресечена

попытка возобновить издание «Звезды» под новым названием «Молот»⁴. Данный инцидент привел к открытому конфликту между губернским комиссаром Б. Н. Самойленко и Минским советом рабочих и солдатских депутатов в лице М. В. Фрунзе, который, занимая под псевдонимом Михайлов должность начальника городской милиции, уже приступил к выполнению указаний VI съезда РСДРП, утвердившего курс большевиков на вооруженное восстание.

Основная часть

Короткий период политической свободы в Белоруссии закончился сразу же после захвата большевиками власти в Петрограде. Приказом № 1 от 25 октября 1917 г. (т. е. за два дня до принятия СНК РСФСР Декрета о печати, который запрещал все инакомыслящие СМИ) Минский совет ввел цензуру всех газет, издававшихся в городе, а также тех, что приходили по почте с целью «предотвращения распространения слухов, волнующих население»⁵. Этот приказ в значительной степени носил декларативный характер, так как не было создано ни специального цензурного органа, ни ясных критериев того, что следует относить к оппозиционным большевистским взглядам, которые определялись расплывчатым эвфемизмом «волнующие население слухи».

Участник тех событий, польский социалист, член Минского совета рабочих и солдатских депутатов Вацлав Солский вспоминал позднее: «Цензуру, очевидно, кто-то решил ввести, но на самом деле в это время она еще введена не была. В эти дни примерно до половины ноября в Минске выходили эсеровские и бундовские газеты (меньшевики своего органа в Минске не имели), продавались также газеты из Москвы и Петрограда, газеты всех направлений. Но вопрос о цензуре вызвал самые резкие протесты со стороны входивших в Совет эсеров и бундовцев. В тот же день, 26 октября, они потребовали экстренного созыва собрания Исполнительного Комитета Совета, на котором прежде всего потребовали, чтобы сообщение о цензуре газет было официально опровергнуто. Собрание Исполнительного Комитета Совета, на котором я присутствовал, было очень бурным. Мясников обещал, что приказ о цензуре не будет проведен в жизнь. Один из эсеров (по фамилии, кажется, Кожевников) выступил с большой речью, протестуя против действий большевиков в минском Совете. Он сказал, что от имени Совета может выступить

только Исполнительный Комитет, в который входили представители и других партий (президиум Исполнительного Комитета состоял уже тогда из большевиков). Мясников оправдывался, говоря, что все решения были приняты президиумом, что не было времени созывать Исполнительный Комитет и т. д. Он сказал также, что большевики обратились ко всем другим партиям, входящим в Совет, с предложением поддержать новую власть и что собрание Исполкома для того именно и созвано, чтобы этот вопрос решить»⁶.

Другие источники уточняют и дополняют общую картину становления большевистской политической цензуры в Белоруссии осенью-зимой 1917 г. Так, в середине ноября Минская городская дума получила жалобу от губернского комитета партии народной свободы. В ней белорусские кадеты высказывали возмущение закрытием в ночь с 7 на 8 ноября их газеты «Минская жизнь». Командир отряда вооруженных солдат, занявшего редакцию газеты по приказу Минского совета рабочих и солдатских депутатов, лаконично объяснил свои действия публикацией в ней «статей провокационно-погромного характера»⁷.

Большевистская цензура вызвала настоящий шок у представителей всех без исключения политических сил, которые вскоре после появления приказа № 1 Минского совета пытались объединить усилия в борьбе за свободу слова. По инициативе областного комитета партии эсеров 26 декабря 1917 г. в Минске состоялось собрание социалистических и демократических организаций, в котором участвовали представители Бунда, меньшевиков, эсеров, Поалей Цион, почтово-телеграфного союза, профсоюза печатников, а также Совета крестьянских депутатов. По итогам обсуждения участники собрания избрали межпартийную комиссию по защите свободы печати, а также решили провести ряд митингов и издать соответствующий бюллетень⁸.

⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы : в 2 т. Минск : Гиз БССР, 1957. Т. 1. С. 855.

⁵ Буревестник. Орган Северо-Западного областного бюро РС.-Д.Р.П. 1917. № 17 (52). С. 1.

⁶ Солский В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте / науч. ред. С. Н. Хомич. Минск : Тесей, 2004. С. 161.

⁷ НАРБ (Национальный исторический архив Беларуси). Ф. 24. Оп. 1. Д. 3658. Л. 43.

⁸ Гомельская жизнь. 1917. № 1478. С. 2.

Не меньшее возмущение со стороны различных политических сил вызвала узурпация новой властью свободы слова в других белорусских городах. На третий день после октябрьского переворота, 28 октября 1917 г. печатный орган в то время еще не большевистского Витебского совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов вышел с белыми полосами, на которых большими буквами было напечатано: «Сегодняшний № “Известий” выходит под цензурой большевиков»⁹. На следующий день Витебский военно-революционный комитет установил вооруженный караул у типографии, где издавалась газета «Витебское слово» либерального направления. Через несколько дней караул был снят, но выход газеты не возобновился. Редактору «Витебского слова» оставалось лишь принести извинения подписчикам, поместив соответствующее объявление в «Известиях Витебского совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов» (далее – «Известия Витебского совета...»), которое заканчивалось словами: «большевистская цензура ничуть не хуже царской»¹⁰.

В середине ноября 1917 г. Витебский военно-революционный комитет возобновил давление на редакцию «Известий Витебского совета...», которая по-прежнему состояла из представителей различных умеренных социалистических партий. Посланный комитетом отряд захватил губернскую типографию, где размещалась редакция «Известий Витебского совета...». Всем остальным действующим в городе типографиям было запрещено печатать газету под угрозой закрытия. Патрули получили указания изымать экземпляры «Известий Витебского совета...» у уличных распространителей, а последних задерживать¹¹. Витебский революционный комитет 5 декабря 1917 г. принял постановление о закрытии политически нейтральной газеты «Новый листок» за «ложные, возбуждающие население сообщения»¹². Наконец, в феврале 1918 г. СНК Северо-Западной области и фронта принял декрет о национализации всех книжных магазинов и газетных киосков, а также частных контор по продаже печатной продукции.

В конце февраля 1918 г. в результате неспособности сторон достигнуть договоренности на переговорах в Брест-Литовске все белорусские этнические земли были заняты германскими войсками. Немецкая оккупация, сменившая в Минской, Могилёвской и Витебской губерниях большевистский режим, не вернула дооктябрьских демократических свобод в полном объеме. Так, уже 10 марта

1918 г. вышло распоряжение военного коменданта г. Минска, запрещавшее проведение публичных собраний, организацию союзов, а также вводившее предварительное цензурирование всей печатной продукции. В распоряжении разъяснялось, что немецкие власти прибегли к таким жестким мерам в целях предотвращения «какой бы то ни было революционной пропаганды, а также распространения газет, приглашавших к революционному действию»¹³. Однако это объяснение не удовлетворило ни органы местного самоуправления, ни политические организации. Минская городская дума обращалась к немецкому командованию с докладными записками, в которых просила вернуть демократические свободы, завоеванные революцией. Руководители эсеровских организаций приступили к подпольному изготовлению и распространению прокламаций в поддержку свободы слова.

Сразу после вступления в Минск частей Красной армии 1 января 1919 г. была провозглашена Советская Социалистическая Республика Белоруссия (ССРБ), которая 27 февраля того же года объединилась с Литовской Советской Республикой в Социалистическую Советскую Республику Литвы и Белоруссии (ССР ЛитБел). К этому времени на территории страны, контролировавшейся Красной армией, уже была введена военная цензура, в ведении которой находилась вся информация, связанная с военной тематикой. Председатель Революционного военного совета республики (далее – РВСР) Л. Троцкий 21 июня 1918 г. утвердил «Положение о военной цензуре газет, журналов и всех произведений печати временной» и «Перечень сведений, подлежащих предварительному просмотру». Была также разработана «Инструкция военным цензорам», создано Военно-цензурное отделение Оперативного отдела РВСР. В соответствии с новым «Положением о военной цензуре», вышедшим 23 декабря 1918 г., военно-цензурные отделы создавались в крупных армейских подразделениях [2, с. 120–137]. К последним относилась входившая в состав образованного в феврале 1919 г. Западного фронта и дислоцировавшаяся на территории ССРБ – ЛитБел Западная армия (переименованная в марте 1918 г. в Белорусско-Литовскую, а в июне 1918 г. – в 16-ю армию). Обязанности «военного цензора печати» в ней исполнял по совместительству редактор армейской газеты Р. К. Шукевич-Третьяков¹⁴. Обе занимаемые им должности входили в организационно-штатную структуру полуправления Западного фронта (рис. 1).

⁹Известия Витебского совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов. 1917. № 133. С. 3.

¹⁰Там же. № 134. С. 4.

¹¹Борьба. Орган группы социалистов-рабочих и солдат. Витебск. 1917. № 1. С. 1–3.

¹²Известия Витебского революционного совета солдатских и рабочих депутатов. 1917. № 31. С. 3.

¹³НАРБ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3678. Л. 42, 87.

¹⁴Шукевич-Третьяков Родион Константинович (1893–1942) родился в д. Новины Минской губернии, окончил Минское реальное училище, поступил в Петербургский политехнический институт. В августе 1914 г. ушел добровольцем на фронт. Через два месяца был ранен, попал в немецкий плен, где находился около четырех лет. С 1918 г. находился на советской работе,

Рис. 1. Родион Константинович Шукевич-Третяков.
Начало 1920-х гг.

Fig. 1. Rodion Konstantynovich Shukevich-Tretjakov.
Beginning of the 1920s

Северо-Западная областная конференция РКП(б) 31 декабря 1918 г. в Смоленске провозгласила себя I съездом Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. Вскоре после образования ЦБ партии было решено образовать при нем издательско-редакционную комиссию, в задачи которой входило установление тотального партийного контроля за печатным словом в республике. На заседаниях члены комиссии определяли тираж, периодичность и структуру всех печатных изданий, в частности издававшихся в Минске трех большевистских газет «Звезда», «Молот» и «Бедняк». Про серьезность отношения партийного руководства к прессе как инструменту идеологического воздействия на массы свидетельствует перевод минских типографий на военное положение и введение воинской дисциплины для служащих в них лиц¹⁵. Тогда же было создано «Белорусское издательство», репертуар которого утверждался коллегией, состоявшей из трех высокопоставленных лиц: секретаря ЦБ В. Г. Кнорина, народного комиссара просвещения А. Г. Червякова и народного комиссара по национальному вопросу Ф. Г. Шантыра¹⁶.

Партийный контроль над газетами и журналами, издававшимися в ССРБ, усилился после прошедшего в марте 1919 г. VIII съезда РКП(б). В резолюции «О партийной и советской печати» съезд констатировал: «...пресса является мощным оружием про-

паганды, агитации и организации, незаменимым средством воздействия на самые широкие массы». Впервые был определен основной метод руководства советской прессой: «партийные комитеты должны давать редакциям общие политические директивы и указания и следить за выполнением директив». Все редакции партийных и советских газет нужно было срочно укрепить опытными партийными работниками, которые были «...обязаны фактически вести работу в газете»¹⁷.

Польская оккупация Белоруссии, длившаяся с августа 1919 г. по июль 1920 г., кроме запрета всех русскоязычных изданий коммунистического толка, принесла серьезные ограничения белорусского печатного слова, а также изданий на идише. Была введена перлюстрация переписки гражданского населения. Знакомый не понаслышке с царскими и советскими цензурными практиками, и столкнувшись с новыми, польскими цензорами, классик белорусской литературы Янка Купала в 1919 г. написал стихотворение «Поэт и цензор», посвятив его «бывшим, нынешним и будущим цензорам». В нем он передал положение, в котором оказалась молодая белорусская литература в условиях войн и революций:

І шлі так гады за гадамі
Пад воклікі чорных імшоў,
Ішоў за паэтам паэта,
За цэнзарам цэнзар ішоў¹⁸.

Строки белорусского классика оказались провидческими. Одним из первых мероприятий партийного руководства после повторного провозглашения ССРБ 31 июля 1920 г. было восстановление в республике политической цензуры.

В сентябре 1920 г. Управление военной цензуры полевого штаба РВСР республики приступило к созданию на местах военно-цензурных отделений. В Минске подобное отделение начало функционировать 23 сентября 1920 г., когда вышел приказ, в соответствии с которым «...все типографии, редакции газет, издательства книг, журналов, брошюр, чертежей, планов, рисунков и др.» обязали представлять на предварительный просмотр в военную цензуру весь без исключения предполагаемый к печати материал в трех экземплярах гранок либо полос. Кроме предварительной цензуры всей печатной продукции вводилась ее последующая

в 1919–1921 гг. в Красной Армии – боец, политический работник, редактор газеты. С 1922 г. работал в Главполитпросвете, Главлитбеле (1922–1924), являлся секретарем Минского уездного комитета КП(б)Б. С 1924 г. – редактор газеты «Белорусская деревня». В 1931–1932 гг. – председатель Всебелорусского комитета радиовещания, в 1932–1936 гг. работал научным сотрудником Института философии, заведующим массового сектора Белорусской Академии наук. После исключения из партии в 1935 г. – методист шахматного клуба Комитета по делам физкультуры и спорта при СНК БССР; 18 августа 1938 г. арестован; 9 февраля 1940 г. приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. Умер во время заключения в Северо-Восточном лагере. Реабилитирован в 1956 г.

¹⁵ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 41. Л. 36.

¹⁶ Там же. Д. 42. Л. 2.

¹⁷ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1919. С. 436–437.

¹⁸ Купала Я. Поўны збор твораў Вершы, пераклады 1915–1929: у 9 т. Мінск: Мастацкая літаратура, 1997. Т. 4. С. 71–75.

цензура в виде представления в военно-цензурное отделение двух экземпляров готового материала. Руководители всех театрално-концертных организаций и антреприз были обязаны передавать на предварительный просмотр афиши, программы, плакаты и другую рекламно-печатную продукцию. Все фотостудии города должны были представлять в военно-цензурное отделение в двух экземплярах снимки военного характера¹⁹.

Процесс институционализации цензуры в военном ведомстве был прерван ее передачей осенью 1920 г. из Реввоенсовета (РВСР) ССРБ в ЧК Белоруссии, где создавалось соответствующее отделение. Рвение цензоров-чекистов пресечь случаи разглашения военной тайны часто мешало работе журналистов даже в большевистском понимании сути этой профессии. Про это свидетельствует небольшая заметка, появившаяся в начале января 1922 г. в главной партийной газете республики: «По вине военного цензора во вчерашнем номере газеты, в статье т. Адамовича вместо слов “8-я стрелковая дивизия” было напечатано “стрелковая дивизия”. Редакция поясняет, что содержание статьи относится именно к 8-й стрелковой дивизии»²⁰.

С 1 марта 1922 г. военно-цензурное отделение упраздненного ЧК Белоруссии оказалось в структуре созданного вместо нее Государственного политического управления (ГПУ) БССР. В числе первых мероприятий нового ведомства была попытка юридического оформления своего монопольного права на идеологический контроль зрелищных организаций. В середине марта НКВД БССР внес в Совет народных комиссаров соответствующий проект постановления о выдаче разрешений на право постановки театральных зрелищ, устройства концертов и киносеансов, литературных, вокальных и музыкальных вечеров, а также регистрации различных обществ²¹.

Этот проект встретил сопротивление со стороны Главполитпросвета Наркомпроса БССР, где уже существовала и активно действовала репертуарная комиссия. Ее главной задачей являлось осуществление политического контроля над содержанием всех зрелищных мероприятий, проходивших в республике – театральных постановок, концертов, вечеров. Председателем репертуарной комиссии П. Е. Гришиным была отработана технология предварительной цензуры (что в значительной степени осложнялось полиэтническим составом населения городов Советской Белоруссии), а также каратель-

ной цензуры в виде запрещения мероприятий с привлечением милиции²². Отголоски репрессивной политики, проводимой в отношении творческой интеллигенции в относительно либеральные 1920-е гг., можно найти на страницах газет того времени. Например, 5 июня 1922 г. постановлением Народного суда «артист Лев Браун был оштрафован на 50 руб. в золотой валюте с запретом на 6 месяцев выступать в театрах БССР»²³. Вскоре к судебной ответственности был привлечен распорядитель вечера в клубе Народного комиссариата связи за «отступление от программы дозволенной репертуарной комиссией»²⁴.

Борьба между ГПУ и Главполитпросветом за установление монопольного контроля за зрелищными учреждениями и мероприятиями закончилась победой последнего. В протоколе заседания отдела агитации и пропаганды ЦК КП(б)Б от 27 ноября 1922 г. сообщается: «Слушали вопрос “О театральных представлениях и вечерах”. Постановили: “Устройство вечеров производить исключительно с разрешения Главполитпросвета. Все афиши и плакаты о вечерах должны быть процензурованы Главполитпросветом”»²⁵. Кроме контроля за зрелищным репертуаром, уже в 1920 г. Главполитпросвет начал практику изъятия из библиотек и книжной торговли «вредных» изданий. Одной из первых жертв библиотечных чисток, которые в недалеком будущем приобретут в Советской Белоруссии катастрофические размеры, стала устаревшая после введения НЭП брошюра «Театральная пропаганда», изданная в 1920 г.²⁶

Безусловное право на выемку и перлюстрацию корреспонденции частных лиц было предоставлено Всероссийской ЧК циркуляром Народного комиссариата почт и телеграфов еще в октябре 1918 г. В отличие от почтовой военной цензуры перлюстрация писем гражданского населения носила секретный характер. В последующие несколько лет была отработана процедура, в соответствии с которой на каждое письмо, в котором была обнаружена крамола, составлялся «меморандум». В нем указывался тип корреспонденции, подробные адреса отправителя и получателя, цитата с крамольной частью, резолюция (например, «конфисковано»), дата и фамилия контролера. Так, например, 18 ноября 1921 г. конфисковали письмо, отправленное из Минска на станцию Елань Саратовской губернии, где, в частности, писалось: «Сейчас нас прижали с продналогом, приходится много давать

¹⁹Звезда. 1920. № 40. С. 3.

²⁰Там же. № 6. С. 4.

²¹Там же. № 89. С. 4.

²²Там же. № 73. С. 4.

²³Там же. № 133. С. 3.

²⁴Там же. № 137. С. 6.

²⁵НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 374. Л. 9.

²⁶Звезда. 1921. № 169. С. 4.

хлеба, а также других предметов, несмотря на то, есть у кого чего давать или нет, давай, душа вон, это что-то несправедливо работается в нашей Советской Республике»²⁷.

Внутренняя корреспонденция просматривалась избирательно. Те письма, где критиковались советские порядки, после составления «меморандума» уничтожались. Некоторые письма из оперативных соображений (например, когда советский или партийный работник говорил о разочаровании в партии или советском строе) отправляли, а отправителя и адресата потом «вели». Так 26 января 1921 г. поступил цензор ЧКБел № 21 А. Гельфанд, отправив после перлюстрации и составления меморандума письмо студента рабочего факультета Белорусского государственного университета, члена партии К. Гуревича его брату И. Гуревичу в Бобруйск. Подозрение цензора вызвало следующее место письма: «Все коммунисты 1899, 1900, 1901 годов должны быть направлены в армию, в Минске это уже проводится в жизнь, также и на Рабфаке. Мне очень жаль расставаться с рабфаком и ты Иосиф должен переговорить с Лиокумовичем о том, может быть я, как продработник, могу быть отозван через какую-нибудь военную часть»²⁸.

Тотально просматривалась международная корреспонденция. Из писем, поступающих в БССР из-за границы (Нью-Йорка, Варшавы, Палестины), выписывали данные, которые могли помочь советской разведке составить реальное представление о социально-экономическом и военно-политическом положении за рубежом. Особое внимание в контексте подготовки мировой революции цензоры уделяли сообщениям о голоде, забастовках, социальных и национальных конфликтах (рис. 2).

После национализации типографий в январе 1921 г. Президиум Центрального исполнительного комитета БССР принял постановление «О создании Государственного издательства Белоруссии и централизации печати». По замыслу авторов постановления, в белорусском Госиздате должна была концентрироваться вся литературно-издательская деятельность, а также распространение печатной продукции на территории республики. В структуре Государственного издательства Белоруссии был создан политический отдел, который осуществлял функции цензурного органа, контролирующего всю печатную продукцию, выходившую в то время в БССР, в том числе 12 периодических изданий. Без визы заведующего Госиздата, на должность которого был назначен Е. И. Эйдельман, не мог быть напечатан ни один материал.

Новая экономическая политика вынудила уже через несколько месяцев внести коррективы в политику централизации печати. В республике по-

Рис. 2. Меморандум военно-цензурного отделения ЧК Белоруссии. 1921 г.

Fig. 2. Memorandum of the Byelorussian Extraordinary Commission military-censorship department. 1921

являлись все новые государственные и кооперативные издательства. В середине 1921 г. в условиях утраты монополии Госиздата на издательскую деятельность в республике его цензурные функции перешли к республиканскому партийному руководству. Для установления над новыми издательствами идеологического и цензурного контроля в структуре агитационно-пропагандистского отдела ЦК КП(б)Б был образован подотдел печати с совещательным органом – советом печати, куда вошли представители руководящих структур коммунистической партии, комсомола, профсоюзов, Наркомпроса и др. В задачи подотдела входило «общее наблюдение за республиканской печатью и ее руководство путем созыва периодических совещаний редакций... руководство и инструктирование уездной печати»²⁹.

Следует отметить, что партийное руководство и до этого имело последнее слово в принятии решения о судьбе подготовленных к печати материалов, а часто и их авторов. Например, в феврале 1921 г. ЦК КП(б)Б запретил издание в Госиздате пропущенных Е. И. Эйдельманом материалов партии Поалей Цион [3, s. 154]. В декабре следующего года группе белорусских писателей было отказано в разрешении создать литературное общество «Вир». Поэтому появление подотдела печати в структуре отдела

²⁷ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 674. Л. 11–11 об.

²⁸ Там же. Д. 1001. Л. 6–6 об.

²⁹ Там же. Д. 374. Л. 3.

агитации и пропаганды ЦК следует рассматривать как важный шаг на пути институционализации партийной цензуры.

Первый знаковый цензурный запрет подотдела печати коснулся поэтического сборника Янки Купалы «Наследие», подготовленного к печати в начале 1922 г. в кооперативном издательстве «Возрождение». Партийные цензоры выбросили из сборника по политическим соображениям стихотворения «Восстань» и «Жиды» [4, с. 225–242]. А в оставленном стихотворении «Наше хозяйство» в строках «И душит клич: как долго будут нами править / Варшава панская и царская Москва!» вместо двух последних слов цензоры поставили многоточие³⁰. Замена нежелательных слов многоточием была приемом, заимствованным у цензоров царских времен. Вскоре этот архаичный прием, который свидетельствовал о присутствии цензуры в публичном поле на законных основаниях, исчезнет из практики работы Главного управления по делам литературы и издательств, которая будет окутана завесой секретности.

В рассматриваемый период политическая цензура не регулировалась никакими государственными юридическими актами. Отсутствовали утвержденные списки запрещенных тем, произведений, имен, наконец, техника обнаружения завуалированной критики советской власти. В этих условиях новоиспеченные цензоры руководствовались «революционным сознанием», что зачастую приводило к скандальным инцидентам. Один из них произошел 30 июля 1921 г. с упомянутым выше редактором «Красноармейской правды» и цензором по совместительству Р. К. Шукевичем-Третьяковым. В тот день вышел подписанный им номер газеты, где был размещен акrostих, из первых строчных букв которого складывался призыв «Долой коммунистов». Несмотря на тяжесть проступка, редактор после объяснений в военно-цензурном отделении Смоленской ЧК и особом отделе Западного фронта был прощен. Крамольный номер особый отдел изъясил из библиотек-читален и у отдельных лиц с помощью осведомительской сети и агентов. Эта история получила продолжение 9 августа того же года, когда Р. К. Шукевич-Третьяков пропустил в номер еще один акrostих, на сей раз призывавший «Бей жидов». Эта ошибка стоила ему должности редактора. Тем не менее редакторский и цензорский опыт Р. К. Шукевича-Третьякова в условиях острого дефицита подготовленных кадров был востребован. Осенью 1922 г. Р. К. Шукевич-Третьяков после непродолжительного «реабилитационного» пребывания на должности в Главполитпросвете получил предложение возглавить

создаваемое в Минске белорусское цензурное ведомство [5, с. 6].

Период становления института политической цензуры завершился созданием Главного управления по делам литературы и издательств БССР (Главлитбел) и Центральной репертуарной комиссии (ЦРК). Созданное по московскому образцу постановлением СНК БССР от 5 января 1923 г. цензурное ведомство фактически начало работу в Минске уже осенью 1922 г. На Главлитбел и его местные органы возлагались следующие обязанности: предварительный просмотр всех предназначенных к печати или распространению литературных произведений как рукописных, так и печатных, снимков, рисунков, карт; выдача разрешений на право издания отдельных произведений; составление списков произведений печати, запрещенных к продаже и распространению; издание правил, распоряжений и инструкций по делам печати обязательных для всех органов печати, издательств, типографий, библиотек и книжных магазинов. Наиболее ответственным участком работы цензуры являлась периодическая печать. К моменту создания Главлитбела в республике издавалось семь газет («Звезда», «Савецкая Беларусь», «Веккер», «Млот», «Красная смена», «Юнгер арбайтер», «Юный пахарь») и два журнала («Вперед», «Полымя») на белорусском, русском, польском языках и на идише³¹.

Главлитбел запрещал издание и распространение произведений, которые содержали агитацию против советской власти, раскрывали военную тайну, возбуждали националистический и религиозный фанатизм или имели порнографический характер. Первым белорусским литературным произведением, запрещенным Главлитбелом, было стихотворение Янки Купалы «Перед будущим», звавшее белорусов к национальному освобождению [6, с. 40]. От политической цензуры освобождалась партийная коммунистическая печать. Борьба с распространением произведений, не разрешенных Главлитбелом, поручалась Государственному политическому управлению (ГПУ). Отдельный пункт постановления СНК БССР «О Главлите» предусматривал создание Центральной репертуарной комиссии, главной целью которой являлся контроль за театральными и зрелищными мероприятиями. Этими объектами ограничивалась деятельность цензурных органов БССР в течение первых лет их существования³².

Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) БССР 9 ноября 1922 г. утвердил положение и штаты Главлитбела в составе председателя (Р. К. Шукевич-Третьяков), заместителя (сотрудник ГПУ Раков), члена (сотрудник Народного комисса-

³⁰ Купала Я. Спадчына. Менск: Бел. кооп.-выд. тав-ва «Адраджэньне», 1922. С. 82.

³¹ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 936. Л. 116.

³² Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 201. Л. 1.

риата по военным делам В. Тимонов) и секретаря. Была также сформирована коллегия Главлитбела в составе 30 ученых, литераторов, деятелей искусства, работавших по совместительству и собиравшихся несколько раз в месяц. В то же время началось создание низовых цензурных органов. На заседании коллегии Главного управления по делам литературы и издательств Беларуси 21 ноября 1922 г. были утверждены инструкции уездным

представителям цензурного ведомства. Формально Главлитбел подчинялся Наркомпросу БССР, но на самом деле выполнял инструкции, приказы и был подотчетен Главному управлению по делам литературы и издательств РСФСР (с которым юридически занимал равное по статусу положение) и был политически подконтролен ЦК КП(б)Б, что официально засвидетельствовало бюро ЦК своим постановлением 17 декабря 1926 г.³³

Заклучение

Таким образом, на протяжении 1917–1922 гг. на территории Советской Белоруссии сложилась децентрализованная система политического информационного контроля, в которой свои права на эту деятельность предъявляли военно-революционные комитеты, советы, военное ведомство, ЧК-ГПУ, Госиздат, Главполитпросвет и даже профсоюзы³⁴. Ситуация с политическим контролем обострилась с началом проведения новой экономической политики. Формирование новых кооперативных и част-

ных издательств, книжных магазинов, антрепризы, кинозалов создавало опасность появления «вредной» продукции, которая напоминала о существовании либерально-демократических ценностей. Это вызывало обеспокоенность высшего партийного руководства, которое пошло на учреждение централизованного союзно-республиканского органа государственного управления, осуществлявшего системный политический контроль за печатью, радио, театром, эстрадой, кино.

Библиографические ссылки

1. Горяева ТМ. *История советской политической цензуры. 1917–1991 гг.* [автореферат диссертации]. Москва: [б. и.]; 2000.
2. Батулин ПВ. Создание советской военной цензуры в 1918 году. *Военно-исторический архив*. 2010;2(122).
3. Głogowska H. *Białoruś. 1914–1929. Kultura pod presią polityki*. Białystok: Białorus. T-wo Hist. Orthdruk; 1996.
4. Гніламедаў У. Апантаны беларускім лёсам. Творчасць Янкі Купалы ў паслякастрычніцкія часы. *Польмя*. 1994;7: 235.
5. Климкович С. Первый редактор. *Белорусская военная газета. Во славу Родины*. 2015;184.
6. Адамовіч А. *Якуб Колас у супраціве саветызацыі*. Мюнхен: Інстытут для вывучэння гісторыі культуры СССР; 1955.

References

1. Gorjaeva TM. *Istoriya sovetskoi politicheskoi tsenzury. 1917–1991 gg.* [History of the Soviet Political Censorship. 1917–1991] [dissertation abstract]. Moscow: [publisher unknown]; 2000. Russian.
2. Batulin PV. *Sozdanie sovetskoi voennoi tsenzury v 1918 godu* [Making of the Soviet Military Censorship in 1918 year]. *Voenno-istoricheskij archiv*. 2010;2(122). Russian.
3. Głogowska H. *Białoruś. 1914–1929. Kultura pod presią polityki*. Białystok: Białorus. T-wo Hist. Orthdruk; 1996. Polish.
4. Hniledau U. *Apantany belaruskim ljosam. Tvorchasc' Janki Kupaly w pasljakastrychnickija chasy* [Obsessed with the Fate of the Belarusians. Creatives of Jakub Kolas in the postoctober years]. *Polymja*. 1994;7:235. Belarusian.
5. Klimkovich S. *Pervyi redaktor* [First Editor]. *Belorusskaja voennaja gazeta. Vo slavu Rodiny*. 2015;184:6 Russian.
6. Adamovich A. *Jakub Kolas u supracive savetyzacyi* [Jakub Kolas Against Sovietization]. Munich: Institute for Research of USSR History of Culture; 1955. Belarusian.

Статья поступила в редколлегию 22.02.2018.
Received by editorial board 22.02.2018.

³³Платонов Р. П., Адамушко В. И., Семешелев Д. В. и др. Перед крутым поворотом: тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.). Отражение времени в архивных документах / под ред. Р. П. Платонова. Минск : БелНИИДАД, 2001. С. 178.

³⁴Например, в июле 1921 г. Президиум минского отдела Союза работников искусств принял решение о том, что никто из приезжающих гастролеров не имеет права без его разрешения устраивать концерты, спектакли, вечера и пр. (см. Звезда. 1921. № 171. С. 3).

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(3):94(54)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧНОСТИ ДРЕВНЕИНДИЙСКИХ ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ РИГВЕДЫ)

О. В. ПЕРЗАШКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрению подлежит древнейший из всех известных на сегодня (по крайней мере, из тех, которые читаются) индийских памятников – Ригведа, историчность которого является одной из фундаментальных проблем современной науки. Рассматриваются сам существующий текст памятника (прежде всего указания на географические, материальные и астрономические объекты), комментарии к тексту (относящиеся к ведийской и более поздним традициям), ранние записи Ригведы, а также соответствующие данные, полученные археологами, лингвистами, геологами, искусствоведами, астрономами и генетиками к настоящему времени. Для определения историчности памятника предлагается специальный алгоритм, включающий в себя описание внешнего вида памятника, а также места и времени его обнаружения; исследование внешнего вида памятника и анализ полученных данных; анализ содержания памятника с точки зрения его указаний на локализацию во времени и пространстве; выводы по каждой составляющей, а также общий вывод. Рассмотрение Ригведы, проведенное таким образом, позволяет заключить, что современное состояние наших знаний о хронологии и географической локализации Ригведы указывает на то, что она является памятником, отражающим реалии северной части Индийского субконтинента как минимум III–II вв. до н. э., а скорее всего, и IV в. до н. э. и, возможно, даже V в. до н. э.

Ключевые слова: Ригведа; хронология; локализация; записи памятника; материальная культура; данные разных наук.

Образец цитирования:

Перзашкевич ОВ. К вопросу об историчности древнеиндийских текстов (на примере Ригведы). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2018;3:64–71.

For citation:

Perzashkevich AV. To the question of historicity of Ancient Indian texts (the case of Rigveda). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2018;3:64–71. Russian.

Автор:

Олег Валерьевич Перзашкевич – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета.

Author:

Aleh V. Perzashkevich, PhD (history), docent; associate professor at the department of Ancient and Medieval history, faculty of history.
minskhist@gmail.com

ДА ПЫТАННЯ ПРА ГІСТАРЫЧНАСЦЬ СТАРАЖЫТНАІНДЫЙСКІХ ТЭКСТАЎ (НА ПРЫКЛАДЗЕ РЫГВЕДЫ)

А. В. ПЕРЗАШКЕВИЧ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Разгляду падлягае самы старажытны з усіх вядомых на сёння (прынамсі, з тых, якія чытаюцца) індыйскіх помнікаў – Рыгведа, гістарычнасць якога з'яўляецца адной з фундаментальных праблем сучаснай навукі. Даследуюцца сам тэкст помніка (у першую чаргу ўказанні на геаграфічныя, матэрыяльныя і астранамічныя аб'екты), каментарый да тэксту (якія адносяцца да ведыйскай і позняй традыцыі), раннія запісы Рыгведы, а таксама адпаведныя даныя, атрыманыя археолагамі, лінгвістамі, геолагамі, мастацтвазнаўцамі, астраномамі і генетыкамі на цяперашні час. Для вызначэння гістарычнасці помніка прапанаваны спецыяльны алгарытм, які ўключае ў сябе апісанне выгляду помніка, а таксама месца і часу яго выяўлення; даследаванне выгляду помніка і аналіз атрыманых даных; аналіз зместу помніка з пункта гледжання яго ўказанняў на лакалізацыю ў часе і прасторы; высновы па кожным складніку, а таксама агульная выснова. Зроблены вывад, што сучасны стан нашых ведаў пра храналогію і геаграфічную лакалізацыю Рыгведы сведчыць пра тое, што яна з'яўляецца помнікам, які адлюстроўвае рэаліі паўночнай часткі Індыйскага субкантынента прынамсі III–II стст. да н. э., а хутчэй за ўсё IV ст. да н. э. ці, магчыма, нават V ст. да н. э.

Ключавыя словы: Рыгведа; храналогія; лакалізацыя; запісы помніка; матэрыяльная культура; даныя розных навук.

TO THE QUESTION OF HISTORICITY OF ANCIENT INDIAN TEXTS (THE CASE OF RIGVEDA)

A. V. PERZASHKEVICH^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The present paper touches one of the most ancient of all known for today (at least, what one can read) Indian monuments – the Rigveda. Its historicity is one of the fundamental problems of modern science, and it is the subject to consideration. The research revises: a) the existing text of a monument (first of all, its indications on geographical, material and astronomical objects), b) comments to the text (including Vedic and later traditions), c) earliest records of Rigveda, and also 4) the corresponding contemporary data received by archeology, linguistics, geology, cultural studies, astronomy, genetics. To define historicity of the monument, the author offers a special algorithm. Its includes: a) the description of the monument external view (as it is known to us, with the place and time of its finding), b) the research of the monument external view and analysis of the data received, c) the analysis of the monument content towards its indications on the time and space; 4) conclusions on each previous point, and also the general conclusion. Our contemporary knowledge on chronology and geographical localization of Rigveda allows to conclude, that the monument contains realities of the Northern part of Indian subcontinent, and the described took place, at least, in III–II millennium BC, and, what is most likely, also in IV millennium BC, and, probably, even in V one.

Key words: Rigveda; chronology; localization; recorded monument; material culture; data of different sciences.

Историчность древнеиндийской литературы является одной из фундаментальных проблем не только индологии, но и всемирной истории в целом, поскольку на данных этой литературы во многом покоятся фундаментальные положения как индоевропеистики, так и древней и средневековой истории Востока. Речь, в связи с этим, идет и об ариях, которые до середины XX в. воспринимались как общие предки всех современных индоевропейских народов (см. [1]), и о теориях формирования современных языков (см. [2, р. 251–298]), и о ранней истории буддизма, и о многих классических сюжетах мировой литературы, берущих начало в санскритоязычных произведениях (см. [3, с. 3–11]).

В настоящем случае рассмотрению подлежит Ригведа – древнейший из всех известных на сегодня (по крайней мере, из тех, которые читаются) индийских памятников.

Учитывая значимость этого произведения в истории и культуре Индии и научной индоевропеистике, вопросы о времени и месте происхождения и сложения данного памятника стали предметами исследования с того момента, как Ригведа привлекла к себе внимание. С этого времени нет единого мнения, касаясь места и времени происхождения Ригведы. На сегодняшний день существуют различные взгляды на место и время сложения Ригведы.

1. Приведем основные точки зрения исследователей на место сложения памятника:

а) Ригведа сложилась за пределами Южной Азии (исторической Индии) и была принесена пришельцами, именовавшими себя ариями (см. [4, р. 30–36]);

б) произведение появилось на территории Южной Азии в среде тех местных жителей, которые называли себя ариями (см. [5, р. 153–161]).

2. Относительно времени сложения Ригведы мнения разделяются следующим образом:

а) Ригведа сложилась в ходе расселения ариев в Южной Азии (на северо-западе исторической Индии), т. е. после распада индоиранской общности (см. [6, р. 20]);

б) памятник сложился в Индии до появления в ней всех других древнеиндийских произведений, а также до возникновения джайнизма и буддизма (см. [7, с. 49–53]).

в) произведение сложилось за пределами Южной Азии (исторической Индии) еще до того, как арии пришли в этот регион (см. [8, с. 92–110]).

Точка зрения 1а основана прежде всего на сформировавшейся в конце XVIII – начале XIX в. теории сложения и развития индоевропейских языков. В рамках этой теории санскрит долгое время считался основоположником индоевропейских языков, вследствие чего должен был существовать в древности в каком-то регионе Европы или (в крайнем случае) Северо-Западной Азии, откуда со временем его носители ушли в Индию, отделившись от говоривших на других индоевропейских языках народов. Уже в Индии санскрит стал основой для современных индоарийских языков (см. [9, с. 1–7]). Дополнительным аргументом теории миграции носителей санскрита с Запада на Восток является существование в древности авестийского и древнеиранского языков, относящихся к общей индоиранской языковой ветви, т. е. к той, которая выделилась из индоевропейской общности и распалась на иранскую и индоарийскую (см. [10, с. 35–49]).

В силу всего вышесказанного прародину индоевропейских языков (т. е. прежде всего санскрита, как самого раннего из них) исследователи размещали то в Причерноморье (включая северные Балканы) (см. [11, с. 22–23]), то в Малой Азии (см. [12, с. 865–869]).

В современной литературе теорию 1а часто именуют «теория арийского вторжения». В качестве аббревиатуры принято сокращение АИТ (*Aryan Invasion Theory*) (см. [13, р. 9–12]).

Точка зрения 1б исходит из того, что санскрит с древнейших известных индийцам времен был священным языком в Индии и сохранился в этом качестве и до наших дней. Если санскрит считать основой индоевропейских языков, то это будет автоматически означать, что его носители при-

несли данный язык в Европу из Индии, тем более что в Индии, в отличие от Европы, он упоминается в древности.

В современной литературе теорию 1б нередко именуют «теория исхода из Индии». В качестве аббревиатуры принято сокращение ОИТ (*Out of India Theory*) (см. [14, р. 250–349]).

Точка зрения 2а является хронологической составляющей АИТ. Если арии пришли в Индию вследствие распада индоевропейской, а затем и индоиранской общности, то сложение Ригведы должно было происходить ранее древнейших европейских языков (т. е. древнегреческого и латыни). Вследствие этого индоевропейская языковая общность могла существовать не позднее II тыс. до н. э. При этом, исходя из описанного в поэмах Гомера, распад должен был произойти перед событиями Троянской войны, т. е. не позднее середины II тыс. до н. э. (см. [15, с. 28–30]).

Кроме того, после распада индоиранской общности существовал и путь в Азию, который тоже должен был занять еще какое-то время. Это обстоятельство дает возможность допустить, что распад индоевропейцев произошел не позднее первой половины II в. до н. э. В рамках всех этих построений АИТ еще в конце XIX в. Ф. Макс-Мюллером было выдвинуто предположение о том, что древнейший известный санскритоязычный памятник Ригведа сложился в 1200–1000 гг. до н. э. в Северо-Западной Индии [16, р. 570–572].

Открытие в начале XX в. хеттского языка, существовавшего, по крайней мере, с XVII в. до н. э., вынужденно удревнило время существования индоевропейского единства сначала до III в. до н. э., а позднее, по некоторым подсчетам, и до VI в. до н. э. (см. [17, с. 40–45]), а если за индоевропейцев принимать первых земледельцев Передней Азии – еще ранее (см. [18, р. 440]). Однако на хронологию возникновения Вед эти изменения никак существенно не повлияли.

Более существенные изменения в АИТ, вплоть до ее основательного пересмотра, оказались связаны с археологическими открытиями в долине Инда, сделанными в 1920–40-х гг. Само существование Индской (или Хараппской) цивилизации в конце III – начале II в. до н. э. привело к тому, что возник вопрос о возможной взаимосвязи городов в долине Инда с пришельцами-ариями. В результате АИТ была модифицирована в АМТ (*Aryan Migration Theory*) – «теория арийской миграции», которая предлагала не одномоментное массовое вторжение ариев в конце II тыс. до н. э., а их миграцию в Индию волнами. Первая волна привела к разрушению Индских городов в XVIII в. до н. э., а последующие – к доминированию ариев в Индии к моменту сложения Ригведы, т. е. к концу II – началу I в. до н. э. (см. [19, р. 137–189]).

Дальнейшие исследования Индской цивилизации полностью опровергли участие каких-либо пришельцев в упадке местных городов (см. [20, р. 91–92]), а также и то, что санскрит является матерью современных индийских языков (см. [21, р. 33–51]). В результате в рамках современного состояния АМТ расселение ариев в Азии началось с середины II в. до н. э. (в силу фиксации так называемого митаннийского арийского в Передней Азии в XVI–XIV вв. до н. э.) (см. [22, р. 90]) и завершилось в начале I в. до н. э.

Теория 2б является хронологической составляющей ОИТ (16). Если санскрит – древнейший язык Индии, а Ригведа – древнейшее произведение, созданное на этом языке, то ее древность может определяться любым временем, но до начала кали-юги, поскольку последнее точно было положено после сложения всех Вед (см. [23, с. 13–31]). Совершенно очевидно, что джайнизм и буддизм появились значительно позднее сложения Вед (см. [24, р. 147–149]), что, собственно говоря, никогда и никем всерьез не оспаривалось.

Точка зрения 2в возникла в конце XIX – начале XX в. вследствие исследований некоторых астрономических указаний, содержащихся в Ведах, в том числе и в Ригведе. Эти указания привели исследователей к тому, что время создания Ригведы определялось очень длительным периодом, начинающимся как минимум с VI в. до н. э. и заканчивающимся в III в. до н. э. (см. [25, р. 198–220]). Эти же указания дали авторам соответствующих работ основание считать, что создатели по крайней мере некоторых гимнов Ригведы находились в районе Северного полюса, откуда и начали расселение на юг (см. [8, с. 444–450]).

Учитывая серьезность и существенность проблемы временной и пространственной локализации Ригведы как древнейшего индийского письменного памятника, имеющего несомненную языковую принадлежность, целесообразным видится привести нашу собственную точку зрения, которая исходит из современного состояния вопроса.

Прежде всего имеет смысл определиться с существующими возможностями определения историчности любого объекта, т. е. его доказуемого расположения с точки зрения географии и абсолютной хронологии. Для решения поставленной задачи предлагаем следующий алгоритм.

1. Классификация внешнего вида объекта:

- место и время обнаружения;
- материал;
- форма;
- внешние особенности (надписи, изображения, другие следы человеческой деятельности).

2. Определение принадлежности объекта к определенному периоду истории и определенному географическому региону по внешнему виду:

- язык;

- хронология объекта (физические и химические методы);
- географическая принадлежность объекта (геологические методы);
- хронология и географическая принадлежность объекта (биологические и генетические методы).

3. Определение принадлежности объекта к определенному периоду истории по имеющемуся содержанию:

- связь объекта с историческими деятелями, для которых определены абсолютные даты и географический регион: списки правителей, датированные сведения и т. д.;
- хронология объекта (по данным астрономического характера);
- хронология и географическая принадлежность объекта (по связанным с ним материальным объектам: металлы, растения, технологии и т. д.);
- географическая принадлежность объекта (по связанным с ним географическим сведениям);
- хронология и географическая принадлежность объекта (искусствоведческие и текстологические методы).

4. Выводы:

- вывод по каждому пункту;
- итоговый вывод.

Приведем результаты анализа исходя из предложенного выше.

1. Классификация внешнего вида объекта.

Место и время обнаружения. Согласно самым новым на сегодня исследованиям (относящимся к концу XX в.) самые ранние известные нам записи Ригведы относятся к середине XI в. н. э. В 1980-е гг. при издании первой части перевода Ригведы Т. Я. Елизаренкова указала на то, что самое раннее известное нам упоминание о записи этого памятника индийской мысли встречается в «Индии» аль-Бируни [26, с. 478]. На самом деле, в XII главе упомянутого труда аль-Бируни сообщает, что индийцы не считают возможным записывать Веда, поскольку запись не передает ни важных для ритуала интонаций, ни интервалов рецитации. Однако незадолго до написания труда аль-Бируни Васукра Кашмирский записал Веда, опасаясь, что они будут забыты и исчезнут из памяти [27, с. 141–142]. Из этого следует, что упомянутая запись Ригведы была сделана незадолго до наступления 1030 г. [28, с. 14; 29, с. 646]. Более точная датировка этого события не представляется возможной, поскольку личность указанного васукры не поддается идентификации (см. [29, с. 582]).

Говоря о самой ранней известной рукописи Ригведы (хранящейся на территории современного Непала), М. Витцель указывает примерно на то же время и регион (около 1040 г. н. э., север Индии) (см. [30, р. 259]).

Материал. Известные нам ранние записи Ригведы делались на тряпично-пальмовой бумаге,

изготовленной по арабско-китайской технологии, идущей от бумажной мельницы Бармакидов (см. [31, с. 46]).

Форма. Записи имели обычный для своего времени (диктуемый технологией изготовления) вид – свитки.

Внешние особенности (надписи, изображения, другие следы человеческой деятельности). В рассматриваемое нами время на севере Индии для создания подобных записей использовались модификации письма брахми (см. [32, р. 31–42]).

2. Определение принадлежности объекта к определенному периоду истории и определенному географическому региону по внешнему виду.

Язык. Памятник написан на ведийском языке (санскрит), который сам по себе дает возможность датировать Ригведу временем не позднее первой половины I в. до н. э., поскольку уже в середине I в. до н. э. этот язык не использовался, что фиксируется древнеиндийскими грамматистами и лексикологами, такими как Яска и Панини (см. [30, р. 258]). Однако его существование в качестве разговорного, вероятно, вообще не имело места, как раз в силу того, чем был язык Ригведы для индийцев того времени. Время возникновения, в свою очередь, определяется исследователями исходя из выше перечисленных теорий времени и места сложения самой Ригведы, т. е. V (если не раньше) – II вв. до н. э. Таким образом, ведийский язык сам по себе в данном случае не дает более точной информации, поскольку других памятников, кроме Вед (из которых Ригведа – самая ранняя), на этом языке не существует.

Хронология объекта (физические и химические методы). Решение задачи представляется возможным только для существующих рукописей (т. е. для XI в. н. э. и последующих), но существование Ригведы задолго до этого времени не вызывало сомнений даже во время написания памятника, что уже отмечалось выше в связи с указаниями аль-Бируни.

Географической принадлежности объекта (геологические методы). Решение задачи не представляется возможным в связи с неприменимостью геологических методов к существующим формам фиксации Ригведы.

Хронология и географическая принадлежность объекта (биологические и генетические методы). Современные данные о популяционной генетике древнеиндийского населения (500 поколений) свидетельствуют о том, что в течении X–II вв. до н. э. индийское население устойчиво разделялось на южан и северян, не имевших существенных биологических контактов ни между собой, ни с внешним миром [33]. В этот период генетически ни население севера, ни население юга принципиально не менялись [34].

3. Определение принадлежности объекта к определенному периоду истории по имеющемуся со-
держанию.

Связь объекта с историческими деятелями, для которых установлены абсолютные даты и географический регион: списки правителей, датированные сведения и т. д.

Ригведа содержит некоторое число имен собственных, упоминаемых в царских списках пуран, относящихся (по классификации Ф. Е. Паргитера) по крайней мере к 21–90 поколениям разных династий [35, р. 144–149]; имена риши [35, с. 191–192], которые нами в расчет не берутся, поскольку их идентификация как *homo sapiens* не всегда возможна. Все упомянутые правители, согласно пуранам, приходятся на время до битвы на поле Куру, а следовательно, на хронологический период до начала кали-юги. Те же правители, которые упомянуты в пуранах и для которых существует абсолютная хронология (прежде всего Ашока Маурья (см. [23, с. 26–27]), относятся ко времени кали-юги, т. е. после событий Махабхараты. Однако в результате царские списки пуран посредством прямого подсчета временных интервалов от правления Ашоки Маурья, дают возможность приблизительно датировать те тексты Ригведы, которые содержат упомянутые имена.

Хронология объекта (по данным астрономического характера). Достаточно надежно идентифицируемые сведения астрономического характера, содержащиеся в древнеиндийских памятниках, указывают на восхождение Солнца в плеядах, т. е. на (XXVII–XX вв. до н. э.) (см. [23, с. 54]). Однако эти данные относятся к более поздним произведениям, чем Ригведа. Следовательно, события самой Ригведы должны относиться к более раннему времени: эпохе Альдебарана (XXXVII–XXVIII вв. до н. э.) или еще ранее.

Интересно, что такие ранние даты для Ригведы вполне подтверждаются основанными на астрономических данных сведениями об индийских эрах, приведенными Абу Рейханом аль-Бируни в его «Индии»: кали-юга начинается в 3102 г. до н. э., начало правления Пандавов – в 2449 г. до н. э. (см. [23, с. 15]). Поскольку события Ригведы предшествуют кали-юге, совпадение представляется определенным (пусть и весьма слабым) подтверждением современных астрономических датировок древнеиндийских текстов.

Хронология и географическая принадлежность объекта (по связанным с ним материальным объектам: металлы, растения, технологии и т. д.). Что касается животного и материального мира Ригведы, то, исходя из существующих исследований и дискуссий (см. [26, с. 444–452]), прямых и несомненных противоречий индийским реалиям в тексте памятника нет. Следует, однако, отметить, что традиционные для этой темы «аргумент коня» и «аргумент металлов», с нашей точки зрения, указывают на то, что описываемые реалии свидетельствуют о формировании самих этих понятий как совокупности определенных качеств, которые

впоследствии будут обозначаться понятиями, в том числе «металл» или «конь» [23, с. 33–53]. Что касается хлопка, то существующее положение дел никак не указывает ни на одну из возможных версий хронологии Ригведы [23, с. 56–57].

Географическая принадлежность объекта (по связанным с ним географическим сведениям). С точки зрения гидронимии (как показал, например, Ш. Талагери [14, р. 114–126]), Ригведа, безусловно, индийский памятник.

Хронология и географическая принадлежность объекта (искусствоведческие и текстологические методы).

Самые ранние известные рукописи Ригведы записаны, как показано выше, шрифтом на базе модифицированного письма брахми, т. е. являются, несомненно, средневековыми записями из Северной Индии [36, с. 180].

4. Выводы.

Выводы по каждому пункту. Согласно разделу I (по самым ранним сохранившимся фиксациям)

Ригведа является индийским памятником конца I – начала II в. н. э. Согласно разделу II Ригведа является североиндийским памятником либо конца II–I вв. до н. э. (согласно датировке языка лингвистами и их атрибуции географических языковых данных памятника), либо более ранним (согласно теории автохтонного происхождения Ригведы или Арктической теории). Согласно разделу III никаких бесспорных доказательств внешней миграции населения в Индию в период предполагаемого арийского вторжения нет (в том числе по данным генетики). Ригведа является индийским памятником либо конца III–II вв. н. э. (по данным пуран), либо IV–III вв. до н. э. (по данным астрономии).

Итоговый вывод. Современное состояние наших знаний о хронологии и географической локализации Ригведы указывает на то, что она является памятником, отражающим реалии северной части индийского субконтинента как минимум III–II вв. до н. э., а скорее всего, и IV в. до н. э. и, возможно, даже V в. до н. э.

Библиографические ссылки

1. Rendall GH. *The Cradle of the Aryans*. London: Macmillan and Company; 1889.
2. Taylor I. *The Origin of the Aryans: An Account of the Prehistoric Ethnology and Civilization of Europe*. New York: Scribner and Welford; 1890.
3. Серебряков ИД, Ибрагимов АШ, переводчики. *Панчатантра, или Пять книг житейской мудрости*. Москва: Художественная литература; 1989.
4. Childe VG. *The Aryans. A Study of Indo-European Origins*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co.; 1926.
5. Feuerstein G, Kak S, Frawley D. *In Search of the Cradle of Civilization: New Light on Ancient India*. Wheaton: Quest Books; 2001.
6. Gonda J. *Vedic Literature (saMhitAs and brAhmaNas)*. Weisbaden: Otto Harrassowitz; 1975.
7. Радхакришнан С. *Индийская философия. Том 2*. Москва: Миф; 1993.
8. Тилак БГ. *Арктическая родина в Ведах*. Гусева НР, переводчик. Москва: Фаир-Пресс; 2001.
9. Pischel R. *Grammatik Prakrit-Sprachen*. Strassbourg: K. J. Trübner; 1900.
10. Фрай Р. *Наследие Ирана*. Лившиц ВА, Зеймань ВС, переводчики. Москва: Восточная литература; 2002.
11. Дьяконов ИМ. О прародине индоевропейских диалектов. *Вестник древней истории*. 1982;4:11–25.
12. Гамкрелидзе ТВ, Иванов ВВ. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета; 1984.
13. Frawley D. *The Myth of the Aryan Invasion of India*. New Delhi: Voice of India; 2005.
14. Talageri S. *The Rigveda. A Historical Analysis*. New Delhi: Aditya Prakashan; 2000.
15. Гиндин ЛА. Троянская война и аххиява хеттских клинописных текстов. *Вестник древней истории*. 1991;3:28–51.
16. Müller FM. *A History of Ancient Sanskrit Literature*. London: Williams and Norgate; 1859.
17. Сафронов ВА. *Индоевропейские прародины*. Горький: Волго-Вятское книжное издательство; 1989.
18. Renfrew C. Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins. *Current Anthropology*. 1988;29(3):437–468.
19. Parpola A. The coming of the Aryans to Iran and India and the cultural and ethnic identity of the dAsas. *International Journal of Dravidian Linguistics*. 1988;XVII(2):85–229. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1356186300000080>.
20. McIntosh JR. *The Ancient Indus Valley. New Perspectives*. Santa Barbara: ABC-CLIO; 2008.
21. Deshpande M. *Sanskrit & Prakrit, sociolinguistic issues*. Delhi: Motilal Banarsidass; 1993.
22. Wheeler M. The Indus Civilization. In: Wheeler M. *The Cambridge History of India. Supplementary Volume*. Cambridge: Un; 1953.
23. Перзашкевич ОВ. *Ригведийское жречество*. Минск: БГУ; 2014.
24. Rapson EJ, editor. *Cambridge History of India. Volume 1: Ancient India*. Cambridge: Cambridge, University Press; 1922.
25. Tilak BG. *The Orion or Researches into the Antiquities of the Vedas*. Bombay: Radhabai Atmaram Sagoon; 1893.
26. Елизаренкова ТЯ. Ригведа – великое начало индийской литературы и культуры. В: Елизаренкова ТЯ, переводчик. *Ригведа. Мандалы I–IV*. Москва: Наука; 1989. с. 426–543.
27. Бируни Абу Рейхан. *Индия*. Халидов АБ, Завадский ЮН, переводчики. Москва: Ладомир; 1995.

28. Халидов АБ, Эрман ВГ. Предисловие. В: Бируни Абу Рейхан. *Индия*. Халидов АБ, Завадский ЮН, переводчики. Москва: Ладомир; 1995. с. 7–53.
29. Эрман ВГ, Халидов АБ. Комментарии. В: Бируни Абу Рейхан. *Индия*. Халидов АБ, Завадский ЮН, переводчики. Москва: Ладомир; 1995. с. 539–675.
30. Witzel M, editor. *Inside the texts, beyond the texts: new approaches to the study of the Vedas: proceedings of the International Vedic Workshop, Harvard University, June 1989*. Cambridge: Harvard University Department of Sanskrit and Indian Studies; 1997.
31. Монтгомери УУ. *Влияние ислама на средневековую Европу*. Москва: Наука; 1976.
32. Salomon R. *Indian Epigraphy: A Guide to the Study of Inscriptions in Sanskrit, Prakrit, and the other Indo-Aryan Languages*. New York: Oxford University Press; 1998.
33. Moorjani P. Genetic Evidence for Recent Population Mixture in India. *The American Journal of Human Genetics*. 2013;93(3):422–438. DOI: 10.1016/j.ajhg.2013.07.006.
34. Metspalu M. Shared and Unique Components of Human Population Structure and Genome-Wide Signals of Positive Selection in South Asia. *The American Journal of Human Genetics*. 2011;89:731–744. DOI: 10.1016/j.ajhg.2011.11.010.
35. Pargiter FE. *Ancient Indian Historical Tradition*. London: Oxford University Press; 1922.
36. Зорграф ГА, Куланда СВ. Индийское письмо. В: Ярзев ВН, главный редактор. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия; 1990. с. 179–182.

References

1. Rendall GH. *The Cradle of the Aryans*. London: Macmillan and Company; 1889.
2. Taylor I. *The Origin of the Aryans: An Account of the Prehistoric Ethnology and Civilization of Europe*. New York: Scribner and Welford; 1890.
3. Serebryakov ID, Ibragimov ASH. *Panchatantra, ili Pyat' knig zHITEISKOI mudrosti* [Panchatantra, or the Five Books of Life Wisdom]. Moscow: Hudozhestvennaya Literatura; 1989. Russian.
4. Childe VG. *The Aryans. A Study of Indo-European Origins*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co.; 1926.
5. Feuerstein G, Kak S, Frawley D. *In Search of the Cradle of Civilization: New Light on Ancient India*. Wheaton: Quest Books; 2001.
6. Gonda J. *Vedic Literature (saMhitAs and brAhmaNas)*. Weisbaden: Otto Harrassowitz; 1975.
7. Radhakrishnan S. *Indiiskaya filosofiya. Chast' 2* [Indian Philosophy. Volume 2]. Moscow: Mif; 1993. Russian.
8. Tilak BG. *The Arctic Home in the Vedas*. Messrs. Wada Poona: TILAK BROS Gaikwar; 1903. Russian edition: Tilak BG. *Arkticheskaya rodina v Vedakh*. Guseva NR, translator. Moscow: Fair-Pres; 2001.
9. Pischel R. *Grammatik Prakrit-Sprachen*. Strassbourg: K. J. Trübner; 1900.
10. Frye R. *The Heritage of Persia*. Cleveland, New York: Mazda Publishers, Bibliotheca Iranica; 1962. Russian edition: Frye R. *Nasledie Irana*. Livchits VA, Zeimal' VS, translators. Moscow: Vostochnaya literature; 2002.
11. Dyakonov IM. [About the Homeland of Indo-European Dialects]. *Vestnik Drevney Istorii*. 1982;4:11–25. Russian.
12. Gamkrelidze TV, Ivanov VV. *Indoevropeskii yazyk i indoevropeitsy* [Indo-European Language and Indo-Europeans]. Tbilisi: Publish house of University of Tbilisi; 1984. Russian.
13. Frawley D. *The Myth of The Aryan Invasion of India*. New Delhi: Voice of India; 2005.
14. Talageri S. *The Rigveda. A Historical Analysis*. New Delhi: Aditya Prakashan; 2000.
15. Gindin LA. [Trojan War and Ahhiyawa of the Hittite Cuneiform Texts]. *Vestnik Drevney Istorii*. 1991;3:28–51. Russian.
16. Müller FM. *A History of Ancient Sanskrit Literature*. London: Williams and Norgate; 1859.
17. Safronov VA. *Indo-European Homelands*. Gorkiy: Volgo-Vyatskoye knizhnoe izdatel'stvo; 1989. Russian.
18. Renfrew C. Archaeology and Language: the Puzzle of Indo-European Origins. *Current Anthropology*. 1988;29(3):437–468.
19. Parpola A. The coming of the Aryans to Iran and India and the cultural and ethnic identity of the dAsas. *International Journal of Dravidian Linguistics*. 1988;XVII(2):85–229. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1356186300000080>.
20. McIntosh JR. *The Ancient Indus Valley. New Perspectives*. Santa Barbara: ABC-CLIO; 2008.
21. Deshpande M. *Sanskrit & Prakrit, sociolinguistic issues*. Delhi: Motilal Banarsidass; 1993.
22. Wheeler M. The Indus Civilization. In: Wheeler M. *The Cambridge History of India. Supplementary Volume*. Cambridge: Un; 1953.
23. Perzashkevich OV. *Rigvediiskoe zhrechestvo* [Rigvedic Priesthood]. Minsk: Belarusian State University; 2014. Russian.
24. Rapson EJ, editor. *Cambridge History of India. Volume 1: Ancient India*. Cambridge: Cambridge University Press; 1922.
25. Tilak BG. *The Orion or Researches into the Antiquities of the Vedas*. Bombay: Radhabai Atmaram Sagoon; 1893.
26. Elizarenkova TYa. [Rigveda – the Great Beginning of Indian Literature and Culture]. In: Elizarenkova TYa. *Rigveda. Mandaly I–IV* [Rigveda. Mandalas I–IV]. Moscow: Nauka; 1989. p. 426–543. Russian.
27. Biruni Abu Reykhan. *India*. Khalidov AB, Zavadskiy YuN, translates. Moscow: Ladamir; 1995. Russian.
28. Khalidov AB, Erman VG. [The Foreword]. In: Biruni Abu Reykhan. *India*. Khalidov AB, Zavadskiy YuN, translates. Moscow: Ladamir; 1995. p. 7–53. Russian.
29. Erman VG, Khalidov AB. [The Commentaries]. In: Biruni Abu Reykhan. *India*. Khalidov AB, Zavadskiy YuN, translates. Moscow; 1995. p. 539–675. Russian.
30. Witzel M, editor. *Inside the texts, beyond the texts: new approaches to the study of the Vedas: proceedings of the International Vedic Workshop, Harvard University, June 1989*. Cambridge: Harvard University Department of Sanskrit and Indian Studies; 1997.
31. *Watt the influence of islam on Medieval Europe*. Edinburgh: University Press; 1972. Russian edition: Montgomery W. *Vliyanie islama na srednevekovuyu Evropu*. Moscow: Nauka; 1976.

32. Salomon R. *Indian Epigraphy: A Guide to the Study of Inscriptions in Sanskrit, Prakrit, and the other Indo-Aryan Languages*. New York: Oxford University Press; 1998.
33. Moorjani P. Genetic Evidence for Recent Population Mixture in India. *The American Journal of Human Genetics*. 2013;93(3):422–438. DOI: 10.1016/j.ajhg.2013.07.006.
34. Metspalu M. Shared and Unique Components of Human Population Structure and Genome-Wide Signals of Positive Selection in South Asia. *The American Journal of Human Genetics*. 2011;89:731–744. DOI: 10.1016/j.ajhg.2011.11.010.
35. Pargiter FE. *Ancient Indian Historical Tradition*. London: Oxford University Press; 1922.
36. Zograf GA, Kullanda SV. [Indian scripture]. In: Yarzev VN, head editor *Lingvisticheskiy Encyclopedicheskiy Slovar*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1990. p. 179–182.

Статья поступила в редколлегию 28.12.2017.
Received by editorial board 28.12.2017.

УДК 94(30).02.930.272

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РОДОВОЙ СТРУКТУРЫ ЭЛЛИНСКОГО ОБЩЕСТВА

М. В. СЫЧЕВ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, ул. Ковалева, 4, 223013, агрогородок Самохваловичи, Беларусь

Отмечается, что в классический и архаический периоды аристократические слои эллинского общества делились на роды. В историографии часто высказывается основанное на концепции Л. Г. Моргана мнение о том, что эта структура общества сохранилась с первобытных времен. Однако анализ письменных и археологических источников VIII в. до н. э. позволил определить, что до VIII в. до н. э. род существовал лишь как представление о последовательности предков, но не как объединение людей одного поколения. Утверждается, что со сменой скотоводческого хозяйства земледельческим именно в VIII в. до н. э. ситуация изменилась и роды стали социальной реальностью.

Ключевые слова: Древняя Греция; род; фила; фратрия; Атика.

УЗНІКНЕННЕ РОДАВАЙ СТРУКТУРЫ ЭЛІНСКАГА ГРАМАДСТВА

М. В. СЫЧОЎ^{1*}

^{1*}Незалежны даследчык, вул. Кавалёва, 4, 223013, аграгарадок Самахвалавічы, Беларусь

Адзначаецца, што ў класічны і архаічны перыяды арыстакратычныя пласты элінскага грамадства дзяліліся на роды. У гістарыяграфіі часта выказваецца заснаванае на канцэпцыі Л. Г. Моргана меркаванне аб тым, што гэтая структура грамадства захавалася з першабытных часоў. Аднак аналіз пісьмовых і археалагічных крыніц VIII ст. да н. э. дазваляе вызначыць, што да VIII ст. да н. э. існаваў род толькі як уяўленне аб паслядоўнасці продкаў, але не як аб'яднанне людзей аднаго пакалення. Сцвярджаецца, што з пераходам з жывёлагадоўчай гаспадаркі на земляробчую менавіта ў VIII ст. да н. э. сітуацыя змянілася і роды сталі сацыяльнай рэальнасцю.

Ключавыя словы: Старажытная Грэцыя; род; філа; фратрыя; Атыка.

THE ORIGIN OF GENOS IN HELLENIC SOCIETY

M. V. SYCHOV^a

^aIndependent researcher, 4 Kavaliova Street, Samahvalavichy 223013, Belarus

Hellenic aristocrats were divided into genes in Classical and Archaic times. It is often written in historiography, that genes had been existing since prehistoric times. This opinion is based on L. G. Morgan's conception. But the analysis of written and archaeological sources of VIII century BC shows the following. Genes had existed only as concept of succession of ancestors till VIII century BC, but not as unification of people of the same generation. And exactly in VIII century BC, when the economy changed from pastoral to agricultural, the situation changed and genes became social reality.

Key words: Ancient Greece; clan; phila; phratry; Attica.

Образец цитирования:

Сычев МВ. Возникновение родовой структуры эллинского общества. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018;3:72–77.

For citation:

Sychov MV. The origin of genos in hellenic society. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2018;3:72–77. Russian.

Автор:

Михаил Викторович Сычев – магистр исторических наук.

Author:

Mikhail V. Sychov, master of science (history).
sychovmv@gmail.com

В архаический и классический периоды аристократические слои эллинского общества делились на роды, которые существовали в обществе как социальные единицы с особой структурой, имущественной взаимной поддержкой членов рода и общими политическими интересами. Самый известный пример – Алкмеониды [1–4]. Однако возникают вопросы: «Объединялись ли роды фактически в родовые общины под общим родовым именем в VIII в. до н. э.?»; «Выступали ли они единым фронтом в политической жизни?»; «Обладали ли хоть малой степенью общности имущества и т. п.?».

Историография рассматриваемого вопроса могла бы составить несколько томов полноценного исследования, потому имеет смысл лишь слегка затронуть некоторые ее положения.

Понятие «родовая структура» введено в научный оборот прежде всего знаменитой работой Л. Г. Моргана, в которой показано, что все без исключения общества на стадии развития предшествовавшей цивилизации делились на роды, объединенные, в свою очередь, в более крупные родовые структуры. Таким переходным для греков периодом было время Гомера и Гесиода на островах и на материке. Л. Г. Морган считал, что эллинское общество времен Гомера делилось на филы (φυλαί), те, в свою очередь, на фратрии (φρατρίαι), фратрии же – на роды, однако в большинстве дорийских полисов, по мнению исследователя, фратрий не было, а в Спарте вместо них существовали обы (ὄβαι). В качестве примера Л. Г. Морган использует лучше всего освещенный в источниках афинский полис. По его мнению, Аттика делилась на 4 филы (гелеонтов, го-плитов, эгикор, аргад), каждая из которых включала в себя по три фратрии, каждая фратрия в идеале должна была состоять из 30 родов. Таким образом, развитие греков, начиная с первых Олимпийских игр и заканчивая реформами Клизфена, шло прежде всего по пути перехода от родового общества к политическому, построенному по территориальному признаку [4, с. 126–128]. Полностью повторяет эту позицию Ф. Энгельс, делая упор на то, какую роль играет частная собственность в данном переходе [5, с. 108–109], что в силу некоторых причин оказало большое влияние на дальнейший ход изучения вопроса.

К концу XX в. упоминания о родовой структуре эллинского общества во время и сразу после создания гомеровского эпоса постепенно исчезают. Например, Х. Туманс вспоминает о филах и фратриях только тогда, когда речь заходит о Тесее, историк приводит цифры, основанные не на теории Л. Г. Моргана, а на числе 12 [6, с. 140–143].

Е. Вандайвер в своих лекциях много говорит об описанном в «Одиссее» обществе, но о родовых структурах не упоминает¹.

Историография позволяет увидеть, что родовые структуры, если они существовали в действительности, должны обозначаться словами γένος, φρατρία и φυλή [7, с. 7–8; 8, с. 44–45; 9, с. 9–17; 10, р. 134–135 и др.]. Для анализа того, как в VIII в. до н. э. слова авторов понимали их современники, целесообразно использовать лингвистические методы, например, концептуальное описание.

Слово γένος следует рассматривать вместе со словом γενεή (Hom. Il. VI, 146; XX, 303; Od. I, 407; XX, 193; Hes. Erg. 160, 284, 285 и другие)². Употребляются они в двух разных формах и порой с окончаниями разных склонений, что подтверждает словарь Лидделл-Скотта [11].

Слова γένος и γενεή – субстантивированная форма глагола γίγνομαι. Во втором аористе основа данного глагола – γεν. Чаще всего γίγνομαι переводится как *рожать* или *рождаться* в зависимости от залога (Hes. Theog. 105), но иногда этот же глагол переводится как *совершать какое-либо действие* (Hes. Erg. 342–345).

Количество контекстов позволило провести концептуальное описание данного слова. В этимологии важным моментом является то, что анализируемому глаголу близки санскритские *jana* – *род, раса, дом*, и *jati* – *рождение, семья* [12, р. 297]. Рассматриваемое слово в обоих склонениях употребляется 80 раз Гомером и 20 раз Гесиодом. Этимология свидетельствует о том, что γένος обозначает общность происхождения. Однако в полученных ядерных определениях нет ничего, что указывало бы на структурированное социальное образование. В классическое время роды проводили активные действия в разных сферах жизни, включая политическую, но у Гомера и Гесиода слово γένος/γενεή в значительно большем числе контекстов является объектом, а не субъектом действия (у Гомера глаголы с этим словом употреблены 32 раза в пассивной позиции (Hom. Il. VI, 211; Od. XIV, 325) и 29 раз в активной (Hom. Il. V, 544; Od. XX, 212), у Гесиода – 7 раз в пассивной позиции (Hes. Erg. 109, Theog. 346) и 5 раз в активной (Hes. Erg. 11; Theog. 509)), самым распространенным активным глаголом при этом слове является εἰμί (у Гомера он употреблен 12 раз (Hom. Il. XX, 390; Od. IV, 63), при том что другие активные глаголы – до 2 раз, у Гесиода εἰμί употреблен 3 раза (Hes. Erg. 11; 176; Theog. 509), а 2 других активных глагола – по одному разу). Получается, что в контекстах, в которых γένος/γενεή является субъектом, данный субъект просто существует, а не

¹Vandiver E. Classical Mythology: 24 l. [Electronic resource]. URL: <http://www.teach12.com/teach12.aspx?ai=30315&WT.srch=1> (date of access: 31.03.2017).

²Здесь и далее: Musaios: thesaurus lingva graeca / ed. by D. J. Damont, R. M. Smith [Electronic resource]. Electronic data and programs. (631 Mb). Los Angeles, 1992–2000.

производит действия. Показательны также выражения, подразумевающие объединенную единым происхождением, нередко мифическим, группу, не составляющую социальное образование. Примерами могут служить выражения *род мужей* – γένος ἀνδρῶν (Hom. Il. VI, 146; XII, 23; XIX, 105; Od. IV, 63; Hes. Erg. 159), *род людей* – γένος ἀνθρώπων (Hom. Il. I, 251; XV, 141; XXIII, 790; Hes. Erg. 109), *род женщин* – γένος γυναικῶν (Hes. Theog. 590), *род мулов или лошаков* – ἵμιόνων γένος (Hom. Il. II, 852), поскольку нельзя признать всех людей, а тем более мулов, единым элементом одной социальной структуры, противостоящим другим ее элементам.

Следующее слово, якобы обозначающее родовые структуры в эллинском языке, существует в двух склонениях (и родах), соответственно, и в двух вариантах. И Гомер, и Гесиод используют лишь один из них – φῶλον. Это слово, также как и γένος/γενεή, является субстантивированной формой глагола, обозначающего *рожать, возвращать* – φύω (происходит от корня *bhū*, что соответствует санскритскому *быть, существовать* [12, р. 1049–1050]). Как показывает анализ текста, данное слово употребляется 20 раз у Гомера и 7 у Гесиода, соответственно, оно не является часто употребительным, но концептуальное описание на основе этих контекстов дает ядерное определение, следовательно, слово имело вполне определенное для данных авторов значение. Это понятие также гораздо чаще выступает объектом, а не субъектом действия (у Гомера глаголы с этим словом употреблены 15 раз в пассивной позиции и 4 раза в активной, у Гесиода – 4 раза в пассивной позиции и 4 раза в активной). Данное слово также участвует в выражениях, обозначающих группу, объединенную единым происхождением, нередко мифическим, но не составляющую единое социальное образование (во многом это те же выражения, что и в случае с γένος/γενεή), например, *фила людей* – φῶλον ἀνθρώπων (Hom. Il. V, 442; XIV, 361; Od. III, 282; VII, 307; Hes. Erg. 90; Theog. 330) и *фила богов* – φῶλον θεῶν (Hom. Il. V, 442; XV, 54; Hes. Theog. 202, 965).

Слово φρατρία происходит от *bhritor-, *bhruter- (брат) [12, р. 1039–1040], соответственно, оно возможно, обозначает *братство*, но под этим термином может пониматься и группа людей, объединенных по любому другому признаку. У Гесиода φρατρία не упоминается, а у Гомера фигурирует лишь однажды (Hom. Il. II, 360–363).

Всего один контекст в изучаемом массиве источников не дает возможности провести концептуальное описание или другим способом выработать определение, не обращаясь к материалу более позднего времени, когда значение могло претерпеть изменения. Однако, судя по редкости употребления данного слова, оно не является названием социальной категории.

У аристократических родов существовали свои генеалогии, наличие которых фиксируют письменные источники [13, с. 58–59]. Данные генеалогии восходят к мифическим персонажам, включая героев Троянской войны, потому признание этих генеалогий подлинными означает признание наличия родовых структур уже, по крайней мере, в VIII в. до н. э. И. Е. Суриков убедительно доказывает невозможность сознательной фальсификации подобных перечней предков, в частности, из-за веры в неминуемый гнев последних [13, с. 58–59]. Однако в истории нередко возникали ситуации, когда изменявшие генеалогическое древо члены рода считали, что они не фальсифицируют данные, а наоборот, исправляют ошибки, задабривая древних предков. Следы таких исправлений видны в источниках, содержащих разные варианты происхождения того или иного рода аристократов.

В частности, Геродот пишет, что Алкмеониды издревле жили в Афинах (Hdt. VI, 125), а Павсаний называет их потомками Нестора, изгнанными из Мессении (Paus. II, 18, 7–9).

Наиболее подробно в источниках излагается генеалогия двух родов, правивших в Спарте и сохранивших титул басилеев. В этом государстве существовал список правителей, называемый в историографии царским, который сохранился у Геродота (Hdt. VII, 204; VIII, 131); Павсания (Paus. III, 1–4); частично в написанной Плутархом биографии Ликурга, в которой повторен список потомков Прокла от самого Прокла до Харилая включительно (Plut. Лус. 1); у Диодора Сицилийского (Diod. VII, fr. 8) и Евсевия (Euseb. I, 226), при этом последний заимствовал список у Диодора и сам об этом сообщил. Царский список у разных авторов не одинаков, причем различия в некотором роде принципиальные. Геродот пишет о Леониде и Левтихиде – басилеях спартанцев времен греко-персидских войн. Древнегреческий историк перечисляет их предков, обоих возводя к Гераклу. Лакедемонских басилеев потомками греческого героя называет и Ксенофонт (Xen. Lac. Pol. X, 8). Однако Павсаний не придерживается такого же мнения. Более того, он пишет о том, что Тиндарей (Τυνδάρεος), один из этих басилеев, был современником Геракла (Paus. III, 1, 4). У разных авторов списки совпадают только начиная с Аристодема (Ἀριστόδημος), который, по версии Павсания, передал власть двум сыновьям – близнецам Эврисфею и Проклу, отчего спартанцами и начали править два рода басилеев.

К этому стоит добавить и то, что в трудах Гомера и Гесиода не упоминаются родовые имена. Только Аркесиад (Ἀρκεσιάδης (Hom. Od. IV, 755)), а также род Аркесия «Одиссеи» (φῶλον Ἀρκεσίου (Hom. Od. XIV, 181–182)) названы по имени не отца, а более раннего предка, т. е. по имени рода, но такие исключения из неуклонно соблюдаемого правила

лишь подтверждают разновременный характер отдельных вставок в текст.

На примере вышеупомянутых родов видно, что источники не сходятся в вопросе о ранних стадиях их существования. На основании этого факта можно предположить, что членов данных родов, якобы живших в конце гомеровского периода, с большой долей вероятности можно считать легендарными. Эти данные также не подтверждают наличие структур, сходных с родовыми классического периода в рассматриваемый промежуток времени.

Из сказанного видно, что письменные источники конца гомеровского периода не воспринимают род как устойчивую социальную структуру. Однако понятие рода как последовательности предков является органической частью эпоса. Все герои Троянской войны хорошо знают своих предков по мужской линии и гордятся ими. Именно отпрыски знатных отцов обладают выдающимися качествами характера, причем это мнение высказывает не только Гомер, но и все авторы архаического периода. Даже помогавший Одиссею раб Евмей являлся сыном базилея, похищенным и проданным в рабство (Hom. Od. XV, 413–414), возможно, именно поэтому он столь ревностно выполняет свой долг. Навсикая, дочь базилея феаков Алкиноя (Hom. Od. VI, 139–140), была в одинаковом со своими служанками положении, но только она не испугалась и не убежала от появившегося из кустов Лаэртида. Как следует из вышеприведенного анализа текстов Гомера, Гесиода и других авторов, в начале анализируемого столетия род существовал в качестве последовательности предков, в дальнейшем он стал коллективом в одно время живущих родственников, поддерживающих друг друга в областях экономики, политики и т. д. Подобные выводы можно сделать и из данных археологии, полученных преимущественно при анализе захоронений.

Общеэллинские процессы проще всего изучать на примере афинского полиса благодаря масштабным раскопкам, в частности, в районе Керамика. В VIII в. до н. э. в этом полисе появляются отдельные от общих кладбищ группы захоронений, каждая из которых, по всей видимости, принадлежала лишь одной семье. Примерами могут служить захоронения в Одос Пейрайос (Ὀδός Πεῖραιός) и на холме Киносарг (Κυνόσαργες) [14, p. 120–122]. Это исключительно богатые захоронения, причем детские помещены между взрослыми, в то время как ранее детей помещали отдельно. Количество могил слишком мало для общих кладбищ, но слишком велико для захоронений семьи, состоящей из мужа, жены и детей. В одном случае в течение трех поколений было захоронено 8 младенцев, 6 старших детей и 11 взрослых. Наиболее убедительным доказательством является то, что родство людей в некоторых таких группах захоронений доказано

при анализе самих скелетов (в Аттике тогда господствовала ингумация) [14, p. 120–122]. То есть большие семейные группы уже в Аттике VIII в. до н. э. мыслили себя отдельно от остального коллектива. Можно предположить, что эти группы были объединены в роды, поскольку и роды классического времени продолжали делиться на отдельные семьи. Налицо зарождение родового общества, которого в более «примитивные» времена не существовало.

Данные археологии также позволяют проследить эволюционный процесс, приведший к таким большим семейным погребениям. Зародилась эта традиция на Крите, где находится много семейных погребений: большое количество урн сложено в одну камеру (достоверно определить родство между кремированными покойными невозможно) [14, p. 276]. Однако количество покойников в таких могилах вызывает сомнения в принадлежности похороненных к большим семьям. Например, в одной из повторно использованных микенских могил в Кноссе за 200 лет (с середины IX до середины VII в. до н. э.) было похоронено всего 14 урн [14, p. 276]. В этом случае видим, скорее, одну линию потомков с одним или двумя представителями в каждом поколении (если жен хоронили вместе с мужьями). Это соответствует зафиксированному в письменных источниках представлению о роде как о последовательности предков. Данный вывод подтверждает и то, что многие такие могилы являются повторно использованными микенскими захоронениями, причем во многих прослеживается непрерывающаяся преемственность с X в. до н. э., т. е. линия и на уровне погребений восходила к древнему, возможно, мифическому предку [14, p. 276].

Обычай переняли на острове Санторин. В некрополе Фиры на данном острове могила № 29 содержит 12 кремированных взрослых и 1 ингумированного младенца. Люди умирали с середины IX до начала VII в. до н. э. [14, p. 217], т. е. перед нами вновь линия потомков одного предка.

Ситуация меняется на самом Крите: в семейной могиле, найденной около современной деревни Агиес Параскиес (Ἀγιές Παρακίεζ), в течение чуть более века было захоронено около двух дюжин кремационных урн [14, p. 276]. Исходя из их количества, можно предположить, что в могиле находится больше двух представителей одного поколения, т. е. это уже не одна линия потомков, а большесемейная группа.

На материк данная традиция перешла в первой половине VIII в. до н. э., начиная с Аттики и Коринфа, а позже культурная традиция распространилась по всей остальной Элладе [14, p. 120–122]. Вышеописанные большесемейные захоронения в Афинах появились приблизительно в четвертом десятилетии VIII в. до н. э. [14, p. 120–122]. На кладбищах Коринфа большесемейные захоронения (могилы

№ 25–46, группы С–G) появились во времена существования среднегеометрической керамики [14, р. 174] (в первой половине VIII в. до н. э.). На материке хоронили сразу много представителей одного поколения, т. е. большесемейные группы. В Эвбее у западных ворот Эретрии в одно время скорее в аттическом, нежели в местном стиле была захоронена группа людей, состоящая примерно из 9 детей и 6 взрослых. Из группы выделяется одна центральная по планировке и самая богатая по подношениям могила [14, р. 196–197]. Учитывая, что на месте данного погребения устроен героон, скорее всего, это захоронение особо влиятельного в городе человека в окружении родственников. Традиция распространилась даже в такую столь отсталую область, как Ахайя [14, р. 180].

Из данных письменных и археологических источников видно, что род в эллинском обществе воспринимался как последовательность предков, но постепенно, с середины VIII в. до н. э., в ведущих полисах появилось понятие рода в качестве одновременно живущей совокупности родственников, поддерживающих друг друга. Целесообразно выдвинуть гипотезу о возможной причине возникновения данного явления, понять, какие из изменений жизни эллинов связаны с такой трансформацией. Поскольку напрямую ни в одном источнике данный процесс не описан, все изложенное ниже является лишь предположением, основанным на косвенных данных.

Общеизвестны слова, написанные в начале II главы «Афинской политики» Аристотеля, про то, что в древности (еще до Драконта) при правлении нескольких знатных родов «вся земля была у немногих» (ἡ δὲ πᾶσα γῆ δι' ὀλίγων ἦν). Несмотря на то что это поздний источник, указанное утверждение придется принять за основу ввиду отсутствия синхронных по времени свидетельств. В данный период, как было показано выше, эллины перешли с преимущественно скотоводческого способа хозяйствования на преимущественно земледельческий. Увеличить количество своего скота можно было различными способами, например, угоном у врагов (у Гомера присутствуют многочисленные примеры захвата скота). Однако количество пахотной земли, которой владеет определенный народ, ограничено, отнять землю у соседей возможно лишь полномасштабной войной, а не набегом. Остается только один способ увеличить количество земли в собственном владении – отобрать ее у более слабого представителя своего же народа. Можно предположить, что именно для борьбы внутри народа за землю знатные люди стали объединяться в роды.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Деление гражданского коллектива

эллинских полисов на родовые структуры в классический период не вызывает сомнений. В качестве обозначающих терминов выступают γένος, φρατρία и φύλον. Анализ письменных источников, синхронных изучаемому времени, выявил отсутствие у этих терминов четкой привязки к обозначению родовых структур. Слово γένος (нередко встречающееся также в форме γενεή) обозначало группу предметов, связанных общим происхождением, но не обязательно родственными связями. Данным словом обозначалась совокупность мулов, неродственных друг другу людей и т. д. У слова φύλον сходные с предыдущим значение и контексты. Слово φρατρία употребляется в соответствующей группе источников лишь один раз, причем контекст не дает однозначного ответа на вопрос о значении данного понятия. Другие синхронные времени свидетельства существования родовых структур в качестве элементов социального деления отсутствуют. Учитывая положенный в основу данной статьи принцип опоры прежде всего на эту группу, можно сделать вывод об отсутствии такого деления в рассматриваемый период. Тем не менее само понятие рода существовало, но только в качестве знания о линии своих предков. Это подтверждают как фигурирующие в эпосе родословные, так и материалы захоронений, являющиеся родовыми, но содержащие по одной паре погребений от каждого поколения. Исходя из материалов захоронений можно предположить, что именно в VIII в. до н. э. родовые структуры становятся частью социальной реальности, поскольку именно в этом столетии появляются выделенные группы захоронений, в которых несколько человек относились к одному поколению. Обособленность этих групп, несмотря на то что они были частью общего некрополя, являлась показателем статуса, так же как и погребальный инвентарь, дающий возможность отнести погребенных к верхушке общества. Это позволяет предположить, что именно в VIII в. до н. э. в родах появились частичная общность проживания, политических интересов и другие черты, характерные для классического периода. В поисках причин данной трансформации наиболее перспективным выглядит переход также в этом столетии от преимущественно скотоводческого способа хозяйствования к преимущественно земледельческому, что подтверждает анализ археологического материала с помощью методов естественно-научных дисциплин. Объединения, видимо, требовались для борьбы за пригодные для сельскохозяйственных культур земли, урожай с которых собирался не только для пропитания, но и в целях продажи, что подтверждается прослеживаемым на основе данных археологии ускоренным ростом торговли.

Библиографические ссылки

1. Владимирская ОЮ. *Алкмеониды и Филаиды афинские*. Санкт-Петербург: Центр Антиквоведения СПбГУ; 2001.
2. Зельин КК. *Борьба политических группировок в Аттике в VI веке до н. э.* Москва: Наука; 1964.
3. Суриков ИЕ. *Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э.* Москва: Институт всеобщей истории РАН; 2000.
4. Морган ЛГ. *Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации*. Ленинград: Институт народов севера ЦИК СССР; 1935.
5. Энгельс Ф. *Происхождение семьи, частной собственности и государства*. Москва: Политиздат; 1989.
6. Туманс Х. *Рождение Афины. Афинский путь к демократии от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.)*. Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия; 2002.
7. Кагаров ЕГ. *Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев*. Москва: Либроком; 2012.
8. Колобова КМ. К вопросу о возникновении афинского государства. *Вестник древней истории*. 1968;4:41–55.
9. Яйленко ВП. *Архаическая Греция и Ближний Восток*. Москва: Наука; 1990.
10. Starr CG. *The Origins of Greek Civilization*. New York: WW. Norton and company; 1961.
11. Liddell HG, Scott R. *A Greek-English lexicon*. Oxford: Clarendon Press; 1996.
12. Frisk H. *Griechisches Etymologisches Worterbuch*. Heidelberg: Carl Winter; 1960.
13. Суриков ИЕ. *Архаическая и классическая Греция проблемы истории и источниковедения*. Москва: КДУ; 2007.
14. Coldstream JN. *Geometric Greece 900–700 BC*. 2nd edition. London: Taylor and Francis; 2003.

References

1. Vladimirskaya OU. *Alkmeonidy i Filaidy afinskie* [Athenian Alcmaeonidae and Philaidae]. Saint Petersburg: Tsentr Antikvovedeniya SPbGU; 2001. Russian.
2. Zel'in KK. *Bor'ba politicheskikh gruppirovok v Attike v VI veke do n. e.* [Political struggle in Attica in the 6th century BC]. Moscow: Nauka; 1964. Russian.
3. Surikov IE. *Iz istorii grecheskoi aristokratii pozdnearkhaicheskoi i ranneklassicheskoi epokh. Rod Alkmeonidov v politicheskoi zhizni Afin VII–V vv. do n. e.* [From the history of greek aristocracy Late Archaic and Early Classical Greece 7th–5th centuries BC]. Moscow: Institute of World History Russian Academy of Science; 2000. Russian.
4. Morgan LG. *Drevnee obshchestvo ili issledovanie linii chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii* [Ancient Society]. Leningrad: Institut narodov severa TSIK SSSR; 1935. Russian.
5. Engels F. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property and the State]. Moscow: Politizdat; 1989. Russian.
6. Tumans H. *Rozhdenie Afiny. Afinskii put' k demokratii ot Gomera do Perikla (VIII–V vv. do n. e.)* [Athena's birth. Athenian Path to Democracy from Homer to Pericles (8th–5th centuries BC)]. Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya; 2002. Russian.
7. Kagarov EG. *Perezhitki pervobytnogo kommunizma v obshchestvennom stroe drevnikh grekov i germantsev* [Remnants of primitive communism in the social order of the ancient Greeks and Germans]. Moscow: Librokom; 2012. Russian.
8. Kolobova KM. [To the Question of the Origin of the Athenian State]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History]. 1984;4:41–55. Russian.
9. Yailenko VP. *Arkhaicheskaya Gretsia i Blizhnii Vostok* [Archaic Greece and Middle East]. Moscow: Nauka; 1990. Russian.
10. Starr CG. *The Origins of Greek Civilization*. New York: WW. Norton and company; 1961.
11. Liddell HG, Scott R. *A Greek-English lexicon*. Oxford: Clarendon Press; 1996.
12. Frisk H. *Griechisches Etymologisches Worterbuch*. Heidelberg: Carl Winter; 1960.
13. Surikov IE. *Arkhaicheskaya i klassicheskaya Gretsia problemy istorii i istochnikovedeniya* [The problems of history and source criticism of Archaic and Classical Greece]. Moscow: KDU; 2007. Russian.
14. Coldstream JN. *Geometric Greece 900–700 BC*. 2nd edition. London: Taylor and Francis; 2003.

Статья поступила в редколлегию 11.04.2018.
Received by editorial board 11.04.2018.

УДК 94(3):902/904 «-7/-2»

ДЕМЕТРА В ГОСУДАРСТВЕННОМ ПАНТЕОНЕ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА (VI–I вв. до н. э.)

А. В. ВАХРАМЕЕВА^{1), 2)}

¹⁾Национальный музей украинского народного декоративного искусства, ул. Лаврская, 9, 01015, г. Киев, Украина

²⁾Донецкий национальный университет им. В. Стуса, ул. 600-летия, 21, 21021, г. Винница, Украина

Исследуется проблема государственного характера культа Деметры на Боспоре в VI–I вв. до н. э. Проанализированы основные источники, эпиграфические и нумизматические, которые подтверждают статус официального культа. Рассмотрены основные боспорские святилища Деметры. Отмечается, что при раскопках городов и хоры было найдено много терракот Деметры и Кору (Персефоны), кроме того, о популярности богини плодородия на Боспоре свидетельствуют граффити и росписи, посвященные Деметре. Приоритет античных норм и традиций в культе Деметры сохранялся в течение указанного периода.

Ключевые слова: Деметра; Кора (Персефона); VI–I вв. до н. э.; Боспор; государственный пантеон; святилище; терракоты; эпиграфические источники; нумизматика; элевсинский культ.

ДЭМЕТРА Ў ДЗЯРЖАЎНЫМ ПАНТЭОНЕ БАСПОРСКАГА ЦАРСТВА (VI–I стст. да н. э.)

Г. В. ВАХРАМЕЕВА^{1*, 2*}

^{1*}Нацыянальны музей украінскага народнага прыкладнага мастацтва, вул. Лаўрская, 9, 01015, г. Кіеў, Украіна

^{2*}Данецкі нацыянальны ўніверсітэт імя В. Стуса, вул. 600-годдзя, 21, 21021, г. Вінніца, Украіна

Даследуецца праблема дзяржаўнага характару культу Деметры на Баспоры ў VI–I стст. да н. э. Прааналізаваны асноўныя крыніцы, эпіграфічныя і нумізматычныя, якія пацвярджаюць статус дзяржаўнага культу. Разгледжаны асноўныя баспорскія свяцілішчы Деметры. Адзначаецца, што пры раскопках гарадоў і хоры было знойдзена шмат тэракоў Деметры і Кору (Персефоны), акрамя таго, пра папулярнасць багіні ўрадлівасці на Баспоры сведчаць графіці і роспісы, прысвечаныя Деметры. Прыярытэт антычных норм і традыцый у кульце Деметры захоўваўся на працягу названага перыяду.

Ключавыя словы: Деметра; Кора (Персефона); VI–I стст. да н. э.; Боспор; дзяржаўны пантэон; свяцілішча; тэрако-ты; эпіграфічныя крыніцы; нумізматыка; элеўсінскі культ.

Образец цитирования:

Вахрамеева АВ. Деметра в государственном пантеоне Боспорского царства (VI–I вв. до н. э.). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2018;3:78–83.

For citation:

Vakhrameeva GV. Demeter in the public pantheon of Bosporan kingdom (VI–I centuries BC). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2018;3:78–83. Russian.

Автор:

Анна Викторовна Вахрамеева – младший научный сотрудник¹; аспирант кафедры всемирной истории². Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор Р. А. Литвиненко.

Author:

Ganna V. Vakhrameeva, junior researcher^a; postgraduate student of the department of world history^b.
avro.ann@gmail.com

DEMETER IN THE PUBLIC PANTHEON OF BOSPORAN KINGDOM (VI–I centuries BC)

G. V. VAKHRAMEEVA^{a, b}

^aNational Museum of Ukrainian Folk Decorative Arts, 9 Lavrskaya Street, Kyiv 01015, Ukraine

^bVasyl' Stus Donetsk National University, 21 600-richya Street, Vinnytsia 21021, Ukraine

The article deals with the problem of the public cult of Demeter in the Bosphorus during VI–I centuries BC. Epigraphic and numismatic sources indicate the official cult. Also, the author describes with the main sanctuary of Demeter Bosphorus. The excavations were found many terracotta Demeter and Kore (Persephone). The priority rules and ancient traditions are persisted throughout the period.

Key words: Demeter; Kore (Persephone); VI–I century BC; Bosphorus; official pantheon; the sanctuary; terracotta; epigraphic; numismatic; Eleusinian cult.

Религия была одним из важнейших элементов идеологии античного полиса. Она была связана со всеми сферами жизни античного человека (политической, социально-экономической, культурной и т. д.). Изучение истории религии древних греков позволяет понять развитие культуры и мировоззрение этого народа. Каждый греческий полис имел свой государственный пантеон. Перечень в них официальных божеств был в целом схож, но каждому полису были присущи свои особенности. Главной особенностью государственного культа было то, что он оказывал влияние на всю общину, а потому такие культы являются ключевыми для понимания религиозного мировоззрения древних греков. В духовной жизни античного общества особое место занимали религиозные представления, связанные с верой в женское божество природы, в покровительницу земледелия. Воплотились такие представления в образах элевсинских богинь Деметры и Коре. Связь богини с земледелием способствовала широкой популярности ее культа по всему греческому миру. Не стало исключением и Боспорское царство. Несмотря на то что сакральным покровителем колонистов Боспора стал Аполлон, изначальный аграрный характер колоний предопределил государственный статус культа Деметры.

Традиционно древнегреческий пантеон включал в себя 12 олимпийских богов. Однако он не был настолько устойчивым, как может показаться на первый взгляд. Каждый полис, в силу наличия в нем автаркии, имел официальный пантеон. Боспорское царство стало государственным образованием, объединявшим в себе множество городов-полисов, союз которых определил многообразие общепоспорского пантеона. Определяющими факторами государственности культа того или иного божества в Боспорском царстве могут служить такие группы источников, как посвятельные надписи, декреты, изображения на монетах, крупные сакральные комплексы, монументальные статуи. Следует отметить, что не всегда государственные культы находили отражение в таких видах источников. В связи с этим к анализу следует привлекать источники,

имеющие не четко выраженный официальный характер, но способные проиллюстрировать популярность того или иного культа в обществе. Для Боспорского царства это прежде всего терракотовые статуэтки, которые археологи повсеместно находят при раскопках городов и хоры Боспора.

Вопросы религиозной жизни в Боспорском царстве обычно рассматриваются в связи с открытием и публикацией сакральных комплексов, произведений религиозного искусства, анализом и интерпретацией материалов культовых сооружений. Постоянное накопление археологических материалов, связанных с культовой практикой населения Боспора, послужило толчком для определения вопросов сакральной жизни как одного из наиболее актуальных и приоритетных направлений современного антиковедения. Об устойчивом интересе к изучению сакральной проблематики Боспора свидетельствует, в частности, рост в последнее десятилетие количества докладов, касающихся вопросов духовной жизни населения этого региона и представленных на конференциях по истории Северного Причерноморья, археологии и др.

Историографию проблемы культа Деметры в сакральной жизни населения Боспорского царства можно разделить на следующие группы:

- обобщающие труды В. Ф. Гайдукевича, В. Д. Блаватского, в которых дана краткая характеристика религиозной жизни на Боспоре и собственно культа Деметры;
- работы, посвященные религии Северного Причерноморья и Боспора (А. С. Русяева, М. В. Скржинская, С. Ю. Сапрыкин);
- исследования культов и сакральных комплексов отдельных поселений (М. М. Кобылина, В. Ф. Гайдукевич, Д. Е. Чистов, Н. В. Молева, Е. А. Молев, И. Д. Марченко, А. А. Завойкин и др.);
- работы, посвященные изучению и публикации отдельных видов источников по этому вопросу: терракот, граффити, эпиграфических надписей и т. д. (М. М. Кобылина, В. И. Денисова, А. С. Русяева, Т. А. Ильина, Е. А. Молев, Н. В. Молева, Л. Г. Шепко, М. Ю. Вахтина, О. В. Горская и др.).

Следует отметить, что, несмотря на активное изучение культа элевсинских богинь на Боспоре, эта проблема почти не нашла комплексного освещения в научной литературе, а потому требует дальнейшего рассмотрения, в том числе и в силу роста материалов, найденных при раскопках.

Целью настоящей работы является краткое обозрение культа Деметры в официальном боспорском пантеоне VI–I вв. до н. э., т. е. от возникновения греческих колоний на Боспоре до начала римского периода в истории Боспорского царства.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- дать характеристику образа Деметры в древнегреческой религии;
- проследить развитие официального культа Деметры в Боспоре;
- получить итоговую картину места Деметры в боспорском государственном пантеоне.

Формирование образа Деметры относится ко времени существования родовой общины. С появлением земледелия возникли представления, связанные с этим явлением в жизни человека. Первобытные люди называли их «Деметра», т. е. «Мать-Земля». Постепенно из одного культа матери сложился культ почитания нескольких конкретных богинь: Геры, Деметры, Афины, Афродиты, Гестии [1, с. 9; 2, с. 29; 3, с. 60; 4, с. 103]. Деметра выполняла эпихтонические и хтонические функции, это обусловлено тем, что для греков не было характерно четкое разделение божеств на группы, они почитались в тесных взаимосвязях [5, с. 30–31, 35]. В атрибутах, присущих Деметре, тесно переплетались земледельческая и хтоническая символика: ячменные и пшеничные колосья, венок из колосьев, снопы, мак, режа – цветы и плоды, иногда – скипетр и факел. Главными животными, связанными с ее ритуалами, считаются белая свинья или поросенок, белый голубь, лошадь [6, с. 323; 4, с. 104].

Земледелие и торговля сельскохозяйственной продукцией играли важную роль в экономической жизни Боспора с момента основания первых колоний. Культ элевсинских богинь был достаточно широко известен в греческом мире. Это дает возможность предположить, что распространенность культа Деметры одновременно с процессом колонизации связана с его общегреческим характером и популярностью. Считается, что культ Деметры был завезен ионийцами, жителями Милета, в пантеоне которых богиня земледелия занимала одно из ключевых мест. Согласно Геродоту святилище Деметры и Коры (Персефоны), расположенное рядом с Милетом, было основано первыми прибывшими в Малую Азию ионийцами (Her. IX, 97) [7, с. 103; 4, с. 104].

Самые ранние археологические находки, относящиеся к культу Деметры и ее дочери, датируются

началом VI в. до н. э. Так, при раскопках одного из архаических домов Тиритаки были найдены статуэтки богини на троне и фигурка стоящей девушки [8, с. 90]. В этом случае богиню на троне можно трактовать как Деметру, а стоящую девушку как Кору (Персефону).

Что касается крупных общественных святилищ, то к таким можно отнести храм Деметры в Нимфее. Время основания храма относится к первой половине VI в. до н. э. Этот комплекс интересен еще тем, что с момента постройки в нем были расположены гончарные печи для обжига керамических изделий и терракот [9]. На территории комплекса было найдено большое количество протом и статуэток Деметры [8, с. 85–86]. В конце VI в. до н. э. храм сгорел при пожаре. Однако позже святилище было восстановлено [9]. Кроме терракот при раскопках Нимфея было найдено значительное количество посвященных граффити, которые не имеют признаков официальных приношений, однако иллюстрируют популярность культа Деметры среди жителей этого города. Большинство из них нанесено на дно сосудов и представляют собой лигатуры Δ и ΔН, что может говорить о хтоническом характере посвящений Деметре [10, с. 116]. На рубеже VI–V вв. до н. э. появляются сакральные комплексы на Фонталовском полуострове (Береговое-4), в Мирмекии и Фанагории.

Возникновение святилищ Деметры в Пантикапее, Китее, Феодосии относится к V в. до н. э. [11, с. 70; 12, с. 48–53; 13, 14, с. 253; 15, с. 233]. Именно в этот период начинает возрастать роль Афин в жизни Боспорского царства, что, по мнению А. С. Русаевой, привело к изменениям в культе богини плодородия [5, с. 37].

Сакральный комплекс в Мирмекии можно отнести к большим боспорским святилищам, его размеры достигали 400 м². Во второй четверти V в. до н. э. он был разрушен, однако в середине века отстроен заново. В историографии существует дискуссия о характере этого комплекса. Так, Д. Е. Чистов считает, что это не святилище, а частный дом, наличие ойкоса и размеры жилища могут указывать на то, что хозяева играли особую роль хозяев в обществе [16, с. 99–133].

От храма Деметры на акрополе Пантикапея сохранилась лишь круглая мраморная база алтаря, найденная у подошвы горы Митридат. По всей окружности цилиндра высечены изображения женщин, закутанных в гиматии [7, с. 97–98]. Подтверждением существования святилища в Пантикапее является также votивный рельеф конца V в. до н. э. с изображением этой богини вместе с дочерью Корой (Персефой). Также на территории храма был найден рельеф работы афинского скульптора конца V – начала IV в. до н. э., изображающий Деметру и ее дочь, а также участников элевсинских мистерий

[4, с. 112; 7, с. 97–98]. Эти рельефные изображения объединяет одна сюжетная линия, следовательно, можно предположить, что святилище Пантикапея было посвящено Деметре Элевсинской. Кроме того, возможно, эти рельефы отображают сцены религиозного праздника наподобие элевсинских мистерий, который мог проходить на Боспоре [7, с. 11]. Праздник в честь Деметры с участием Митридата упоминает со ссылкой на более ранние источники Павел Орозий (Adv. Pag. VI, 5.1). Этот факт может свидетельствовать о государственном значении культа Деметры в Боспорском царстве [4, с. 105]. Кроме того, М. В. Скржинская, анализируя легенду происхождения боспорских царей от участников мистерий Деметры – Геракла и Эвмолпа, – а также учитывая тесные связи Боспора с Афинами и данные в декретах к союзникам, предположила, что боспорские цари, скорее всего, принимали участие в Элевсинских мистериях [7, с. 85]. Эвмолп – сын Посейдона и один из тех, кто был посвящен в таинства самой Деметрой, стал жрецом богини, а его потомки унаследовали право быть элевсинскими жрецами. Можно предположить, что родственные связи с Эвмольпидами имеют под собой не мифологическую, а реальную основу. Для того чтобы иностранный гражданин имел право участвовать в элевсинских мистериях, его должен был усыновить кто-то из афинян. Таким образом, кого-то из спартакидов усыновил представитель рода Эвмольпидов. Вследствие боспорский царь получил возможность не только вести свой род от известного героя, но и выполнять жреческие функции у себя на родине как представитель Эвмольпидов [7 с. 87].

Участие правящей династии и представителей аристократии в элевсинских мистериях, а также проведение на Боспоре обрядов по образцу мистерий выводит почитание культа Деметры на более высокий уровень.

Расцвет культа Деметры приходится на IV в. до н. э., терракоты Деметры и Коры (Персефоны) находят повсеместно при раскопках почти каждого города Боспорского царства.

Основным подтверждением государственного характера культа являются нумизматические источники. Именно с IV в. до н. э. в Пантикапее начинается чеканка золотых и серебряных монет с изображением колоса (атрибут Деметры) и сатира или грифона [4, с. 108].

Существовало несколько вариантов пантикапейских монет с колосом. Золотой статер с головой сатира слева или на три четверти слева на аверсе и надписью ПАН; с изображением грифона с копьем слева и колосом на реверсе. Сатира изображали как с бородой, так и без. На некоторых экземплярах золотой гекты голову сатира украшал веночек. Изображение головы сатира находилось слева на аверсе, там же была и надпись ПАН, крылатый лев слева и колос. А. С. Русаева не исключает, что

у населения Боспора могли появиться собственные мифы, которые связывали Деметру и грифонов. Грифон считался символом Аполлона и для боспорян выступал как покровитель колонизации Боспора и города Пантикапея. Вооруженный грифон, возможно, был не только символическим защитником Пантикапея и Боспора, но и охранником боспорского сокровища – пшеничного зерна. Еще одним доказательством возможной связи Деметры с грифонами, Апполоном и другими божествами может выступать головной убор жрицы Деметры, найденный на кургане Большая Близница, на котором вместе были изображены все упомянутые персонажи [4, с. 107–108].

В отличие от Ольвии, где изображение Деметры широко представлено на монетах, на Боспоре почти не встречаются монеты с изображением самой богини. На сегодняшнее время известен феодосийский серебряный диобол, на аверсе которого изображена Деметра в покрывале, а на реверсе – колос и монограмма ΘΕΥΔΟ. Богиня плодородия изображена также и на пантикапейской медной монете I в. до н. э. [7, с. 108].

Первое известное нам упоминание в эпиграфике – это посвящение жрицы Креусы первой половины IV в. до н. э.: «Креуса, дочь Медонта, Деметре посвятила, будучи жрицей при Левконе – архонте Боспора и Феодосии и царе синдов и всех маитов» (КБН. 8). Ко второй половине IV в. до н. э. относится мраморный постамент от статуи с посвящением Аристоники – жрицы Деметры: «Аристоника, жрица Деметры, дочь Ксенокрита, посвятила Деметре за свою дочь Деметрию» (КБН. 14). К концу IV в. до н. э. относится посвятельная надпись на постаменте «Такая то жена... сфена, посвятила Деметре Фесмофоре при архонте Спартоке, сыне Эвмела» (КБН. 18). Все они были найдены при раскопках Пантикапея.

Элевсинский культ двух богинь четко прослеживается в святилище Береговое-4. Об этом может свидетельствовать локализация сакрального комплекса у подножия грязевого вулкана, по которому стекали потоки воды. Жерла вулканов греки считали входом в подземный мир, а вода играла важную роль в элевсинском культе. В последний день Великих мистерий совершалось жертвоприношение в ущелья и источники [11, с. 70]. Кроме того, здесь было найдено большое скопление протом и статуэток двух богинь и участников мистерий. Подобная картина наблюдается при раскопках святилищ Майской горы, Китея, Горгиппии и др. [14, с. 253; 19, с. 23–24; 20, с. 52–53; 21, с. 139]. Это позволяет предположить, что в этих местах проводились обряды, связанные с хтонической ипостасью матери и дочери. Об огромной популярности культа Деметры говорит и тот факт, что святилища в ее честь основывали по всей территории Боспорского царства и не только в городах, но и на территории

хоры Боспора. Большинство из них можно интерпретировать благодаря найденным алтарям и терракотам.

Подводя итоги скажем, что культ Деметры был перенесен колонистами на новую родину и, несомненно, занимал одно из ключевых мест в боспорском пантеоне. О популярности этого культа свидетельствует большое количество памятников, связанных с культом Деметры: храмы, росписи, граффити, терракоты и т. д. Обрядовая сторона культа отвечала общеэллиническим сакральным традициям. Четко прослеживается элевсинский характер почитания Деметры и ее дочери.

Что касается государственного характера культа богини плодородия, то с уверенностью можно утверждать, что Деметра входила в боспорский пантеон с IV в. до н. э. Об этом свидетельствуют

нумизматические и эпиграфические памятники, найденные при раскопках Пантикапея и других боспорских городов. Кроме того, представители правящей династии Спартокидов были посвящены в элевсинские мистерии и всячески поддерживали и распространяли культ богини плодородия в Боспорском царстве.

Однако находки, которые служат подтверждением популярности элевсинских богинь на Боспоре, могут косвенно подтверждать, что при такой распространенности культа, государство не могло оставаться в стороне и в архаический период. Таким образом, можно предположить, что Деметра входила в официальный боспорский пантеон, как богиня земледелия с присущими ей не только земледельческими, но и хтоническими функциями на протяжении всего рассматриваемого периода.

Библиографические ссылки

1. Тахо-Годи АА. *Греческая мифология*. Москва: Искусство; 1989.
2. Зелинский ФФ. *Древнегреческая религия*. Москва: Директ-Медиа; 2004.
3. Сапрыкин СЮ. Культ Деметры в Боспорском царстве в VI–IV вв. до н. э. В: Строецкий ВН, Гребенский НН, Фролов АД, Самохина ГС, Сидорович ОВ, Широкова НС и др. *Из истории античного общества: сборник статей*. Горький: Горьковский государственный университет имени И. И. Лобачевского; 1983. С. 59–72.
4. Русяева АВ. Деметра Боспорская. В: Зинько СА, Буйских АВ, Русяева АС, Саватина ЕА, Ситраченко ЮК, и др. *Склеп Деметры*. Киев: Мистецтво; 2009. с. 102–150.
5. Русяева АС. *Земледельческие культы в Ольвии догетского времени*. Киев: Наукова думка; 1979.
6. Русяева АС. *Религия понтийских эллинов в античную эпоху: мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев*. Киев: Стило; 2005.
7. Скржинская МВ. *Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье*. Киев: Институт истории Украины НАН Украины; 2009.
8. *Археология СССР. Свод археологических источников Г1–11: Терракотовые статуэтки. Часть 1–2: Терракоты Северного Причерноморья*. Москва: Наука; 1970.
9. Соколова ОЮ. *Античный город Нимфей*. [дата обращения: 13.04.2018]. URL: http://bosportemple.ru/content/library/paper_06.htm.
10. Горская ОВ. Культы Нимфея по материалам граффити. В: *Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Часть I*. Санкт-Петербург: Издательство государственного Эрмитажа, Нестор-История; 2002. с. 114–121.
11. Завойкин АА. Святилище Деметры и Керы на Фонталовском полуострове: природная среда и сакральная топография. *Вестник древней истории*. 2006;3:61–76.
12. Бутягин АМ. Пять лет работ Мирмекийской экспедиции. В: *V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: сборник*. Керчь [б. и.]; 2004. с. 48–54.
13. Пичикян ИР. *Малая Азия – Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния* [дата обращения: 15.12.2012]. URL: <http://bosportemple.ru/content/library/paper04>.
14. Молев ЕА, Молева НВ. Терракотовые статуэтки из Китейского святилища. *Боспорские исследования*. 2003;3: 252–263.
15. Петрова ЭБ. *Античная Феодосия: история и культура*. Симферополь: Сонат; 2000.
16. Чистов ДЕ. «Святилище Деметры» и восточные кварталы Мирмекии в IV в. до н. э. *Боспорские исследования*. 2006;13:99–133.
17. Скржинская МВ. *Культурные традиции Эллады в античных государствах Северного Причерноморья*. Киев: Институт истории Украины НАН Украины; 2010.
18. Анохин ВА. *Монетное дело Боспора*. Киев: Наукова думка; 1986.
19. Ильина ТА. Проблемы исследования античной коропластики Боспора: опыт комплексного анализа материалов святилища на Майской горе близь Фанагории [диссертация]. Москва: [б. и.]; 2008.
20. Алексеева ЕМ. *Античный город Горгиппия*. Москва: Эдиториал УРСС; 1997.
21. Цветаева ГА. Новые данные об античном святилище в Горгиппии. *Вестник древней истории*. 1968;1:138–148.

References

1. Taho-Godi AA. *Grecheskaya mifologiya* [Greek mythology]. Moscow: Iskusstvo; 1989. Russian.
2. Zelinskii FF. *Grecheskaya mifologiya* [Ancient Greek religion]. Moscow: Direkt-Media; 2004. Russian.
3. Saprykin SJ. Kul't Demetry v Bosporskom tsarstve v VI–IV vv. do n. e. [The cult of Demetra in the kingdom of Bosphorus in VI–IV centuries]. In: Strogetsckii VN, Grebenskii NN, Frolov ED, Samokhina GS, Sidorovich OV, Shirokova NS, et al. *Iz istorii antichnogo obshhestva* [From the history of ancient society]. Gor'kij: Gor'kovskii gosudarstvennyi universitet im. I. I. Lobachevskogo; 1983. p. 59–72. Russian.

4. Rusyaeva AS. Demetra Bosporskaya [Demeter Bosporskaya]. In: Zin'ko SA, Byiskikh AV, Rusyaeva AS, Savatina EA, Sitrachenko YuK, et al. *Sklep Demetry* [The Demeter's Crypt]. Kiev: Mistectvo; 2009. p. 102–150. Russian.
5. Rusyaeva AS. *Zemledel'cheskie kul'ty v Ol'vii dogetsogo vremeni* [Agricultural cultures in Ol'vija Doget's time]. Kiev: Naukova dumka; 1979. Russian.
6. Rusyaeva AS. *Religiya pontiiskikh ellinov v antichnuyu epokhu: mify. Svyatilishcha. Kul'ty olimpiiskikh bogov i geroev* [Religion of the Pontic Hellenes in the Antiquity: Myths. Sanctuary Cults of the Olympic gods and heroes]. Kiev: Stilos; 2005. Russian.
7. Skrzhinskaya MV. *Drevnegrecheskie prazdniki v Ellade i Severnom Prichernomor'e* [Ancient Greek holidays in Hellas and the North Black Sea region]. Kiev: Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine; 2009. Russian.
8. *Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov G1–11: Terrakotovyie statuetki. Chast' 1–2: Terrakoty Severnogo Prichernomor'ya* [Archeology of the USSR. List of archaeological sources G1–11: Terracotta figurines. Part 1–2: Terracotta of the Northern Black Sea Coast]. Moscow: Nauka; 1970. Russian.
9. Sokolova OYu. *Ancient city of Nymphey* [cited 2018 January 10]. Available from: http://bosportemple.ru/content/library/paper_06.htm. Russian.
10. Gorskaya OV. Bosporskii fenomen: Pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha. Chast' I [Cults of Nymphaea on the materials of graffiti]. In: *Bosporskii fenomen* [The Bosporus phenomenon]. Saint Petersburg: Publish House of StTE Ermitazh, Nestor-Istoria; 2002. p. 114–121. Russian.
11. Zavoikin AA. [The Sanctuary of Demetra and Cora on the Fontal Peninsula: Natural Environment and Sacred Topography]. *Vestnik drevnei istorii* [Herald of Ancient History]. 2006;3:61–76. Russian.
12. Butiagin AM. Pyat' let rabot Mirmekiiskoi ekspeditsii [Five Years of the Works of the Myrmexy Expedition]. In: *V Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ya*. Kerch': [publisher unknown]; 2004. p. 48–54. Russian.
13. Pichikian IR. *Malaya Asia – Northern Black Sea Coast. Ancient traditions and influences* [cited 2018 January 10]. Available from: http://bosportemple.ru/content/library/paper_04. Russian.
14. Molev EA, Moleva NV. Terrakotovyie statuetki iz Kiteiskogo svyatilishcha [Terracotta figurines from the Kyute shrine]. In: *Bosporskie issledovaniya* [Bosporian Studies]. 2003;3:252–263. Russian.
15. Petrova YuB. *Antichnaya Feodosiya: istoriya i kul'tura* [Ancient Feodosia: History and Culture]. Simferopol': Sonat; 2000. Russian.
16. Chistov DE. [«The Sanctuary of Demetra» and the eastern quarters of Myrmeka in the IV century BC]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporian Studies]. 2006;13:99–133. Russian.
17. Skrzhinskaya MV. *Kul'turnye traditsii Ellady v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya* [Cultural traditions of Hellas in the ancient states of the North Black Sea]. Kiev: Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine; 2010. Russian.
18. Anohin VA. *Monetnoe delo Bospora* [The Bosporus Mint]. Kiev: Naukova dumka; 1986. Russian.
19. Il'ina TA. *Problemy issledovaniya antichnoi koroplastiki Bospora: opyt kompleksnogo analiza materialov svyatilishcha na Maiskoi gore bliz' Fanagorii* [Problems of the study of the ancient corporatism of Bosporus: the experience of complex analysis of materials of the sanctuary on the Maya Mountain near Phanagoria] [dissertation]. Moscow: [publisher unknown]; 2008. Russian.
20. Alekseeva EM. *Antichnyi gorod Gorgippiya* [Ancient city of Gorgippia]. Moscow: Jeditorial URSS; 1997. Russian.
21. Cvetaeva GA. Novye dannye ob antichnom svyatilishche v Gorgippii [New data on the ancient sanctuary in Gorgippia]. *Vestnik drevnei istorii* [Herald of Ancient History]. 1968;1:138–148. Russian.

Статья поступила в редколлегию 13.03.2018.
Received by editorial board 13.03.2018.

УДК 323.22/28

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДСКИХ КОНТРЭЛИТНЫХ ГРУПП В НЕЗАВИСИМОЙ БИРМЕ/МЬЯНМЕ

Д. А. БРОДЯК^{1), 2)}

¹⁾Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, пл. Свободы, 4, 61022, г. Харьков, Украина

²⁾Харьковская областная библиотека для детей, ул. Алчевских, 43, 61002, г. Харьков, Украина

Как и в ряде других регионов Востока, в Бирме/Мьянме – одной из крупнейших стран Юго-Восточной Азии – на протяжении колониального и постколониального периодов мьянманской истории возникли и начали стремительно расти города современного типа – центры распространения рыночных отношений, современного образования и европейского политического дискурса. Показывается, что в упомянутый период истории в стране происходило разрастание пауперизированных городских слоев, формировалась урбанизированная протестная среда – питательная почва для возникновения местной праворадикальной контрэлиты. Доказывается, что деятельность данной контрэлитной группировки с 1988 г. оказалась неразрывно связана с именем До Аун Сан Су Чжи – дочери национального героя Бирмы/Мьянмы генерала Аун Сана. Обосновывается вывод о том, что на протяжении всей своей политической карьеры Су Чжи купировала угрозы, исходящие со стороны наиболее опасных контрэлитных групп и способствовала стабилизации формирующейся в Мьянме гражданской политической системы.

Ключевые слова: Мьянма; студенты; армия; элиты; контрэлиты; Аун Сан Су Чжи; Мин Ко Наинг.

ПАЛІТЫЧНАЯ ЭВАЛЮЦЫЯ ГАРАДСКІХ КОНТРЭЛІТНЫХ ГРУП У НЕЗАЛЕЖНАЯ БІРМЕ/М'ЯНМЕ

Д. А. БРАДЗЯК^{1*, 2*}

^{1*}Харкаўскі нацыянальны ўніверсітэт імя В. Н. Каразіна, пл. Свабоды, 4, 61022, г. Харкаў, Украіна

^{2*}Харкаўская абласная бібліятэка для дзяцей, вул. Алчэўскіх, 43, 61002, г. Харкаў, Украіна

Як і ў шэрагу іншых рэгіёнаў Усходу, у Бирме/М'янме – адной з найбуйнейшых краін Паўднёва-Усходняй Азіі – на працягу каланіяльнага і посткаланіяльнага перыядаў м'янманскай гісторыі паўсталі і пачалі імкліва расці гарады сучаснага тыпу – цэнтры распаўсюджвання рыначных адносін, сучаснай адукацыі і еўрапейскага палітычнага дыскурсу. Паказваецца, што ў згаданы перыяд гісторыі ў краіне адбывалася разрастанне паўперызаваных гарадскіх слаёў, фарміравалася ўрбанізаванае пратэстнае асяроддзе – урадлівая глеба для ўзнікнення мясцовай праварадыкальнай контрэліты. Даказваецца, што дзейнасць дадзенай контрэлітнай групы ў 1988 г. стала непарыўна звязана з імем До Аун Сан Су Чжы – дачкі нацыянальнага героя Бирмы/М'янмы генерала Аун Сана. Абгрунтоўваецца выснова аб тым, што на працягу ўсёй сваёй палітычнай кар'еры Су Чжы купіравала пагрозы з боку найбольш небяспечных контрэлітных груп і спрыяла стабілізацыі грамадзянскай палітычнай сістэмы, якая фарміравалася ў М'янме.

Ключавыя словы: М'янма; студэнты; армія; эліты; контрэліты; Аун Сан Су Чжы; Мін Ко Наінг.

Образец цитирования:

Бродяк ДА. Политическая эволюция городских контрэлитных групп в независимой Бирме/Мьянме. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2018;3:84–91.

For citation:

Brodyak DA. The political evolution of the urban counter-elite groups in the independent Burma/Myanmar. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2018;3:84–91. Russian.

Автор:

Дмитрий Аркадьевич Бродяк – соискатель кафедры новой и новейшей истории исторического факультета¹⁾; методист²⁾.

Author:

Dmitry A. Brodyak, doctoral candidate at the department of Modern and Contemporary history, faculty of history^{a)}; methodist^{b)}.
harrus777@gmail.com

THE POLITICAL EVOLUTION OF THE URBAN COUNTER-ELITE GROUPS IN THE INDEPENDENT BURMA/MYANMAR

D. A. BRODYAK^{a, b}

^aV. N. Karazin Kharkiv National University, 4 Svobody Square, Kharkiv 61022, Ukraine

^bKharkiv regional library for children, 43 Alchevskich Street, Kharkiv 61002, Ukraine

Myanmar history, cities of a modern type emerged and began to grow rapidly – centers for the spread of market relations, modern education and European political discourse. The article shows that in the mentioned period of history in the country there was an expansion of paruperized urban layers, and an urbanized protest environment was formed – a nutrient soil for the emergence of a local right-wing radical counter-elite. It is proved that the activities of this counter-elite group since 1988 have been inextricably linked with the name of Daw Aung San Suu Kyi, the daughter of the national hero of Burma/Myanmar, General Aung Sanah. The conclusion is that during the course of her political career, Daw Suu managed to overcome the threats emanating from the most dangerous counter-elite groups and contributed to the stabilization of the civilian political system that was taking shape in Myanmar.

Key words: students; army; elite; counter-elite; Aung San Suu Kyi; Min Ko Naing.

Введение

В процессе становления современного глобального мира в XX в. традиционные общества стран Азии и Африки испытывали углубляющийся кризис идентичности, сопровождавшийся появлением радикальных политических группировок, действующих как в сельской среде, так и в растущих и модернизирующихся городах восточных социумов.

Как и в ряде других регионов Востока, в Республике Союз Мьянма (Мьянма)¹ – одной из крупнейших стран Юго-Восточной Азии – на протяжении колониального и постколониального периодов мьянманской истории возникали и начинали стремительно расти города современного типа, в которых формировалась урбанизированная протестная среда, являющаяся питательной почвой для возникновения местной праворадикальной контрэлиты.

Деятельность данной контрэлитной группировки с 1988 г. оказалась неразрывно связана с именем До Аун Сан Су Чжи – дочерью национального героя

Бирмы/Мьянмы генерала Аун Сана, основателя современного государства. Фигура Аун Сан Су Чжи – одной из виднейших женщин-политиков развивающихся стран, лауреата Нобелевской премии мира за 1991 г. – заслуженно привлекала и привлекает внимание как российских, так и западных исследователей-бирманистов [1–3].

В то же время следует особо подчеркнуть, что тесно связанная с До Су трансформация правой националистической контрэлиты Бирмы/Мьянмы, имеющая существенное значение для установления внутренних механизмов развития местного социума, еще не нашла отражения в современной бирманистике. При этом этапы межэлитного противостояния в послевоенной Бирме/Мьянме российские и западные авторы до сих пор освещали преимущественно в парадигме фактологического описания борьбы за власть бирманских политических сил, не останавливаясь на вопросах их внутренней эволюции [4–7].

Студенты и другие

Нужно отметить, что под эгидой сильного традиционалистского государства в Бирме к моменту прихода английских колонизаторов в начале XIX в., под влиянием индийских и китайских образцов сложилась самобытная политическая культура, наложившая отпечаток на все взаимоотношения местного общества. Средством трансляции и воспроизводства культуры, не исключая политическую, в доколониальной Бирме являлась система религиозного образования, в которой абсолютно преобладали традиционные буддийско-монастырские школы [6, с. 322–323]. Приобретение сугубо светских познаний о природе и обществе с целью трансформации последних (как это принято в европейской культурной традиции) в старом

бирманском обществе практически отсутствовало и начало прививаться в Мьянме только с приходом английских завоевателей.

При этом стоит отметить, что в истории колониальной и постколониальной Бирмы все без исключения современные институты – от армии до системы просвещения – вынужденно формировались усилиями узкого слоя людей с европейским образованием на базе еще незрелой городской культуры.

Аун Сан, Не Вин, У Ну, У Тан и их соратники из довоенной патриотической организации *Добама (Наша Мьянма)*, которые образовали ядро бирманской постколониальной элиты, еще в 1920–30-е гг. познакомились с английским

¹До 1989 г. государство официально именовалось Социалистическая Республика Бирманский Союз (Бирма).

языком и элементами европейской культуры в средних англо-бирманских школах, а затем обучались в Рангунском университете, специализируясь в основном в области литературы, истории, права [9, с. 66–68].

Все дальнейшее развитие страны зависело от того, какая из формирующихся элитных группировок – городские радикалы, опирающиеся на урбанизированное студенчество; Коммунистическая партия Бирмы (КПБ), апеллирующая прежде всего к деревенскому пролетариату; национальная армия, ориентирующаяся на британские и японские колониальные традиции, – сумеет пробиться к власти и удержать ее в своих руках.

Примечательно, что и вооруженные силы страны, и студенческое движение Мьянмы (как впрочем и КПБ, которая первой в 1946–1948 гг. ушла в оппозицию постколониальному тренду развития страны), по замечанию российского эксперта П. Н. Козьмы, имели общего «отца-основателя» Аун Сана. Прежде чем этот политик начал создавать бирманские вооруженные силы, он стал генералом и героем борьбы за независимость, успел побывать главой Всебирманского союза студентов и генеральным секретарем КПБ. При этом создаваемое как средство борьбы за демократическую национальную систему образования студенческое движение Мьянмы под руководством Аун Сана, как представляется, приобрело черты контрэлитной группировки, претендующей на верховную власть в стране.

Как отмечает П. Н. Козьма, уже в начале своего исторического пути эта группировка обрела одну отличительную особенность: уверенность ее лидеров в своей мессианской роли определения пути развития страны. Девизом практически всех студенческих выступлений могло стать знаменитое восклицание студенческого лидера Ко Ба Хейна во время одного из протестных маршей 1938 г.: «Товарищи! Продолжайте движение! Если лошадь колонизаторов пнет кого-то из нас – это воспламенит всю страну»².

Впоследствии во время драматических событий 1988 г. вожак восставших студентов Мин Ко Наинг (в переводе – «Покоритель царств», имя является политическим псевдонимом уроженца Янгона По О Туна) подчеркивал в интервью журналу *Asiaweek*: «Я никогда не умру. Физически я могу быть мертв, но еще много мин ко наингов появится, чтобы занять мое место. Как вы знаете, только Мин Ко Наинг может покорить плохого царя. Если же правитель хороший, мы будем нести его на своих плечах»³.

Однако мессианская ответственность за судьбу страны, по замечанию П. Н. Козьмы, в Мьянме присутствует также и у национальной армии⁴. Эта коалиция модернистских и консервативных элитных группировок, согласно официальной истории, в прошлом веке трижды спасала страну от развала и кровавых междоусобиц.

Как считает упомянутый эксперт, сходны между собой также неформальные периодизации развития армии и студенчества, по нашему мнению, элитного и контрэлитного образований в составе бирманской верхушки. Так, в местных вооруженных силах все офицеры делятся на сменяющие друг друга в армейском руководстве наборы (*интейки*) в военные академии. Именно внутри интейков формируются неформальные группы, выдвигающие из своих рядов кандидатов на позиции в армии (а раньше и на гражданской службе). Подобно армии с ее *интейками* в студенческом движении принято говорить о «поколениях» того или иного года. В каждом поколении (кроме самых молодых), как правило, есть свои успешные бизнесмены и политики, которые помогают этому поколению стать реальной силой. При этом под поколением понимается не год поступления или выпуска конкретного студенческого набора, а некое знаковое событие (как правило, не связанное с учебным процессом), которое произошло во время университетской жизни набора.

Таких событий во второй половине XX в. было несколько. Впервые после Второй мировой войны студенчество ярко выступило на политической арене в 1962 г., когда демонстрация протеста против военного переворота генерала Не Вина и ужесточения университетских порядков привели к кровавым столкновениям с силовиками и гибели 16 студентов (оппозиционеры говорили более чем о 100 погибших). По приказу генерала Не Вина тогда было демонстративно взорвано историческое здание Всебирманского союза студентов.

В 1974 г. студенты протестовали против слишком скромных, по их мнению, похорон бывшего генерального секретаря ООН бирманца У Тана. В 1976 г. волнения возникли на фоне празднования столетнего юбилея поэта и общественного деятеля Такина Кодо Хмайна. В 1987 г. студенчество выступало против конфискационной денежной реформы, в результате которой накопления многих студентов на оплату обучения оказались обесценены⁵.

Стоит особо подчеркнуть, что отмеченная выше жесткая идейная мотивированность элит и контрэлит Бирмы/Мьянмы изначально придавала гражданским столкновениям внутри страны особый размах и непримиримость.

²Козьма П. Н. Рождение «третьей силы» мьянманской политики [Электронный ресурс] // RegnumURL: <https://regnum.ru/news/polit/1904462.html> (дата обращения: 12.03.2015).

³Aung Zaw. A Spirit That Never Dies [Electronic resource] // The Irrawaddy. URL: http://www2.irrawaddy.com/print_article.php?art_id=22279 (date of access: 18.10.2017).

⁴Козьма П. Н. Рождение «третьей силы» мьянманской политики.

⁵Там же.

Вихрь 1988 г.

Между тем политическая обстановка в Бирме/Мьянме оставалась крайне взрывоопасной: продолжалась гражданская война между правящими модернистами и левыми радикалами, не утихало противостояние между правительственной армией и национальными меньшинствами. Постоянно нараставшие экономические трудности режима генерала Не Вина вызвали новые студенческие беспорядки весной 1988 г.⁶ Политическая ситуация в стране начала выходить из-под контроля властей.

К моменту кризиса режима, установленного в стране бирманскими модернистами, вполне сформировалось и уже готовилось войти во власть «второе поколение» вестернизированного крыла постколониальной элиты Бирмы [10, с. 296–297], включавшее временно жившую за границей Аун Сан Су Чжи – дочь генерала Аун Сана. При этом модернисты Не Вина осознавали, что Су Чжи – легитимный в глазах народа наследник «архитектора» независимой Бирмы – сможет удержаться у власти, только в том случае, если сумеет взять под контроль мощную студенческую контрэлиту, сохранив при этом тесные контакты с армейским ядром национального истеблишмента.

Резкое обострение внутривластной обстановки в Бирме стало подходящим моментом для старта ее активной политической карьеры, и 1 апреля 1988 г. Аун Сан Су Чжи срочно вылетела из Лондона в Рангун. Случившийся накануне у ее матери До Кхин Чжи (после длительной болезни она скончалась 27 декабря 1988 г.)⁷ тяжелый инсульт, по нашему мнению, лишь ускорил отъезд Су Чжи на родину.

Тем временем, в июне 1988 г., Бирму всколыхнула новая волна беспорядков: произошли новые столкновения демонстрантов с полицией. Вначале шли сравнительно ограниченные уличные демонстрации и митинги с участием сотен и тысяч студентов. Однако ряды протестующих с каждым днем ширились, сами люди становились смелее и активнее. В начале августа численность демонстрантов стала особенно быстро расти за счет широких слоев преимущественно городского населения. Кроме студентов и школьников, ряды протестующих включали в себя буддистских монахов, интеллигенцию, служащих, фабричных рабочих, торговцев, пригородных крестьян, городских люмпен-пролетариев. Несмотря на вооруженное противодействие полиции (а затем

и армии), вызвавшее многочисленные жертвы среди протестующих, процессии и митинги стали практически непрерывными. Они перекинулись в другие города страны. Объявлялись и не раз проводились локальные и региональные забастовки [4, с. 323]. Это движение, которое способствовало свержению социалистического режима генерала Не Вина, возглавляли студенческие лидеры Мин Ко Найнг, Ко Ко Чжи, Мин Зейя и Тхэй Чьвэ, образовавшие неформальный комитет по руководству восстанием⁸.

Между тем в накаленной политической обстановке лета 1988 г. правительство гражданского президента Бирмы доктора Маун Мауна 24 августа 1988 г. отменило в Рангуне и окрестностях введенное ранее военное положение. В этот же день до того неизвестная широкой публике дочь генерала Аун Сана посетила находящийся в Рангунском генеральном госпитале раненых демонстрантов и обратилась к собравшимся у стен госпиталя оппозиционерам со своей первой публичной речью.

Днем раньше, планируя свое первое выступление, Су Чжи тайно встретила с министром юстиции в правительстве Партии бирманской социалистической программы (ПБСП) Тин Аун Тхейном. Начиная политик попросила, чтобы командующий армией генерал Не Вин дал разрешение на собрание, несмотря на военное положение. Тин Аун Тхейн обещал, что сделает все, что в его силах, и на следующий день военное положение было отменено [11, с. 162–163].

Через два дня, 26 августа 1988 г., на грандиозном полумиллионном митинге у буддийской святыни Бирмы пагоды Шведагон Аун Сан Су Чжи выступила с масштабной политической декларацией. Она заявила, что, как дочь национального героя Бирмы, не может равнодушно наблюдать за происходящим кризисом и поэтому намерена активно включиться в текущий политический процесс. Это выступление стало переломным моментом в политической биографии нового лидера бирманских модернистов, оно сделало Су Чжи знаменем всего протестного движения, представило ее как политика общенационального масштаба [12, p. 270].

Так, дочь генерала Аун Сана, выполняя запрос своего социального слоя на политическое подчинение городских радикалов, лично пересеклась с развитием студенческого движения, включилась в его структуру, стала связующим звеном между студенчеством и группировкой бирманских модернистов.

⁶Student killed in riot // Burma press summary (from The Working people Daily). 1988. Vol. 2. № 3. P. 32–33.

⁷Suu Kyi pays tribute to her mother [Electronic resource] // The Irrawaddy. URL: http://www2.irrawaddy.com/article.php?art_id=20420 (date of access: 27.12.2010).

⁸Faulder D. From the Archive: Lessons of '88 [Electronic resource] // The Irrawaddy. URL: <http://www.irrawaddy.com/news/burma/from-the-archive-lessons-of-88.html> (date of access: 08.08.2015).

На этом фоне массовое оппозиционное движение в Бирме продолжало неуклонно расширяться. Отовсюду шли сообщения о беспорядках и жертвах [4, с. 328]. Заподозренных в поддержке режима Не

Вина, прежде всего захваченных военных и полицейских, сжигали заживо, вешали на фонарных столбах, обезглавливали, а их отрубленные головы выставляли на кольях вдоль дорог [11, s. 171].

Единство и борьба противоположностей

Бирма постепенно сползала в анархию и хаос, нарастала угроза общей дезинтеграции страны. Перед лицом подобной перспективы 18 сентября 1988 г., с согласия командующего армией генерала Не Вина, в стране произошел новый военный переворот. Впервые в истории независимой Бирмы у власти встали консервативно настроенные военные из командования сухопутных войск бирманской армии.

Ядром сопротивления новому военному режиму стала официально созданная 26 сентября 1988 г. Национальная лига за демократию (НЛД), быстро превратившаяся в массовую общенациональную партию. Центральный исполнительный комитет партии (ЦИК) возглавили отставные генералы Аун Чжи и Тин У, а также Аун Сан Су Чжи, ставшая генеральным секретарем партии. Аун Чжи и Тин У приглашали в партию в основном бывших военных. В свою очередь, вокруг Су Чжи группировались в основном оппозиционная интеллигенция и радикально настроенное студенчество [11, s. 187, 194].

Растущее народное обожание и поддержка вошедших в руководство НЛД представителей бирманского истеблишмента стали опорой Аун Сан Су Чжи в развернутой ею кропотливой работе за установление контроля над усилившейся студенческой контрэлитой – новым главным (после поражения бирманских коммунистов) политическим оппонентом бирманской верхушки.

Надо отметить, что сами студенты неслучайно считали Аун Сан Су Чжи слишком уступчивой, не желающей разворачивать вооруженную борьбу против режима. Студенческие лидеры также не раз выражали сожаление и ревность в связи с «кражей» их славы в 1988 г., поскольку они начали революцию, результаты которой оказались использованы дочерью Аун Сана, получившей власть в партии и народную любовь [11, s. 211]. В свою очередь, Су Чжи, заключившая со студентами тактический союз, оказалась в двойственном положении.

С одной стороны, на студенчество опиралась региональная сеть НЛД: «дистанцироваться от мнения студентов грозило потерей тысяч молодых

активистов, которые снизу делали больше, чем кто-либо, чтобы выстроить организационную структуру партии» [11, s. 211]. С другой стороны, многочисленность студентов, их непримиримость и желание отомстить режиму, по опыту недавних событий, были чреваты неуправляемой дезинтеграцией социума, создавали опасность и для партии, и для всей бирманской элиты, которая уже давно с трудом сдерживала напор студенческих радикалов.

Пик противостояния Аун Сан Су Чжи со студентами пришелся на 22 марта 1989 г. На собрании ЦИК НЛД студенческие лидеры резко заявили о желании создать отдельную партию. Дело дошло до «честной партийной дискуссии», в ходе которой один из студентов «взорвался яростью», а Су Чжи дала ему столь же яростную отповедь. Тем не менее, «умно играя своим авторитетом, ей удалось предотвратить раскол» партии и при этом отвергнуть лозунг свержения военных и формирования временного правительства [11, s. 212].

Это была первая победа над студенческими радикалами со стороны лидера бирманских модернистов. Су Чжи и в начавшейся предвыборной кампании демонстрировала готовность к компромиссу с консервативным крылом национальной элиты.

Между тем итоги назначенных еще при социалистическом режиме и поддержанных военными консерваторами многопартийных выборов, которые состоялись 27 мая 1990 г., оказались неожиданными для многих участников и наблюдателей. С большим перевесом победила не Партия национального единства (преемница ПБСП), с которой новая власть надеялась наладить конструктивный диалог, а главная партия бирманской оппозиции⁹.

Электоральный успех НЛД был достигнут в условиях развернутого военным режимом массовых репрессий против демократического движения. Примерно за год до выборов, 20 июля 1989 г., правящие военные поместили под домашний арест и саму дочь генерала Аун Сана, которая была лишена права участвовать в предстоящей выборной кампании¹⁰.

После поражения

Вместе с НЛД и другими оппозиционными партиями студенты поколения 1988 г. тоже были разгромлены в ходе репрессий, а их лидеры попали за

решетку. Несколько студенческих лидеров, в том числе Мин Ко Наинг, отсидели в тюрьме по 15 лет и только в начале 2000-х гг. вышли на свободу. По-

⁹Election Returns // Burma press summary (from The Working people Daily). 1990. Vol. 4, № 6. P. 9–37.

¹⁰Daw Aung San Suu Kyi arrested // Burma summary (from The Working people Daily). 1989. Vol. 3, № 7. P. 15.

сле освобождения они сформировали неофициальный оппозиционный комитет – группу «Поколения студентов 1988 года» и продолжили свою политическую деятельность, постепенно вновь приобретая влияние. Радикальные оппозиционеры провели несколько эффективных протестных кампаний, но после волнений и беспорядков августа – сентября 2007 г. (так называемой шафрановой революции) Мин Ко Найнг и его товарищи были вновь брошены за решетку и до амнистии 2012 г. отбывали 65-летний срок в отдаленных местах лишения свободы¹¹.

Надо сказать, что репрессии консерваторов против студенческих лидеров не только укрепляли военный режим, но и парадоксальным образом способствовали усилению единоличного лидерства Аун Сан Су Чжи в рамках самого демократического движения.

В частности, в 2010–2011 гг. Аун Сан Су Чжи, искусственно подведя партию под законную ликвидацию и перерегистрацию властями¹², провела генеральную чистку руководства НЛД, максимально сократила кадровый балласт в лице сочувствующего крайним радикалам старого поколения «отцов-основателей» партии.

Вместо них в окружении главы НЛД появились новые люди, позволившие Аун Сан Су Чжи решить давно стоявшую перед мьянманской верхушкой задачу политического подчинения праворадикальной городской контрэлиты. В частности, П. Н. Козьма отмечает, что накануне довыборов в парламент в апреле 2012 г. главе мьянманской оппозиции удалось привлечь в ряды своей партии ряд бывших лидеров студенческих протестов: им были обещаны парламентские кресла и должности в структурах НЛД.

Помимо этого, в преддверии очередных парламентских выборов в ноябре 2015 г. Аун Сан Су Чжи при формировании партийных списков НЛД окончательно оттеснила радикальное крыло группировки «Поколение студентов 1988 года» на периферию национального политического поля. В ходе упомянутого отбора в число кандидатов от партии не вошли такие знаковые фигуры мьянманского демократического движения, как Мин Ко Найнг, Ко Ко Чжи и другие, самые известные представители «Поколения студентов 1988 года»¹³. Иными словами, лидер мьянманских модернистов задолго до выборов начала формировать полностью управляемую фракцию парламента, способную достигать компромиссов с влиятельными традиционалистами в армейском руководстве.

К числу подобных точек согласия относились и параллельные усилия модернистов и консерваторов из мьянманской элиты (силы, воплощающие покровительственные и авторитарные начала в мьянманской политической традиции) по ослаблению и подчинению несистемной контрэлиты – студенческого движения. Пришедшее к власти в сентябре 1988 г. поколение генералов, со своей стороны сделало все, чтобы разъединить мьянманское студенчество. Так, власти расформировали Янгонский университет, на его основе возникли отдельные университеты, студенты которых были территориально разделены. С этой же целью оставшиеся подразделения университета были размещены по всему городу. В провинциях создавались свои университеты, и молодых жителей соответствующих территорий обязали учиться именно в них фактически без возможности поступить в университеты Янгона¹⁴.

На новом витке

Результатом последовательной 27-летней борьбы Аун Сан Су Чжи за ослабление городских контрэлит и укрепление политических позиций мьянманских модернистов стала убедительная победа НЛД на очередных парламентских выборах 8 ноября 2015 г., которые оказались первым с 1990 г. открытым избирательным поединком оппозиции и правящей военной верхушки. По результатам выборов оппозиция Мьянмы оказалась способна самостоятельно, без коалиции с иными политическими силами, избрать нового президента и сформировать правительство страны¹⁵.

Казалось бы, упомянутые выше меры мьянманских элит должны были поставить точку в едином студенческом движении Мьянмы. Тем не менее события последних лет показали, что, несмотря на все усилия, правящая верхушка Мьянмы до конца не подавила силы городских контрэлит, чьим ядром традиционно является студенчество. Поводом для возрождения боевого студенческого духа стало принятие парламентом страны 30 сентября 2014 г. нового закона об образовании. Его поддержали все ведущие политические силы, помимо правящей Союзной партии солидарности и разви-

¹¹ Aung Zaw. A Spirit That Never Dies.

¹² Press briefing Aung San Suu Kyi, NLDHQ in Yangon, Myanmar, 14.11.2010. P. 1–5. [Electronic resource]. URL: <http://www.burmalibrary.org/show.php?cat=88lo=d&sl=0> (date of access: 13.01.2016).

¹³ Козьма П. Н. Мьянма: почему правящая партия может проиграть выборы? [Электронный ресурс] // Regnum. URL: <http://regnum.ru/news/polit/2007046.html> (дата обращения: 07.11.2015).

¹⁴ Козьма П. Н. Рождение «третьей силы» мьянманской политики.

¹⁵ Кирьянов О. Оппозиция одержала победу на выборах в Мьянме [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2015/11/22/myanma-site.html> (дата обращения: 22.11.2015).

тия, за принятие закона голосовали и депутаты от оппозиционной НЛД.

Дальнейшие события приняли неожиданный оборот. В Янгон 12–13 ноября 2014 г. съехались студенты со всей страны, и по итогам их встречи был создан Комитет действий за демократическое образование. В нескольких частях Янгона 14–17 ноября 2014 г. прошли акция протеста. Студенты мандайского университета Яданапон приняли решение идти маршем на Янгон.

Манифест студентов появился 24 января 2015 г., где были изложены 11 поправок, предлагаемых в закон. Суть их заключалась в создании большей демократизации университетской жизни. В это же самое время студенты, шедшие маршем из Мандай, остановились в Лепадане, не дойдя до Янгона менее 100 миль.

Студенты в Лепадане 3 марта 2015 г. решили продолжать марш на Янгон, после чего были заблокированы полицией. Операцию по ликвидации временного лагеря в Лепадане полиция начала

10 марта 2015 г., причем действовали полицейские нарочито жестокими методами, избивая протестующих. В конечном итоге, данное студенческое выступление закончилось неудачей, но получило большой резонанс в обществе. Можно говорить о поколении студентов 2015 года, как о новой потенциально влиятельной третьей силе в мьянманской политике¹⁶.

Тем не менее следует отметить, что участие официальных лиц новой правящей партии НЛД в мероприятиях национального дня (96-й годовщины 1-го университетского бойкота в 1920 г., положившего начало развитию общенационального движения за независимость), а также продекларированное в декабре 2016 г. намерение правительства лиги восстановить здание студенческого союза в Янгоне, подчеркивают сохранение внешнего контроля над городскими радикалами со стороны объединенной мьянманской элиты, способной позволить себе отдельные демонстративные уступки в адрес студенчества¹⁷.

Выводы

В целом выступления студентов 2014–2015 гг. свидетельствуют о наличии немалого протестного потенциала у нового поколения радикальных городских контрэлит Мьянмы, хотя их наиболее сильные и оформленные группировки (такие как «Поколение студентов 1988 года») потерпели поражение в борьбе за власть с бирманской верхуш-

кой и перешли в подчиненное последней положение. «Старые» и «новые» контрэлитные группы постепенно включаются в формирующуюся гражданскую политическую систему страны в качестве неформальных оппозиционных звеньев и способствуют сохранению политической дееспособности наиболее сильных группировок местной элиты.

Библиографические ссылки

1. Листопадов НА. Леди и генералы: вражда или компромисс? *Азия и Африка сегодня*. 2012;12:55–67.
2. Aung Zaw. *The Face of Resistance: Aung San Suu Kyi and Burma's Fight for Freedom*. Chiang Mai: Silkworm Books; 2013.
3. Stewart W. *Aung San Suu Kyi: Fearless Voice of Burma*. Minneapolis: Lerner; 1996.
4. Васильев ВФ. *История Мьянмы/Бирмы. XX век*. Москва: ИВ РАН, Крафт +; 2010.
5. Симония АА. Новый облик военного режима в Мьянме. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2011;16:127–146.
6. Callahan M. The Endurance of Military Rule in Burma: Not Why, But Why Not? Levenstein SL, editor. *Finding dollars, sense and legitimacy in Burma*. Washington: Woodrow Wilson International Center for Scholars; 2010. p. 54–76.
7. Taylor R. *The State in Myanmar*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies; 2009.
8. Агаджанян АС. Государство и традиционная политическая культура Бирмы. В: *Государство в докапиталистических обществах Азии: сборник статей*. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы; 1987. с. 319–332.
9. Листопадов НА. Генерал Аун Сан. *Восток (Oriens)*. 2005;5:66–77.
10. Симония АА. Властвующая военная элита в Мьянме. В: Другов АЮ, Малетин НП, Новакова ОВ. *Элиты стран Востока*. Москва: Ключ-С; 2011. с. 286–306.
11. Lubina M. *Pani Birmy. Biografia polityczna Aung San Suu Kyi*. Warszawa: PWN; 2015.
12. Aung San Suu Kyi. *Freedom from Fear and Other Writings*. New York, London: Penguin Books; 2010.

References

1. Listopadov NA. Lady and the generals: confrontation or compromise? *Aziia i Afrika segodnia*. 2012;12:55–67. Russian.
2. Aung Zaw. *The Face of Resistance: Aung San Suu Kyi and Burma's Fight for Freedom*. Chiang Mai: Silkworm Books; 2013.

¹⁶ Козьма П. Н. Рождение «третьей силы» мьянманской политики.

¹⁷ Shoon Naing, Ye Mon. Officials talk education, reconciliation on National Day [Electronic resource] // Myanmar Times. URL: <http://www.mmmtimes.com/index.php/national-news/yan-gon/23902-officials-talk-education-reconciliation-on-national-day.html> (date of access: 25.11.2016); Htet Naing Zaw. Rangoon University Students' Union Building to be Rebuilt Next Year [Electronic resource] // Irrawaddy. URL: <http://www.irrawaddy.com/news/burma/rangoon-university-students-union-building-to-be-rebuilt-next-year.html> (date of access: 02.12.2016).

3. Stewart W. *Aung San Suu Kyi: Fearless Voice of Burma*. Minneapolis: Lerner; 1996.
4. Vasilev VF. *Istoriya M'yanmy/Birmy. XX vek* [The History Of Myanmar/Burma. XX century]. Moscow: IV RAN, Kraft +; 2010. Russian.
5. Simonia A. A. The new face of the military regime in Myanmar. *Iugo-Vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia*. 2011;16:127–146. Russian.
6. Callahan M. The Endurance of Military Rule in Burma: Not Why, But Why Not? Levenstein SL, editor. *Finding dollars, sense and legitimacy in Burma*. Washington: Woodrow Wilson International Center for Scholars; 2010. p. 54–76.
7. Taylor R. *The State in Myanmar*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies; 2009.
8. Agadzhanyan AS. [The state and the traditional political culture of Burma]. In: *The State in pre-capitalist societies of Asia: collected articles*. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury; 1987. p. 319–332. Russian.
9. Listopadov NA. [General Aung San]. *Vostok (Orience)* [East (Orience)]. 2005;5:66–77. Russian.
10. Simonia AA. [The ruling military elite in Myanmar]. In: Drugov AY, Maletin VP, Novakova OV. *Elity stran Vostoka*. Moscow: Klyuch-S; 2011. p. 286–306. Russian.
11. Lubina M. *Pani Birmy. Biografia polityczna Aung San Suu Kyi*. Warszawa: PWN; 2015. Polish.
12. Aung San Suu Kyi. *Freedom from Fear and Other Writings*. New York; London: Penguin Books; 2010.

Статья поступила в редколлегию 16.10.2017.
Received by editorial board 16.10.2017.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

HISTORIOGRAPHY

УДК 929(092):930(430)

П. А. ШУПЛЯК – ИСТОРИК-ГЕРМАНИСТ

В. А. ОСТРОГА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется научное творчество профессора кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета П. А. Шупляка. Рассмотрены место и роль ученого в развитии белорусской историографии новейшей истории Германии. Дана характеристика эволюции научных взглядов исследователя в области истории внешней политики Германии, ее рабочего, революционного и профсоюзного движения в 1920–30-х гг., а также в области истории Веймарской республики и деятельности немецких политических партий.

Ключевые слова: белорусская историография; германистика; новейшая история Германии; профсоюзное и рабочее движение; Веймарская республика; политические партии Германии.

П. А. ШУПЛЯК – ГІСТОРЫК-ГЕРМАНІСТ

В. А. АСТРОГА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Аналізуецца навуковая творчасць прафесара кафедры гісторыі новага і найноўшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта П. А. Шупляка. Разглядаюцца месца і роля вучонага ў развіцці беларускай гістарыяграфіі найноўшай гісторыі Германіі. Дадзена характарыстыка эвалюцыі навуковых поглядаў даследчы-

Образец цитирования:

Острога ВА. П. А. Шупляк – историк-германист. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;3:92–101.

For citation:

Astroha VA. P. A. Shuplyak – historian-Germanist. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;3:92–101. Russian.

Автор:

Виктор Александрович Острога – доктор исторических наук, доцент; заведующий кафедрой таможенно-го дела факультета международных отношений.

Author:

Viktar A. Astroha, doctor of science (history), docent; head of the department of customs, faculty of international relations.
ostroga.v@mail.ru

ка ў галінах гісторыі знешняй палітыкі Германіі, яе рабочага, рэвалюцыйнага і прафсаюзнага рухаў 1920–30-х гг., гісторыі Веймарскай рэспублікі, дзейнасці нямецкіх палітычных партый.

Ключавыя словы: беларуская гістарыяграфія; германістыка; навішая гісторыя Германіі; прафсаюзны і рабочы рух; Веймарская рэспубліка; палітычныя партыі Германіі.

P. A. SHUPLYAK – HISTORIAN-GERMANIST

V. A. ASTROHA^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Analyzes the scientific work of professor of the department of the modern and contemporary history of the faculty of history of the Belarusian State University P. A. Shuplyak. Considers the place and role of scientist in the development of Belarusian historiography of the modern history of Germany. The characteristic of the evolution of the researcher's scientific views on the history of German foreign policy, its workers and the revolutionary trade union movement in the 1920–1930s, the history of the Weimar Republic, the activities of German political parties is given.

Key words: Belarusian historiography; German studies; Modern history of Germany; Trade Union and workers' movement; Weimar Republic, political parties of Germany.

Введение

В белорусской историографии германистика занимает особое место и является одним из самых популярных исследовательских направлений. Как в свое время отметили М. Г. Елисеев и О. Г. Радькова, «интерес к истории Германии в белорусской общественно-политической и исторической мысли был заметным в силу своеобразных исторических судеб страны» [1, с. 220]. Белорусская школа исторической германистики берет свое начало в 1920-х гг. В межвоенный период в центре внимания ее представителей находилась преимущественно новая история Германии, а прежде всего – история германской социал-демократии. Среди именитых довоенных исследователей, работавших в основном в Белорусском государственном университете, можно назвать В. Н. Перцева, Е. И. Ривлина, Я. Г. Фейгельсона, В. А. Сербенту, Л. М. Шнеерсона. В послевоенный период историческая германистика в Белару-

си охватывала более широкий тематический круг, увеличилось и число исследователей. В этот период данное направление как научная школа стало известно не только в СССР, но и за его пределами. Тематика исследований касалась в большей степени новейшей истории Германии, ее внешней политики, германского рабочего и революционного движения, истории Веймарской республики, профсоюзного движения в 1920–30-х гг., истории политических партий, истории Германской Демократической Республики (ГДР) и Федеративной Республики Германии (ФРГ) и некоторых других проблем. В ряду известных белорусских германистов 1960–80-х гг. находятся Г. М. Трухнов, Ю. Е. Ивонин, Д. С. Климовский, Г. А. Космач, В. А. Космач, М. Г. Елисеев, В. М. Писарев, О. Г. Радькова, Л. Н. Гаранин, М. В. Стрелец, Н. В. Шульгина, М. А. Беспалая, а также П. А. Шупляк.

Основная часть

Профессор П. А. Шупляк среди белорусских германистов занимает особое место. В 1970 г. он, получив диплом БГУ с отличием, был назначен на должность преподавателя кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета университета. В 1973 г., как подающий надежды начинающий германист, он был направлен в аспирантуру Йенского университета им. Фридриха Шиллера (ГДР), где его научным руководителем с немецкой стороны стал М. Вайсбеккер, а с советской – Л. М. Шнеерсон. Молодой белорусский ученый оправдал возложенное на него доверие: диссертационная работа на тему «Профсоюзы и стачечная борьба в Германии в период мирового

кризиса 1929–1933 гг.» была успешно подготовлена и досрочно защищена в 1975 г. Стоит подчеркнуть, что это была первая в белорусской науке защита кандидатской диссертации в области Новой и Новейшей истории, осуществленная за рубежом. В 1976 г. П. А. Шупляку была присвоена ученая степень кандидата философских наук.

Если анализировать научное творчество П. А. Шупляка, то становится очевидно, что он – ученый с широкими научными интересами. И все же подавляющая часть его исследований посвящена истории Германии. Итоги изысканий белорусского германиста известны читателям не только стран бывшего СССР, но и историкам Польши и Герма-

нии. Однако в палитре его научных интересов есть две главнейшие темы, которым он посвятил львиную долю своего творчества: история межвоенного германского профсоюзного движения и история политических партий Германии в XX–XXI вв. Именно в этих двух темах лучше и ярче всего проявился научный талант ученого. На анализе публикаций данного проблемного поля и хотелось бы остановиться.

В историографии П. А. Шупляк прежде всего известен как эксперт в области истории германских профсоюзов межвоенного периода, картину деятельности которых он воссоздавал последовательно и даже педантично с начала 1970-х гг. В поле научного поиска историка оказались самые различные аспекты деятельности германских профсоюзных объединений: профсоюзы и стачечная борьба рабочего класса Германии, профсоюзы в условиях ноябрьской революции 1918 г., позиция профсоюзов в отношении Версальского мирного договора, политические позиции и политическая деятельность профсоюзов в период существования Веймарской республики, профсоюзы во время Капповского путча, профсоюзы и рурский кризис 1923 г., позиция германских профсоюзов по отношению к государственному перевороту 20 июля 1932 г. в Пруссии, профсоюзы и правительство Папена (июнь – ноябрь 1932 г.) и многие другие. Известный историограф М. В. Стрелец отмечает, что «профессор П. А. Шупляк основательно исследовал германские профсоюзы» и своими трудами «восполнил пробелы» в истории [2].

В центре первых научных изысканий П. А. Шупляка оказалась деятельность революционно-опозиционного профсоюзного движения в Германии, так называемые профорганизации немецких коммунистов, в числе которых Революционная профсоюзная организация (РПО) [3; 4]. Так, в одной из своих первых работ на эту тему «КПГ и РПО во главе стачечной борьбы рабочего класса Германии в 1932 г.», он, давая характеристику профсоюзному движению Германии, писал о Коммунистической партии Германии (КПГ) и РПО как о последовательных борцах за интересы германских трудящихся [3]. Эту статью, как и последующие публикации, отличает основательная база немецкоязычных источников. Широкое применение немецких оригинальных источников стало отличительной чертой трудов историка.

Другая статья «Революционная профсоюзная оппозиция и борьба рабочего класса Германии против наступления монополий в 1930–1931 гг.» является одной из наиболее интересных и фундаментальных работ советского периода. В ней автор стремился объективно рассмотреть деятельность РПО, анализируя формы и методы ее работы, успехи и недостатки. Исследование представляет собой поучительную страницу из истории германско-

го профсоюзного движения [4]. Роли РПО в борьбе за права трудящихся посвящена и публикация, размещенная в 1976 г. в «Вестнике Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Серия 3» в 1976 г. В этой статье дается детальная характеристика положения безработных в Германии в 1929–1933 гг., которых к октябрю 1932 г. насчитывалось 5,109 млн человек, не считая 2,5 млн так называемых полубезработных. Автор рассматривает систему социальной помощи, которую получали даже не все обездоленные. Уделяя особое внимание КПГ и находившейся под ее влиянием РПО, П. А. Шупляк подробно анализирует методы работы этих организаций и считает их на тот момент «единственной силой», которая «не только призывала к борьбе против наступления монополистической буржуазии, но и возглавила эту борьбу» [5, с. 24].

Надо отметить, что в это время П. А. Шупляк в изучаемой проблемной области становится ученым экспертного уровня, о чем свидетельствует его статья в «Научном журнале Йенского университета им. Ф. Шиллера» (1976), а также публикация в 1978 г. рецензии и реферата на работы историков из ФРГ и ГДР [6–8].

С конца 1970-х гг. ученый расширяет исследовательский круг и начинает активно изучать другие профсоюзные объединения межвоенной Германии. Объектом исследования становятся преимущественно события первой половины 1930-х гг. Одним из первых результатов в новом направлении стала статья «Чрезвычайное законодательство правительства Г. Брюнинга в Германии и позиция христианских профсоюзов», опубликованная в «Вестнике Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Серия 3» в 1979 г. В ней автор пишет об отношении Всеобщего объединения христианских профсоюзов (ВОХП) к правительству Г. Брюнинга (1930–1932 гг.), последний до 1930 г. был управляющим делами Христианско-национальной германской федерации профсоюзов. Автор отмечает, что христианские профсоюзы приветствовали чрезвычайные декреты Г. Брюнинга, считая их инструментом «оздоровления экономики», а правое руководство профсоюзов обеспечивало политическую поддержку правительства Г. Брюнинга [9, с. 26]. В том же году вышла и другая крупная работа ученого «Государственный переворот 20 июля 1932 г. в Пруссии и позиция германских профсоюзов», посвященная отношению профсоюзных объединений к приходу к власти кабинета Франца фон Папена. П. А. Шупляк концентрируется на анализе роли профсоюзов, а в первую очередь их лидеров, в предотвращении установления в Германии фашистской диктатуры. Однако в итоге историк приходит к выводу о том, что «возможности не были реализованы. Пассивность профсоюзов... увеличила уверенность реакционных сил в возможно-

сти беспрепятственной передачи власти Гитлеру...» [10, с. 71].

В начале 1980-х гг., продолжая тематику, П. А. Шупляк опубликовал несколько работ о роли профсоюзов в политической жизни Германии накануне прихода к власти нацистов. Так, в работе «Президентские выборы 1932 г. в Германии и позиция профсоюзов» автор анализирует предпочтения профсоюзов перед выборами президента германского государства весной 1932 г., обосновывает поддержку того или иного кандидата, отдельно останавливается на предвыборной работе КППГ и ее кандидата Э. Тельмана [11]. В том же году П. А. Шупляк опубликовал статью «Германские профсоюзы накануне установления фашистской диктатуры в стране (декабрь 1932 – январь 1933 г.)». Автор в рамках небольшого временного периода (два месяца) анализирует маневрирование профсоюзных лидеров Германии во время канцлерства генерала Курта фон Шлейхера и приходит к выводу о том, что в этот «чрезвычайно ответственный период немецкой истории профсоюзы не предприняли никаких серьезных мер, чтобы предотвратить установление фашистской диктатуры» [12, с. 74].

В 1980-е гг. ученый обращается к истории профсоюзного движения в начальный период существования Веймарской республики, что нашло отражение, в частности, в небольшой статье «Позиция германских профсоюзов в период Капповского путча» [13].

Для П. А. Шупляка 1991 г. стал рубежным. Назначение на должность декана исторического факультета БГУ потребовало от историка направить интеллектуальные усилия в первую очередь на обеспечение формирования нового содержания исторического образования. В этих условиях научные исследования П. А. Шупляка вышли в очень широкую тематическую плоскость, они касались в том числе и глобальных проблем и перспектив развития исторической науки и образования в молодой Республике Беларусь. В 1993 г. германист возглавил созданную по его инициативе Белорусскую ассоциацию историков. В 1993 г. на I Всебелорусской конференции историков П. А. Шупляк отметил, что необходимо «сформировать свой белорусский взгляд на всеобщую историю» [14, с. 6].

В конце 1990-х гг. П. А. Шупляк вернулся к разработке проблем истории профсоюзного движения Веймарской республики. Он детально исследовал деятельность уже различных профессиональных объединений, прежде всего рассматривая их политические платформы [15–20].

Так, работа «Свободно-национальные профсоюзы в социально-политической структуре Веймарской Германии» была посвящена конкретной профсоюзной организации – Свободно-национальному профсоюзному картелю объединений немецких рабочих служащих и чиновников (да-

лее – СНПК), – не признававшей революционных методов, отвергавшей идею классовой борьбы и являющуюся оппонентом Свободных профсоюзов. Автор отмечает тесную связь картеля с Немецкой демократической партией и приходит к выводу о том, что формально декларируя приверженность к демократии, позиция СНПК в конечном итоге вылилась в «спокойную интеграцию» профсоюза в состав фашистского Немецкого трудового фронта [21, с. 108].

Другая работа была посвящена отношению германских профсоюзов к рурскому кризису 1923 г. На взгляд автора, после революционной победы в ноябре 1918 г. место и роль профсоюзов в Германии принципиально изменились: «они становятся партнерами государства, постепенно интегрируясь в его социально-политическую структуру» [16, с. 185]. В связи с тем, что все профсоюзы осуждали Версальский договор как несправедливый к немецкому народу, профсоюзная позиция по отношению к послевоенным внешнеполитическим проблемам в целом была солидарной с мнением большинства политических партий и политикой правительства. В этом случае профсоюзы должны были играть важную роль и, как пишет историк, «влиять на массы, подключать миллионы трудящихся людей к противостоянию “версальскому диктату”» [16, с. 186]. В этой связи автор анализирует позиции профсоюзных лидеров (А. Эркеленца, Т. Лейпарта). В итоге профсоюзы стали непосредственно руководить кампанией пассивного сопротивления и даже пытались развернуть широкую международную кампанию. Однако, как считает П. А. Шупляк, результат их участия оказался противоположным: «конец 1923 г. принес профсоюзам полный крах всех планов. Социальные завоевания Ноябрьской революции были фактически потеряны. Но главным уроном была потеря доверия со стороны масс, что выразилось в резком сокращении численности» [16, с. 193].

Одним из крупных исследований стала опубликованная в 2006 г. работа «Германские профсоюзы в период становления Веймарской республики». В ней автор выражает мнение о том, что германские профсоюзы являлись массовой и влиятельной силой, которая не чуждалась политической деятельности и подробно характеризовала политические взгляды их лидеров. По мнению П. А. Шупляка, выделялись три направления политически активного профсоюзного движения, представленные наиболее массовыми профессиональными объединениями: свободные, христианские и свободно-национальные профсоюзы. Профсоюзное движение Германии не было единым, оно состояло из множества организаций и течений, которые не просто отличались друг от друга идейно-политическими взглядами, методами борьбы, целями, но зачастую даже враждовали между собой [22, с. 144].

Самой влиятельной силой, отмечает П. А. Шупляк, были свободные профсоюзы, считавшиеся политически нейтральными, но в реальности ориентированные на Социал-демократическую партию Германии (СДПГ). Вторыми были христианские профсоюзы, которые в отличие от первых «не считали себя классовой организацией, не признавали деления общества на враждебные классы и категорически отвергали классовую борьбу, противопоставляя ей принцип народной общности», в связи с чем часто называли себя «христианско-национальными» и, на взгляд автора, воспринимали себя как силу, противостоящую революции [22, с. 145]. Третьими в этом рейтинге были свободно-национальные или гирш-дункеровские профсоюзы, связанные с Демократической партией Германии. Работа П. А. Шупляка интересна анализом принципиальных различий идейных взглядов крупнейших профсоюзных центров на перспективы развития общественно-политической ситуации в стране, в частности, в отношении революционной ситуации.

Рассматривал автор и подготовку профсоюзов к созыву Национального собрания, а также участие в разработке первой действующей в Германии демократической конституции. П. А. Шупляк пришел к выводу о том, что «германские профсоюзы в союзе с близкими им политическими партиями, несмотря на противоречия, а подчас и враждебность, в сложных и противоречивых революционных условиях смогли обеспечить формирование немецкой государственности на демократической основе. Сформировавшаяся в это время при непосредственном участии профсоюзов демократическая коалиция оказалась в состоянии оттеснить от определяющего влияния на процесс становления Веймарской республики как право-, так и леворадикальные политические силы и впервые создать на территории Германии демократическое государство» [22, с. 152].

В 2010 г. вышла одна из наиболее фундаментальных работ П. А. Шупляка о деятельности профсоюзов в политической системе Веймарской республики в Германии. В ней историк отмечает, что роль профсоюзов в Германии настолько велика, что эту республику отдельные политики именовали не иначе как «профсоюзное государство» [23, с. 237]. Сам автор же считал этот термин скорее полемическим, рассматривал его как оценку потенциальных возможностей профсоюзов, но не как характеристику реальной ситуации в стране [23, с. 252]. Особенностью статьи стал детальный анализ идеологических различий и программ действий профсоюзов во время ноябрьской революции и начального периода Веймарской республики.

Вызывает интерес характеристика в работе П. А. Шупляка такой сферы политической деятельности профсоюзов, как внешняя политика, а также осуждение профсоюзами Версальского договора

как несправедливо жестокого по отношению к немецкому народу. Историк цитирует социал-демократа Карла Легина, бывшего членом германской делегации на Парижской мирной конференции, который назвал Версальский договор не мирным, «а военным договором», в результате чего «семидесятимиллионный народ превращается в рабов объединенного капитала западных стран» [23, с. 227–248]. Рассматривал автор и противостояние профсоюзов фашизму: «в конце 1932 – начале 1933 г. у германских профсоюзов появился шанс вновь выступить спасителями демократии, на этот раз от опасности национал-социализма» [23, с. 252]. Это было связано с попытками канцлера Курта фон Шлейхера создать так называемый Третий фронт на базе объединения различных общественно-политических сил и не допустить фашистов к власти. В этом плане важная роль отводилась профсоюзам. Дав широкий анализ политической деятельности профсоюзов, П. А. Шупляк приходит к выводу о том, что «профсоюзы, безусловно, были мощной силой в социально-политической структуре Веймарской Германии... однако политическое поле не было привычной сферой деятельности профсоюзов. Лишь в отдельных случаях чрезвычайная ситуация выносила их на главные позиции в политической борьбе. В основном же профсоюзы оставались заложниками партийной политики...» [23, с. 252]. Следует отметить и работу П. А. Шупляка, вышедшую несколько позднее, в 2014 г., она так же, как и упомянутая выше, посвящена анализу позиции германских профсоюзов по отношению к Версальскому мирному договору, которые «осуждали его как несправедливо жестокий по отношению к немецкому народу и требовали его пересмотра» [24, с. 375]. В итоге профсоюзы сходились в этом вопросе не только с большинством политических партий, но и с правительством. Однако П. А. Шупляк справедливо считал, что внешний фактор, влиявший на сотрудничество профсоюзов со своими традиционными оппонентами, «не должен вводить в заблуждение... очевидно, что без взаимопонимания внутри страны нельзя противостоять внешнему давлению. Поэтому можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что речь шла и об определенной форме сотрудничества в социально-экономической области» [24, с. 379].

Политическую деятельность германских профсоюзов историк отразил и в некоторых других работах [19]. В 2010 г. увидел свет ряд статей П. А. Шупляка, посвященных политике германских профсоюзов в период ноябрьской революции 1918 г. [25–26].

В 2012 г. ученый вновь обратился к теме деятельности отдельных профсоюзных объединений. На этот раз он анализировал партнерство и соперничество Свободных профсоюзов и СДПГ в период существования Веймарской республики. Свободные профсоюзы были наиболее массовыми и вли-

тельными и объединились в 1919 г. во Всегерманское объединение профсоюзов (АДГБ). Большое внимание было уделено сотрудничеству этих организаций, которые, как пишет автор, «представляли интересы наемных рабочих... опирались на марксистскую идеологию» [27, с. 158]. Стоит отметить, что профессор П. А. Шупляк публиковал результаты исследований в данной области и в зарубежных изданиях [28].

Как упоминалось выше, еще в 1970-х гг. к историко-профсоюзной теме тесно примыкали исследования П. А. Шупляка, касавшиеся деятельности германских политических партий, где со временем наибольший интерес стал проявляться к СДПГ. Занимаясь своей основной темой – историей германских профсоюзов, он постоянно в той или иной мере касался и деятельности политических партий Германии. Эта проблема, выйдя хронологически на более поздний период, чем прежние исследования (конец XX – начало XXI в.), явилась логическим продолжением основной темы исследований. Эти вопросы в научном творчестве белорусского германиста стали занимать значительное место с начала 2000-х гг.

Так, в статье «Германская социал-демократия в условиях постконсервативного развития» (2004) шла речь о трансформации позиций СДПГ на протяжении 16 лет нахождения в «политической тени» в 1980–90-х гг., анализируются этапы формирования новых политических взглядов лидеров СДПГ, создание и борьба двух внутрипартийных течений – традиционалиста О. Лафонтена и реформиста-прагматика Г. Шредера. Автор объясняет происходящую партийную модернизацию и, в частности, отмечает, что «германская социал-демократия осуществляет серьезное, принципиальное обновление своей политики, смещая ее к политическому центру. Руководство партии выбрало правый вариант обновления... причины, вызвавшие эти политические перемены, носят объективный характер. Они вызваны серьезными изменениями экономической и общественно-политической ситуации в стране и в мире» [29].

В этой тематической группе выделяется статья «Германская социал-демократия на выборах 1998 г. (Концепция “нового центра”)». Работа особо ценна тем, что автор являлся общественным наблюдателем на выборах в Бундестаг в 1998 г., а источниками статьи стали его непосредственные впечатления и анализ предвыборной борьбы 18–27 сентября 1998 г. Подобного рода публикации в белорусской историографии достаточно редки. Помимо прочего, в работе П. А. Шупляка анализируется предвыборная концепция лидера СДПГ Г. Шредера под названием «Новый центр», представлявшего, на взгляд автора, лагерь прагматиков. Рассматривая различные аспекты предвыборной программы

(экономику, социальную политику и т. д.), автор отмечал, что сегодня социал-демократия стала на путь трансформации, «превращаясь в одну из разновидностей либерализма», и в целом происходит «стирание политических и идеологических граней между СДПГ и ХДС» [30, с. 110].

Продолжил эту тему П. А. Шупляк в фундаментальной аналитической работе о реформаторской деятельности лидера прагматического крыла СДПГ Г. Шредера в социально-экономической сфере «Реформы Г. Шредера в ФРГ: причины и последствия». Автор отмечает: «Он (Г. Шредер. – В. О.) был известен в партии своей энергией, решительностью, умением добиваться поставленных целей и ораторскими способностями» [31, с. 150]. Историк анализирует реформаторскую деятельность Г. Шредера, его пакет реформ «Повестка дня – 2010». Плодами этой деятельности воспользовалось в 2005 г. уже правительство А. Меркель, где представители СДПГ заняли важные посты и «успешно реализуют многие идеи разработанных ранее реформ», которые «начинают давать результаты, стабилизируя социально-экономическую ситуацию в стране» [31, с. 155].

В 2014 г. П. А. Шупляк на круглом столе кафедры истории нового и новейшего времени БГУ выступил с докладом «Особенности трансформации подходов правых и левых партий западных стран к государственному регулированию социально-экономической жизни в конце 1990-х – начале 2000-х гг.». Представленное исследование было проведено в рамках проекта, проходившего под руководством П. А. Шупляка, «Концепция “социального государства” в политике ведущих стран Западной Европы в конце XX – начале XXI ст.» (2011–2015). Целью работы стало проведение комплексного исследования действий правительств ведущих западноевропейских стран (Великобритании, Франции, ФРГ) в деле обеспечения социальных прав граждан. В выступлении профессор анализирует специфику партийных платформ относительно социального государства, тем более в то время наблюдался рост требований прежде всего среднего класса западных стран. Как пишет историк, «корректировка социальной политики послевоенного времени была вызвана, с одной стороны, объективными требованиями экономического развития, с другой – недовольством населения выявившимися недостатками системы “государства благосостояния”» [32, с. 7]. Дифференцируя позиции правого и левого политических лагерей, историк отмечает: «Правые партии выступили за прекращение государственного вмешательства в социально-экономические процессы и предложили альтернативную модель социальной политики, в основу которой были положены принципы ответственности и “опоры на собственные силы”,

даже создание системы “народного капитализма”, социальной ответственности бизнеса и т. д.» [32, с. 8–9]. Однако практика, на взгляд П. А. Шупляка, показала недостаточную эффективность рецептов решения социальных проблем, сформулированных левыми партиями в 1980-е гг. В свою очередь, он считал, что для «левых партий» разработка нового социального проекта являлась более сложной задачей, чем для правых сил. Это объяснялось тем, что реалии современного этапа общественного развития потребовали от левых партий кардинального переосмысления ряда базовых принципов традиционной левой доктрины. По вопросу изменения идеологии внутри левых партий развернулась борьба между традиционалистским и модернистским течениями» [32, с. 11]. Однако в итоге «левые правительства проводили прагматичную политику, похожую на курс правых сил и получившую название “социал-либерализм”» [32, с. 12].

В том же году П. А. Шупляк в работе «Традиционалистские и модернистские тенденции в политике западноевропейской социал-демократии в конце XX – начале XXI столетия», проанализиро-

вав деятельность социал-демократических партий Западной Европы последних десятилетий, приходит к выводу о том, что эти партии «по своему социальному составу уже не являются чисто рабочими... новые партийные руководители ставили на первое место не слепое следование идеологическим принципам, а задачу завоевания и удержания политической власти» [33, с. 90]. Более того, на его взгляд, ведущие социал-демократические партии превратились к началу XXI в. из «партий активистов» в «партию нотаблей». Исследователь рассмотрел причины прихода к власти политиков-модернистов и взгляды их лидеров (Г. Шредера в СДПГ; Т. Блэра и Г. Брауна в ЛПВ; М. Рокара и Л. Фабиуса в ФСП). Ученый констатирует поражение социал-демократов на выборах в начале XXI в., и, говоря об их перспективе, считает, что «в современных условиях представляется вполне реальным снижение влияния модернистского течения в европейской социал-демократии и усиление авторитета традиционалистов» [33, с. 92]. В последующие годы П. А. Шупляк продолжил исследования по данной проблематике [34].

Выводы

Анализ научного творчества профессора П. А. Шупляка в области истории Германии демонстрирует высокие образцы научной работы. Публикации выгодно отличаются не только источниковой ориги-

нальностью и основательностью, но и взвешенным и объективным подходом. Это позволяет работам П. А. Шупляка всегда сохранять значительную степень актуальности и востребованности.

Библиографические ссылки

1. Елисеев МГ, Радькова ОГ. К вопросу о развитии исторической германистики нового и новейшего времени в Беларуси (1921–1945 гг.). У: Иванчанка АЛ, редактар. *Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы) Частка 2: Сусветная гісторыя: тэзісы дакладаў і наведармленняў Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў; 3–5 лютага 1993 г.; Мінск, Беларусь. Мінск: БДУ; 1993. с. 220–222.*
2. Стрелец МВ. Историческая германистика в советской и постсоветской Беларуси: вклад исследовательского корпуса в разработку важных научных проблем. *Вестник Нижневарттовского ГУ*. [дата обращения: 23.03.2018]. 2014;2. URL: <http://vestnik.nvsu.ru/arhiv/37/?st=383>.
3. Шупляк ПА. КПГ и РПО во главе стачечной борьбы рабочего класса Германии в 1932 г. В: Шнеерсон ЛН, Григорьев ВС, редакторы. *Вопросы истории: сборник статей*. Минск: БГУ; 1974. с. 116–127.
4. Шупляк ПА. Революционная профсоюзная оппозиция и борьба рабочего класса Германии против наступления монополий в 1930–1931 гг. В: Фрикке Д, Шнеерсон ЛМ, редакторы. *Из истории германского рабочего движения и советско-германского международного сотрудничества: сборник статей*. Минск: БГУ; 1975.
5. Шупляк ПА. Положение и борьба безработных Германии в период мирового экономического кризиса 1929–1932 гг. *Вестник Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Серия 3*. 1976;1:19–24.
6. Shuplyak PA. RGO und der Kampf der deutschen Arbeiterklasse in 1930–1931. *Wissenschaftliches Journal der Universität Jena. F. F. Schiller Jena*. 1976;6.
7. Шупляк ПА. Рецензия на книгу: Лендорф С. Как дошло до РПО? Франкфурт-на-Майне (на нем. языке). *Вестник Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Серия 3*. 1978;1.
8. Шупляк ПА. Реферат на книгу: Фрикке Д. Германское рабочее движение (1869–1914). Берлин, 1975. (на нем. языке). *Общественные науки за рубежом*. 1978;1.
9. Шупляк ПА. Чрезвычайное законодательство правительства Г. Брюнинга в Германии и позиция христианских профсоюзов. *Вестник Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Серия 3*. 1979;2:23–27.
10. Шупляк ПА. Государственный переворот 20 июля 1932 г. в Пруссии и позиция немецких профсоюзов. *Вопросы истории*. 1979;6:62–72.
11. Шупляк ПА. Президентские выборы 1932 г. в Германии и позиция профсоюзов. *Вестник Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Серия 3*. 1983;2:22–24.
12. Шупляк ПА. Германские профсоюзы накануне установления фашистской диктатуры в стране (декабрь 1932 – январь 1933 гг.). *Вопросы истории*. 1983;10:67–74.

13. Шупляк ПА. Позиция германских профсоюзов в период Капповского путча. *Вестник Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Серия 3.* 1986;3:27–30.
14. Шупляк ПА. Проблемы ґістарычнай адукацыі ў ВНУ Рэспублікі Беларусь. У: Іванчанка АЛ, рэдактар. *Ґістарычная навука і ґістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы). Часть 2: Сусветная ґісторыя: тэзісы дакладаў і паведамленняў Усебеларускай канферэнцыі ґісторыкаў, 3–5 лютага 1993 г., Мінск, Беларусь.* Мінск: БДУ; 1993. с. 3–6.
15. Шупляк ПА. Профсоюзы Веймарской Германии: политические концепции и политическая борьба. У: Казакоў ЮЛ, рэдактар. *Ґістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў. Матэрыялы Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 65-годдзю ґістарычнага факультэта БДУ; 26 лістапада 1999 г.; Мінск, Беларусь.* Мінск: БДУ; 2000.
16. Шупляк ПА. Германские профсоюзы и Рурский кризис 1923 г. В: Яновский АА, редактор. *Выбранные научовыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Том 2. Ґісторыя. Філалогія. Журналістыка.* Мінск: БДУ; 2001. с. 185–193.
17. Шупляк ПА. Роль профсоюзов в осуществлении политики пассивного сопротивления в Германии в 1923 г. В: Космач ВА, ответственный редактор. *Материалы XIV научной сессии преподавателей и студентов: сборник докладов.* Витебск: МИТСО; 2011. с. 38–39.
18. Шупляк ПА. Политические позиции и политическая деятельность германских профсоюзов в период Веймарской республики. В: Черноперов ВЛ, ответственный редактор. *Веймарская Республика: история, историография, источноковедение: межвузовский сборник научных трудов.* Иваново: ИВГУ; 2011. с. 177–197.
19. Шупляк ПА. Политическая деятельность германских профсоюзов в период послевоенного кризиса (1919–1923 гг.). В: *Актуальные проблемы истории Нового и Новейшего времени (к 100-летию профессора Л. М. Шнейерсона). Международная научно-теоретическая конференция; 25 февраля 2011 г.; Минск, Беларусь.* Минск: РИВШ; 2012. с. 220–229.
20. Шупляк ПА. Германские профсоюзы против правительства Папена (июнь–ноябрь 1932 г.). В: Тугайт ВВ, Житко ПА, Космач ГА, Забавский НН, Лютый АН и др., редакторы. *Европа: актуальные проблемы этнокультуры. Материалы VII Международной научно-теоретической конференции; 21 января 2014 г.; Минск, Беларусь.* Минск: БГПУ; 2014. с. 61–63.
21. Шупляк ПА. Свободно-национальные профсоюзы в социально-политической структуре Веймарской Германии. В: Космач АВ, главный редактор. *Германский и славянский миры: взаимовлияние, конфликты, диалог культур (история, уроки, опыт, современность). Материалы Международной научно-теоретической конференции; 6–8 декабря 2001 г.; Витебск, Беларусь.* Витебск: Витебский государственный университет; 2001. с. 106–108.
22. Шупляк ПА. Германские профсоюзы в период становления Веймарской республики. У: Коршук УК, адказны рэдактар. *Працы ґістарычнага факультэта БДУ: навуковы зборнік. Выпуск 1.* Мінск: БДУ; 2006. с. 143–152.
23. Шупляк ПА. Профсоюзы в политической системе Веймарской республики в Германии. У: Коршук УК, адказны рэдактар. *Працы ґістарычнага факультэта БДУ: навуковы зборнік. Выпуск 5.* Мінск: БДУ; 2010. с. 237–254.
24. Шупляк ПА. Позиция германских профсоюзов в отношении Версальского мирного договора. В: Богущ ВА, Данильченко АВ, Романюк СИ, Ганущенко НН, Ходин СН и др., редакторы. *Первая мировая война в исторических судьбах Европы: сборник материалов Международной научной конференции; 18 октября 2014 г.; Вилейка, Беларусь.* Минск: Издательский центр БГУ; 2014. с. 374–382.
25. Шупляк ПА. Германские профсоюзы в условиях Ноябрьской революции. В: Тугай ВВ, ответственный редактор. *Европа: актуальные проблемы этнокультуры. Материалы III Международной научно-теоретической конференции; 28 апреля 2010 г.; Минск, Беларусь.* Минск: БГПУ; 2010. с. 104–107.
26. Шупляк ПА. Политика германских профсоюзов в период Ноябрьской революции. В: Космач ВА, Костырева СС, Стародынова СМ, Горячева СМ, Каташук ДВ, Трацевская ЛФ, Кулиев СИ. *Актуальные проблемы в изучении и преподавании общественно-гуманитарных наук (дисциплин). Материалы I Международной научной конференции; 2–3 декабря 2010 г.; Витебск, Беларусь.* Витебск: Международный институт трудовых и социальных отношений; 2010. с. 95–97.
27. Шупляк ПА. Свободные профсоюзы и СДПГ: партнерство и соперничество в период Веймарской республики. В: Космач ВА, Костырева СС, Стародынова СМ, Горячева СМ, Каталик ДВ и др. *Актуальные проблемы в изучении и преподавании общественно-гуманитарных наук (дисциплин): сборник научных статей и материалов по итогам III Международной научной конференции; 30 ноября – 1 декабря 2012 г.; Витебск, Беларусь.* Витебск: МИТСО; 2012. с. 157–160.
28. Шупляк ПА. Германские профсоюзы как фактор политической жизни в период Веймарской республики. В: Wierzbienca W, redaktor. *Polska, Europa, swiat XX wieku.* Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego; 2005.
29. Шупляк ПА. Германская социал-демократия в условиях постконсервативного развития. В: *XXI век: актуальные проблемы исторической науки. Материалы Международной научной конференции.* URL: <https://hist.bsu.by/nauka/konferentsii/187-2011-02-17-11-33-07/materialy-konferentsij/xxi-vek/584-germanskaya-sotsial-demokratiya-v-usloviyakh-postkonservativnogo-razvitiya.html> (дата обращения: 23.03.2018).
30. Шупляк ПА. Германская социал-демократия на выборах 1998 г. (Концепция «нового центра»). У: Коршук УК, адказны рэдактар. *Працы ґістарычнага факультэта БДУ: навуковы зборнік. Выпуск 3.* Мінск: БДУ; 2008. с. 108–111.
31. Шупляк ПА. Реформы Г. Шредера в ФРГ: причины и последствия. У: Коршук УК, адказны рэдактар. *Працы ґістарычнага факультэта БДУ: навуковы зборнік. Выпуск 4.* Мінск: БДУ; 2009. с. 147–155.
32. Шупляк ПА. Особенности трансформации подходов правых и левых партий западных стран к государственному регулированию социально-экономической жизни в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В: Кошелев ВС. *Общество, государство и религии в современном мире. Материалы круглого стола кафедры истории нового и новейшего времени БГУ; 28 мая 2014 г.; Минск, Беларусь.* Минск: РИВШ; 2014. с. 6–14.
33. Шупляк ПА. Традиционалистские и модернистские тенденции в политике западноевропейской социал-демократии в конце XX – начале XXI столетия. В: Тугай ВВ, Житко АП, Космач ГА, Забавский НН, Лютый АН и др., редакторы. *Европа: актуальные проблемы этнокультуры. Материалы VIII Международной научно-теоретической конференции; 22 декабря 2014 г.; Минск, Беларусь.* Минск: БГПУ; 2015. с. 90–92.
34. Шупляк ПА. Социальные реформы правительств «красно-зеленой» коалиции в Германии. В: Касович АВ, Шупляк СП, Корзюк АА, Великий АФ, редакторы. *Европа: актуальные проблемы этнокультуры. Материалы IX Международной научно-теоретической конференции; 10–11 ноября 2016 г.; Минск, Беларусь.* Минск: РИВШ; 2016. с. 174–176.

References

1. Eliseev MG, Radkova OG. [On the question of the development of historical Germanic modern and contemporary in Belarus (1921–1945 gg.)]. In: Ivanchanka AL, editor. *Gistarychnaja navuka i gistarychnaja adukacyja w Rjespublicy Belarus' (novyja kancjepy i padyhody) Chast' 2: Susvetnaja gistoryja: tjezisy dakladaw i pavedamlennjaw Usebelaruskaj kanferjencyi gistorykaw; 3–5 ljutaga 1993 g.; Minsk, Belarus'* [Historical science and historical education in the Republic of Belarus (new concepts and approaches). Part 2: World history: thesis of reports and communications all-Belarusian conference historians. 1993 February 3–5; Minsk, Belarus]. Minsk: BSU; 1993. p. 220–222. Russian.
2. Strelets MV. Historical Germanic in the Soviet and post-Soviet Belarus: the contribution of the research body in the development of important scientific problems [cited 2018 March 23]. *Vestnik Nizhnevartovskogo GU*. 2014;2. Available from: <http://vestnik.nvsu.ru/arhiv/37/?st=383>. Russian.
3. Shuplyak PA. [CPG RPO and led the strike struggle of the working class in Germany in 1932 year]. In: Shneerson LM, Grigor'ev VS, editors. *Voprosy istorii: sbornik statei* [Questions of history: a collection of articles]. Minsk: BSU; 1974. p. 116–127. Russian.
4. Shuplyak PA. [The revolutionary trade union opposition and the struggle of the German working class against the offensive of the monopolies in 1930–1931]. In: Fricke D, Schneerson LM, editors. *Iz istorii germanskogo rabocheho dvizheniya i sovetko-germanskogo internatsional'nogo sotrudnichestva: sbornik statei* [From the history of the German workers' movement and Soviet-German international cooperation: collection of articles]. Minsk: BSU; 1975. Russian.
5. Shuplyak PA. [The situation and struggle of unemployed Germany during the world economic crisis of 1929–1932]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta im. V. I. Lenina* [Bulletin of Belarusian State University named from V. I. Lenin. Seria 3]. 1976;19–24. Russian.
6. Shuplyak PA. RGO und der Kampf der deutschen Arbeiterklasse in 1930–1931. *Wissenschaftliches Journal der Universität Jena. F. F. Schiller Jena*. 1976;6. German.
7. Shuplyak PA. [Book review: Lendorf S. How did it come to RPO? Frankfurt am Main (in German)]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta im. V. I. Lenina. Seriya 3* [Bulletin of Belarusian State University named from V. I. Lenin. Seria 3]. 1978;1. Russian.
8. Shuplyak PA. [Abstract on the book: Fricke D. Deutsche Arbeiterbewegung (1869–1914). Berlin (in German)]. *Obshchestvennye nauki za rubezhom* [Social Sciences Abroad]. 1978;1. Russian.
9. Shuplyak PA. [Extraordinary legislation of the government of H. Brüning in Germany and the position of Christian unions]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta im. V. I. Lenina. Seriya 3* [Bulletin of Belarusian State University named from V. I. Lenin. Seria 3]. 1979;2:23–27. Russian.
10. Shuplyak PA. [The state coup of July 20, 1932 in Prussia and the position of the German trade unions]. *Voprosy istorii* [Question of history]. 1979;6:62–72. Russian.
11. Shuplyak PA. [Presidential elections in 1932 in Germany and the position of trade unions]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta im. V. I. Lenina. Seriya 3* [Bulletin of Belarusian State University named from V. I. Lenin. Seria 3]. 1983;2:22–24. Russian.
12. Shuplyak PA. [German trade unions on the eve of the establishment of the fascist dictatorship in the country (December 1932–January 1933)]. *Voprosy istorii* [Question of history]. 1983;10:67–74. Russian.
13. Shuplyak PA. [The position of the German trade unions in the period of the Kuppov putsch] *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta im. V. I. Lenina. Seriya 3* [Bulletin of Belarusian State University named from V. I. Lenin. Seria 3]. 1986;3:27–30. Russian.
14. Shuplyak PA. [Problems of historical education in the universities of the Republic of Belarus]. In: Ivanchanka AL, editor. *Gistarychnaja navuka i gistarychnaja adukacyja w Rjespublicy Belarus' (novyja kancjepy i padyhody): tjezisy dakladaw i pavedamlennjaw Usebelaruskaj kanferjencyi gistorykaw; 3–5 ljutaga 1993 g.; Minsk, Belarus'* [Historical science and historical education in the Republic of Belarus (new concepts and approaches): Historical science and historical education in the Republic of Belarus (new concepts and approaches). Part 2: World history thesis of reports and communications all-Belarusian conference historians. 1993 February 3–5; Minsk, Belarus]. Minsk: BSU; 1993. p. 3–6. Belarusian.
15. Shuplyak PA. [Trade unions of Weimar Germany: political concepts and political struggle]. In: Kazakov YA, editor. *Gistarychnaja navuka w Beldzharzhuniversitjece na rubjazhy tysjachagoddzjaw. Matjeryjaly Rjespublikanskaj navukova-praktychnaj kanferjencyi, prysvechannaj 65-goddzju gistarychnaga fakul'tjeta BDU; 26 listapada 1999 g.; Minsk, Belarus'* [Historical science in the Belarusian State University at the turn of the Millennium. Proceedings of the republican sciences-praktical conference, pimple. 65th anniversary of the history faculty BSU. 1999 November 26; Minsk, Belarus]. Minsk: BSU; 2000. Russian.
16. Shuplyak PA. German Trade Unions and the Ruhr Crisis of 1923. In: Yanovskii AA, editor. *Vybranyja navukovyja pracy Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta. Tom 2. Gistoryja. Filalogija. Zhurnalistyka* [Selected scientific works of the Belarusian state University. Volume 2: History. Philology. Journalism]. Minsk: BSU; 2001. p. 185–193. Russian.
17. Shuplyak PA. [The role of trade unions in the implementation of the policy of passive resistance in Germany in 1923]. In: Kosmach VA, editor. *Materal'y XIV nauchnoi sessii prepodavatelei i studentov: sbornik dokladov* [Proceedings of XIV scientific session of teachers and students: a collection of papers]. Vitebsk: MITSO; 2011. p. 38–39. Russian.
18. Shuplyak PA. [Political positions and political activities of German trade unions in the period of the Weimar Republic]. In: Cherepanov VL, editor. *Veimarskaya Respublika: istoriya, istoriografiya, istochnikovedenie. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh tudov* [Weimar Republic: history, historiography, source studies: interuniversity collection of scientific papers]. Ivanovo: IvSU; 2011. p. 177–197. Russian.
19. Shuplyak PA. [The political activity of German trade unions during the post-war crisis (1919–1923)]. In: *Aktual'nye problemy istorii Novogo i Noveishego vremeni (k 100-letiyu professora L. M. Shneersona. Mezhdunarodnaya nauchno-teoreticheskaya konferentsiya; 25 fevralya 2011 g.; Minsk, Belarus'* [Actual problems of history of New and Modern time (to the 100th anniversary of professor L. M. Shneerson). International scientific-theoretic conference. 2011 February 25; Minsk, Belarus]. Minsk: RIVSH; 2012. p. 220–229. Russian.
20. Shuplyak PA. [German trade unions against Papin's government (June–November 1932)]. In: Tugai VV, Zhitko AP, Kosmach GA, Zabavskii NN, Liutyii AN et al., editors. *Evropa: aktual'nye problemy etnokul'tury. Materialy VII Mezhdunarodnoi*

nauchno-teoreticheskoi konferentsii; 21 yanvarya 2014 g.; Minsk, Belarus' [Europe: current issues of ethnoculture: materials of VII International scientific-theoretical conference. 2014 January 21; Minsk, Belarus]. Minsk: BSPU; 2014. p. 61–63. Russian.

21. Shuplyak PA. [Free-national trade unions in the socio-political structure of Weimar Germany]. In: Kosmach AV, head editor. *Germanskii i slavyanskii miry: vzaimovliyanie, konflikty, dialog kul'tur (istoriya, uroki, opyt, sovremennost')*. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii; 6–8 dekabrya 2001 g.; Vitebsk, Belarus' [Germanic and Slavic worlds: interaction, conflict, dialogue of cultures (history, lessons, experience, present): materials of International scientific-theoretical conference. 2001 December 6–8; Vitebsk, Belarus]. Vitebsk: Vitebsk State University; 2001. p. 106–108. Russian.

22. Shuplyak PA. [German trade unions during the formation of the Weimar Republic]. In: Korshuk UK, editor. *Pracy gistarychnaga fakul'tjeta BDU: navukovy zbornik. Vypusk 1* [Work of historical faculty of BSU: Sciences collection. Volume 1]. Minsk: BSU; 2006. p. 143–152. Belarusian.

23. Shuplyak PA. [Trade unions in the political system of the Weimar Republic in Germany]. In: Korshuk UK, editor. *Pracy gistarychnaga fakul'tjeta BDU: navukovy zbornik. Vypusk 5* [Work of historical faculty of BSU: Sciences. Collection. Volume 5]. Minsk: BSU; 2010. p. 237–254. Belarusian.

24. Shuplyak PA. [The position of the German trade unions in relation to the Versailles Peace Treaty]. In: Bogush VA, Danil'chenko AV, Romanyuk SI, Ganushchenko NN, Khodin SN et al., editors. *Pervaya mirovaya voyna v istoricheskikh sud'bach Evropy: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 18 oktyabrya 2014 g.; Vileika, Belarus'* [The first world war in the historical destiny of Europe: proceedings of the international scientific conference. 2014 October 18; Vileika, Belarus]. Minsk: Publishing house of BSU; 2014. p. 374–382. Russian.

25. Shuplyak PA. [German Trade Unions in the Conditions of the November Revolution]. In: Tugay VV, editor. *Evropa: aktual'nye problemy etnokul'tury: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii; 28 aprelya 2010 g.; Minsk, Belarus'* [Europe: current issues of ethnoculture: materials of III International scientific-theoretical conference. 2010 April 28; Minsk, Belarus]. Minsk: BSPU; 2010. p. 104–107. Russian.

26. Shuplyak PA. [The policy of German trade unions during the November Revolution]. In: Kosmach VA, Kostyreva SS, Starodynova SM, Goryaneva SM, Katashuk DV, et al., editors. *Aktual'nye problemy v izuchenii i prepodavanii obshchestvenno-gumanitarnykh nauk (distsiplin): materialy I Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 2–3 dekabrya 2010 g.; Vitebsk, Belarus'* [Actual problems in the study and teaching of social sciences and humanities (disciplines): materials of the I (First) International scientific conference. 2010 December 2–3; Vitebsk, Belarus]. Vitebsk: Mezhdunarodnyi institut trudovykh i sotsial'nykh ot-noshenii; 2010. p. 95–97. Russian.

27. Shuplyak PA. [Free trade unions and SPD: partnership and rivalry in the period of the Weimar Republic]. In: Kosmach VA, Kostyreva SS, Starodynova SM, Goryaneva SM, Katashuk DV, et al., editors. *Aktual'nye problemy v izuchenii i prepodavanii obshchestvenno-gumanitarnykh nauk (distsiplin): sbornik nauchnykh statei i materialov po itogam III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 30 noyabrya – 1 dekabrya 2012 g.; Vitebsk, Belarus'* [Actual problems in the study and teaching of social sciences and humanities (disciplines): a collection of articles and materials on the results of III (Third) international scientific conference. 2012 November 30 – December 1; Vitebsk, Belarus]. Vitebsk: MITSO; 2012. p. 157–160. Russian.

28. Shuplyak PA. [German trade unions as a factor of political life in the period of the Weimar Republic]. In: Wierzbienca W, redaktor. *Polska, Europa, swiat XX wieku*. Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego; 2005. Russian.

29. Shuplyak PA. German Social-Democracy in the development of the condition postkonservativnogo [cited 2018 March 23]. In: *XXI century: actual problems of historical science: Proceedings of the international and teach. conference*. Available from: <https://hist.bsu.by/nauka/konferentsii/187-2011-02-17-11-33-07/materialy-konferentsij/xxi-vek/584-german-skaya-sotsial-demokratiya-v-usloviyakh-postkonservativnogo-razvitiya.html>. Russian.

30. Shuplyak PA. [German Social Democracy in the 1998 elections (The concept of the «new center»)]. In: Korshuk UK, editor. *Pracy gistarychnaga fakul'tjeta BDU: navukovy zbornik. Vypusk 3* [Work of historical faculty of BSU: sciences collection. Volume 3]. Minsk: BSU; 2008. p. 108–111. Russian.

31. Shuplyak PA. [Reforms of G. Schroeder in the Federal Republic of Germany: Causes and Consequences]. In: Korshuk UK, editor. *Pracy gistarychnaga fakul'tjeta BDU: navukovy zbornik. Vypusk 4*. [Work of historical faculty of BSU: sciences collection. Volume 4]. Minsk: BSU; 2009. p. 147–155. Russian.

32. Shuplyak PA. [Features of the transformation of the approaches of the right and left parties of Western countries to the state regulation of socio-economic life in the late 1990s and early 2000s]. In: Koshelev VS, editor. *Obshchestvo, gosudarstvo i religii v sovremennom mire. Materialy kruglogo stola kafedry istorii novogo i noveishego vremeni BGU; 28 maya 2014 g.; Minsk, Belarus'* [Society, state and religion in the modern world: materials of the round table of the department of history of new and modern times of BSU. 2011 May 28; Minsk, Belarus]. Minsk: RIVSH; 2014. p. 6–14. Russian.

33. Shuplyak PA. [Traditionalist and modernist tendencies in the policy of Western European social democracy in the late XX – early XXI century]. In: Tugai VV, Zhitko AP, Kosmach GA, Zabavskii NM, Lyutyi AM et al., editors. *Evropa: aktual'nye problemy etnokul'tury: materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii; 22 dekabrya 2014 g.; Minsk, Belarus'*. [Europe: current issues of ethnoculture: materials of VIII International scientific-theoretical conference. 2014 December 22; Minsk, Belarus]. Minsk: BSPU; 2015. p. 90–92. Russian.

34. Shuplyak PA. [Social reforms of the governments of the «red-green» coalition in Germany] In: Kasovich AV, Shuplyak SP, Korzyuk AA, Velikii AF, editors. *Evropa: aktual'nye problemy etnokul'tury: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii; 10–11 noyabrya 2016; Minsk, Belarus* [Europe: current issues of ethnoculture: materials of IX International scientific-theoretical conference. 2016 November 10–11; Minsk, Belarus]. Minsk: RIVSH; 2016. p. 174–176. Russian.

Статья поступила в редколлегию 09.04.2018.
 Received by editorial board 09.04.2018.

УДК 94(470):930

СИМВОЛ РЕВОЛЮЦИИ: «ОБРАЗ КЕРЕНСКОГО» В ИССЛЕДОВАНИЯХ Б. И. КОЛОНИЦКОГО

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется оценка взаимовлияний фактов и символов в исследованиях Б. И. Колоницкого. Изучается символика как форма репрезентации власти, анализируется процесс превращения социальных, политических, идеологических, культурных мифов и симулякров в средство манипуляции общественным сознанием, а следовательно, в фактор конструирования реальности. Отмечается, что при взаимодействии с обществом власть использует политическую символику, стремится через политические символы добиться привлечения социума на свою сторону, продекларировать общность целей и задач, идентифицировать себя с выразителем общих чаяний и надежд, в том числе через властные персоналии, в результате представители властных структур становятся семиотическими знаками, с разной степенью достоверности, отражающими общность элитных и массовых стремлений, государственные политики превращаются, если им это удастся, в символы революции. Стремление к этому у революционной власти есть всегда, но далеко не всегда поставленную задачу удается реализовать, однако отмечается, что и в случае успешной реализации «символического проекта», и в случае его провала историк, изучая персональную символику, получает возможность глубже проанализировать многие составляющие революционного процесса. Символы особенно важны в переломные моменты истории, во время таких общественных потрясений и катаклизмов, как российская революция 1917 г.

Ключевые слова: революция; война; культ вождя; символ; репрезентация; А. Ф. Керенский; Б. И. Колоницкий.

СИМВАЛ РЭВАЛЮЦЫІ: «ВОБРАЗ КЕРАНСКАГА» Ў ДАСЛЕДАВАННЯХ Б. І. КАЛАНІЦКАГА

В. І. МЕНЬКОЎСКИ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Аналізуецца ацэнка ўзаемаўплыву фактаў і сімвалаў у даследаваннях Б. І. Каланіцкага. Вывучаецца сімволіка як форма рэпрэзентацыі ўлады. Аналізуецца працэс ператварэння сацыяльных, палітычных, ідэалагічных, культурных міфаў і сімулякраў у сродак маніпуляцыі грамадскай свядомасці і, адпаведна, у фактар канструявання рэальнасці. Адзначаецца, што пры ўзаемадзеянні з грамадствам улада выкарыстоўвае палітычную сімволіку, імкнецца праз палітычныя сімвалы дамагчыся прыцягнення соцыуму на свой бок, прадэклаваць агульнасць мэты і задач, ідэнтыфікаваць сябе з выразнікам агульных спадзяванняў, у тым ліку праз уладныя персаналіі. У выніку прадстаўнікі ўладных структур становяцца семіятычнымі знакамі, якія з рознай ступенню пэўнасці адлюстроўваюць агульнасць элітных і масавых імкненняў, дзяржаўныя палітыкі ператвараюцца, калі ім гэта ўдаецца, у сімвал рэвалюцыі. Імкненне да гэтага ў рэвалюцыйнай улады ёсць заўсёды, але далёка не заўсёды пастаўленую задачу атрымліваецца рэалізаваць, аднак адзначаецца, што і ў выпадку паспяховай рэалізацыі «симвалічнага праекта», і ў выпадку яго правалу гісторык, вывучаючы персанальную сімволіку, атрымлівае магчымасць глыбей прааналізаваць многія кампаненты рэвалюцыйнага працэсу. Сімвалы асабліва важныя ў пераломныя моманты гісторыі, падчас такіх грамадскіх узрушэнняў і катаклізмаў, як расійская рэвалюцыя 1917 г.

Ключавыя словы: рэвалюцыя; вайна; культ правадыра; сімвал; рэпрэзентацыя; А. Ф. Керанскі; Б. І. Каланіцкі.

Образец цитирования:

Меньковский В.И. Символ революции: «Образ Керенского» в исследованиях Б. И. Колоницкого. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2018;3:102–109.

For citation:

Menkouski V. I. Symbol of revolution: «The image of Kerensky» in the studies of B. I. Kolonitskii. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2018;3:102–109. Russian.

Автор:

Вячеслав Иванович Меньковский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета.

Author:

Viachaslau I. Menkouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history.
menkovski@bsu.by

SYMBOL OF REVOLUTION: «THE IMAGE OF KERENSKY» IN THE STUDIES OF B. I. KOLONITSKII

V. I. MENKOUSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyzes scrutiny of the mutual influences of facts and symbols in the studies of B. I. Kolonitskii evaluation of symbolism as a form of representation of power, examines of the process of transformation of social, political, ideological, cultural myths and simulacrum into a means of manipulating the public consciousness, and, consequently, in the factor of constructing reality. When interacting with the society, the government uses political symbols, strives to attract the society to its side through political symbols, declare the community of purpose and tasks, identify itself, including through power personalities, the spokesman of common aspirations and hopes. Representatives of power structures become semiotic signs, with varying degrees of reliability reflecting the commonality of elite and mass aspirations. State politicians are transformed, if they succeed, into symbols of the revolution. The revolutionary government always has the desire to achieve this, but it is not always possible to achieve the task set. However, in the case of the successful implementation of the «symbolic project», or in case of its failure, the historian, when studying personal symbols, gets an opportunity to analyze more deeply the many components of the revolutionary process. The author to the conclusion that symbols are especially important in the critical moments of history, during social upheavals and cataclysms. The Russian Revolution of 1917 unconditionally refers to such historical events.

Key words: revolution; war; cult of the leader; symbol; representation; A. F. Kerensky; B. I. Kolonitskii.

Каждое новое поколение должно писать новую историю революции. Классики читателю начала XXI века недостаточно, нужны новые слова, новые образы, новые темы.

Б. И. Колоницкий

Формирование символа

Сразу после фактического падения российской монархии в феврале 1917 г. (формально Россия была объявлена республикой только 1 сентября 1917 г.) начинается прославление новых политических лидеров, таких как П. Н. Милюков, князь Г. Е. Львов, М. В. Родзянко. Однако фигуры всех претендентов на роль вождя были быстро затемнены образом харизматичного «революционного министра» А. Ф. Керенского, ставшего олицетворением Февраля: «Свержение монархии и распространение антимонархических настроений привели не к радикальному преодолению авторитарно-патриархальной политической культуры, а к ее мутации» [1, с. 136]. Общество сохранило веру в вождя и готово было наделять его чрезвычайными полномочиями. Культ вождя возник в результате взаимодействия и взаимовлияния активности самого А. Ф. Керенского, пропагандистов его культа и массовой аудитории.

Для Б. И. Колоницкого¹ обращение к личности А. Ф. Керенского и «культу Керенского» – совершен-

но естественный шаг при исследовании российского революционного процесса. Статьи, посвященные образам А. Ф. Керенского, он начал публиковать в 1991 г. В одном из интервью Б. И. Колоницкий говорил о том, что пишет книгу, которая посвящена культу А. Ф. Керенского, но не отождествляет себя с Керенским или с его противниками, хотя и отмечает: «Иногда к нему (А. Ф. Керенскому. – В. М.) современники и историки относились несправедливо. Это не значит, что я его собираюсь выставить рыцарем на белом коне, которым он не был»².

Еще один фактор, заставивший Б. И. Колоницкого обратить внимание на «случай Керенского»³, связан с «внепартийностью» и «надпартийностью» политика, его стремлением играть общенациональную роль. Историк неоднократно говорил о неприемлемости «партийных интерпретаций» исторических событий. По оценке Б. И. Колоницкого, в России постоянно появляются либеральные, монархические, троцкистские, национал-комму-

¹Борис Иванович Колоницкий – доктор исторических наук; профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. Преподавал как приглашенный профессор в Иллинойском университете в Урбане-Шампейне, Принстонском университете, Йельском университете и университете Тарту. Член редакционных коллегий журналов *Kritika*, *Revolutionary Russia*.

²Бунтман Е. Борис Колоницкий: «Общей концепции революции не будет» [Электронный ресурс]. URL: <https://arzas.academy/materials/1257> (дата обращения: 07.02.2018).

³Представляется целесообразным в данной ситуации обратиться к методологии *Case study* (термин не имеет точного перевода на русский язык, наиболее адекватный синоним «метод конкретных ситуаций»). Употребляем в рамках настоящей статьи термин «случай Керенского» в контексте анализа данного феномена в современной русскоязычной историографии российской революции.

нистические, антикоммунистические интерпретации Февраля и Октября. При этом многие «партийные» истории необычайно похожи друг на друга. Нередко копируется известная «школьная» схема описания событий 1917 г., при этом меняются лишь оценки событий и их участников. В этих условиях даже профессиональных неангажированных исследователей упрекают в том, что они служат неким политическим силам⁴. Историческая полемика зачастую протекает как битва исторических партий – либеральных, анархистских, националистических, православных. Можно утверждать, что юбилей революции не прекратит эту полемику, общая концепция не возникнет. Но есть более весомая вещь: качество этой дискуссии важнее достижения консенсуса⁵.

В авторской концепции революции особая роль отводится политическим символам, связанным с архаизацией общественного сознания и апеллирующим не столько к разуму, сколько к эмоциям. Б. И. Колоницкий отмечает: «Сфера рационального в такие периоды сужается, размывается, возрастает роль чувственно-эмоционального восприятия. Актуализируются архаические пласты человеческого мышления, для которых символ власти и сама власть – тождественные реалии» [2, с. 12]. Определяя значимость символов в политической жизни, Б. И. Колоницкий выделяет следующие их функции:

- демонстративную – подтверждает факт политических изменений;
- мобилизации и легитимации – в условиях ослабления правовой системы делает легитимным насилие;
- компенсаторную – замещает реальные общественные и политические преобразования;
- коммуникативную – транслирует адаптированные идеологемы;
- идентификационную – указывает на принадлежность к единому социальному целому.

Особое место в сакрализации и символизации политической жизни приобретали персональные символы, т. е. образы лидеров, демократических (народных) вождей. В 2017 г. была опубликована монография Б. Н. Колоницкого «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» [3], актуализирую-

щая ряд вопросов истории российской революции 1917 г. и вызвавшая интерес как у специалистов, так и у более широкой аудитории. Монография логично продолжила ряд исследований автора, связанных с революционными и военными потрясениями как ключевыми моментами российской истории начала XX в.⁶ Объединяющая составляющая всех текстов автора связана с семиотикой революции, т. е. с изучением значимости символов и знаков в революционном процессе, важности взаимовлияния революционной практики и символики, необходимости конкуренции акторов революции при генерации символов и борьбе за их монополизацию.

Монография «Товарищ Керенский...», как отмечает ее автор, посвящена прежде всего политической культуре революции, книга не претендует на создание новой биографии А. Ф. Керенского. Это труд не о политическом лидере, а о его культе. Уточнение жизнеописания А. Ф. Керенского не является главной целью монографии [3, с. 15]. Выбор объекта исследования обусловлен тем авторитетом, которым первоначально обладала эта личность: «Керенский был самым известным политиком среди левых и самым левым из известных» [4, с. 269]. Однако собственно политическая позиция не объясняет феномена А. Ф. Керенского. Его влияние во властных структурах было прежде всего следствием огромной популярности политика в стране. А. Ф. Керенский полностью отождествлял себя с Февралем, и его позиция была созвучна эйфорическим, восторженным, праздничным настроениям масс начального этапа революции. И характер, и политическая позиция «министра народной правды» были близки политической культуре народа [1, с. 130].

Особую восторженную атмосферу в российской столице и провинции, упоение масс от лицемерия вождей и в первую очередь А. Ф. Керенского отмечают как свидетели и участники революционных событий, так и современные авторы. Так, Ч. Мьевиль пишет: «Когда Керенский приезжал на фронт, солдаты бросали ему цветы. Они носили сиявшего от восторга вождя на плечах. Когда он призывал их пожертвовать собой, они отвечали согласием. Когда он взывал к ним: “Еще одно, последнее уси-

⁴Однако отметим, что фраза из этой же статьи «Историк не должен бояться упреков в том, что он льет воду на мельницы коммунистов и националистов» вызвала у нас целый ряд вопросов, связанных с встраиванием в единый ряд коммунистов и националистов и его оценкой национальных компонентов революции 1917 г. (см.: Колоницкий Б. Февральская? Буржуазная? Демократическая? Революция [Электронный ресурс] // Неприкос. запас. 2002. № 2 (27). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/koloniz-pr.html> (дата обращения: 08.02.2018).

⁵Бунтман Е. Борис Колоницкий: «Общей концепции революции не будет»: интервью [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1257> (дата обращения: 07.02.2018).

⁶Figes O., Kolonitskii B. Interpreting the Russian Revolution: the Language and Symbols of 1917. New Haven; London : Yale Univ. Press, 1999; Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М. : Нов. литератур. обозрение, 2010; Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб. : Лики России, 2012; Колоницкий Б. И. #1917: семнадцать очерков по истории Российской революции. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2017; Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа». Март – июнь 1917 года. М. : Нов. литератур. обозрение, 2017.

лие – и наступит мир!» – они молились и плакали» [5, с. 167–168]. В. П. Федюк, в свою очередь, замечает: «У Керенского были те достоинства, которые помогли ему не только взлететь вверх, но и сравнительно долго удерживаться наверху. <...> Зритель поверил, что на сцене не артист, а Гамлет, или король Лир, или – вождь, который спасет страну в годину страшных испытаний» [6, с. 97–99].

Исследователь Л. Данилкин задавался вопросом: «Был ли это род массового идиотизма... или массы в самом деле отчаянно нуждались в “спасителе Петрограда”? <...> Люди 1917 года не были похожи на обычные версии себя самих» [7, с. 638–640]. В отношении А. Ф. Керенского «начинается настоящее помешательство, в него влюблены, кажется, все женщины отечества. Удивительно, как в стране без телевидения и радио меньше чем за месяц с момента отречения царя разносится слух о супергерое – молодом министре юстиции» [8, с. 687–688].

Отметим, что М. Зыгарь, из чьего текста приводится цитата выше, выражает благодарность за профессиональные советы при написании книги историкам, в том числе Б. И. Колоницкому. Анализируя процесс превращения оппозиционера в государственного деятеля революционной эпохи и ту роль, которую играла репрезентация его личной биографии, отметим, что А. Ф. Керенский и его сторонники разными способами напоминали людям о тех эпизодах, которые были пригодны для политического использования в 1917 г. Описание жизни, деятельности, страданий и подвигов революционного вождя стало одной из составляющих, превративших маргинальный культ «борцов за свободу» в официальный политический дискурс. Касаясь этой темы, Б. И. Колоницкий отмечает: «Дискуссии социалистов разного толка вокруг биографии Керенского, претендовавшего на роль вождя революции, в конечном счете способствовали утверждению политической субкультуры культуры подполья и, в частности, содействовали утверждению культа вождя, хотя одни признавали главу Временного правительства “истинным вождем”, а другие это отрицали» [4, с. 287].

Проявил себя А. Ф. Керенский как упорный, энергичный и жесткий политик, использовавший прессу, уговоры и угрозы, закулисное давление и публичные выступления. Когда в мае 1917 г. он занял пост военного и морского министра, была выработана особая риторика, в которой преобладало влияние революционной политической культуры, но ощущалась и имперская патриотическая, военная традиция. Образ «демократического министра» трансформировался в образ «вождя революционной армии» и, соответственно, милитаризовался.

А. Ф. Керенский облачился во френч и фуражку английского типа, в его приказах и публичных выступлениях стали звучать «железные ноты». Б. И. Колоницкий отмечает: «На фронте он появляется в гимнастерке и обмотках, но его повседневной формой стал элегантный френч (можно сказать, что Керенский стоял у истоков моды первых поколений советской номенклатуры – в 1920-е годы подобные френчи называли “вождевками”, а затем “сталинками”»)» [1, с. 131]. Такой стереотип, созданный А. Ф. Керенским, его сторонниками и временными союзниками, был востребован значительной частью общества, и именно в мае министр стал часто именоваться «вождь» [3, с. 382–383].

Следующий культовый шаг был сделан в июне, во время так называемого наступления Керенского, создавшему ему имидж не только самого популярного политического деятеля Февраля, но и олицетворения революции, ее символа. Популярные издания характеризовали министра как «Благородный символ благородной Февральской революции», «Солнце свободы России» [3, с. 477]. А. Ф. Керенский стал политическим символом новой России.

О том значении, которое социалистическая и революционная риторика и символика играли в пропагандистской подготовке наступления, свидетельствует и то, что ее стали использовать военачальники, пытавшиеся воодушевить свои войска. Будущий лидер белого движения генерал Лавр Корнилов с красным знаменем приветствовал военного министра Александра Керенского: «С красными знаменами в руках армия просит верить нам; если войска армии совершали подвиги и умирали, не зная за что, то ныне, когда мы деремся за счастье русского народа, армия пойдет вперед под этими красными знаменами революции и исполнит свой долг»⁷. Революционной риторикой были пропитаны и боевые приказы Л. Корнилова, которого сторонники прославляли как «революционного полководца». Именно такая репутация была важна для укрепления авторитета командующего в условиях революции.

Революционная политическая культура наделила вождя высшими моральными достоинствами и безграничной верой в его возможности. Б. И. Колоницкий подчеркивает, что опыт культурных форм прославления «вождя народа» весной – летом 1917 г. имел серьезное значение для последующей эпохи, потому что в ходе революции «под вопрос ставилась легитимность претензий кандидата на роль вождя, но не принципы легитимации через прославление вождя. <...> Сам принцип вождизма под вопрос не ставился» [3, с. 502].

⁷Колоницкий Б. Культурная гегемония социалистов в Российской революции 1917 года [Электронный ресурс] // Неприкосновен. запас. 2017. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2017/6/kulturnaya-gegemoniya-socialistov-v-rossijskoj-revoljucii-1917--pr.html> (дата обращения: 06.02.2018).

Ниспровержение символа

Эйфория первых месяцев революции уже к лету 1917 г. стала уступать место разочарованию от не реализованных надежд. Если в начале года столица и провинция были гиперполитизированы, то к осени общественные настроения стали совершенно иными. Продолжение войны, продовольственные затруднения, топливный кризис, нарастание преступности все в большей степени волновали городского обывателя, его интерес к политике угасал, люди целиком погружались в свои частные и семейные интересы [12, с. 102]. Б. И. Колоницкий в качестве индикатора общественных настроений приводит пример политической публицистики: «К осени 1917 года былой интерес к политическим брошюрам уступил место безразличию. Многие книжные магазины и склады были переполнены изданиями, которые никто не хотел покупать, и даже брошюры, распространявшиеся бесплатно, не были востребованы. Это было проявлением нарастания общей апатии, которая была важным аспектом политической ситуации кануна Октября» [9, с. 381].

Нарастающая деполитизация была своеобразным политическим ресурсом, который создавал условия для противников А. Ф. Керенского. Революция отдавалась на откуп радикалам, тем, кто хотел одномоментного решения накопившихся проблем и не готов был принимать во внимание объективную невозможность немедленного прорыва в «светлое будущее». Общество стало похоже на наркомана. Доза преобразований, полученных свобод, которая весной воспринималась как избыточное благо, уже к лету стала оцениваться как недостаточная. Хотелось новых инъекций, запас которых у власти не был бесконечным. Более того, власть стала ограничивать эту дозу, поскольку видела возможность возникновения опасных последствий. Свобода все стремительнее превращалась в анархию.

Сохранить курс на мирное развитие революции, обеспечить относительное общественное спокойствие и согласие стало практически невозможно. Политическая элита раскололась на сторонников установления диктатуры, которые не видели другого пути контроля над радикализирующейся массой, и сторонников углубления российской революции через ее маргинализацию и интернационализацию. Умеренные политики становились неудобными и для политических элит, и для масс.

Именно в таких условиях А. Ф. Керенский в июле 1917 г. возглавил правительство, и в этот период его популярность начала падать. Вождь не видел

возможности сохранить достижения Февраля без общественного консенсуса, он пытался искать компромиссы с «левыми» и «правыми», лавировать между ними, но тем самым только усиливал недовольство. Если в первой половине революционного года А. Ф. Керенский был символом надежды, то в новых условиях он стал символом разочарования. Трагедия политика заключалась в том, что, достигнув вершины государственной власти, он оказался чужим практически для всех реальных участников политического процесса.

В сохранении имиджа А. Ф. Керенского как «революционного вождя» элита больше не была заинтересована, а масса при российской авторитарно-патриархальной политической культуре всю вину в сложившейся ситуации возлагала только на вождя, вопрос о собственной ответственности за возникновение культа личности, о собственных заблуждениях, иллюзиях и ошибках не ставился [1, с. 137]. В «случае Керенского» повторился негативный опыт десакрализации монарха и монархии. По словам Б. И. Колоницкого, «мы встречаем буквально те же идеологические блоки. Прежде всего это миф о заговоре. Интернационалисты обвиняли Керенского в том, что он вместе с британскими и французскими империалистами готовит заговор против революции. Правые же утверждали, что германские агенты давно манипулируют революционным премьером, который уже фактически заключил перемирие с врагом, тайно сотрудничает с большевиками и т. п. Одновременно распространялись слухи о национальности и моральном облике революционного премьера: “еврей” Керенский, “сифилитик” и “наркоман”, устраивает оргии в Зимнем дворце» [10, с. 564].

Наиболее ярким проявлением десакрализации образа революционного вождя было возникновение всевозможных слухов. Б. И. Колоницкий выделяет три направления критики политического стиля Керенского: провинциальность, актерство и женственность. Образ А. Ф. Керенского всячески феминизировался. Молва утверждала, что А. Ф. Керенский спит на кровати императора. Образ министра, покоящегося на ложе царицы, оскорблял и сторонников монархии, и ее противников. Слух в дальнейшем трансформировался в образ А. Ф. Керенского, который спит на кровати императрицы, на белье императрицы, в белье императрицы. «Александр Федорович» трансформировался в новую «Александрю Федоровну»⁸. В октябре 1917 г., после захвата Зимнего дворца сторонниками большевиков, стал распространяться слух о том, что

⁸Колоницкий Б. Культурная гегемония социалистов в Российской революции 1917 года [Электронный ресурс] // Неприкосновен. запас. 2017. № 6. С. 98–99. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2017/6/kulturnaya-gegemoniya-socialistov-v-rossijskoj-revoljucii-1917--pr.html> (дата обращения: 06.02.2018).

глава Временного правительства А. Ф. Керенский бежал из Зимнего дворца, переодевшись в форму сестры милосердия.

О «силе и живучести» слухов можно судить по воспоминаниям Г. Боровика. Он брал интервью у А. Ф. Керенского в Нью-Йорке в 1966 г. Автор вспоминает, что реальный вождь «сильно отличался от того карикатурного Керенского, который был преподнесен советским людям коммунистической пропагандой. Все мы, например, были уверены, что, когда случилась Октябрьская революция, он бежал из Зимнего дворца в женском платье. Видимо, эта неправда жгла ему сердце и через 50 лет. Поэтому первое, что он сказал мне, было: “Господин Боровик, ну скажите там в Москве – есть же у вас умные люди! Ну не бежал я из Зимнего дворца в женском платье!”⁹ Можно с уверенностью предположить, что слух возник благодаря феминизации образа А. Ф. Керенского в период революции, однако в этом случае весьма сильно ощущается воздействие культурного контекста эпохи Первой мировой войны. Сестра милосердия для солдат-фронтовиков стала символом разврата, «тылового свинства». Наряду с «мародерами тыла» и штабными офицерами, отсиживающимися вдали от передовой, сестра милосердия стала олицетворением легкомысленного тыла, забывающего о нуждах окопников [11, с. 118, 125].

На примере феминизации образа лидера можно выделить общие черты российской политической культуры имперского, февральского и октябрьского этапов. Властная надстройка менялась чрезвычайно быстро, правительства возникали и исчезали буквально в течении месяцев, но культурный архетип сохранялся. Массовое сознание было не в состоянии успевать за политическими переменами, позитивные и негативные смыслы оставались закрепленными за определенными символами, менялись лишь носители этих символов. Как отмечает Б. И. Колоницкий, «борьба за революционные символы между политическими силами разного толка... шла сразу в нескольких направлениях. Во-первых, политические партии стремились представить лишь себя истинными носителями данных символов. Во-вторых, различные политические силы выстраивали различную иерархию одних и тех же символов... в-третьих, ведется борьба за “правильный перевод” символов. Различные силы

выдвигают на первый план какое-то определенное значение данного символа» [2, с. 302]. Те акторы, которые сумели использовать в своих интересах стабильный символический арсенал, получили политическое преимущество в революционном процессе. Февраль и Октябрь базировались на едином культурном фундаменте.

Следует подчеркнуть, что Б. И. Колоницкий оценивал события 1917 г. в качестве единого революционного процесса задолго до того как подобная точка зрения стала преобладающей в российской историографии. Еще в 2002 г. он писал, что «следует осторожно противопоставлять Февраль и Октябрь. <...> В глазах многих современников Октябрь наследовал и развивал язык и символику Февраля, и именно это делало для них режим большевиков легитимным»¹⁰.

Отвечая на вопрос журнала «Нева»: «Явилась ли Октябрьская революция результатом деятельности кучки экстремистов или результатом неотвратимых исторических процессов?» – Б. И. Колоницкий отметил, что на его взгляд вопрос сформулирован некорректно и следует говорить о российской революции 1917 г., в ходе которой события осени этого года представляли собой лишь один из этапов. Для 2007 г. подобная позиция была новаторской. Характерно, что редакция журнала организовала виртуальный круглый стол «накануне 90-летия Октября (Великого Октября, революции, переворота)», т. е. споры тогда велись только вокруг этой терминологии, а особое (отдельное) место Октября практически никем из российских исследователей не подвергалось сомнению¹¹.

В ходе обсуждения монографии «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа “вождя народа” на международном форуме историков, философов и публицистов «К 100-летию Великой российской революции 1917–1922 гг.: провинция в эпоху системных кризисов», проходившем в Ульяновске в декабре 2017 г., Б. И. Колоницкий определил, что революция была завершена в тот момент, когда власть восстановила монополию на насилие. Этот аспект историк подчеркивал и в ряде интервью: «Революция заканчивается тогда, когда на основе легитимации и посредством авторитета, вновь устанавливается монополия государства на использование насилия и законотворчество»¹².

⁹Осипов С. Александр Керенский: «Не бежал я из Зимнего дворца в женском платье!» [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. 2010. № 23. URL: http://www.aif.ru/society/history/aleksandr_kerenskiy_ne_bezhal_ya_iz_zimnego_dvorca_v_zhenskoy_plate# (дата обращения: 07.02.2018).

¹⁰Колоницкий Б. Февральская? Буржуазная? Демократическая? Революция [Электронный ресурс] // Неприкосновен. запас. 2002. № 2 (22). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/kolonic-pr.html> (дата обращения: 08.02.2018).

¹¹Травин Д., Миронов Б., Колоницкий Б. и др. Октябрь. 1917–2007 [Электронный ресурс] // Нева. 2007. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2007/11/ok-pr.html> (дата обращения: 10.02.2018).

¹²Колоницкий Б. И. С большой долей уверенности могу предсказать, что в этом году у нас будет очередная битва партийных версий истории [Электронный ресурс] // Истор. экспертиза. 2017. № 4. С. 175–183. URL: http://istorex.ru/page/kolonitskiy_bi_intervyu (дата обращения: 08.02.2018).

В октябре 1917 г. А. Ф. Керенский был насильственно отстранен от власти. Ему уже не суждено было вернуться в реальную политику. Однако очередное временное правительство (Совет народных комиссаров во главе с В. И. Лениным), подвергая самого А. Ф. Керенского уничижительной критике, использовало апробированные при его власти методы прославления лидера. Образ А. Ф. Керенского вновь становится символом, но теперь этот символ выполняет новую функцию: слабому и неудачливому политику противопоставлялись победители, сильные личности (В. И. Ленин и А. Д. Троцкий как «революционные мачо»). Как подчеркивает Б. И. Колоницкий, культ А. Ф. Керенского в 1917 г.

нельзя сопоставить как социально-политический институт с установившимися позднее культами В. И. Ленина, А. Д. Троцкого и тем более И. В. Сталина. Но многие культурные формы прославления «вождя народа», найденные в этот период, впоследствии были взяты на вооружение, переработаны и развиты большевиками [3, с. 500]. Постоктябрьскую ситуацию можно характеризовать тем, что новые лидеры использовали тот механизм символизации образа революционного вождя, который создавался при Керенском, во-первых, для окончательного разрушения культа Керенского и, во-вторых, для формирования собственных культов.

Библиографические ссылки

1. Колоницкий БИ. Керенский. В: Актон Э, Розенберг УГ, Черняев ВЮ. *Критический словарь Русской революции: 1914–1921*. Санкт-Петербург: Нестор-История; 2014. с. 128–138.
2. Колоницкий БИ. *Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года*. Санкт-Петербург: Лики России; 2012.
3. Колоницкий БИ. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). Москва: Новое литературное обозрение; 2017.
4. Колоницкий БИ. Легитимация через жизнеописания: Биография А. Ф. Керенского (1917 год). В: Обатнин ГВ, Песонен П, редакторы. *История и повествование*. Хельсинки, Москва: Новое литературное обозрение; 2006. с. 246–278.
5. Мьевиль Ч. *Октябрь*. Мовчан АБ, Федюшин В, Беляков Т, переводчики; Горинова Н, редактор. Москва: Издательство «Э»; 2017.
6. Федюк ВП. *Керенский*. Москва: Молодая гвардия; 2009.
7. Данилкин Л. *Ленин. Пантократор солнечных пылинок*. Москва: Молодая гвардия; 2017.
8. Зыгарь М. *Империя должна умереть. История русских революций в лицах. 1900–1917*. Москва: Альпина Паблишер; 2017.
9. Колоницкий БИ. Печать и революция. В: Актон Э, Розенберг УГ, Черняев ВЮ. *Критический словарь Русской революции: 1914–1921*. Санкт-Петербург: Нестор-История; 2014. с. 376–383.
10. Колоницкий БИ. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой Мировой войны. Москва: Новое литературное обозрение; 2010.
11. Колоницкий БИ. Образ сестры милосердия в российской культуре эпохи Первой мировой войны. В: Бруиш К, Катцер Н, редакторы. *Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох*. Москва: Новое литературное обозрение; 2014. с. 100–126.
12. Колоницкий БИ. Феминизация образа А. Ф. Керенского и политическая изоляция Временного правительства осенью 1917 года. «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии»: сборник докладов межвузовской научной конференции; 16 ноября 2012 г.; Санкт-Петербург, Россия. Санкт-Петербург: ЛЭТИ; 2012. с. 91–103.
13. Круглый стол. Десять оттенков красного. *Нева*. 2017;11:164–185.
14. Figes O, Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven; London: Yale University press; 1999.
15. Колоницкий БИ. #1917: Семнадцать очерков по истории Российской революции. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2017.

References

1. Kolonitskii BI. Kerensky. In: Akton E, Rozenberg UG, Chernyaev VY. *Critical dictionary of the Russian Revolution: 1914–1921*. Saint Petersburg: Nestor-Istoria; 2014. p. 128–138. Russian.
2. Kolonitskii BI. *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoi kul'tury rossii-skoj revolyutsii 1917 goda* [Symbols of power and the struggle for power: to study the political culture of the Russian revolution of 1917]. Saint Petersburg: Liki Rossii; 2012. Russian.
3. Kolonitskii BI. «*Tovarishch Kerenskii*»: *antimonarkhicheskaya revolyutsiya i formirovanie kul'ta «vozhdya naroda» (mart – iyun' 1917 goda)* [Comrade Kerensky: an anti-monarchist revolution and the formation of the cult of the «leader of the people» (March–June 1917)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2017. Russian.
4. Kolonitskii BI. Legitimatitsiya cherez zhizneopisaniya: Biografiya A. F. Kerenskogo (1917 god) [Legitimation through biographies: Biography of A. F. Kerensky (1917)]. In: Obatnin GV, Pesonen P, editors. *History and Narrative*. Helsinki, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2006. p. 246–278. Russian.
5. Mievillie Ch. *October: the story of the Russian Revolution*. London: Verso; 2017. Russian edition: M'evil' Ch. *Oktyabr'*. Movchan AB, Feduyushin V, Beliakov T, translates; Gorinova N, editor. Moscow: Publishing house «E»; 2017.
6. Feduyuk VP. *Kerensky*. Moscow: Molodaya gvardia; 2009. Russian.
7. Danilkin L. *Lenin. Pantokrator solnechnykh pylinok* [Lenin. Pantocrator of solar dust]. Moscow: Molodaya gvardia; 2017. Russian.

8. Zygar' M. *Imperiya dolzhna umeret'. Istoriya russkikh revolyutsii v litsakh. 1900–1917* [Empire must die. The history of Russian revolutions in the faces. 1900–1917]. Moscow: Molodaya gvardia; 2017. Russian.
9. Kolonitskii BI. Pechat' i revolyutsiya [The Print and the Revolution]. In: Acton E, Rosenberg HS, Chernyaev VY. *Critical dictionary of the Russian Revolution: 1914–1921*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya; 2014. p. 376–383. Russian.
10. Kolonitskii BI. «Tragicheskaya erotika»: obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi Mirovoi voiny [«Tragic eroticism»: images of the imperial family during the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2010. Russian.
11. Kolonitskii BI. Obraz sestry miloserdiya v rossiiskoi kul'ture epokhi Pervoi mirovoi voiny [The image of the sister of mercy in the Russian culture of the First World War]. In: Bruish K, Katzer N, editors. *Bol'shaya voina Rossii: Sotsial'nyi poryadok, publichnaya kommunikatsiya i nasilie na rubezhe tsarskoi i sovetskoi epokh* [The Great War of Russia: Social Order, Public Communication and Violence at the Turn of the Tsarist and Soviet Epoch]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014. p. 100–126. Russian.
12. Kolonitskii BI. Feminizatsiya obraza A. F. Kerenskogo i politicheskaya izolyatsiya Vremennogo pravitel'stva osen'yu 1917 goda [Feminization of the image of AF Kerensky and the political isolation of the Provisional Government in the fall of 1917]. In: «Russkaya revolyutsiya 1917 goda: problemy istorii i istoriografii»: sbornik do-kladov mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii; 16 noyabrya 2012; Sankt-Peterburg, Rossiya. Saint Petersburg: LETI; 2012. p. 91–103. Russian.
13. Kruglyi stol. Desyat' ottenkov krasnogo [Round table. Ten shades of red]. *Neva*. 2017;11:164–185. Russian.
14. Figs O, Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven; London: Yale University Press; 1999.
15. Kolonitskii BI. *#1917: Seventeen essays on the history of the Russian Revolution*. Saint Petersburg: Izdatelstvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; 2017. Russian.

Статья поступила в редколлегию 01.04.2018.
Received by editorial board 01.04.2018.

УДК 94(476)«653/654»:930.2«19/20»+94(476)(092)Лойка

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ ПЕРИОДА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПАВЛА ЛОЙКО (1958–2010)

В. А. ПОДОЛИНСКИЙ¹⁾, Е. Г. ДЕНИСОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется вклад П. О. Лойко в изучение истории Беларуси периода Средневековья и раннего Нового времени. Отмечено, что известный белорусский историк оставил после себя чрезвычайно богатое и разнообразное научное наследие, однако до сих пор его роль в развитии белорусской историографии не получила серьезного осмысления. Определены основные направления научных исследований П. О. Лойко: аграрная и политическая история, социальные отношения. Указано, что анализ историографического наследия П. О. Лойко важен для определения перспективных путей дальнейшего изучения социально-политической истории Беларуси XV–XVIII вв.

Ключевые слова: Павел Лойко; историография; Великое княжество Литовское; шляхта; крестьянство; социальные отношения; институты государственной власти.

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ ПЕРЫЯДУ СЯРЭДНЯВЕЧЧА І РАННЯГА НОВАГА ЧАСУ Ў ДАСЛЕДАВАННЯХ ПАЎЛА ЛОЙКІ (1958–2010)

У. А. ПАДАЛІНСКІ^{1*}, А. Р. ДЗЯНІСАВА^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Аналізуецца ўнёсак П. А. Лойкі ў вывучэнне гісторыі Беларусі перыяду Сярэднявечча і ранняга Новага часу. Адзначана, што вядомы беларускі гісторык пакінуў пасля сябе надзвычай багатую і разнастайную навуковую спадчыну, аднак да гэтага часу яго роля ў развіцці беларускай гістарыяграфіі не атрымала сур'ёзнага асэнсавання. Вызначаны асноўныя кірункі навуковых даследаванняў П. А. Лойкі: аграрная і палітычная гісторыя, сацыяльныя адносіны. Паказана, што аналіз гістарыяграфічнай спадчыны П. А. Лойкі важны для вызначэння перспектывных шляхоў далейшага вывучэння сацыяльна-палітычнай гісторыі Беларусі XV–XVIII стст.

Ключавыя словы: Павел Лойка; гістарыяграфія; Вялікае Княства Літоўскае; шляхта; сялянства; сацыяльныя адносіны; інстытуты дзяржаўнай улады.

Образец цитирования:

Падалінскі УА, Дзянісава АР. Гісторыя Беларусі перыяду Сярэднявечча і ранняга Новага часу ў даследаваннях Паўла Лойкі (1958–2010). *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2018;3:110–119.

For citation:

Padalinski UA, Dzianisava AR. History of Mediaeval and early modern Belarus in the research of Pavel Lojka (1958–2010). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;3:110–119. Belarusian.

Авторы:

Владимир Алексеевич Подолинский – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета.

Елена Григорьевна Денисова – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета.

Authors:

Uladzimir A. Padalinski, PhD (history), docent; head of the department of Belarus history of the Ancient time and the Middle Ages, faculty of history.

ulpadalinski1978@gmail.com

Alena R. Dzianisava, PhD (history), docent; associate professor at the department of Belarus history of the Ancient time and the Middle Ages, faculty of history.

e.g.denisova2012@gmail.com

HISTORY OF MEDIAEVAL AND EARLY MODERN BELARUS IN THE RESEARCH OF PAVEL LOJKA (1958–2010)

U. A. PADALINSKI^a, A. R. DZIANISAVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: U. A. Padalinski (ulpadalinski1978@gmail.com)

Pavel Lojka's contribution in the study of the history of Mediaeval and Early Modern Belarus is analyzed in the article. The well-known Belarusian historian left a highly rich and diverse scientific heritage. However, his role in the development of Belarusian historiography has not yet received a serious comprehension. Main directions of P. A. Lojka's scientific research are identified: agrarian and political history, social relations. An analysis of his historiographic heritage is important for determining promising ways of further studying the social and political Belarus history of the XV–XVIII centuries.

Key words: Pavel Lojka; historiography; the Grand Duchy of Lithuania; nobility; peasantry; social relations; government institutions.

У ліпені 2018 г. спаўняецца 60 гадоў з дня нараджэння таленавітага навукоўца, выдатнага выкладчыка і цудоўнага чалавека Паўла Алегавіча Лойкі. На вялікі жаль, восем гадоў таму яго жыццё так заўчасна спынілася. Гэта трагічная падзея стала баючым ударам не толькі для родных і блізкіх Паўла Алегавіча, але і для ўсёй беларускай гістарычнай навукі. Не будзе перабольшваннем сказаць, што П. А. Лойка пакінуў пасля сябе надзвычай багатую і разнастайную навуковую спадчыну, якая да гэтага часу яшчэ не атрымала свайго ўсебаковага асэнсавання. Яшчэ на мяжы ХХ–ХХІ стст. у шэрагу энцыклапедычных і даведачных выданняў публікавалася кароткая біяграфія даследчыка [1–4]. Пасля сыходу П. А. Лойкі з жыцця яго вучні і сябры прысвяцілі яму некалькі артыкулаў [5; 6]. Гісторык Уладзімір Сосна, блізкі сябар і калега П. А. Лойкі, зрабіў агляд яго работ, прысвечаных гісторыі беларускага сялянства і шляхты [7]. Аднак гэтага, відавочна, недастаткова для ацэнкі ўнёску выдатнага беларускага гісторыка ў вывучэнне айчынай мінуўшчыны. Адпаведна, у гэтым артыкуле мы ставім мэту разгледзець прафесійны шлях П. А. Лойкі і прааналізаваць галоўныя кірункі яго навуковых даследаванняў.

Павел Алегавіч Лойка нарадзіўся 12 ліпеня 1958 г. у г. Слоніме Гродзенскай вобласці. Яго бацька Алег Антонавіч, вядомы беларускі паэт, літаратуразнаўца, доктар філалагічных навук, і маці Лідзія Іванаўна выходзілі дзяцей у атмасферы любові і павагі да сваіх продкаў, Бацькаўшчыны, яе мінулага. Таму не дзіўна, што пасля заканчэння ў 1975 г. сярэдняй школы № 60 г. Мінска Павел Алегавіч паступіў на гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. У студэнцкія гады Павел Лойка свядома абраў для даследавання гісторыю Вялікага Княства Літоўскага, Рускага, Жамойцкага і пад кіраўніцтвам Валянціны Анатольеўны Цяпловой выконваў адпаведныя курсы і дыпломныя праекты. У 1980 г. ён атрымаў

дыплом з адзнакай аб вышэйшай адукацыі з кваліфікацыяй «Гісторык. Выкладчык гісторыі і грамадзнаўства» і працягнуў навучанне ў аспірантуры Інстытута гісторыі Акадэміі навук БССР. Пасля паспяховай абароны кандыдацкай дысертацыі ў 1984 г. П. А. Лойку была прысвоена вучоная ступень кандыдата гістарычных навук, а ў 2000 г. – вучонае званне дацэнта¹. З 1983 г. Павел Алегавіч працаваў у Інстытуце гісторыі Акадэміі навук БССР, дзе займаў пасады малодшага навуковага супрацоўніка, навуковага супрацоўніка, старшага навуковага супрацоўніка. На працягу 1990–2001 гг. П. А. Лойка ўзначальваў аддзел гісторыі Беларусі XIII–XVIII стст. Інстытута гісторыі НАН Беларусі. У 1994–2006 гг. быў загадчыкам кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, а затым дацэнтам названай кафедры².

Свой даследчы шлях П. А. Лойка распачаў з вывучэння беларускага сялянства. Дысертацыйнае даследаванне Паўла Алегавіча, прысвечанае феадальнай рэнце ў прыватнаўласніцкіх уладаннях Беларусі другой паловы XVI – XVIII ст., было створана пад навуковым кіраўніцтвам Васіля Іванавіча Мялешкі – аднаго з мэтраў беларускай школы сацыяльна-эканамічнай гісторыі. На аснове дысертацыі з'явілася манаграфія [8], у якой П. А. Лойка падрабязна разгледзеў фарміраванне сістэмы рэнтных адносін на беларускіх землях, вызначыў прычыны і дынаміку змен яе форм, памераў і структуры ў розныя гістарычныя перыяды, прычым з улікам рэгіянальных асаблівасцей. Упершыню ў гістарыяграфіі ставілася задача вывучыць эвалюцыю феадальнай рэнты ва ўладаннях дробнай і сярэдняй шляхты, якая складала абсалютную большасць землеўладальнікаў на землях Беларусі [8, с. 5–6]. Была зроблена выснова аб павелічэнні менавіта адрабочаных форм рэнты. Ужо ў гэтым даследаванні праявілася вялікая

¹Аддз. арх. работы, уліку і выкарыстання дак. БДУ. Ф. 205. Воп. 10. Спр. 1112. Асабістая справа Лойкі П. А. 1992–2010 гг. Арк. 9–10.

²Там жа. Арк. 1–2, 4–5, 7–8.

працаздольнасць Паўла Алегавіча, карпатлівасць у зборы дакументальных матэрыялаў, умение грунтоўна апрацоўваць і аналізаваць розныя віды крыніц. Такі падыход дазволіў навукоўцу сабраць багаты крыніцавы матэрыял, выкарыстаць статыстычны метад пры яго аналізе і зрабіць свае высновы пераканаўчымі і нагляднымі [7, с. 316–318; 8, с. 99–111]. Такім чынам, малады даследчык зрабіў важкі ўнёсак у вывучэнне гісторыі феадальных адносін, традыцыі якога ў 1970–80-я гг. былі ў Беларусі вельмі моцнымі. Напрацоўкі Паўла Алегавіча ляглі ў аснову першага тома спецыяльнага выдання, прысвечанага гісторыі беларускага сялянства ад старажытных часоў да сярэдзіны XIX ст. [9]. У дадзенай рабоце П. А. Лойка ў суаўтарстве з іншымі вядомымі даследчыкамі – В. Ф. Голубевым і У. А. Соснам – грунтоўна прааналізаваў асаблівасці развіцця феадальных павіннасцей у Беларусі як у часы Рэчы Паспалітай, так і пасля яе далучэння да Расійскай імперыі [7, с. 318; 9, с. 147–159, 193–216, 259–267, 301–309]. Асобная ўвага звярталася на промыслы і рамесныя заняткі сялян, асаблівасці іх наёмнай працы ва ўмовах разлажэння і крызісу феадальна-прыгонніцкай сістэмы [9, с. 310–321]. У цэлым на старонках выдання была прадстаўлена яскравая карціна гаспадарчай дзейнасці беларускага селяніна да пачатку буржуазнай мадэрнізацыі ў Расійскай імперыі. Сялянскую праблематыку П. А. Лойка закранаў і ў абагульняючых выданнях па айчынной гісторыі. У першай падобнай рабоце, напісанай у незалежнай Беларусі, даследчык падрабязна паказаў асаблівасці гаспадарчага жыцця простага землеўладальніка ў сярэдзіне XVII – XVIII ст., пастаянны рост павіннаснага цяжару, амаль безабароннае прававое становішча сялян [10, с. 243–252]. Разам з тым, у адрозненне ад традыцый савецкай гістарыяграфіі, у якой націск рабіўся выключна на жорсткай эксплуатацыі сялянства з боку феадалаў, П. А. Лойка абсалютна справядліва падкрэсліваў, што заможнасць землеўладальніка непасрэдна залежала ад заможнасці яго падданных [10, с. 244]. Такі падыход дазваляў вывучаць гісторыю беларускага сялянства куды больш усебакова і адэкватна. У самым новым на дадзены момант шматтомным навуковым выданні «Гісторыя Беларусі» П. А. Лойка ў суаўтарстве з В. Ф. Голубевым разгледзеў становішча сялян ва ўмовах пераадолення гаспадарчага крызісу сярэдзіны XVII – першай паловы XVIII ст., прычым як у дзяржаўных, так і ў прыватных ды царкоўных уладаннях [11, с. 126–137]. Пяру П. А. Лойкі таксама належаў падраздзел, прысвечаны феадальнай гаспадарцы на беларускіх землях Рэчы Паспалітай у другой палове XVIII ст. [11, с. 170–178]. Сярод іншага ў ім сцісла былі акрэслены новыя эканамічныя з’явы, што праявіліся ў Беларусі ў той час: развіццё мясцовай перапрацоўчай прамысловасці, усё большае

выкарыстанне наёмнай працы, ужыванне сучасных агра-тэхнічных прыёмаў, актывізацыя знешнегандлёвых сувязей.

Ужо ў пачатку навуковай дзейнасці П. А. Лойкі выявілася яшчэ адна характэрная рыса, якая вылучала яго як даследчыка. Павел Алегавіч заўсёды імкнуўся бачыць у гісторыі не толькі лічбы і даты, працэсы і з’явы, але і чалавека [5, с. 452]. Мабыць, таму яшчэ адным кірункам яго даследчай работы стала вывучэнне сацыяльных адносін на беларускіх землях у часы Рэчы Паспалітай. Працуючы з сялянскай праблематыкай, П. А. Лойка аб’ектыўна сутыкаўся з пытаннямі міжаслоўных канфліктаў. Яшчэ ў 1986 г. пабачыў свет невялікі артыкул, у якім даследчык на аснове архіўных матэрыялаў, выяўленых у рукапісным аддзеле Цэнтральнай бібліятэкі Акадэміі навук Літвы, паказаў канфлікт 1620-х гг. паміж сялянамі Горацкай воласці Аршанскага павета, што належала роду Сапегаў, і адміністрацыяй уладання [12]. У 1988 г. П. А. Лойка выступіў адным са складальнікаў першага ў айчынной гістарычнай навуцы зборніка дакументаў, цалкам прысвечанага тэме сацыяльна-палітычнай барацьбы насельніцтва Беларусі ў перыяд феадалізму [13]. Для гэтага выдання Павел Алегавіч перакладаў дакументы з польскай на рускую мову, а таксама сумесна з В. І. Мялешкам і З. Ю. Капыскім напісаў гістарычную частку прадмовы [13, с. 5–11, 14]. І хаця зборнік рыхтаваўся пад моцным ідэалагічным уплывам, ён тым не менш з’яўляецца важнай крыніцай (утрымлівае 167 дакументаў і іх фрагментаў) для вывучэння сацыяльных адносін на беларускіх землях у XIV–XVII стст. Павел Алегавіч разам са сваім былым навуковым кіраўніком В. І. Мялешкам спрычыніўся да даследавання і пашырэння ведаў пра адно з буйнейшых сялянскіх выступленняў у гісторыі Беларусі – Крычаўскае паўстанне 1740–1744 гг. У 1992 г. аўтары выдалі кнігу, у якой разгледзелі не толькі падзеі паўстання, але і жыццёвы шлях яго кіраўніка Васіля Вашчылы [14]. Гэта работа мела навукова-папулярны характар і была разлічана на масавага чытача, аднак напісана яна была на аснове сур’ёзнага аналізу архіўных матэрыялаў з Цэнтральнага дзяржаўнага гістарычнага архіва Украіны ў Кіеве [7, с. 318–319]. Асоба В. Вашчылы – *сапраўднага героя народнага* – паказана аўтарамі з улікам шырокага гістарычнага кантэксту жыцця беларускай вёскі XVII–XVIII стст. Розныя сялянскія выступленні другой паловы XVII – першай паловы XVIII ст., у тым ліку Крычаўскае паўстанне 1740–1744 гг. і паўстанне на Каменшчыне (Мазырскі павет) 1750-х гг., разглядаліся П. А. Лойкам і ў абагульняючых работах па гісторыі Беларусі [10, с. 254–259; 11, с. 137–148]. У 2009 г. даследчык апублікаваў артыкул, у якім закрануў праблему міжаслоўных адносін паміж шляхтай і сялянамі ў другой палове

ве XVI – першай палове XVII ст. [15]. На падставе вывучэння шматлікіх дакументальных матэрыялаў аўтар адмовіўся ад разгляду шляхецка-сялянскіх узаемадачынненняў як выключна канфрантацыйных і ацэньваў іх як шматузроўневыя [15, с. 73]. Даследчык паказаў розныя аспекты адносін паміж панами і падданымі, у тым ліку і супрацьпраўныя дзеянні з боку апошніх, падкрэсліў зацікаўленасць шляхты ў эканамічнай падтрымцы гаспадаркі сваіх сялян, прасачыў рысы тагачаснай сялянскай псіхалогіі. Асаблівы акцэнт быў зроблены на тым, што найбольш жорсткае стаўленне да сялян мелі не столькі іх непасрэдня ўладальнікі, колькі адміністратары або арандатары маёнткаў. Дададзім таксама, што П. А. Лойка не толькі распрацоўваў тэматыку сацыяльнага пратэсту беларускага сялянства, але і прысвяціў спецыяльны навуковы артыкул узаемаадносінам шляхецкага і мяшчанскага саслоўяў на землях Вялікага Княства Літоўскага ў другой палове XVI – першай палове XVII ст. [16]. Пры гэтым увага была нададзена як канфліктам паміж прадстаўнікамі гэтых двух саслоўяў, так і ўзаемадапаможным дачынненням шляхты і мяшчанства. Дадзеныя работы і на сёння з’яўляюцца важным падмуркам для далейшага даследавання сацыяльных канфліктаў у гісторыі Беларусі перыяду ранняга Новага часу.

Даследаванне сацыяльнай гісторыі непасрэдна паўплывала на тое, што ў кола навуковых інтарэсаў Паўла Алегавіча ўвайшлі і пытанні канфесійнай гісторыі Беларусі. Ён і М. В. Біч сталі рэдактарамі першага ў айчынай гістарыяграфіі навуковага зборніка аб Берасцейскай царкоўнай уніі 1596 г. [17]. Сярод аўтараў 11 артыкулаў кнігі былі вядомыя беларускія гісторыкі, філолагі і філосафы: С. Марозава, Т. Казакова, Ю. Бохан, У. Конан, Л. Иванова і інш. У выданні разгледжаны праблемы ўніяцкай царквы ад узнікнення ідэі саюза праваслаўя з каталіцтвам да рэалізацыі планаў уніі і яе скасавання. Як адзначалася ў прадмове, аўтараў кнігі аб’ядноўвала разуменне, з аднаго боку, неардыннасці, унікальнасці такой з’явы, як унія, і, з другога боку, яе складанасці, супярэчлівасці [17, с. 3]. Павел Алегавіч лічыў, што гвалтоўнае навяязванне уніі ў канцы XVI – пачатку XVII ст. прывяло да раз’яднання грамадства. Разам з тым, калі да канца XVIII ст. большасць насельніцтва Беларусі вядома ўніяцтва, гэта царква спрыяла захаванню моўна-культурнай традыцыі беларусаў і ў пэўнай ступені стала бар’ерам супраць іх апалачвання. Важнымі якасцямі аўтарскага падыходу да распрацоўкі акрэсленай праблемы былі імкненне да ўзважанасці, аб’ектыўнасці, доказнасці, уліку разнастайных крыніц, пераадолення канфесійнай зааддзенасці расійска-савецкай і польскай гістарыяграфіі і вялікая павага да мінулага свайго народа [17, с. 3]. У адным са сваіх пазнейшых артыкулаў

П. А. Лойка пісаў пра талерантнае стаўленне шляхты беларускіх зямель Рэчы Паспалітай да кожнага веравызнання, яе імкненне не дапускаць у дзяржаве распальвання супрацьстаяння і варожасці ў рэлігійнай сферы [18]. Вывучэнне матэрыялаў павятовых соймаў апошняй трэці XVI – першай трэці XVII ст. прывяло аўтара да высновы пра тое, што пазіцыя шляхты Вялікага Княства Літоўскага ў пытаннях царкоўна-рэлігійных адносін была разважлівай і адпавядала гістарычнай рэчаіснасці [18, с. 105].

Вывучэнне сацыяльна-эканамічнай праблематыкі і асабліва сацыяльных адносін, безумоўна, падводзіла П. А. Лойку да пытання пра ролю вышэйшага саслоўя ВКЛ – шляхты – у беларускай гісторыі, а значыць і да праблематыкі грамадска-палітычнай. Аднак у савецкі час па ідэалагічных прычынах Вялікае Княства Літоўскае і тым больш Рэч Паспалітая абвешчаліся чужымі для беларусаў, а даследаванне навукоўцамі БССР палітычнай гісторыі гэтых дзяржаў было значна абмежавана і фактычна зведзена да мінімуму. Не магло быць і гаворкі пра сур’ёзнае вывучэнне ў савецкай Беларусі шляхецкага стану, які быў «эксплуататарам народных мас» і трактаваўся выключна негатыўна. Да таго ж у ВКЛ і Рэчы Паспалітай феадалы маглі быць толькі «літоўскімі» або «польскімі», але ні ў якім разе не «беларускімі» (заўважым, праўда, што некаторыя айчыныя гісторыкі нават у той час спрабавалі выйсці за межы такой спрошчанай схемы (гл., напрыклад, [19]). Аднак працэсы дэмакратызацыі грамадскага жыцця СССР, якія распачаліся ў другой палове 1980-х гг., сутнасна паўплывалі і на развіццё гістарычнай навукі ў Беларусі. Рэзка ўзрасла цікавасць да мінуўшчыны беларускага народа, асабліва да дзяржаўна-палітычнай гісторыі нашых зямель. І адным з першых айчынных даследчыкаў, хто пачаў вывучаць палітычную гісторыю ВКЛ і Рэчы Паспалітай з беларускай перспектывы, быў менавіта Павел Алегавіч Лойка.

Да 500-годдзя з дня нараджэння Францыска Скарыны Акадэмія навук БССР падрыхтавала навуковае выданне, мэтаю якога было грунтоўнае адлюстраванне культурна-гістарычных умоў, у якіх жыў і дзейнічаў вялікі беларускі першадрукар і асветнік [20, с. 5]. Работа ўтрымлівала аб’ёмны раздзел «Беларусь у канцы XV – сярэдзіне XVI ст.», напісаны В. І. Мялешкам, З. Ю. Капыскім і П. А. Лойкам. Менавіта ў ім Павел Алегавіч, напэўна ўпершыню, звярнуўся да ключавых пытанняў палітычнай гісторыі Беларусі XIII–XVI стст.: утварэння Вялікага Княства Літоўскага і ролі «рускіх» княстваў у гэтым працэсе, сацыяльна-прававага становішча беларускіх зямель у складзе ВКЛ, афармлення саслоўных правоў феадалаў каталіцкага і праваслаўнага веравызнання, станаў-

лення органаў дзяржаўнай улады (паноў-рады і вальнага сойма), развіцця мясцовага кіравання і самакіравання, рэлігійнай палітыкі вялікіх князёў літоўскіх [20, с. 39–66]. Пасля атрымання ў 1991 г. Рэспублікай Беларусь суверэнітэту П. А. Лойка стаў вядучым беларускім спецыялістам у галіне палітычнай гісторыі ВКЛ і Рэчы Паспалітай. Ужо ў 1992 г. ён пісаў пра «магутны славянскі зачын Вялікага Княства... які прадвызначыў беларускі змест... гэтай дзяржавы» [21, с. 76]. Павел Алегавіч актыўна ўдзельнічаў у напісанні «Нарысаў гісторыі Беларусі» – першай у незалежнай Беларусі аб'гульняючай работы па айчыннай гісторыі. Для гэтага выдання П. А. Лойка напісаў падраздзелы «Палітычныя адносіны ў Вялікім Княстве Літоўскім» і «Палітычнае становішча. Канец Рэчы Паспалітай» (у суаўтарстве з У. П. Емяльянчыкам), якія ахоплівалі перыяд з сярэдзіны XIII да канца XVIII ст. [10, с. 114–140, 228–243]. Магчыма, гэта работа не была пазбаўлена рамантызму нацыянальна-дзяржаўнага адраджэння пачатку 1990-х гг., але, на нашу думку, яна не страціла сваёй навуковай і вучэбнай актуальнасці і цяпер. На старонках выдання Вялікае Княства Літоўскае, Рускае, Жамойцкае называлася «Беларуска-Літоўскім гаспадарствам» [10, с. 116, 126], а значыць, айчынная навука трывала вярталася да вывучэння гістарычнай спадчыны гэтай дзяржавы. Акрамя таго, пераканаўча, па-навуковаму абгрунтавана даводзілася вельмі важная і прынцыповая думка пра тое, што і ВКЛ, і Рэч Паспалітая, якая акрэслівалася як федэрацыя, з'яўляліся гістарычнымі этапамі беларускай дзяржаўнасці [10, с. 132, 135, 138, 231]. Паступова вяртаўся з забыцця і ўласны палітычны народ – шляхта. Вынікі сваіх далейшых навуковых пошукаў П. А. Лойка выклаў у шматтомным аб'гульняючым выданні па гісторыі Беларусі [22]. Даследчык разгледзеў сістэму кіравання і прававы статус беларускіх зямель у складзе ВКЛ, унутраную палітыку вялікіх князёў літоўскіх, органы мясцовага самакіравання і саслоўнага прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага да заключэння Люблінскай уніі 1569 г. [22, с. 168–183, 380–387] Падкрэслівалася, што афармленне ў другой палове XVI ст. агульнадзяржаўнага вальнага сойма як вышэйшага ўладнага інстытута, які абмяжоўваў уладу вялікага князя, надавала палітычнаму ладу Вялікага Княства Літоўскага рысы саслоўнай манархіі [22, с. 387].

Важным дасягненнем Паўла Алегавіча ў галіне вывучэння палітычнай гісторыі Беларусі стала выданне навуковай манаграфіі [23], напісанай на падставе матэрыялаў доктарскай дысертацыі, якую ён рыхтаваў, але, на вялікі жаль, так і не паспеў абараніць. У манаграфіі гісторык выказаў свой погляд на працэс прававога афармлення шляхецкага саслоўя ВКЛ у XIV–XVI стст., яго сацыяльны, ма-

ёмасны і этнаканфесійны склад, ролю сярэдняй і дробнай шляхты ў дзяржаўным жыцці [7, с. 321; 23, с. 8–27]. Была разгледжана ступень сацыяльнай актыўнасці шляхты беларускіх зямель у кантэксце развіцця парламенцкай сістэмы ВКЛ у другой палове XVI – пачатку XVII ст. Асноўная ўвага ў манаграфіі надавалася вывучэнню пазіцыі павятовага шляхецтва па шырокім коле пытанняў унутранай і знешняй палітыкі ВКЛ і Рэчы Паспалітай [7, с. 321–322; 23, с. 31–80]. На думку аўтара, на сацыяльную актыўнасць шляхты ВКЛ уплывалі тры галоўныя фактары: эканамічнае развіццё таго ці іншага рэгіёна, унутрыпалітычная і знешнепалітычная сітуацыя [23, с. 34]. Павел Алегавіч таксама зрабіў спробу выявіць сістэму каштоўнасцей, характэрную для грамадска-палітычнай свядомасці шляхты беларускіх зямель у той гістарычны перыяд [7, с. 322; 23, с. 86–93]. У прыватнасці, быў праведзены семантычны аналіз паняцця «Айчына» ва ўспрыманні шляхты беларускіх зямель канца XVI – першай трэці XVII ст. [23, с. 87–88]. Дадзенае даследаванне грунтавалася на аналізе вялікай колькасці архіўных матэрыялаў, пераважна з Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве, звязаных перадусім з працай павятовых соймаў. Шмат якія з гэтых дакументаў уводзіліся ў навуковы зварот упершыню. Манаграфія П. А. Лойкі стала ў пэўнай ступені этапнай з'явай у айчыннай гістарыяграфіі Вялікага Княства Літоўскага. З аднаго боку, яна падсумавала вынікі папярэдніх напрацовак беларускіх даследчыкаў па гісторыі шляхецкага саслоўя. З другога боку, у ёй былі акрэслены важнейшыя кірункі далейшага вывучэння палітычнай пазіцыі шляхты па разнастайных пытаннях грамадскага жыцця ВКЛ і Рэчы Паспалітай.

Некаторыя палажэнні, выказаныя ў згаданай манаграфіі, даследчык пазней развіў у шэрагу артыкулаў [24–28]. Асобны матэрыял быў прысвечаны ўзаемаадносінам ВКЛ і Польшчы ў складзе Рэчы Паспалітай на мяжы XVI і XVII стст. [29]. Побач з разглядам канфліктаў, якія час ад часу ўзнікалі паміж імі (напрыклад, па пытаннях прыналежнасці ўкраінскіх зямель і Падляшша або забароны палякам займаць дзяржаўныя пасады ў ВКЛ), былі зроблены важныя назіранні аб характары суіснавання двух суб'ектаў федэрацыі. Так, П. А. Лойка сцвярджаў, што захады велікакняжацкай шляхты па карэкціроўцы ўмоў Люблінскага акта 1569 г. і ўмацаванні свайго становішча ў Рэчы Паспалітай нельга лічыць сепаратызмам, паколькі супраць самой уніі шляхта не выступала. Наадварот, у пачатку XVII ст. толькі ўзмацніліся працэсы інтэграцыі Вялікага Княства Літоўскага і Кароны Польскай [29, с. 84, 90–91]. Цікавасць таксама выклікае артыкул, у якім П. А. Лойка аналізаваў погляды славутага дзеяча ВКЛ Льва Сапегі на прынцыпы функцынавання дзяржаўнай улады ў Рэчы Паспалітай [30].

У рабоце была закранута куды больш шырокая праблематыка, а менавіта палітычныя ідэалы шляхты Вялікага Княства Літоўскага: захаванне грамадзянскай згоды і міру ўнутры краіны, строгае выкананне законаў усімі органамі дзяржаўнай улады. Погляды ўласна «вялікага дзяржаўніка» адлюстроўваліся на аснове цікавага архіўнага дакумента, знойдзенага ў Варшаве, які П. А. Лойка называў палемічным творам, а яго аўтарства прыпісваў якраз Л. Сапегу [30, с. 11–12]. Аднак варта ўдакладніць, што гэты дакумент па форме і змесце з'яўляецца каралеўскай інструкцыяй на павятовыя соймікі ВКЛ перад вальным соймам Рэчы Паспалітай 1590–1591 гг.³ І ў ім у першую чаргу выказана пазіцыя каралеўскага двара па найбольш актуальных на той момант пытаннях унутранай і знешняй палітыкі дзяржавы. Пад інструкцыяй, напісанай ад імя караля польскага і вялікага князя літоўскага Жыгімонта Вазы, сапраўды стаіць подпіс канцлера ВКЛ Л. Сапегі, што можа сведчыць пра яго непасрэдны ўдзел у канчатковым рэдагаванні тэксту (не выключана, што і ў складанні дакумента). Цяжка меркаваць, наколькі там былі адлюстраваны асабістыя погляды Льва Сапегі, а ў якой ступені выказаны агульныя настроі ў асяроддзі ўладнай эліты Рэчы Паспалітай. Тым не менш гэты дакумент, які, па сутнасці, быў зваротам да ўсяго шляхецкага стану Вялікага Княства Літоўскага, з'яўляецца насамрэч вельмі каштоўным помнікам грамадскай думкі Беларусі і Літвы канца XVI ст. Выказаныя ў ім думкі яскрава паказваюць сістэму каштоўнасцей і грамадска-палітычную свядомасць шляхты ВКЛ, яе патрэбы і настроі, адлюстроўваюць стаўленне да ўладных інстытутаў і палітычных падзей, ментальныя ўяўленні і гістарычную памяць.

Вынікі навукова-даследчай працы Паўла Алегавіча непасрэдным чынам уплывалі на яго выкладчыцкую дзейнасць. У 1994 г. П. А. Лойка ўзначаліў кафедру гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта БДУ. Працуючы на кафедры, Павел Алегавіч распрацаваў і выкладаў лекцыйны курс «Гісторыя Беларусі ад старажытных часоў да сярэдзіны XV ст.». Яго навуковыя напрацоўкі непасрэдна выкарыстоўваліся пры падрыхтоўцы спецыяльных курсаў «Уплыў войнаў і сацыяльна-палітычных канфліктаў на этнаканфесійнае развіццё беларусаў у XIV–XVIII стст.», «Знешняя палітыка Вялікага Княства Літоўскага сярэдзіны XIII – першай паловы XV ст.», «Саслоўная структура беларускага грамадства XVI – першай паловы XVII ст.»⁴. Таксама П. А. Лойка праявіў сябе як выдатны кіраўнік навуковых работ студэнтаў і аспірантаў. Яго рысай была павага да даследчых

зацікаўленасцей сваіх вучняў. Ён ніколі не навязваў уласны пункт гледжання на выбар тэмы даследавання, інтэрпрэтацыю тых ці іншых падзей або аўтарскія высновы, але заўсёды быў гатовы дапамагчы ў пошуку крыніц і спецыяльнай літаратуры, адкрыта дзяліўся вынікамі сваёй работы ў замежных архівах, трапна і далікатна ўказваў вучням на недахопы ў іх тэкстах. За гады свайго жыцця П. А. Лойка падрыхтаваў дзесяць кандыдатаў гістарычных навук [6, с. 38–39; 7, с. 323]. Дысертацыйныя даследаванні вучняў Паўла Алегавіча былі прысвечаны разнастайным аспектам мінулага Беларусі XIII–XVIII стст.: палітычнай гісторыі (Г. Прыбытка [31], У. Падалінскі [32], В. Цішчанка [33], М. Шніп [34]), развіццю асобных рэгіёнаў ВКЛ (Г. Ластоўскі [35], В. Варонін [36]), духоўнаму жыццю (А. Самусік [37], А. Скеп'ян [38]), некаторым катэгорыям сялянства (А. Доўнар [39]) і крыніцазнаўству (В. Галубовіч [40]). Заўважым таксама, што пад навуковым кіраўніцтвам П. А. Лойкі пачынала працаваць над кандыдацкай дысертацыяй, прысвечанай месцу Вялікага Княства Літоўскага ў знешняй палітыцы Рэчы Паспалітай пачатку XVII ст., А. Дземідовіч, але абараняла сваю работу яна ўжо пасля сыходу з жыцця Паўла Алегавіча [41].

Пэўнай данінай памяці вучняў свайму Настаўніку стала выданне ў 2013 г. зборніка навуковых артыкулаў, у якім былі адлюстраваны розныя пытанні беларускай гісторыі перыяду Сярэднявечча і ранняга Новага часу [42]. За сваю шматгадовую плённую навуковую і педагогічную дзейнасць П. А. Лойка быў узнагароджаны Ганаровай граматай Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь і Ганаровай граматай Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта⁵. Аднак самай галоўнай узнагародай для Паўла Алегавіча была павага студэнтаў і прызнанне калег. Вакол яго склалася выдатнае кола выкладчыкаў, навукоўцаў, аднадумцаў, сяброў, сярод якіх былі В. Ф. Голубеў, Ю. Л. Казакоў, У. А. Сосна, У. П. Емяльянчык, Л. А. Жылуновіч, А. Л. Абецэдарская і інш.

Такім чынам, можна вызначыць найважнейшыя сферы навуковых пошукаў П. А. Лойкі. Па-першае, ён праявіў сябе выдатным даследчыкам аграрнай гісторыі, яскрава паказаўшы няпростое жыццё беларускага сялянна-феадальнай эпохі. Па-другое, яго даследаванні ў галіне міжсаслоўных адносін і сацыяльных канфліктаў з'яўляюцца важным грунтам для далейшага вывучэння сацыякультурных працэсаў на беларускіх землях у XVI–XVIII стст. Па-трэцяе, П. А. Лойка быў адным з першых прадстаўнікоў сучаснай айчынай гістарычнай навукі, хто сур'ёзна пачаў даследаваць палітычную

³ Arch. Głównie Akt Daw. w Warszawie. Arch. Radziwiłłów. Dział II. Sygn. 239. S. 1–20.

⁴ АДДЗ. арх. работы, уліку і выкарыстання дак. БДУ. Ф. 205. Воп. 10. Спр. 1112. Асабістая справа Лойкі П. А. 1992–2010 гг. Арк. 59.

⁵ Там жа. Арк. 82, 90.

гісторыю Вялікага Княства Літоўскага, Рускага, Жамойцкага, у прыватнасці яго палітычнага народа – шляхты. Стараннасць у апрацоўцы гістарычных крыніц і грунтоўнасць у аналізе сабраных звестак робяць навуковыя даследаванні Паўла Алегавіча Лойкі па гісторыі Беларусі перыяду Сярэднявечча і ранняга Новага часу па-ранейшаму запатрабаванымі і актуальнымі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Лойка Павел Алегавіч. У: Пашкоў ГП, рэдактар. *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі*. Мінск: БелЭн; 1997. с. 392. (1993–2003 гг.; Т. 4).
2. Лойка Павел Алегавіч. У: Пашкоў ГП, рэдактар. *Вялікае княства Літоўскае* [энцыклапедыя]. Мінск: БелЭн; 2006. с. 217. (2005–2006 гг.; Т. 2).
3. Корзенко ГВ. Лойка Павел Алегавіч. *Историки Беларуси в начале XXI столетия* [биобиблиографический справочник]. Минск: Белорусская наука; 2007. с. 227–228.
4. Лойко Павел Олегович. В: Корзенко ГВ, Смольянинов ММ, Зенькович ЮВ, Гурьянова ИВ, Коваленя АА, Данилович ВВ и др., редакторы. *Институт истории Национальной Академии наук Беларуси в лицах (1929–2008 гг.)* [биобиблиографический справочник]. Минск: Белорусская наука; 2008. с. 236.
5. Варонін ВА. Павел Лойка (12.07.1958–22.10.2010). *Беларускі гістарычны агляд*. 2010;17(1–2):451–454.
6. Голубеў ВФ. Памяці сябра, Паўла Алегавіча Лойкі. *Беларускі гістарычны часопіс*. 2011;9:37–41.
7. Сосна УА. Беларускія сяляне і шляхта ў даследаваннях Паўла Лойкі. *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы* [научный сборник]. Вып. 3. Мінск: РИВШ; 2010. С. 315–324.
8. Лойка ПА. *Прыватнаўласніцкія сяляне Беларусі: эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI–XVIII ст.* Мінск: Навука і тэхніка; 1991.
9. Мялешка ВІ, Анішчанка ЯН, Галенчанка ГЯ, Голубеў ВФ, Груца ІА, Загарульскі ЭМ і інш. *Гісторыя сялянства Беларусі. Т. 1. Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г.* Мінск: Беларуская навука; 1997.
10. Касцюк МП, Ісаенка УФ, Штыхаў ГВ, Каробушкіна ТМ, Лойка ПА, Капыскі ЗЮ і інш. *Нарысы гісторыі Беларусі*. Мінск: Беларусь; 1994. (1994–1995 гг.; Ч. 1).
11. Касцюк МП, рэдактар. *Гісторыя Беларусі. Т. 3. Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.)*. Мінск: Экаперспектыва; 2004.
12. Лойка ПА. «Ускаржаемся Вашым Милостям». *Помнікі гісторыі і культуры Беларусі*. 1986;3:13–14.
13. Мелешко ВІ, рэдактар. *Социально-политическая борьба народных масс Белоруссии: конец XIV в. – 1648 г.* [сборник документов и материалов]. Минск: Наука и техника; 1988.
14. Мелешко В., Лойка П. І ўзняўся люд просты: да 300-годдзя з дня нараджэння Васіля Вашчылы – кіраўніка Крычаўскага паўстання 1740–1744 гг. Мінск: Беларусь; 1992.
15. Лойка ПА. Шляхецка-сялянскія міжаслоўныя адносіны на беларускіх землях у другой палове XVI – першай палове XVII ст. В: Сальков АП, Янковский ОА, Меньковский ВІ, Голенченко ГЯ, Забавский НМ, Лазько ГТ і др., редакторы. *Российские и славянские исследования* [научный сборник]. Вып. 4. Минск: БГУ; 2009. с. 67–74.
16. Лойка ПА. Узаемадачыненні шляхецкага і мяшчанскага саслоўяў на беларускіх землях у другой палове XVI – першай палове XVII ст. *Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права*. 2009;3:3–8.
17. Біч МВ, Лойка ПА, рэдактары. *3 гісторыі ўніяцтва ў Беларусі (да 400-годдзя Брэсцкай уніі)*. Мінск: НКФ «Экаперспектыва»; 1996.
18. Лойка ПА. Пазіцыя шляхты беларускіх зямель Рэчы Паспалітай у царкоўна-рэлігійных канфліктах апошняй трэці XVI – першай трэці XVII ст. В: *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки* [сборник научных статей]. Ч. 1, вып. 10. Минск: РИВШ, 2010. с. 101–106.
19. Грицкевич АП. Распределение магнатских и шляхетских владений в Белоруссии по их величине и этнической принадлежности владельцев (XVI в.). *Вопросы истории*. Минск, 1978. Вып. 5. с. 94–105.
20. Чамярыцкі ВА, рэдактар. *Скарына і яго эпоха*. Мінск: Навука і тэхніка; 1990.
21. Лойка ПА. Палітычная барацьба ў Вялікім Княстве Літоўскім, Рuskім, Жамойцкім у XIV–першай палове XV ст.: вытокі і вынікі. У: Крывальцэвіч ММ, Рассадзін СЯ, Іоў АВ, Касцюк МП, Біч МВ, Штыхаў ГВ і інш. *Старонкі гісторыі Беларусі*. Мінск: Навука і тэхніка; 1992. с. 74–83.
22. Касцюк М, рэдактар. *Гісторыя Беларусі. Т. 2. Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага*. Мінск: Экоперспектыва; 2008.
23. Лойка ПА. *Шляхта беларускіх зямель у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст.* Мінск: БДУ; 2002.
24. Лойка ПА. Гістарыяграфія праблемы вывучэння ролі шляхты ў грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай (другая палова XVI – першая трэць XVII ст.). *Працы гістарычнага факультэта БДУ* [навуковы зборнік]. Вып. 3. Мінск: БДУ; 2008. с. 46–52.
25. Лойка ПА. Соймікі беларускіх зямель у дзяржаўна-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай (апошняя трэць XVI – першая трэць XVII ст.). У: Сокал СФ, Янушкевіч АМ, рэдактары. *Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 23–24 лістапада 2007 г. Мінск, Наваградак, Беларусь*. Мінск: БІП-С Плюс; 2008. с. 176–182.
26. Лойка ПА. Пазіцыя шляхты беларускіх зямель у знешнепалітычных стасунках Вялікага Княства Літоўскага ў апошняй трэці XVI – першай трэці XVII ст. У: Любы АУ, складальнік. *III Няфёдаўскія чытанні «Беларускае мастацтва: гісторыя і сучаснасць». Зборнік матэрыялаў рэспубліканскай навукова-творчай канферэнцыі; 19 сакавіка 2009 г. Т. 2. Вялікае Княства Літоўскае ў гісторыі і культуры Беларусі*. Мінск: УА «Беларуская дзяржаўная акадэмія мастацтваў»; 2009. с. 11–17.
27. Лойка ПА. Афармленне шляхецкага саслоўя ў Вялікім Княстве Літоўскім. *Працы гістарычнага факультэта БДУ* [навуковы зборнік]. Вып. 5. Мінск: БДУ; 2010. с. 102–115.

28. Лойка ПА. Крыніцы па гісторыі шляхецкага стану ВКЛ і яго месцы ў міжаслоўных стасунках (другая палова XVI – першая палова XVII ст.). *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны* [навуковы зборнік]. Вып. 8. Мінск: БДУ; 2013. с. 53–59.
29. Лойка ПА. Узаемадачыненні частак Рэчы Паспалітай «абодвух народаў» (апошняя трэць XVI – пачатак XVII ст.). В: Алпеев АН (редактор). *Образы прошлого в историографии: белорусско-французский диалог. Сборник материалов к Международной научно-практической конференции «Историография как объект исследования»; 21–22 мая 2008 г. Минск, Беларусь*. Минск: Веды; 2008. с. 80–92.
30. Лойка ПА. Асноўныя прынцыпы дзяржаўнай улады ў поглядах Льва Іванавіча Сапегі. У: Марозава СВ, рэдактар. *Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час* [зборнік навуковых артыкулаў]. Гродна: ГрДУ; 2007. с. 11–15.
31. Прыбытка ГВ. *Барацьба магнатаў у Вялікім Княстве Літоўскім у сярэдзіне XVII ст. (1655–1668 гг.)* [аўтарэферат дысэртацыі]. Мінск: [б. в.]; 2000.
32. Падалінскі УА. *Прадстаўніцтва і палітычная пазіцыя Вялікага Княства Літоўскага на вальных соймах Рэчы Паспалітай у апошняй трэці XVI ст.* [аўтарэферат дысэртацыі]. Мінск: [б. в.]; 2004.
33. Цішчанка ВВ. *Велікакняжацкая ўлада ў структуры органаў дзяржаўнага кіравання ВКЛ у канцы XIV – пачатку XVI ст.* [аўтарэферат дысэртацыі]. Мінск: [б. в.]; 2006.
34. Шніп МА. *Унутрыпалітычны канфлікт 1508 года ў Вялікім княстве Літоўскім у кантэксце міжнародных адносін ва Усходняй Еўропе* [аўтарэферат дысэртацыі]. Мінск: [б. в.]; 2009.
35. Ластовский ГА. *Политическое развитие Смоленской земли в конце XIII–XV веках* [автореферат диссертации]. Минск: [б.в.]; 1998.
36. Варонін ВА. *Сацыяльна-эканамічнае і палітычнае развіццё Полацкага ваяводства ў першай палове XVI ст.* [аўтарэферат дысэртацыі]. Мінск: [б. в.]; 2000.
37. Самусік АФ. *Развіццё сістэмы асветы на беларускіх землях у сямідзясятых гадах XVIII – трыццатых гадах XIX ст.* [аўтарэферат дысэртацыі]. Мінск: [б. в.]; 1998.
38. Скеп'ян АА. *Шляхецкае мецэнацтва ў Вялікім Княстве Літоўскім у XVI – першай палове XVII ст.* [аўтарэферат дысэртацыі]. Мінск: [б. в.]; 2000.
39. Доўнар АБ. *Сацыяльна-эканамічнае становішча сялян-слуг дзяржаўных і прыватных уладанняў на беларускіх землях у другой палове XVI – сярэдзіне XVIII ст.* [аўтарэферат дысэртацыі]. Мінск: [б. в.]; 2004.
40. Галубовіч ВУ. *Кнігі запісаў Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага за час праўлення Уладзіслава IV Вазы як крыніца па гісторыі Беларусі* [аўтарэферат дысэртацыі]. Мінск: [б. в.]; 2003.
41. Дземідовіч АВ. *Вялікае Княства Літоўскае ў знешнепалітычных адносінах Рэчы Паспалітай з Расіяй і Швецыяй у першай трэці XVII ст.* [аўтарэферат дысэртацыі]. Мінск: [б. в.]; 2012.
42. Варонін ВА (рэдактар). *Да сваёй гісторыі: Сярэднявечча і Ранні Новы час* [зборнік навуковых артыкулаў, прысвечаных памяці Паўла Лойкі]. Смаленск: Інбелкульт; 2013.

References

1. Lojka Pavel Alehovich. In: Pashkou GP, editor. *Jencyklapedyja gistoryi Belarusi* [Encyclopedia of the Belarus history]. Minsk: BelEn; 1997. p. 392. (1993–2003; volume 4). Belarusian.
2. Lojka Pavel Alehovich. In: Pashkou GP, editor. *Vjalikae knjastva Litovskae* [The Grand Duchy of Lithuania] [encyclopedia]. Minsk: BelEn; 2006. p. 217. (2005–2006; volume 2). Belarusian.
3. Karzenka GV. Lojka Pavel Alehovich. In: *Istoriki Belarusi v nachale XXI stoletiya* [Historians of Belarus at the beginning of the XXI century] [bio-bibliography]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2007. p. 227–228. Belarusian.
4. Lojko Pavel Olegovich. In: Korzenko GV, Smol'yaninov MM, Zen'kovich YV, Gur'yanova IV, Kovalenya AA, Danilovich VV, et al., editors. *Institut istorii Natsional'noi Akademii nauk Belarusi v litsakh (1929–2008 gg.)* [Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus in persons (1929–2008)] [bio-bibliography]. Minsk: Belorusskaja nauka; 2008. p. 236. Russian.
5. Varonin VA. Pavel Lojka (12.07.1958–22.10.2010). *Belaruski gistorychny agljad* [Belarusian historical review]. 2010; 17(1–2):451–454. Belarusian.
6. Holubeu VF. Pamjaci sjabra, Pawla Alegavicha Lojki [In memory of a friend, Pavel A. Lojka]. *Belaruski gistorychny chasopis* [Belarusian historical journal]. 2011;9:37–41. Belarusian.
7. Sosna UA. Belarusian peasants and nobility in Pavel Lojka studies. *Studia Historica Europae Orientalis = Issledovaniya po istorii Vostochnoi Evropy* [Studia Historica Europae Orientalis = Studies on the history of Eastern Europe] [scientific collection]. Issue 3. Minsk: RIVSH; 2010. p. 315–324. Belarusian.
8. Lojka PA. *Pryvatnawlasnickija sjaljanje Belarusi: jevaljucyja feada'naj rjenty w drugoj palove XVI – XVIII st.* [Privately Owned Peasants of Belarus: Evolution of Feudal Rent in the second half of the XVI – XVIII century]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1991. Belarusian.
9. Mjaleshka VI, Anishchanka JN, Galenchanka GJ, Golubew VF, Gruca IA, Zagarul'ski JM, et al. *Gistoryja sjaljanstva Belarusi. Vol. 1. Gistoryja sjaljanstva Belarusi ad starazhytnasci da 1861 g.* [The History of Belarus Peasantry. Vol. 1. The History of Belarus Peasantry from Ancient Times to 1861]. Minsk: Belaruskaja navuka; 1997. Belarusian.
10. Kascjuk MP, Isaenka UF, Shtyhaw GV, Karobushkina TM, Lojka PA, Kapyski ZI, et al. *Narysy gistoryi Belarusi* [An outline of Belarus history]. Minsk: Belarus'; 1994. (1994–1995; part 1). Belarusian.
11. Kascjuk MP, editor. *Gistoryja Belarusi. Vol. 3. Belarus' u chasy Rjehy Paspalitaj (XVII–XVIII stst.)* [The history of Belarus. Vol. 3: Belarus in the times of the Commonwealth (XVII–XVIII)]. Minsk: Ekaperspektyva; 2004. Belarusian.
12. Lojka PA. Uskarzhaemosja Vashym Milostjam [Complaining to Your Grace]. *Pomniki gistoryi i kul'tury Belarusi* [Monuments of Belarus history and culture]. 1986;3:13–14. Belarusian.
13. Meleshko VI, editor. *Sotsial'no-politicheskaya bor'ba narodnykh mass Belorussii: konets XIV v. – 1648 g.* [Socio-political struggle of the masses of Belarus: the end of the XIV century – 1648] [collection of documents and materials]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1988. Russian.

14. Mjaleshka V, Lojka P. I wznajawsja ljud prosty: da 300-goddzja z dnja naradzhennja Vasilja Vashchyly – kirawnika Krychawskaga pawstannja 1740–1744 gg. [And the populace stood up: to the 300th anniversary of Vasil Vashchyla – head of the Krychau uprising of 1740–1744]. Minsk: Belarus; 1992. Belarusian.

15. Lojka PA. Estate relations between the nobility and the peasantry in the Belarusian Lands in the second half of the XVI – the first half of the XVII century. In: Sal'kov AP, Yankovskii OA, Men'kovskii VI, Golenchenko GY, Zabavskii NM, Laz'ko GG, et al., editors. *Rossiiskie i slavyanskije issledovaniya* [Russian and Slavonic studies] [scientific collection]. Issue 4. Minsk: BSU; 2009. p. 67–74. Belarusian.

16. Lojka PA. Mutual relations of the nobility and the bourgeois estate in the Belarusian Lands in the second half of the XVI – the first half of the XVII century. *Vesnik BDU. Seryja 3. Gistoryja. Jekanomika. Prava* [Bulletin of the BSU. Series 3, History. Economics. Law]. 2009;3:3–8. Belarusian.

17. Bich MV, Lojka PA, editors. *Z gistoryi unijactva w Belarusi (da 400-goddzja Brjesckaj unii)* [From the history of the Uniate Church in Belarus (to the 400th anniversary of the Union of Brest)]. Minsk: Ekaperspektyva; 1996. Belarusian.

18. Lojka PA. Pazicyja shljahty belaruskich zjamel' Rjechy Paspalitaj u carkowna-rjeligijnyh kanfliktah aposhnjaj trjeci XVI – pershaj trjeci XVII st. [Position of the Belarusian Lands' Nobility of the Commonwealth in the church and religious conflicts of the last third of the XVI – the first third of the XVII century]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psichologo-pedagogicheskie nauki* [Scientific works of the national Institute for higher education. Historical and psychological-pedagogical sciences] [scientific articles collection]. Part 1, issue 10. Minsk: RIVSH; 2010. p. 101–106. Belarusian.

19. Gritskevich AP. Raspredelenie magnatskikh i shlyakhetskikh vladenii v Belorussii po ikh velichine i etnicheskoi pri-nadlezhnosti vladel'tsev (XVI v.) [Distribution of possessions of magnates and gentry in Belarus by their size and ethnicity of owners (XVI century)]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. Issue 5. Minsk, 1978. p. 94–105 Russian.

20. Chamjarycki VA, editor. *Skaryna i jago jepoha* [Skaryna and his epoch] Minsk: Navuka i tjehnika; 1990. Belarusian.

21. Lojka PA. Palitychnaja barac'ba w Vjalikim Knjastve Litowskim, Ruskim, Zhamojckim u XIV – pershaj palove XV st.: vytoki i vyniki. [Political struggle in the Grand Duchy of Lithuania, Ruthenia, Samogitia in the XIV – the first half of the XV century: sources and results]. [Pages of Belarus history]. In: Kryval'cjevich MM, Rassadzin SJ, Iow AV, Kascjuk MP, Bich MV, Shtyhaw GV, et al. *Staronki gistoryi Belarusi*. Minsk: Navuka i tjehnika; 1992. p. 74–83. Belarusian.

22. Kascjuk M, editor. *Gistoryja Belarusi. Vol. 2. Belarus' u peryjad Vjalikaga Knjastva Litowskaga* [The history of Belarus. Vol. 2. Belarus in the period of the Grand Duchy of Lithuania]. Minsk: Ekoperspektiva; 2008. Belarusian.

23. Lojka P. *Shljahta belaruskich zjamel' u gramadska-palitychnym zhycci Rjechy Paspalitaj drugoj palovy XVI – pershaj trjeci XVII st.* [The nobility of the Belarusian Lands in the social and political life of the Commonwealth of the second half of the XVI – the first third of the XVII century]. Minsk: BSU; 2002. Belarusian.

24. Lojka PA. Gistaryjagrafija problemy vyuchennja roli shljahty w gramadska-palitychnym zhycci Rjechy Paspalitaj (drugaja palova XVI – pershaj trjeci XVII st.) [Historiography of the problem of studying the nobility role in the social and political life of the Commonwealth (second half of the XVI – first third of the XVII century)]. In: *Pracy gistarychnaga fakul'tjeta BDU* [Proceedings of the faculty of history of the BSU] [scientific collection]. Issue 3. Minsk: BSU; 2008. p. 46–52. Belarusian.

25. Lojka PA. Sojmiki belaruskich zjamel' u dzjarzhawna-palitychnym zhycci Rjechy Paspalitaj (aposhnjaj trjeci XVI – pershaj trjeci XVII st.) [Dietines of the Belarusian Lands in the public and political life of the Commonwealth (last third of the XVI – first third of the XVII century)]. Sokal SF, Janushkevich AM, editors. *Parlamentskaja struktura w sisteme dzjarzhawna kiravannja Vjalikaga Knjastva Litowskaga i Rjechy Paspalitaj u XV–XVIII stagoddzjah. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferencyi; 23–24 listapada 2007 g. Minsk. Navagradak, Belarus'* [The parliamentary structures of authority in the state administration system of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth in the XV–XVIII centuries. The materials of the International conference; November 23–24, 2007. Minsk, Navagradak, Belarus]. Minsk: BIP-S Plus; 2008. p. 176–182. Belarusian.

26. Lojka PA. Pazicyja shljahty belaruskich zjamel' u zneshnepalitychnych stasunkah Vjalikaga Knjastva Litowskaga w aposhnjaj trjeci XVI – pershaj trjeci XVII st. [Position of the Belarusian Lands' nobility in the foreign relations of the Grand Duchy of Lithuania in the last third of the XVI – the first third of the XVII century]. In: Ljuby AU, compiler. *III Njafjodavskaja chytanni «Belaruskaj mastactva: gistoryja i suchasnasc»*. *Zbornik matjeryjalaw rjespublikanskaj navukova-tvorchaj kanferencyi; 19 sakavika 2009 g. Vol. 2. Vjalikaj Knjastva Litowskaj w gistoryi i kul'tury Belarusi* [The 3rd Nyafodau readings «The Belarusian art: past and present». Collection of the Materials of the republican scientific-creative conference; March 19, 2009. Vol. 2. The Grand Duchy of Lithuania in the Belarus history and culture]. Minsk: Belarusian State Academy of Arts, 2009. p. 11–17. Belarusian.

27. Lojka PA. Afarmlenie shljaheckaga saslowja w Vjalikim Knjastve Litowskim [Formation of the nobility in the Grand Duchy of Lithuania]. In: *Pracy gistarychnaga fakul'tjeta BDU* [Proceedings of the faculty of history of the BSU] [scientific collection]. Issue 5. Minsk: BSU; 2010. p. 102–115. Belarusian.

28. Lojka PA. Krynicy pa gistoryi shljaheckaga stanu VKL i jago mescy w mizhsaslownyh stasunkah (drugaja palova XVI – pershaj palova XVII st.) [Sources on the history of the nobility of the Grand Duchy of Lithuania and its place in relations between Estates (second half of the XVI – first half of the XVII century)]. *Krynicaznawstva i specyjal'nyja gistaryчныja dyscypliny* [Source studies and special historical disciplines] [scientific collection]. Issue 8. Minsk: BSU; 2013. p. 53–59. Belarusian.

29. Lojka PA. Uzaemadachynenni chastak Rjechy Paspalitaj «abodvuh narodaw» (aposhnjaj trjeci XVI – pachatak XVII st.) [Relationships between the parts of the Commonwealth of «Both Nations» (last third of the XVI – beginning of the XVII century)]. In: *Obrazy proshlogo v istoriografii: belorussko-frantsuzskii dialog. Sbornik materialov k Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Istoriografiya kak ob'ekt issledovaniya»; 21–22 maya 2008 g. Minsk, Belarus'* [The images of the past in the historiography: the Belarusian-French dialogue. Collection of the materials for the International scientific-practical conference «Historiography as a Research Object». 2008 May 21–22; Minsk, Belarus]. Minsk: Vedy; 2008. p. 80–92. Belarusian.

30. Lojka PA. Asnownyja pryncypy dzjarzhawnaj ulady w pogljadah L'va Ivanavicha Sapegi [The main principles of state power in the Leu I. Sapieha's views]. In: Marozava SV, editor. *Lew Sapega (1557–1633 gg.) i jago chas* [Leu Sapieha (1557–1633) and his time] [scientific articles collection]. Hrodna: GrSU; 2007. p. 11–15. Belarusian.

31. Prybytko GV. *Barac'ba magnackih grupovak u Vjalikim Knjastve Litowskim u sjarjedzine XVII st. (1655–1668 gg.)* [Struggle of the magnate groups in the Grand Duchy of Lithuania in the middle of the XVII century (1655–1668)] [dissertation abstract]. Minsk: [publisher unknown]; 2000. Belarusian.
32. Padalinski UA. *Pradstawnictva i palitychnaja pazicyja Vjalikaga Knjastva Litowskaga na val'nyh sojmah Rjechy Paspalitaj u aposhnjaj trjeci XVI st.* [Representation and political position of the Grand Duchy of Lithuania on general diets of the Commonwealth in 1569–1600] [dissertation abstract]. Minsk: [publisher unknown]; 2004. Belarusian.
33. Tsishchanka VV. *Velikaknjazhskaja wlada w struktury organaw dzjarzhawnaga kiravannja VKL u kancy XIV – pachatku XVI st.* [The grand ducal authority in the structure of GDL state ruling Bodies in the late XIV – early XVI century] [dissertation abstract]. Minsk: [publisher unknown]; 2006. Belarusian.
34. Shnip MA. *Unutrypalitychny kanflikt 1508 goda w Vjalikim Knjastve Litowskim u kantjeksce mizhnarodnyh adnosin va Ushodnjaj Ewrope* [Internal political conflict of 1508 in the Grand Duchy of Lithuania in the context of international relations in Eastern Europe] [dissertation abstract]. Minsk: [publisher unknown]; 2009. Belarusian.
35. Lastovsky GA. *Politieskoe razvitie Smolenskoj zemli v kontse XIII – XV vekakh* [The political development of the Smolensk Land at the late XIII – XV centuries] [dissertation abstract]. Minsk: [publisher unknown]; 1998. Belarusian.
36. Varonin VA. *Sacyjal'na-jekanamichnae i palitychnae razviccjo Polackaga vajavodstva w pershaj palove XVI st.* [The socio-economic and political development of Polatsk Voivodship in the first half of the XVI century] [dissertation abstract]. Minsk: [publisher unknown]; 2000. Belarusian.
37. Samusik AF. *Razviccjo sistjemy asvety na belaruskih zemljah u sjamidzjasjatyh gadah XVIII – tryccatyh gadah XIX st.* [Development of the education system in the Belarusian Lands in the 1770–1830s] [dissertation abstract]. Minsk: [publisher unknown]; 1998. Belarusian.
38. Skepyan AA. *Shljaheckae mecjenactva w Vjalikim Knjastve Litowskim u XVI – pershaj palove XVII st.* [Nobility philanthropy in the Grand Duchy of Lithuania in the XVI – the first half of the XVII century] [dissertation abstract]. Minsk: [publisher unknown]; 2000. Belarusian.
39. Dounar AB. *Sacyjal'na-jekanamichnae stanovishcha sjaljan-slug dzjarzhawnyh i pryvatnyh uladannjaw na belaruskih zemljah u drugoj palove XVI – sjarjedzine XVIII st.* [The social and economic position of peasant-servants of state and private properties in the Belarusian Lands in the second half of the XVI – the middle of the XVIII century] [dissertation abstract]. Minsk: [publisher unknown]; 2004. Belarusian.
40. Halubovich VU. *Knigi zapisaw Metryki Vjalikaga Knjastva Litowskaga za chas prawnennja Uladzislava IV Vazy jak krynica pa gistoryi Belarusi* [Grand Duchy of Lithuania Metrica Record Books in the reign of Vladislav IV Vaza as a source for the history of Belarus] [dissertation abstract]. Minsk: [publisher unknown]; 2003. Belarusian.
41. Dzemidovich AV. *Vjalikae Knjastva Litowskaj w zneshnepalitychny adnosinach Rjechy Paspalitaj z Rasijaj i Shvecyjaj u pershaj trjeci XVII st.* [The Grand Duchy of Lithuania in foreign affairs of the Polish-Lithuanian Commonwealth with Russia and Sweden in the first third of the XVII century] [dissertation abstract]. Minsk: [publisher unknown]; 2012. Belarusian.
42. Varonin VA, editor. *Da svajoj gistoryi: Sjarjednavechcha i Ranni Novy chas* [To our history: the Middle Ages and Early Modern Times] [scientific articles collection devoted to the memory of Pavel Lojka]. Smolensk: Inbelkult; 2013. Belarusian.

АРХЕОЛОГИЯ

АРХЕАЛОГИЯ

ARCHAEOLOGY

УДК 904:930.85(477.43/.44+.72/.74)«00»

ВЗАИМОСВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ ВЕЛЬБАРСКОЙ, САРМАТСКОЙ И ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУР НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ПОДОЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ I тыс. н. э.

Я. И. ОНИЩУК¹⁾

¹⁾Львовский национальный университет им. Ивана Франка, ул. Университетская, 1, 79000, г. Львов, Украина

Рассмотрены проблемы германо-сарматских влияний на формирование черняховской культуры Западного Подолья. Отмечено, что, несмотря на политическое доминирование готского союза (Государства Германариха), пришлые вельбарские племена в скором времени подверглись процессам культурной ассимиляции и в основной своей массе постепенно растворились в полиэтнической черняховской среде, став одним из ее компонентов, однако на территории Волини, а также в северной части Подольской возвышенности вельбарское население сумело сохранить свою идентичность в домостроении, лепном керамическом производстве, элементах духовной культуры до конца позднеримского периода. Указано, что значительную роль в формировании черняховской культуры Западного Подолья сыграли сарматы, которые во второй четверти I тыс. н. э. достигли районов среднего течения реки Днестр и его левых притоков. Их присутствие прослежено при помощи анализа специфических элементов погребальной обрядности на некоторых черняховских могильниках, антропологических исследований, а также находок отдельных предметов на вельбарских и черняховских поселениях. Выделена особенность исследуемого региона, заключающаяся в присутствии на западе славянского населения, известного под названием «Верхнеднестровская локальная группа черняховской культуры». Германо-славянские взаимоотношения требуют дальнейшего изучения, однако исследования последних лет позволяют предположить, что в Западном Побужье существовала контактная зона наподобие фронта, разделявшая территории проживания этих племен.

Ключевые слова: позднеримский период; вельбарская культура; черняховская культура; группа Черепин-Теремцы; сарматы; германцы; славяне; контактная зона; взаимоотношения; Западное Подолье.

Образец цитирования:

Онищук ЯИ. Взаимосвязи населения вельбарской, сарматской и черняховской культур на территории Западного Подолья во второй четверти I тыс. н. э. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2018;3:120–129.

For citation:

Onyshchuk JI. Relationship of population of Velbar, Sarmatian and Chernyakhov cultures on the territory of Western Podillia in the second quarter of the 1st millennium AD. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2018;3:120–129. Russian.

Автор:

Ярослав Иванович Онищук – кандидат исторических наук; доцент кафедры археологии и специальных отраслей исторической науки исторического факультета.

Author:

Jaroslav I. Onyshchuk, PhD (history); associate professor at the department of archaeology and special disciplines of historical science, faculty of history.
onyshchuk@ukr.net

УЗАЕМАСУВ'ЯЗІ НАСЕЛЬНИЦТВА ВЯЛЬБАРСКОЙ, САРМАЦКАЙ І ЧАРНЯХОЎСКОЙ КУЛЬТУР НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯГА ПАДОЛЛЯ Ў ДРУГОЙ ЧВЭРЦІ І ТЫС. Н. Э.

Я. І. АНІШЧУК^{1*}

^{1*} Львоўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Івана Франка, вул. Універсітэцкая, 1, 79000, г. Львоў, Украіна

Разгледжаны праблемы германа-сармацкіх уздзеянняў на фарміраванне чарняхоўскай культуры Заходняга Падолля. Адзначана, што, нягледзячы на палітычнае дамінаванне гоцкага саюза (так званай Дзяржавы Германарыха), прышлыя вяльбарскія плямёны ў хуткім часе падвергліся працэсам культурнай асіміляцыі і ў асноўнай сваёй масе паступова сталі непрыметнымі ў поліэтнічным чарняхоўскім асяроддзі, стаўшы адным з яго кампанентаў. Аднак на тэрыторыі Валыні, а таксама ў паўночнай частцы Падольскага ўзвышша вяльбарскае насельніцтва ўсё ж здолела захаваць сваю ідэнтычнасць да канца познярымскага часу ў домабудаванні, ляпной керамічнай вытворчасці, элементах духоўнай культуры. Паказана, што значную ролю ў фарміраванні чарняхоўскай культуры Заходняга Падолля адыгралі сарматы, якія ў другой чвэрці І тыс. н. э. дасягнулі раёнаў Сярэдняга Днястра і яго левых прытокаў. Іх прысутнасць тут прасочана пры дапамозе аналізу спецыфічных элементаў пахавальнай абраднасці на некаторых чарняхоўскіх могілках, антрапалагічных даследаванняў, а таксама знаходак асобных прадметаў у вяльбарскіх і чарняхоўскіх пасяленнях. Вылучана асаблівасць даследуемага рэгіёна, якая заключаецца ў прысутнасці на яго захадзе славянскага насельніцтва, вядомага пад назвай «Верхнеднястроўская лакальная група чарняхоўскай культуры». Германа-славянскія ўзаемаадносіны патрабуюць далейшага вывучэння, аднак даследаванні апошніх гадоў дазваляюць зрабіць здагадку пра існаванне ў Заходнім Пабужжы кантактнай зоны тыпу франціру, якая падзяляла тэрыторыі пражывання гэтых плямён.

Ключавыя словы: познярымскі перыяд; вяльбарская культура; чарняхоўская культура; група Чарапін-Церамцы; сарматы; германцы; славяне; кантактная зона; узаемаадносіны; Заходняе Падолле.

RELATIONSHIP OF POPULATION OF VELBAR, SARMATIAN AND CHERNYAKHOV CULTURES ON THE TERRITORY OF WESTERN PODILLIA IN THE SECOND QUARTER OF THE 1ST MILLENNIUM AD

J. I. ONYSHCHUK^a

^aIvan Franko National Lviv University, 1 Universitetskaya Street, Lviv 79000, Ukraine

Problems of the German-Sarmatian influence on the formation of the Chernyakhov culture of the Western Podillya were considered. Despite the political dominance of the Gothic Union («The States of Hermanarich») outside Velbar tribes had been subjected to the processes of cultural assimilation soon and mostly were gradually dissolved in the polyethnic Chernyakhov background, becoming one of its components. However, on the Volyn territory, as well as in the northern part of the Podolsky Upland, the Velbar population still managed to preserve their identity in house building, stucco molding and in their spiritual culture elements until the end of late-Romanesque period. A significant role in the formation of the Chernyakhov culture of the Western Podolia was played by the Sarmatians, who reached the areas of the Middle Dniester and its left tributaries in the second quarter of the 1st millennium AD. Their presence here was recorded in form of specific elements of burial rites in some Chernyakhov burial grounds, as well as in form of findings of individual items in the Velbar and Chernyakhov settlements, by anthropological research. A feature of the investigated region is also the presence of the Slav population, known as the «Upper Dniester Local Group of Chernyakhov Culture» in its west. The German-Slavic relationship still needs to be studied but recent research suggest an existence of a contact area of frontier type separating the tribal living territories.

Key words: late-Romanesque period; Velbar culture; Chernyakhov culture; Cherepin-Teremtsi group; Sarmatians; Germans; Slavs; contact area; relationships; Western Podillya.

Введение

Памятники вельбарской культуры в пределах Восточной Европы распространены в белорусском Побужье, на Турово-Пинской территории Полесья, в западной части Волыни (до р. Горынь на востоке), а также в Северном Подолье. В Подолье пришлые вельбарские племена попали под сильное влияние

черняховской культуры, в результате чего полностью изменили свой облик, позаимствовав новые элементы материальной, а в некоторых случаях и духовной культуры.

В этом контексте сложным вопросом является участие германских племен в формировании чер-

няховской культуры. В современной украинской историографии существуют три основные теории происхождения данной культуры: славянская, германская и полиэтническая. Не будем углубляться в детальное рассмотрение каждой из них, поскольку эта проблема достаточно широко раскрыта на

страницах научных изданий [1, с. 194; 2, с. 58; 3, с. 143–160; 4, с. 240–278; 5, с. 152–162; 6, с. 179–182; 7, с. 14; 8, с. 134–147]. Однако придерживаемся мнения о том, что создателями черняховской культуры являются представители местного (автохтонного) населения полиэтнического происхождения.

Основная часть

В условиях интенсивных провинциально-римских влияний в среде племен лесостепной зоны Украины второй четверти I тыс. н. э. произошли качественные изменения в социально-экономическом и культурном развитии. Участие большого количества варварского населения в скифских войнах (около 238 – 270 гг.), наличие системы клиентских отношений Рима с местными племенами, активные торгово-экономические контакты с античным миром и другие факторы привели к быстрому распространению провинциально-римской культурной вуали на значительные пространства европейского Барбарикума. Одновременно с этим политическое доминирование готского союза на территории черняховской культуры вело к постепенной унификации материального комплекса населения. Этому способствовали также интеграционные процессы, происходившие в регионах смежного проживания разнотнического населения (Среднее Приднестровье, Южное Побужье, Среднее Поднепровье, Нижнее Поднепровье и т. д.), которые неизбежно вели к смешению культурных элементов, а следовательно, к взаимоассимиляции и постепенному нивелированию древних племенных традиций.

Сложные культурно-исторические процессы происходили и на Подолье. Считается, что в позднееримский период эта территория входила в ареал черняховской культуры, а вельбарские элементы присутствовали только в виде воздействий [5; с. 159–161; 9, с. 218–219; 10, с. 139–147; 11, с. 128–129]. Исследователь Б. С. Строценъ считает возможным существование на Западном Подолье германо-славянской контактной зоны. Он пришел к выводу о том, что во второй четверти I тыс. н. э. в этом районе проживали две этнические группы: в южной и западной частях (Днестровская область) – автохтонная славянская группа, представленная памятниками типа Черепин-Теремцы, а на северо-востоке (тернопольский ландшафтный район) – пришлая германская группа, основу которой составляло вельбарское население [12, с. 33–35].

Новые материалы, касающиеся реконструкции этнокультурной ситуации второй четверти I тыс. н. э., были получены в результате археологического исследования памятников этого времени в верховьях рек Иква, Серет, Стирь, Горынь, а также в бассейне р. Гнезны – левого притока р. Серет (Дудин-II, Накваша-I, Суховоля-VII, Броды-I, Кобылье, Очеретное-II и др.). Исследования засвиде-

тельствовали существование на этой территории смешанных вельбарско-черняховских комплексов, многочисленные аналогии которым обнаруживаются на памятниках вельбарской культуры как в Западной Волини и Повисленье, так и в черняховской лесостепной зоне Украины. В частности, в поселениях обнаружены характерные для восточных германцев глинобитные жилища, специфическая лепная керамика (рис. 1, 2), предметы хозяйства, быта и т. д. [13, с. 303–331; 14, с. 111–112; 15, с. 366–367, 371, 373; 16, с. 453–456; 5]. Наземные глинобитные постройки, часто больших размеров (55–120 м²), напоминают жилища *stall haus* (от англ. «большие дома»), встречающиеся на территории Северной Германии и Польши. Лепная посуда соответствующих форм имеет сходство с вельбарской керамикой современной Люблинщины, Мазовии и Подляшья. Одновременно на поселениях и могильниках позднееримского времени исследуемой территории присутствуют и материалы черняховской культуры – кружальная сероглиняная керамика. Данное явление объясняется активным проникновением

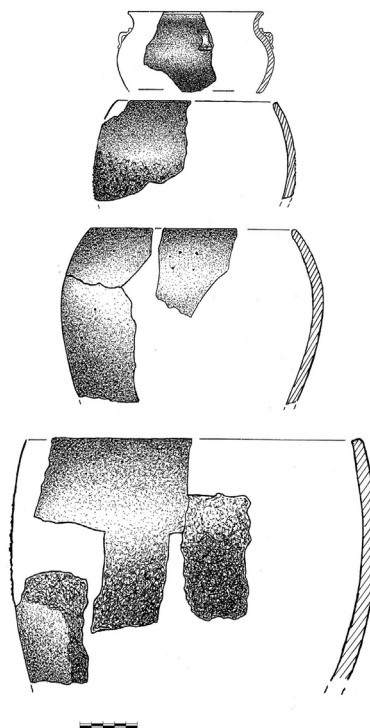

Рис. 1. Лепная вельбарская керамика с поселения Суховоля-VII
Fig. 1. Handmade Velbar pottery from Sukhovolya-VII settlement

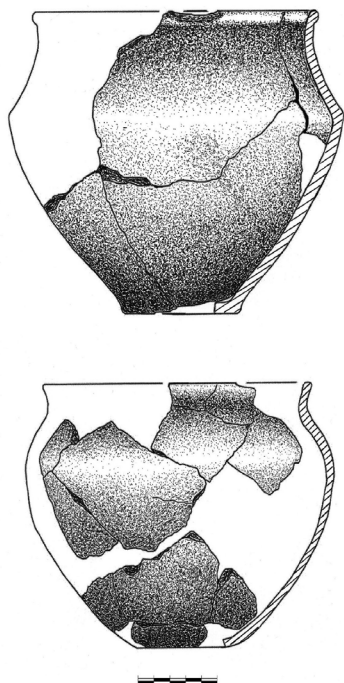

Рис. 2. Лепная посуда вельбарской культуры с поселения Малинище-I

Fig. 2. Handmade utensils of Velbar culture from Malynishche-I settlement

в жизнь пришлого вельбарского населения новых культурных элементов, поступающих из более развитой черняховской среды.

Таким образом, исторические готы, а возможно, и группы поселенцев из других восточногерманских племен (гепиды, герулы, бургунды, вандалы и др.) заселили северную часть Подольской возвышенности не позднее начала III в. н. э., а может и в конце II в. н. э., одновременно с освоением ими Западной Волыни. Благоприятная для проживания, земледелия и скотоводства почва побудила пришельцев к основанию на этой территории долговременных поселений (Кобылье, Дудин-II, Малинище-II и др.). В дальнейшем Западная Волынь стала своеобразным плацдармом для внедрения германцев в среду носителей черняховской культуры. Попав в сферу влияния более развитого общества, вельбарцы заимствовали новые черты материальной и духовной культуры и, постепенно теряя свою самобытность, стали составной частью большой полиэтнической общности.

Имеющиеся на сегодняшний день археологические источники позволяют предположить, что в составе черняховской культуры Западного Подолья наличествует и сарматский этнический компонент. По нашему мнению, культурные элементы этого населения прослеживаются в захоронениях

с заплечиками на могильнике в с. Чернелев-Русский, в специфической лепной керамике с. Чернелево-Русский и могильника в с. Токи, фибулах типа *Dybäck/Independența*, найденных в поселениях Кобылье и Броды-I (рис. 3) [17, с. 371–380] и др. На поселении Глядки первой половины – середины IV в. н. э. Волочисского района Хмельницкой области, которое исследовала Южно-Бугская экспедиция Научно-исследовательского центра «Спасательная археологическая служба» Института археологии НАН Украины в 1997 г., были открыты следы наземных сооружений округлой формы. Исследователи предположили, что это могли быть остатки юртоподобных жилищ кочевников – языгов или аланов, – осевших в Южном Побужье [18, с. 30–31]. Подобные формы сарматских сооружений были зафиксированы на некоторых черняховских памятниках юга Украины – поселении Дракули в области Бужак и поселении Бургунки в Херсонской области [19, с. 137–138], а также, по мнению С. В. Воронятова, на позднезарубинецком памятнике Почеп в Верхнем Подесенье¹.

Как считает А. В. Гудкова, присутствие сармат в составе черняховской культуры на развитой, поздней и финальной стадиях ее формирования не вызывает сомнения [20, с. 39]. Этой теории придерживался и И. С. Винокур, который допускал проникновение сарматских кочевников из Северо-Западного Причерноморья, через земли современной Молдовы, на территорию Среднего Поднестровья и Прикарпатья: «Можно не сомневаться в том, что часть пришлого сарматского населения была постепенно ассимилирована в среде гето-фракийских

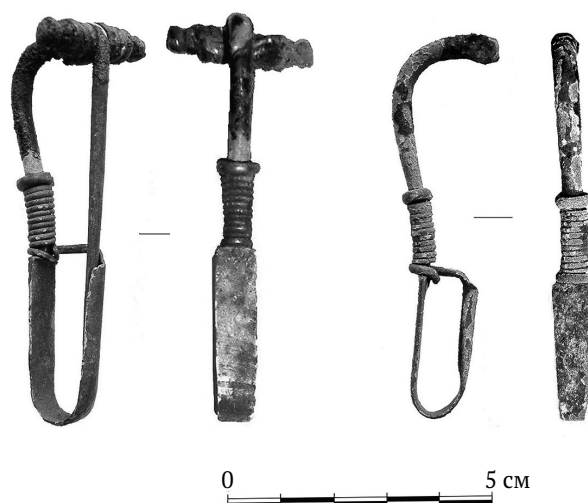

Рис. 3. Сарматские фибулы типа *Dybäck/Independența* с вельбарско-черняховского поселения Броды-I

Fig. 3. Sarmatian fibulas of *Dybäck/Independența* type from Brody-I Velbar-Chernyakhiv settlement

¹Воронятов С. В. Сарматский и южно-балтский культурные импульсы в постзарубинецких древностях горизонта Рахны-Почеп (втор. пол. I – нач. II вв. н. э.): диссертация ... канд. ист. наук. СПб, 2018. С. 71–74 [Электронный ресурс]. URL: http://www.archeo.ru/dissovet/dissertacii/Voroniатов_diss.pdf (дата обращения: 15.03.2018).

и славянских племен. <...> Активную роль в миграционном сарматском потоке с юга играли языги и роксоланы»² [21, с. 54–55]. Одной из причин миграции части этих племен в Южное Побужье и Поднестровье могла стать неблагоприятная природно-климатическая ситуация, сложившаяся в начале нашей эры. Согласно исследованиям палеоклиматологов в это время в степях Евразии распространяется катастрофическая засуха, приведшая к выгоранию традиционных пастбищ – ресурсной зоны многочисленных кочевников [22, с. 75]. Подобные погодные условия имели место также и на территории степной зоны современной Украины [23, с. 43].

Для изучения проблемы сарматского присутствия на территории Западного Подолья важной представляется информация, записанная львовским краеведом и историком начала XX в. Василием Карповичем (псевдоним – Богдан Януш). Он описал процесс раскопок в 1904 г. на окраине с. Заздрость Терновлянского района Тернопольской области большой каменной стелы с выбитыми на поверхности тремя загадочными символами (рис. 4). Извлекая камень, рабочие наткнулись на кости двух овец, а также на гончарную керамику, характерную для позднееримского времени [24, с. 251–253; 25, с. 11, 188]. Сопоставление знаков с тамгами бо-спорских царей, среди которых были выходцы из

сарматской знати (Савромат II, Рескупорид III), дали основания М. С. Бандриковскому считать, что стела из с. Заздрость имеет сарматское происхождение, а тамги на ее поверхности были выбиты по указанию либо одного из вождей этих племен, родственного с царскими династиями Боспора, либо военного союзника [26, с. 66–68]. Соглашаясь с этим, следует добавить, что с. Заздрость находится на северной окраине бывшей степи «Панталыха», которая в древности простиралась в междуречье р. Стрыпы и р. Сереты. Согласно данным «Иосифинской карты коронного края Галичины» (так называемая карта фон Мига) в 1780 г. площадь степи составляла 116,7 км². Даже во второй половине XIX в. в «Панталыхе» выпасали большие стада скота и табуны лошадей [27, с. 845]. Частично заболоченная и богатая на растительность территория степи была благоприятна для проживания в этой местности древних кочевников. Можем предположить, что в первой половине I тыс. н. э. какая-то часть сармат обустроила в «Панталыхе» кочевья, обозначив каменными столбами с тамгами свои владения. В. С. Драчук считал, что стела из с. Заздрость могла являться символом власти сармат над этой территорией и была поставлена аланами в конце II – начале III в. н. э. [28, с. 44].

Несколько иного мнения относительно происхождения сарматских племен этой территории придерживался М. Ю. Смишко. Он связывал появление памятников кочевнической культуры с языгами, поселившимися в Северо-Западном Поднестровье еще в начале нашей эры и проживавших на Западном Подолье до II в. н. э. включительно [29, с. 69]. Прямым свидетельством присутствия языгов являются могильники у с. Ленковцы [30, с. 65–67] и с. Киселева [31, с. 126–131] Черновицкой области, с. Островец [29, с. 54–70] Ивано-Франковской области, с. Буряковка [32, с. 73–76] и с. Толстое [33, с. 108–111] Тернопольской области. Богатое захоронение мужчины и женщины было открыто в с. Пороги Винницкого района. Наличие в погребальном инвентаре значительного количества золотых изделий, оружия, а также семи тамг, изображенных на ряде предметов (доннышке и ручке серебряного кубка, декоративных пластинах парадного пояса, наконечнике портупейного пояса, золотой оковке ножен меча и т. п.) свидетельствует о погребении в этом месте знатной особы, возможно, сарматского царя Инисмея [34, с. 6–75].

Позднееримским периодом датируются сарматские элементы в некоторых погребениях чернелев-русского и токовского могильников. Так, из 288 захоронений черняховской культуры в с. Чернелев-Русский, 14 ям имели характерные уступы –

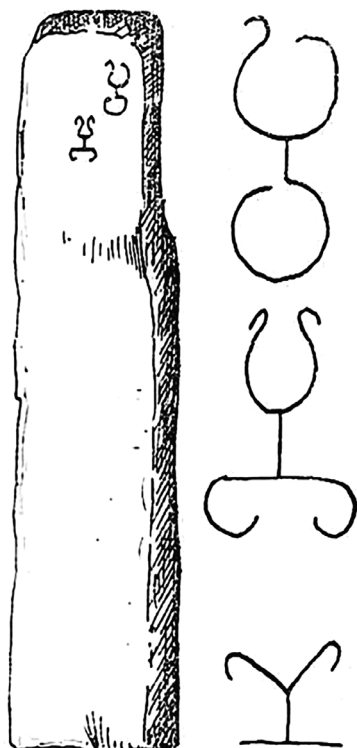

Рис. 4. Каменная стела из с. Заздрость.
Источник: [1, с. 67]

Fig. 4. Stone stela from Zazdryst village.
Source: [1, с. 67]

²Здесь и далее перевод наш. – Я. О.

запечки. В захоронении № 55, которое отличалось сложной конструкцией могильной ямы с подбоями, были обнаружены череп и кости овцы, а также ребра быка. Скелет овцы был найден также в погребении № 300³. Эти особенности, в совокупности с некоторыми формами лепной посуды так называемого Среднедунайского типа, позволяют предположить, что в комплексе чернелев-русского могильника присутствовал незначительный, однако довольно выразительный сарматский этнический компонент. Среди материалов могильника в с. Токи Волочисского района Тернопольской области, согласно информации исследователя И. П. Гереты, «в трех захоронениях была обнаружена вельбарская и сарматская лепная посуда, еще в одном находился горшок сарматского типа» [35, с. 146]. Анализ индивидуальных краниометрических данных, проведенный Т. А. Рудич, засвидетельствовал сарматские черты в 10 % мужских и 16 % женских захоронений на могильниках в с. Петриковцы, с. Косаново Винницкой области и с. Чернелев-Русский Тернопольской области [36, с. 80]. Сочетание вельбарских и сарматских элементов также было прослежено в комплексе детского захоронения № 58 с запечками на могильнике в с. Оселевка на Среднем Днестре [20, с. 39].

Таким образом, верхняя хронологическая граница сарматских древностей на Западном Подолье может достигать конца позднеимперского периода. Безусловно, это предположение еще требует более веского обоснования, однако сложная этнокультурная ситуация, сформировавшаяся на Западном Подолье во второй четверти I тыс. н. э., делает его вполне возможным.

В западной части Подольской возвышенности, Северном Прикарпатье и верхнем течении р. Западный Буг в позднеимперское время проживали племена, относящиеся к верхнеднепровскому варианту черняховской культуры (группа Черепин-Теремцы). Речь идет о памятниках, расположенных на территории Верхнего Приднестровья (с. Черепин, с. Свирж, с. Бурштын, с. Демьянов, с. Куропатники и др.) и в верхнем течении р. Западный Буг (Репнев-II, с. Ракобовты, с. Неслухив, г. Буск, п. Новый Ярычев, с. Гряда и др.). Этноконтактная зона германцев и славян, схожая с фронтиром, проходила у верховий Западного Буга, примерно на стыке Гологорского и Вороняцкого краев Подольской возвышенности (рис. 5). На сегодняшний день наиболее западным памятником вельбарской культуры в этом районе является поселение Йосиповка-III, расположенное на расстоянии чуть больше 20 км от черняховского в с. Ракобовты на р. Западный Буг. Несмотря на близкое

соседство, вельбарское влияние на материальную культуру населения Западного Побужья и Верхнего Поднестровья (за исключением небольшого количества фрагментов кумпфоподобных горшков [5, с. 81]) пока не прослеживается. Это дало основание Д. Н. Козаку предположить, что готы на своем пути в Северное Причерноморье обошли стороной данную территорию, а позже между германцами и славянами мог быть заключен определенный договор, который регулировал взаимоотношения народов [37, с. 36; 38, с. 215].

В связи с этим возникает вопрос о том, что заставило германское население обойти стороной Верхнее Поднестровье. Эта проблема на сегодняшний день малоизучена. В частности, дискуссионным представляется предположение Д. Н. Козака о том, что продвижение готов в этот район было остановлено военным сопротивлением славянских племен где-то на Волынской возвышенности [39, с. 126; 37, с. 7; 38, с. 211–212]. Ни исторические, ни археологические источники не дают оснований говорить о военных столкновениях на этой территории между славянами и германцами.

Вероятно, причина заключалась в другом. Предполагаем, что на эту ситуацию могли влиять как географические, так и этнические факторы. Известно, что волны миграции восточногерманских племен привели к заселению ими территории Западной Волыни. Картографирование показывает, что вельбарские памятники в основном расположены вдоль Волынской возвышенности (с. Ромош, с. Ястребичи, с. Свитаев, с. Федоровка, с. Линев-II, с. Загаи-II, с. Горка Полонка, с. Хренники и др.). Район Малого Полесья в это время был слабо заселен. Из-за определенных особенностей геоморфологического строения некоторые местности (например Буго-Стырское междуречье) были довольно заболочены и малопригодны для продвижения больших групп переселенцев. Кроме того, как свидетельствуют данные палеоклиматологии, в начале нашей эры происходят ощутимые изменения климатических условий, обозначенные повышением уровня Мирового океана. Это, в свою очередь, вызвало трансгрессию Черного моря и поднятие уровня вод в реках Европы [40, с. 115]. Такого рода природные процессы, несомненно, не могли миновать территорию Малополесской равнины, вследствие чего увеличилась заболоченность этого района.

Исходя из вышесказанного предполагаем, что в первой половине I тыс. н. э. Малое Полесье и особенно Волынское Полесье представляли собой слабопроходимые зоны, непригодные для больших миграционных потоков. Поэтому для движения на

³Тилищак В. С. Чернелево-Русский могильник черняхівської культури : дисертація ... канд. іст. наук. Київ, 2013. С. 57, 108, 149, 167–168.

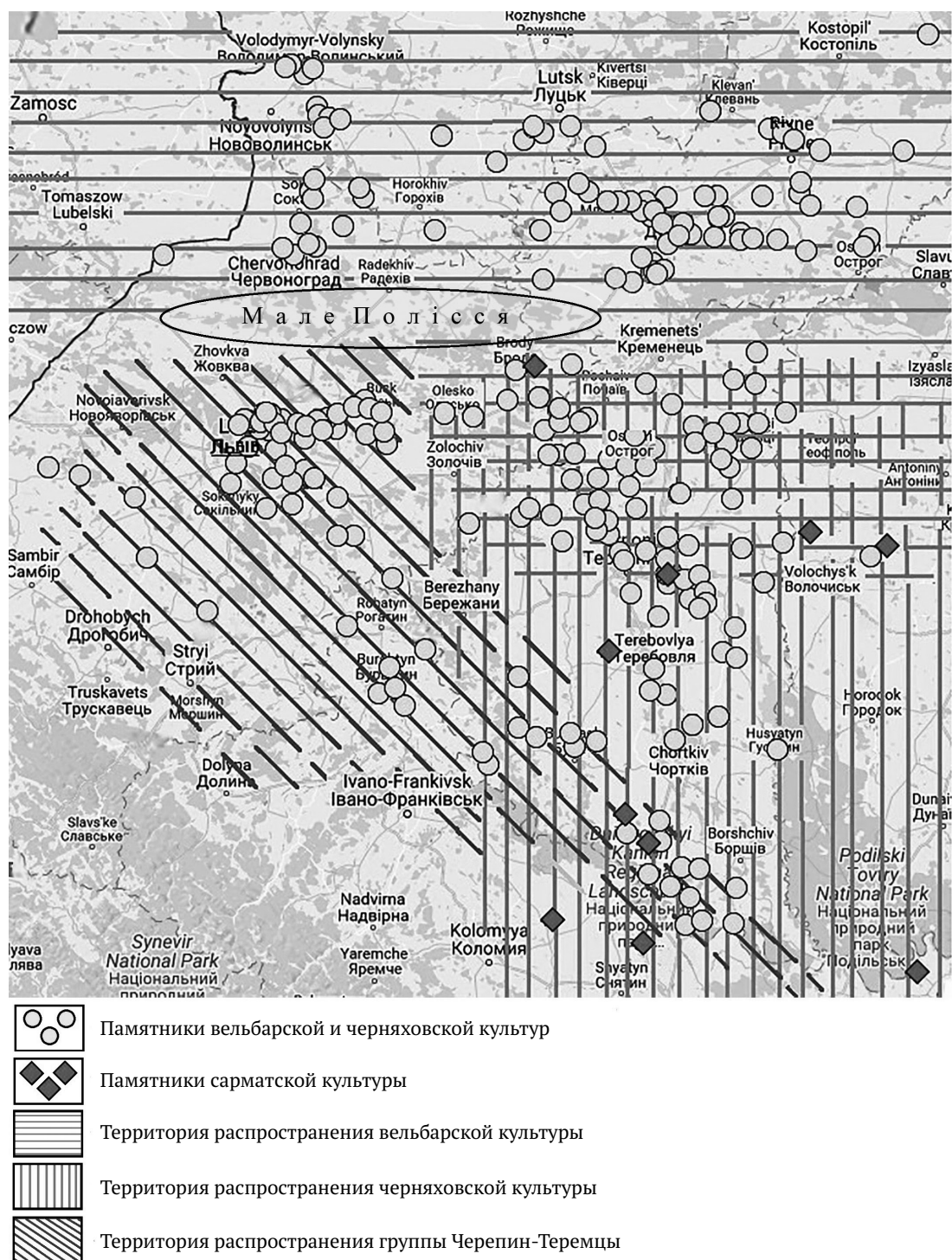

Рис. 5. Карта распространения культур второй четверти I тыс. н. э. на территории Западной Волыни и Подолья

Fig. 5. Map of distribution of the cultures in the second quarter of 1st millennium AD in the territory of Western Volhynia and Podillya

юг готы использовали давно известный сухопутный путь, который лежал через Люблинскую и Волынскую возвышенности и, выходя в район Кременецких гор (с. Великие Викнины, с. Борсуки, г. Шумск, с. Кобылье, с. Раковец, с. Рудка), достигал Северного Подолья. Перемещение вдоль Грядового Побу-

жья, в свою очередь, было затруднено компактным проживанием в этой местности славянских племен Верхнеднестровской группы черняховской культуры, которые, по мнению Д. Н. Козака, были враждебно настроены к пришельцам с Нижней Вислы [38, с. 114–116].

Заклучение

На территории Западного Подолья во второй четверти I тыс. н. э. происходили сложные исторические процессы, связанные с взаимовлияниями различных этнических групп населения, приведшие к культурной ассимиляции вельбарского населения и включению его в состав полиэтнического образования, материальным отражением которого в археологии являются памятники черняховской культуры. В то же время, как свидетельствуют памятники пограничья Северного Подолья и Малого Полесья, носители вельбарской культуры частично сохрани-

ли свой облик в керамическом производстве, особенностях домостроительства, элементах духовной культуры. Археологические исследования последних лет позволяют предположить, что в Западном Побужье существовала контактная зона на подобие фронта, разделявшая территории проживания германских и славянских племен Верхнеднепровской группы. Определенную роль в формировании черняховской среды Западного Подолья также сыграли сарматские племена, которые частично освоили эту территорию еще на рубеже новой эры.

Библиографические ссылки

1. Тиханова МА. О локальных вариантах черняховской культуры. *Советская археология*. 1957;4:168–194.
2. Кухаренко ЮВ. Волинская группа полей погребений и проблема так называемой гото-гепидской культуры (тезисы доклада). *Краткие сообщения Института археологии*. 1970;121:57–58.
3. Винокур ІС. *Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II–V ст. н. е.* Київ: Наукова думка; 1972.
4. Винокур І. *Черняхівська культура: витоки і доля*. Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка; 2000.
5. Баран ВД. *Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу)*. Київ: Наукова думка; 1981.
6. Баран ВД. *Давні слов'яни. Том 3*. Київ: Альтернативи; 1998.
7. Козак Д. Етноплемінна належність вельбарської культури в Україні (археологія, історія, лінгвістика). *Вісник Інституту археології*. 2006;1:8–15.
8. Магомедов Б. *Черняховская культура. Проблема этноса*. Люблин: Издательство университета Марии Кюри-Склодовской; 2001.
9. Винокур ІС. Вельбарские элементы и черняховские древности Лесостепи Украины II–V вв. н. э. В: *Kultura wielbarska w młodszym okresie Rzymskim (materiały z konferencji)*. Том 2. Lublin: UMCS; 1989. S. 217–224.
10. Винокур І. Старожитності Волино-Подільського пограниччя II–VII ст. н. е. В: Козак ДН, головний редактор. *Археологія Тернопільщини*. Тернопіль: Джура; 2003. С. 139–147.
11. Строцень Б. *Черняхівська культура Західного Поділля*. Тернопіль: Астон; 2008.
12. Строцень БС. Слов'яно-германське порубіжжя на Західному Поділля. В: *Доистория Восточной Европы поздне-римского времени – начала эпохи великого переселения народов. Выпуск 1. Материалы полевых семинаров у с. Войтенки 2009, 2010 гг.* Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина; 2011. с. 33–35.
13. Онищук Я. Кераміка вельбарської культури з поселення Дудин-II у верхів'ях р. Ікви. *Археологічні дослідження Львівського університету*. 2012;16:303–312.
14. Смішко МЮ. Селище доби полів поховань у Вікнінах Великих. *Археологія*. 1947;1:111–122.
15. Смішко МЮ. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р. В: *Археологічні пам'ятки УРСР Том 3. Ранні слов'яни і Київська Русь*. Київ: Видавництво Академії наук Української ССР; 1952. с. 337–378.
16. Строцень Б. Дослідження поселення пізньоримського часу біля с. Кобилля на Тернопільщині у 1991–1993 роках. В: Kokowski A. *Europa Barbarica. Świerć wieku archeologii w Masłomęczu. Monumenta Studia Gothica. Tom 4*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie – Skłodowskiej; 2005. S. 453–463.
17. Schuster J. Fibeln vom Typ Dybäck/Independența als Beispiel weitreichender Kontakte zwischen Nord- und Südosteuropa an der Schwelle zur Völkerwanderungszeit. V: *Na hranicích impéria. Extra Fines Imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. Narozeninám*. Brno: Masarykova univerzita; 2017. S. 371–380.
18. Конопля В, Войнаровський В, Онищук Я. *Черняхівське поселення Глядки у верхів'ї Південного Бугу*. Львів: Новий час; 2004.
19. Магомедов БВ. Сармати у складі черняхівської культури. В: Терпиловський РВ, відповідальний редактор. *Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е.* Київ-Львів: РАС; 1999. с. 132–142.
20. Гудкова ОВ. Про участь сарматів у виникненні черняхівської культури. *Археологія*. 2001;2:36–41.
21. Винокур ІС. Сармати у Прикарпатті. *Археологічні студії*. 2000;1:50–57.
22. Халиков АХ. Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тыс. н. э. В: Каспарова КВ, Щукин МБ, Обломский АЛ, Шинаков КА, Халиков АХ, Старостин ПН, Салугина НП и др. *Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет*; 1986. с. 73–89.
23. Герасименко НП. Ландшафтно-кліматичні зміни на території України за останні 2,5 тис. років. *Історична географія: початок XXI століття. Випуск 14. Матеріали міжнародної науково-теоретичної конференції; 3–6 жовтня 2007; Вінниця, Україна. Вінниця: Теза; 2007. с. 41–53.*
24. Janusz B. *Zabytki przedhistoryczne Galicji Wschodniej*. Lwów: Nakł. Tow. dla Popierania Nauki Polskiej z funduszu Bolesława Orzechowicza; 1918.
25. Czołowski A, Janusz B. *Przeszłość i zabytki Województwa Tarnopolskiego*. Tarnopol: Nakładem Powiatowej Organizacji Narodowej; 1926.

26. Бандрівський М. *Сварожі лики. Археологічно-релігійно-історичні нариси з історії Західної України*. Львів: Логос; 1992.
27. Pantalicha V; Chlebowski B, Walewski W. *Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Tom VII*. Warszawa: Wieku; 1886. S. 845.
28. Драчук ВС. Стела со знаками из Тербовельщины. *Советская археология*. 1967;2:43–44.
29. Смішко МЮ. Сарматські поховання біля с. Острівця Станіславівської області. *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. 1962;4:54–70.
30. Мелюкова АИ. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. 1953;51:60–73.
31. Винокур ИС, Вакуленко ЛВ. Киселевский могильник I–II вв. н. э. *Краткие сообщения Института археологии*. 1967;112:126–131.
32. Малеев ЮМ, Піоро ІС. Сарматське поховання в с. Буряківка на Тернопільщині. *Археологія*. 1973;12:73–76.
33. Малеев Ю, Симоненко О. Сарматські поховання на півдні Тернопільщини. *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. 2002;8:108–111.
34. Симоненко АВ, Лобай БИ. *Сарматы Северного Причерноморья в I в. н. э.* Киев: Наукова думка; 1991.
35. Герета ІП. Нові пам'ятки Західного Поділля в світлі проблем черняхівської культури. *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. 1995;6:144–163.
36. Рудич ТА. Сарматы в составе черняховской культуры (по материалам антропологии). В: Піоро ІС, Зубарь ВМ, Казанский М, Храпунов ИИ, Магомедов БВ, и др. *Готы и Рим. Сборник научных статей*. Киев: Стило; 2006. С. 73–86.
37. Козак ДН. До проблеми співіснування слов'ян і германців в Україні у другій чверті I тис. н. е. В: *Старожитності Русі-України*. Київ: Київ; 1994. с. 31–36.
38. Козак Д. *Венеції*. Київ: Киев; 2008.
39. Козак ДН. *Етнокультурна історія Волині (I ст. до н. е. – IV ст. н. е.)*. Київ: Наукова думка; 1992.
40. Федосов АВ. *Готские и славянские предгосударственные образования III–IV вв.* Брянск: Буквица; 2015.

References

1. Tikhanova MA. O lokal'nykh variantakh chernyakhovskoi kul'tury [About local options of the Chernyakhiv culture]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology]. 1957; 4:168–194. Russian.
2. Kukhareno YV. Volynskaya gruppa polei pogrebenii i problema tak nazyvaemoi goto-gepidskoi kul'tury (tezis doklada) [Volyn group of funeral fields and the problem of the so-called Goto-Gepid culture (thesis of the report)]. *Kratkie soobsheniya Instituta arheologii AN SSSR* [Brief Communications of the Institute of Archeology AS USSR]. 1970;121:57–58. Russian.
3. Vinokur IS. *Istoriya ta kul'tura chernjahiv's'kyh plemen Dnistro-Dniprovs'kogo mezhyrichchja II–V st. n. e.* [History and culture of the Chernyakhiv tribes of Dnistro-Dnirovsky interfluvium of the II–V centuries AD]. Kiev: Naukova dumka; 1972. Ukrainian.
4. Vinokur I. *Chernjahiv's'ka kul'tura: vytyky i dolja*. [Chernyakhiv culture: beginnings and destiny]. Kamenets-Podilsky: Kam'janec'-Podil's'kyj nacional'nyj universytet imeni Ivana Ogijienka; 2000. Ukrainian.
5. Baran VD. *Chernjahiv's'ka kul'tura (za materialamy Verhn'ogo Dnistra i Zahidnogo Bugu)* [Chernyakhiv culture (based on the materials of the Upper Dniester and the Western Bug)]. Kiev: Naukova dumka; 1981. Ukrainian.
6. Baran VD. *Davni slov'jany. Tom 3* [Ancient Slavs. Volume 3]. Kiev: Al'ternatyvy; 1998. Ukrainian.
7. Kozak D. Tribal interpretation of Verbal culture in Ukraine (archaeology, history, linguistics). *The bulletin Institute of archeologie of Lviv University* [Visnyk Instytutu arheologii]. 2006;1:8–15. Ukrainian.
8. Magomedov B. *Chernyakhovskaya kul'tura. Problema etnosa* [Chernyakhiv culture. Problem of ethnos]. Lublin: Izdatel'stvo unyversyteta Maryy Kjury-Sklodovskoj; 2001. Russian.
9. Vinokur IS. [Velbar elements and Chernyakhov antiquities of Ukraine Forest-steppe of the II–V centuries AD]. In: *Kul'tura wielbarska w młodszym okresie Rzymskim (materiały z konferencji). Tom II*. [Wielbark Culture in the Younger Roman Period (conference materials). Volume 2]. Lublin: UMCS; 1989. s. 217–224. Russian.
10. Vinokur I. Starozhytnosti Volyno-Podil's'kogo pogranychchja II–VII st. n. e. [Antiquities of the Volyn-Podilskyi borderlands of the II–VIII centuries AD]. In: Kozak DN, editor. *Arkheolohiya Ternopilshchyny* [Archeology of the Ternopil region]. Ternopil: Dzhura; 2003. p. 139–147. Ukrainian.
11. Strocen B. *Chernjahiv's'ka kul'tura Zahidnogo Podillja* [Chernyakhiv culture of West Podillya]. Ternopil: Aston; 2008. Ukrainian.
12. Strocen BS. Slawisch-germanisches Grenzgebiet in West-Podolje. In: *Doistoriya Vostochnoj Yevropy pozdnerimskogo vremeni – nachala epohi velikogo pereseleniya narodov. Vyp. 1* [Vorgeschichte von Osteuropa in der Späten Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit. Heft 1]. Kharkiv: HNU imeny V. N. Karazyna; 2011. p. 33–35. Ukrainian.
13. Onyshchuk J. The ceramics of wielbark culture from the settlement of dudyn ii in upper ikva. *Lviv University Archaeology Studies*. 2012;16:303–312. Ukrainian.
14. Smishko MY. [The settlement of the burial grounds era in the Vikyny Velyki]. *Arkheolohiya* [Archeology]. 1947;1:111–122. Ukrainian.
15. Smishko M. Doslidzhennja pam'jatok kul'tury poliv pohovan' v zahidnykh oblastjakh URSR u 1947 r. [The Study of cultural sites of burial grounds in the Western regions of the USSR in 1947] In: *Arheologichni pam'jatky URSR Tom 3. Ranni slov'jany i Kyi'vs'ka Rus'* [Archaeological sites Ukrainian SSR. Vol. 3: Early Slavs and Kyivan Rus]. Kiev: Vydavnytstvo Akademii' nauk Ukrainy; 1952. p. 337–378. Ukrainian.
16. Strocen B. Doslidzhennja poselennja pizn'oryms'kogo chasu bilja s. Kobylja na Ternopil'shchyni u 1991–1993 rokakh [The Study of the settlement of the late-Roman time near Kobylja village in the Ternopil region in 1991–1993]. In: Kokowski A. *Europa Barbarica. Ćwierć wieku archeologii w Masłomęczu. Monumenta Studia Gothica. Tom 4*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie – Skłodowskiej; 2005. s. 453–463. Ukrainian.

17. Schuster J. Fibeln vom Typ Dybäck/Independența als Beispiel weitreichender Kontakte zwischen Nord- und Südosteuropa an der Schwelle zur Völkerwanderungszeit. In: *Na hranicích impéria. Extra Fines Imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. Narodeninám*. Brno: Masarykova univerzita; 2017. s. 371–380. German.
18. Konoplia V, Voynarovskiy V, Onyshchuk J. *Chernyakhivs'ke poselennja Gljadky u verhiv'i' Pivdenного Bugu* [Chernyakhov settlement of Hliadka at the upper reaches of the Southern Bug]. Lviv: Novyj chas; 2004. Ukrainian.
19. Magomedov BV. Sarmaty u skladi chernyakhivs'koi' kul'tury [Sarmatians in Chernyakhiv culture]. In: Terpylovs'kyj RV, editor. *Etnokulturni protsesy v Pivdenno-Skhidnii Yevropi v I tysiacholitti n.e.* [Ethno-cultural processes in South-Eastern Europe in the 1st millennium BC]. Kyiv: Lviv: RAS; 1999. p. 132–142. Ukrainian.
20. Gudkova OV. About a participation of the Sarmatians in the origin of the Chernyakhovian culture. *Arkheolohiya* [Archaeology]. 2001;2:36–41. Ukrainian.
21. Vinokur IS. Sarmaty u Prykarpatti [Sarmatians in Pre-Carpathian region]. *Arkheolohichni studii* [Archaeological studies]. 2000;1:50–57. Ukrainian.
22. Khalikov AH. Ob etnokul'turnoi situatsii v Srednem Povolzh'e i Priural'e v I tys. n. e. [About ethno-cultural situation in the Middle Volga and Urals in the 1st millennium AD]. In: Kasparova KV, Shchukin MB, Oblomskii AL, Shinakov KA, Khalikov AKh, Starostin PN, Salugina NP and all. *Kul'tury Vostochnoi Evropy I tysiacheletiya* [Cultures of Eastern Europe of the 1st millennium]. Kuibyshev: Kuibyshevskii gosudarstvennyi universitet; 1986. p. 73–89. Russian.
23. Gerasimenko NP. Climatic and environmental changes in Ukraine during the last 2,500. *Istorichna geografiya: pochatok XXI stolittja. Materiali mizhnarodnoi' naukovo-teoretichnoi' konferencii'; 3–6 zhovtnja 2007 r.; Vypusk 14. Vinnicja, Ukraïna* [Historical geography: the beginning of the XXI century. Materials of international scientific-theoretical conference. 2007 October 3–6]. Issue 1. Vinnitsa, Ukraine] Vinnytsya: Teza; 2007. p. 41–53. Ukrainian.
24. Janush B. *Prehistoric remains of East Galicia*. Lviv: nakł. Tow. dla Popierania Nauki Polskiej z funduszu Bolesława Orzechowicza; 1918. Polish.
25. Cholowski A, Janush B. *The past and remains of the Tarnopol Voivodeship*. Tarnopol: Nakładem Powiatowej Organizacji Narodowej; 1926. Polish.
26. Bandrivsky M. *Svarozhi lyky. Arheologichno-religijeznavchi narysy z istorii' Zahidnoi' Ukrai'ny* [Svarozhi Faces. Archaeological and Religious Essays from the History of Western Ukraine]. Lviv: Logos; 1992. Ukrainian.
27. Pantalicha V, Chlebowskii B, Walewski W. *Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Tom VII. Warszawa: Wieku; 1886. s. 845*. Polish.
28. Drachuk VS. Stela so znakami iz Terebovel'shchiny [Stella with signs from Terebovlya region]. *Sovetskaia arkheolohiya* [Soviet Archeology]. 1967;2:43–44. Russian.
29. Smishko MY. Sarmats'ki pohovannja bilja s. Ostrivec' Stanislavivs'koi' oblasti [Sarmatian burial grounds near Ostrivec village in Stanislaviv region] *Materialy i doslidzhennja z arkheolohii Prykarpattia i Volyni* [Materials and studies on archeology of Sub-Carpathian and Volhynian area]. 1962;4:54–70. Ukrainian.
30. Melukova AI. Pamyatniki skifskogo vremeni na Srednem Dnestre [The sites of Scythian Time in the Middle Dniester]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoj kultury* [Brief Communications of the Institute of the History of Material Culture]. 1953;51:60–73. Russian.
31. Vinokur IS, Vakulenko LV. Kiselevskii mogil'nik I–II vv. n. e. [Kiselev burial ground of the I–II centuries AD]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology AS USSR]. 1967;112:126–131. Russian.
32. Maleev YM, Pioro IS. Sarmats'ke pohovannja v s. Burjakivka na Ternopil'shhyni [Sarmatian burial ground in Buryakivka village in the Ternopil region]. *Arkheolohiya* [Archaeology]. 1973;12:73–76. Ukrainian.
33. Maleev Y, Simonenko O. Sarmats'ki pohovannja na pıvdni Ternopil'shhyni [Sarmatian burial grounds in the South of Ternopil region]. *Materialy i doslidzhennja z arkheolohii Prykarpattia i Volyni* [Materials and studies on archeology of Sub-Carpathian and Volhynian area]. 2002;8:108–111. Ukrainian.
34. Simonenko AV, Lobai BI. *Sarmaty Severno-Zapadnogo Prichernomor'ya v I v. n.* [Sarmatians of the North-Western Black Sea region in the 1st century AD]. Kiev: Navukova dumka; 1991. Russian.
35. Gereta IP. Novi pam'jatky Zahidnogo Podillja v svitli problem chernyakhivs'koi' kul'tury [New sites of the Western Podillja in the light of the problems of Chernyakhiv culture]. *Materialy i doslidzhennja z arkheolohii Prykarpattia i Volyni* [Materials and studies on archeology of Sub-Carpathian and Volhynian area]. 1995;6:144–163. Ukrainian.
36. Rudich TA. Sarmaty v sostave chernyakhovskoi kul'tury (po materialam antropologii) [Sarmatians as a part of the Chernyakhov culture (by anthropology materials)]. In: Pioro IS, Zubar' VM, Kazanskii M, Khrapunov IN, Magomedov BV et al. *Goty i Rim. Sbornik nauchnykh statej* [Goths and Rome. collection of scientific articles]. Kiev: Stilos; 2006. p. 73–86. Russian.
37. Kozak DN. [The problem of the Slavs and Germans coexistence in Ukraine in the second quarter of the 1st millennium AD]. In: *Starozhytnosti Rusi-Ukraïny* [Antiquities of Rus-Ukraine]. Kyiv: Kyiv; 1994. p. 31–36. Ukrainian.
38. Kozak D. *Venedy* [Venedy]. Kiev: Kiev; 2008. Ukrainian.
39. Kozak DN. *Etnokul'turna istorija Volyni (I st. do n. e. – IV st. n. e.)*. [Ethnocultural history of Volyn (I century BC – IV century AD)]. Kyiv: Naukova dumka; 1992. Ukrainian.
40. Fedosov AV. *Gotskie i slavyanskije predgosudarstvennye obrazovaniya III–IV vv.* [Gothic and Slavic pre-state formations in III–IV centuries]. Bryansk: Bukvitsa; 2015. Russian.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Белявина В. Н., Ракова Л. В. **Белорусский костюм**. Минск: Беларусь, 2017. 463 с.: ил.

Бялявіна В. М., Ракава Л. В. **Беларускі касцюм**. Мінск: Беларусь, 2017. 463 с.: іл.

Belyavina V. M., Rakava L. V. **Belarusian costume**. Minsk: Belarus, 2017. 463 p.: il.

Адзенне з'яўляецца важным элементам культуры, які выконвае фундаментальную функцыю па забеспячэнні фізіялагічных патрэб чалавека ў ахове цела ад навакольнага асяроддзя. Акрамя гэтага, вялікае значэнне надаецца сімвалічнай ролі касцюма ў грамадстве, нездарма народная мудрасць кажа: «Сустрэкаюць па адзенні...». Таксама касцюм візуальна прадстаўляе знешняе аблічча і этнічныя асаблівасці народаў. У адзенні кожнага гістарычнага перыяду адлюстроўваюцца ўзровень развіцця грамадства, эканамічныя і культурныя сувязі з суседзямі, маральныя нормы, эстэтычныя густы, сацыяльны статус і маёмасны стан розных сацыяльных слаёў насельніцтва.

Культура беларусаў, развіваючыся на мясцовых этнічных традыцыях, са старажытнасці знаходзілася ў зоне пастаяннага ўзаемадзеяння з іншымі народамі рэгіёна. У выніку была створана багатая самабытная культура, якой цяпер мы можам ганарыцца.

Вывучэнне гістарычнай эвалюцыі касцюма, яго этнічных і рэгіянальных варыяцый, стыляў і фасонаў стала асобным міждысцыплінарным напрамкам, які аб'яднаў гісторыкаў мастацтва, мастацтвазнаўцаў, музейнаўцаў, этнолагаў, мадэльераў і інш. У шэрагу выданняў па згаданай тэме этналагічныя працы займаюць важнае месца, таму што накіраваны на комплекснае і культуралісцкае, халістычнае вывучэнне святочнага і штодзённага касцюма розных гістарычных эпох, этнасаў і сацыяльных груп.

Рэцэнзуемая праца належыць пяру вядомых акадэмічных этнолагаў і з'яўляецца працягам серыі даследаванняў, прысвечаных адзенню беларусаў. Гістарычны касцюм, як феномен матэрыяльнай

культуры беларусаў, вывучаны яшчэ недастаткова. Да пачатку 2000-х гг. у асноўных працах этнолагаў разглядалася толькі народнае адзенне XIX – пачатку XX ст., за межамі навуковага аналізу заставаўся вялікі пласт культуры шляхты і гараджан, а таксама складаны працэс эвалюцыі адзення.

У сувязі з гэтым фундаментальнае гісторыка-этналагічнае даследаванне В. М. Бялявінай і Л. В. Ракавай, у якім разглядаецца гістарычнае развіццё касцюма ўсіх асноўных сацыяльна-аслоўных груп гарадскога і вясковага насельніцтва Беларусі з ранняга Сярэднявечча да цяперашняга часу, з'яўляецца цікавай і практычна значнай працай.

Храналагічная працягласць разглядаемага аўтарамі гістарычнага перыяду, сацыяльна-аслоўная дыферэнцыраванасць і шматварыянтнасць касцюмных комплексаў прадстаўнікоў кожнага саслоўя патрабавалі прыцягнення да навуковага аналізу шматлікіх навуковых і літаратурных крыніц.

Аўтарамі сабраны, тэматычна сістэматызаваны, абагульнены і прааналізаваны вялікі фактычны матэрыял: летапісы і гістарычныя хронікі, археалагічныя артэфакты, інвентары, вопісы маёмасці, судовыя справы, тэстаменты з актавых матэрыялаў XVI–XVIII стст., мытныя кнігі беларускіх гарадоў, мемуарная літаратура, дзённікі і дарожныя нататкі падарожнікаў, палявыя экспедыцыйныя даследаванні аўтараў і супрацоўнікаў аддзела народнага ўстава Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы НАН Беларусі, працы беларускіх гісторыкаў і этнографаў XIX–XX стст.

Манаграфія багатая ілюстравана мініяцюрамі летапісаў, творами старажытнабеларускага іканапісу, старажытнымі гравюрамі, параднымі партрэтамі магнатэрыі і шляхты Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай з музейных калекцый Беларусі, Польшчы, Украіны, фотаздымкамі сярэдзіны XIX – пачатку XXI ст., што выгадна адрознівае яе ад выданняў іншых даследчыкаў. Ізаграфічныя матэрыялы добра суадносяцца з тэкстам кнігі, гэта ўзмацняе эфект ад прачытання.

Трэба адзначыць, што эвалюцыя мужчынскага і жаночага касцюмаў разглядаецца аўтарамі на фоне гістарычнага развіцця грамадства і тых палітычных, сацыяльна-эканамічных і этнічных працэсаў, якія так ці іначэй уплывалі не толькі на стылі і фасоны адзення, але і на культуру Беларусі ў цэлым.

Выданне мае лагічную структуру. Кніга падзелена на дзве главы: «Мужчынскі касцюм» і «Жаночы касцюм». У кожнай главе змешчаны раздзелы па эвалюцыі касцюмных комплексаў сялян, прывілеяванага саслоўя і гараджан. Асобныя раздзелы разглядаюць у храналагічнай паслядоўнасці гістарычнае развіццё верхняй вопраткі, галаўных убораў, абутку і аксесуараў. Улічваючы важнае значэнне зброі і ваеннага касцюма для шляхты, аўтары прысвечваюць гэтай тэме таксама асобны раздзел.

У першых раздзелах абедзвюх глаў, якія прысвечаны мужчынскаму і жаночаму касцюмам прывілеяванага саслоўя і гараджан, прадстаўлены шырокі спектр гістарычных комплексаў мужчынскага і жаночага адзення – ад парадна-цырыманіяльных княжацкіх убораў XI ст. да гарадскога касцюма канца XX ст.

На шырокім фактычным матэрыяле аўтары прасочваюць працэс развіцця касцюма знаці ВКЛ у рэчышчы еўрапейскай палацавай моды, адзначаючы, што касцюм служыла шляхты ў XVI–XVIII стст. захоўваў усходневізантыйскія рысы, мелі месца і запазычаны ў часы войнаў і ўзброеных сутычак з татарамі і туркамі прадметаў іх адзення. У кнізе прадстаўлена вялікая колькасць адметных форм і крояў гістарычнага адзення, такіх як дэлія, капеняк, газука, чамара, тарлоп, жупан, кунтуш, жустакор і іншыя з усходніх шаўковых узорыстых тканін, падшытых футрам рысі, бобра, куніцы, собаля, вавёркі, лісы.

Верхнім адзеннем для верхавой язды служылі суконныя армякі, падшытыя футрам бекешы, безрукаўныя плашчы (епанчы), галаўнымі ўборамі – рознай формы шапкі, упрыгожаныя прам чорнай чаплі, каршуна або кітой з пёраў.

У сярэдзіне XVII ст. у касцюмны комплекс шляхты ўвайшоў кунтуш, запазычаны ў венграў. Кунтуш, надзеты на жупан і падпірэзаны шырокім усходнім або слугкім поясам, заставаўся саслоўным касцюмам этнічна неаднароднай шляхты Рэчы Паспалітай да канца XVIII ст. Такое адзенне, поруч з еўрапейскім, насілі магнаты, багатыя гараджане, служачыя гарадскіх магістратаў, пляцовыя вартавыя.

У XVIII ст. пануючым становіцца стыль ракако. Жанчыны пачынаюць насіць спадніцы на каркасе з кітовага вуса. Сукенкі гэтага перыяду мелі глыбокае дэкальтэ, тонкую, заціснутую гарсэтам талію, вузкія рукавы да локця, упрыгожаныя знізу брыжамі з карункаў.

З 1780-х гг. у магнатаў і заможных гараджан увайшоў у моду еўрапейскі касцюм з фракам.

У комплексе з ім сталі насіць камізэлькі, вузкія штаны-панталоны, бацінкі.

На мяжы XVIII–XIX стст. у жаночай модзе набыў папулярнасць грэчаскі стыль. Арыстакраткі пачалі насіць сукенкі свабоднага сілуэта з паяском пад грудзямі, але ўжо ў сярэдзіне XIX ст. вярнуліся да сукенак са спадніцай на абручах і станікам, сфарміраваным тугім гарсэтам. Жанчыны з забяспечаных слаёў гараджан у канцы XIX ст. мелі чатыры абавязковыя еўрапейскага кшталту туалеты: ранішняю хатнюю сукенку; сукенку для шпацыраў, хаджэння па магазінах і візітаў; сукенку для хатніх прыёмаў; сукенку для тэатра, балю, званых абедар. З пачатку XX ст. касцюм вышэйшага саслоўя і гараджан становіцца агульнаеўрапейскім.

У раздзелах, прысвечаных традыцыйнаму сялянскаму адзенню, навуковы аналіз чакана грунтуецца пераважна на багатым этнаграфічным матэрыяле XIX–XX стст. Пісьмовых сведчанняў і ізаграфічных матэрыялаў больш ранняга часу засталася мала, таму праца ў значнай ступені абавіраецца на зробленыя археолагамі рэканструкцыі касцюмаў жыхароў Беларусі X–XIII стст. Таксама аўтары зыходзілі з меркавання аб храналагічнай і рэгіянальнай устойлівасці комплексаў сялянскага адзення на працягу значнага часу.

У апісанні сялянскага касцюма перыяду Сярэднявечча даследчыцы шырока выкарыстоўвалі старажытнабеларускі іканапіс, дзе ўвядзенне ў рэлігійны сюжэт мясцовых побытавых рэалій, у тым ліку і адзення, рабіла абразы больш зразумелымі для вернікаў. З канца XIX ст. надзейнай крыніцай па гісторыі сялянскага касцюма становіцца фатаграфія, якая зафіксавала яго рэгіянальныя і лакальныя асаблівасці.

Аўтары звяртаюць увагу на сціпласць і функцыянальнасць штодзённай вопраткі, а таксама на значна большае аздабленне і лепшую якасць святочнага адзення. Доўгі час вопратка была цалкам даматканай, з мясцовага лёну і воўны.

Трэція раздзелы першай і другой глаў прысвечаны разгляду гістарычных форм верхняга адзення ўсіх асноўных сацыяльных слаёў насельніцтва ад каралеўскага двара і магнатаў да сялян. Як сведчаць архіўныя крыніцы, для прывілеяваных слаёў насельніцтва верхняй вопратка шылася з дарагіх тканін (парчы, аксаміту, шоўку) яркіх колераў, падшывалася футрам і ўпрыгожвалася каштоўнымі камянямі, залатымі і пазалочанымі гузамі і гузікамі. Багацце верхняй вопраткі магнатэрыі пацвярджаецца ў кнізе партрэтнымі выявамі вялікіх князёў літоўскіх і магнатаў.

У XIX ст. мужчынскае адзенне карэнным чынам мяняецца па форме, сілуэце і асартыменце. Каляровая гама становіцца стрыманай, фрак замяняецца ў штодзённым жыцці сурдудам, а затым – пінжаком. Адзенне пачалі шыць з цёмных тканін, толькі ўлетку мужчыны апраналі белыя пінжакі і нагавіцы, а таксама прыглушанага адцення – шэрыя, крэ-

мавыя, бежавыя. Касцюм дваранска-чыноўніцкай вярхушкі гараджан вылучаўся адпаведнасцю высокай еўрапейскай модзе, каштоўнасцю тканін, бездакорнасцю аксесуараў. Адзенне мяшчан, рабочых і гарадской беднаты адрознівалася ад касцюмаў заможных гараджан якасцю тканін, адсутнасцю белых і светлых колераў.

Наступныя раздзелы ў главах прысвечаны гістарычнай эвалюцыі галаўных убораў – ад кароны да сялянскай шапкі і жаночай наміткі. Істотнае значэнне, як адзначаюць аўтары, надавалася колеру і дыхтоўнасці футра галаўнога ўбору, яго адпаведнасці еўрапейскай або мясцовай модзе. Нават жанчыны з каралеўскага акружэння, якія цалкам перайшлі на еўрапейскі палацавы касцюм, да XVII ст. не рызыкавалі хадзіць з непакрытымі валасамі. Для прыкладу аўтары згадваюць каралеву Барбару Радзівіл, якая насіла модны ў Еўропе берэт паверх чапца і жамчужнай апаяскі, якія поўнасцю хавалі валасы. Толькі ў канцы XVI – пачатку XVII ст. жанчыны з магнатаўскага асяроддзя пачалі насіць чапцы з залатой брамкай, якія адкрывалі валасы спераду. З сярэдзіны XVII ст. знатныя жанчыны апраналіся і рабілі прычоскі па французскай модзе часоў Людовіка XIII.

Паступова капелюшы знатных жанчын, багатых шляхціцаў і гараджанак становяцца надзвычай разнастайнымі і ўсё больш пачынаюць адпавядаць элітнай еўрапейскай модзе. Іх выраблялі з аксаміту, фетру, футра, саломкі, аздаблялі карункамі, вусямі, стужкамі, штучнымі кветкамі, пёрамі страуса.

Як важны кампанент касцюма аўтары разглядаюць абутак, найбольш старажытным відам якога на Беларусі былі плеценныя з лыка, лазовай ці вязавай кары лапці. Скураны абутак здаўна быў характэрным для гараджан. Для магнатаў і багатай шляхты абутак вырабляўся з саф’яну, які фарбавалі пераважна ў чырвоны і жоўты колеры. З пашырэннем эканамічных сувязяў з Еўропай і ростам прамысловасці павялічваўся і асартымент абутку, форма і знешні выгляд якога адпавядалі агульнаму мастацка-стылявому комплексу адзення канкрэтнага гістарычнага перыяду.

Касцюм істотна ўзбагачалі разнастайныя аксесуары: пальчаткі, фурнітура, паясы, ювелірныя вырабы. У славянскіх археалагічных помніках VI–IX стст. неаднаразова сустракаюцца бранзалеты, пацеркі, фібулы, паясныя спражкі і разнастайнай формы бляшкі ад паясных набораў.

З пачатку XVI ст. сярод магнатаў, багатай шляхты і заможных гараджан пачынаецца шырокае распаўсюджанне розных форм заходнееўрапейскага касцюма, які дапаўняўся залатымі ланцугамі, пярсцёнкамі, залатымі і сярэбранымі паясамі, каштоўнымі засцёжкамі, залатымі і пазалочанымі гузамі і гузікамі (кнафлямі) з устаўкамі з каштоўных камянёў, усходнімі шаўковымі паясамі, пра што сведчаць прыведзеныя аўтарамі шматлікія пісьмовыя крыніцы і парадныя партрэты магнатэрыі.

Аксесуары, як і ўсё касцюм, відазмяняліся ў залежнасці ад моды. Упрыгажэнні для асноўнай масы гараджан вырабляліся мясцовымі майстрамі ў ювелірных майстэрнях у Менску, Полацку, Наваградку і іншых гарадах Беларусі.

Адметнасць кнігі – дапаўненне аўтарамі главы пра мужчынскі касцюм раздзелам аб баявым адзенні, якое са старажытнасці займала значнае месца ў штодзённым жыцці і ваенных паходах служылай шляхты. У XII–XIII стст. асноўнай зброяй быў меч, таму ваеннае адзенне максімальна прыстасоўвалася да абароны цела воіна ў бліжнім баі.

Вынаходніцтва пораху дало пачатак вырабу агнястрэльнай зброі, якая зрабіла пераварот у ваеннай справе. Аўтарамі разглядаюцца змены ў стратэгіі і тактыцы ваенных дзеянняў, эвалюцыя зброі шляхты ў XIV–XVIII стст., адзначаецца ўплыў заходнееўрапейскай рыцарскай культуры на ваенную арганізацыю княства. Ваенны рыштун павінны былі мець і члены гарадскіх рамесных цэхаў на выпадак ваенных дзеянняў ці аблогі горада непрыяцелем. З XVI ст. неад’емным элементам касцюма шляхціца стала шабля, як сімвал яго прыналежнасці да адпаведнага саслоўя.

Аднак трэба звярнуць увагу і на некалькі момантаў, якія аўтары, на мой погляд, не здолелі асвятліць належным чынам. Нягледзячы на цалкам правільнае імкненне даць цэласную карціну па разглядаемым пытанні, у працы крыху выпадае позняе Сярэднявечча. Таксама часта змены ў модзе і адзенні апісваюцца як лагічныя падзеі (перадусім з XXI ст.), але прычыны гэтай з’явы абгрунтаваны не заўсёды.

Вялікі і цікавы матэрыял, змешчаны ў кнізе, навуковасць і дакладнасць фармулёвак і гарманічнае спалучэнне ў тэксце этналагічнага, гістарычнага і мастацтвазнаўчага аспектаў, распрацаваны аўтарамі паняцціна-тэрміналагічны апарат робяць разгледжаную кнігу карыснай для даследчыкаў матэрыяльнай культуры беларусаў, мастакоў, дызайнераў касцюма і масавага чытача.

С. А. Захаркевіч¹

¹Степан Артурович Захаркевич – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета.

Сцяпан Артуравіч Захаркевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры этналогіі, музеялогіі і гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Stsyapan A. Zakharkevich, PhD (history), docent; associate professor at the department of ethnology, museology and history arts, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: stepanzah@mail.ru

Państwo – Demokracja – Chłopi. Studia z historii społeczno-politycznej Polski (XVII–XX w.). Tom studiów dedykowany Profesorowi Romualdowi Waławowi Turkowskiemu z okazji 65-lecia urodzenia i 40-lecia pracy dydaktyczno-naukowej / Pod red. S. J. Pastuszki i J. Szejnbnis-Zdyb. Warszawa – Kielce – Pułusk, 2016. 855 s.

State – Democracy – Peasants. The collection of research on the social and political history of Poland (XVII – XX centuries). The book is dedicated to Professor Romuald Waław Turkowski for his 65th anniversary and 40th anniversary of his scientific and didactic activities / ed. by S. J. Pastuszka and J. Szejnbnis-Zdyb. Warsaw – Kielce – Pułusk, 2016. 855 p.

Прафесар Варшаўскага ўніверсітэта доктар хабілітаваны Рамуальд Вацлаў Туркоўскі з’яўляецца вядомым спецыялістам па гісторыі сялянскага руху ў Польшчы і Чэхаславакіі ў XX ст. Акрамя гэтага, у яго навуковым багажы ёсць шматлікія працы, прысвечаныя гісторыі польскіх эмігранцкіх структур у 1945–1990 гг., шматтомнае выданне дакументаў па гісторыі Польшчы ў XX ст. і інш. Беларускім даследчыкам імя прафесара Туркоўскага знаёмае па публікацыях у навуковым зборніку «Российские и славянские исследования»¹, у рэдакцыйны савет якога ён уваходзіў пачынаючы з 2009 г.

Разглядаемая праца прысвечана дзвюм датам: 65-гадоваму юбілею прафесара Р. Туркоўскага і 40-годдзю яго навукова-дыдактычнай дзейнасці. Выданне пачынаецца словамі віншавання юбіляра, яго біяграфіяй, спісам навуковых прац за 1976–2016 гг., пералікам найбольш вядомых яго вучняў і тэм іх дысертацый (с. 11–76). Асноўны змест кнігі падзелены на 7 раздзелаў: «Парламентарызм, сяляне, палітыка», «Сялянскія лідары і дзеячы», «Рэлігія, асвета і культура», «Абарона і бяспека краіны», «Здароўе і сацыяльная апека», «Пазіцыя і памкненні маладога вясковага пакалення», «Varia».

У першым раздзеле прадстаўлены нарыс М. Адамчыка аб гісторыі сялянскага руху як руху палітычнага, які налічвае больш за 120 год. Праца Я. Гмітрука характарызуе выбарчы досвед сялянскага руху і ступень удзелу ў палітычным жыцці Польскай рэспублікі на працягу ўсяго перыяду існавання. Аўтар адзначае дасягненні і цяжкасці ў дзейнасці палітыкаў, якія ў сучаснай Польшчы выступаюць ад імя сялян.

Гаворачы пра палітычныя традыцыі Польшчы, К. Айеўскі звяртае ўвагу на амаль дэтэктыўную гісторыю. Ён прасочвае лёс шкатулкі, у якой захоўваўся тэкст Канстытуцыі Польскага каралеўства

(1815 г.), на працягу амаль 200 год. З улікам таго, што на дадзены момант яна захоўваецца ў Цэнтральным дзяржаўным гістарычным архіве ў Маскве, аўтар ставіць пытанне аб неабходнасці вяртання і шкатулкі, і тэксту Канстытуцыі ў Польшчу.

Сярод праблем XIX і XX стст. у кнізе разглядаюцца гісторыя сялянскага перыядычнага друку (М. Беднажак-Лібера, З. Качыньскі), партыйна-палітычнае жыццё ў Польшчы ў перыяд «санацыі» (З. Запароўскі, С. Ю. Пастушка, А. Р. Сулаўка), дзейнасць па адраджэнні сялянскага руху ў канцы 1980-х гг. на Любліншчыне (А. Краўчык). Сюды ж адносіцца характарыстыка фондаў архіва Інстытута гісторыі сялянскага руху па гісторыі сялянскага прафсаюзнага руху ў 1980-я гг. (А. Пшыбыльска).

Для беларускіх спецыялістаў несумненны інтарэс прадстаўляюць сюжэты з гісторыі міжваеннай Польшчы. Так, С. Ю. Пастушка звяртае ўвагу на эвалюцыю палітычнага рэжыму Польскай рэспублікі і яго парламенцкі шлях ад дэмакратыі да аўтарытарнага праўлення. Даследчык падрабязна аналізуе заканадаўчыя акты і ўмовы, у якіх яны былі распрацаваны і прыняты, дае ацэнку дзейнасці Ю. Пілсудскага і яго паплечнікаў. Пытанне актыўнасці і ўзаемадзеяння прадстаўнікоў розных плыняў сялянскага руху ў Сенаце Польскай рэспублікі ў 1928–1930 гг. разглядае З. Запароўскі. У сваю чаргу, А. Р. Сулаўка звяртае ўвагу на працэс узнікнення і функцыянавання Сялянскай левай партыі (СЛП) у 1927–1928 гг. Ён адзначае, што спробы яе стварэння былі зроблены пасля роспуску Незалежнай сялянскай партыі, якая фактычна падпарадкоўвалася нелегальнай Камуністычнай партыі Польшчы. Аўтар сцвярджае, што ў сваёй дзейнасці СЛП сутыкнулася з адмоўным стаўленнем не толькі з боку афіцыйных улад, але і камуністаў, і беларускага сялянства. Гэта не дазволіла ёй правесці сваіх прадстаўнікоў у сейм падчас парламенцкіх выбараў 1928 г. Слабасць палітычных пазіцый партыі прывяла фактычна да заняпаду яе дзейнасці і ўліцця найбольш актыўных прадстаўнікоў у іншыя палітычныя сялянскія аб’яднанні.

Другі раздзел кнігі прысвечаны вядомым сялянскім дзеячам як дзяржаўнага, так і рэгіянальнага маштабу. Тут гаворка ідзе пра палітыка і прафесійнага гісторыка, прафесара Ю. Р. Шафліка (Я. Яхымэк), К. Межэўскага (Т. Пекарскі), дзейнасць А. Багуслаўскага на Любліншчыне ў гады Першай сусветнай вайны (М. Віхманаўскі) і інш.

Асобны раздзел прысвечаны праблемам гісторыі рэлігіі, асветы і культуры. У ім разглядаецца культ езуітаў, прылічаных да ліку святых,

¹Туркоўскі Р. «II Рэч Паспалітая» ў лонданскай эміграцыі ў 1945–1991 гг. (Прэзідэнт – урад – квазі-парламенцкія інстытуты) // Российские и славянские исследования : науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Вып. 4. Минск : БГУ, 2009. С. 84–90; Туркоўскі Р. Заходняя прэса аб грамадска-палітычнай сітуацыі ў Польшчы ў 1945–1947 гг. // Российские и славянские исследования : науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Вып. 6. Минск : БГУ, 2011. С. 48–55.

у Плоцкай дзяцэзіі (Р. Лоло), аналізуюцца імёны жыхароў г. Пултуска і аколіц, нададзеныя ім пры хрышчэнні ў 1875–1910 гг. (К. Вісьнеўскі), сістэма выхавання дзяўчат у сельскагаспадарчых школах міжваеннай Польшчы (Б. Вагнер), стан сельскай асветы ў Варшаўскім павеце ў міжваенны перыяд (Й. Залэнчны), дзейнасць Галоўнай школы сельскай гаспадарскі ў гады Другой сусветнай вайны (С. Стэмпка) і інш. Цікавасць прадстаўляе артыкул А. Касескага пра гістарычныя інтэрпрэтацыі ў Польшчы аповесці М. Гоголя «Тарас Бульба». Даследчык адзначае, што доўгі час публікацыя гэтага твора на польскай мове па розных прычынах не была магчымай і толькі ў 2002 г., праз 150 год пасля смерці аўтара, аповесць пабачыла свет.

У чацвёртым раздзеле – «Абарона і бяспека краіны» – змяшчаюцца артыкулы па крыніцазнаўстве М. Нагельскага, Е. Мазурэка, М. і К. Карчыньскіх. Тут жа разглядаюцца пытанні, звязаныя з падрыхтоўкай польскага грамадства да абароны краіны ў другой палове 1930-х гг. (М. Гелеціньскі) і паводзінамі падчас чэхаславацкага крызісу 1938 г. (В. Влдаркевіч), удзелам польскіх узброеных адзінак у баявых дзеяннях Другой сусветнай вайны (М. Лучнеўскі, А. Ч. Даброньскі), саветызацыяй Львоўскай вобласці ў 1944–1953 гг. (Д. М. Маркоўскі) і інш.

Невялікі раздзел прысвечаны адлюстраванню пытанняў аховы здароўя і сацыяльнай апекі. М. Мілеўска звярнула ўвагу на такую хваробу, як туберкулёз, з пункта гледжання гісторыка. Аўтар сцвярджае, што ў другой палове XIX ст. гэта была найбольш небяспечная заразная хвароба, і на прыкладзе Плоцкай губерні аналізуе прычыны захворвання, колькасць захварэўшых, спосабы лячэння і прафілактыкі і г. д. Іншыя матэрыялы гэтага раздзела прысвечаны ўспрымання ў 1944 г. польскім грамадствам на вызваленых ад нямецкіх

захопнікаў землях бежанцаў з Варшавы (К. Пшыбыш) і аналізу дапамогі ЮНРРА (*United Nations Relief and Rehabilitation Administration*) Польшчы на прыкладзе Пшасныскага павета ў 1945–1947 гг. (В. Лукашэўскі). Аб'ядноўвае згаданыя публікацыі думка аб тым, што пасля Другой сусветнай вайны польскае грамадства, як і эканоміка, знаходзілася ў крызісным стане, а таму аказанне любой дапамогі ўспрымалася з вялікай удзячнасцю. Тым больш ва ўмовах, калі ні польскі ўрад у эміграцыі, ні пракамуністычныя структуры не мелі сродкаў і магчымасцей для забеспячэння насельніцтва прадуктамі харчавання і таварамі першай неабходнасці.

Складальнікі зборніка не абышлі ўвагай і пытанне пазіцыі і памкненняў вясковай моладзі (шосты раздзел выдання): разглядаецца яе ўдзел у палітычных рухах (К. Русік), даецца ацэнка ідэй аграрызму (А. Вуйцік) і ўспрымання ідэйнай спадчыны аднаго з заснавальнікаў сялянскага руху В. Вітаса (М. Вуйтовіч).

Апошняя частка кнігі – «Varia» – прысвечана аналізу натывізму – пратэстанцкага руху англійскіх перасяленцаў у ЗША (І. Русінава).

Завяршае выданне дадатак, у якім змешчаны фотаздымкі лістоў з віншаваннямі юбіляра і фотаздымкі, якія адлюстроўваюць розныя этапы і падзеі ў жыцці і навукова-дыдактычнай дзейнасці прафесара Рамуальда Вацлава Туркоўскага.

Далучаемся да віншаванняў юбіляра і адначасова раім гісторыкам звярнуць увагу на разглядаемае выданне. У ім прадстаўлены не толькі розныя этапы і падзеі з гісторыі Польшчы, але і разнастайныя метадалагічныя падыходы, якія дазваляюць зірнуць на, здавалася б, знаёмыя пытанні з новага ракурсу.

Л. А. Козік¹

¹Любовь Антоновна Козик – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Белорусского государственного университета.

Любоў Антонаўна Козік – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі паўднёвых і заходніх славян гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Liubov A. Kozik, PhD (history), docent; associate professor at the department of Southern and Western Slav's history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: lubov.kozik@gmail.com

Kaleta P. Lužičtí Srbové v lidové sněmovně. Nástin politického života v srbské Lužici v době NDR. Praha: Filozofická Fakulta Univerzity Karlovy, 2017. 180 s.

Kaleta P. The Sorbs of Lusatia in the People's Chamber. An Outline of Political Life in Lusatia during the GDR. Prague, Faculty of Arts of Charles University, 2017. 180 p.

Традиционно высокий интерес чешской научной общественности к сфере исторической славистики подтвердил себя в новой монографии чешского историка, доцента кафедры изучения Средней Европы философского факультета Карлова университета в Праге и кафедры истории педагогического факультета университета им. Т. Г. Масарика в Брно Петра Калеты «Лужицкие сербы в Народной палате. Очерк политической жизни в сербской Лужице в эпоху ГДР», изданной на философском факультете Карлова университета в Праге в 2017 г.

Следует отметить, что интерес П. Калеты к истории лужицких сербов и славянского этноса, долгие столетия проживающего в плотном окружении немецкого населения на территории Саксонии и Бранденбурга, уже нашел свое отражение в целой серии научных и документальных публикаций историка в рамках современной центральноевропейской сорабистики (дисциплины, изучающей язык, историю и культуру данного западно-славянского народа). Среди этих работ: монография «Чехи о лужицких сербах. Интерес чешской науки, публицистики и искусства к лужицким сербам в XIX в. и сорабистическое наследие Адольфа Черного»; сборник материалов «Йиржи Мудра. К 90-летию рождения чешского патриота и друга Лужицких сербов», вышедшие в 2006 и 2011 гг.; издающиеся с 2013 г. научные сборники «Пражские сорабистические исследования» (*Pražské sorabistické studie*), редактором которых также является Петр Калета.

Большинство работ по сорабистике посвящено средневековой и новой истории лужицких сербов, предложенное же автором исследование посвящено относительно недавнему и потому малоисследованному сюжету, а именно политическому участию малого славянского этноса в публично-правовых структурах Германской Демократической Республики, выступавшей форпостом советской модели и политики в западной Европе в 1949–1990 гг. При всем обилии литературы, посвященной перипетиям политической жизни в условиях социалистического режима в регионе Центральной Европы, специфика сосуществования лужицкосербского и немецкого культурных пластов в условиях социализма не была еще зафиксирована в научной литературе, и большой заслугой Петра Калеты является подробный анализ динамики представительства лужицких сербов в парламентских структурах ГДР.

В первой главе «Лужицкие сербы в саксонском земском парламенте и в имперском парламенте до возникновения ГДР» Петр Калета рассматривает глубокую традицию политического участия лужицких сербов в публично-правовых структурах, функционировавших на землях Саксонии с 1830-х гг., а позже и всего объединенного германского государства. Подчеркивается особая модель адаптационного взаимодействия с немецкой средой, позволившая лужицким сербам пережить этапы германизаторской культурной политики в гогенцоллерновской Германии, также рассматривается период национал-социализма. Именно в этих условиях сформировался и утвердился этнокультурный потенциал серболужицкого движения, который, однако, не имел возможности создать самостоятельное государство. Единственный шанс отделиться от Германии (и войти в состав Чехословакии) представился после Первой мировой войны, однако не был реализован (с. 22–26). Освобождение территории Лужицы Красной армией в 1945 г. предопределило ее вхождение в советскую зону влияния в Германии, чему автор посвящает вторую главу исследования, носящую название «Лужицкие сербы в период после второй мировой войны и их ангажированность в политической жизни». Сразу после завершения войны на Западном фронте активизировался целый ряд серболужицких организаций: «Серболужицкий национальный комитет», «Серболужицкий национальный совет» и возобновившая свою деятельность основанная еще в 1912 г. главная культурно-просветительская организация движения лужицких сербов «Домовина» (*Domowina*). Несмотря на определенно прославянскую направленность этих организаций, выражавшуюся в ориентации на Чехословакию, Польшу и даже Югославию, территориальные изменения, проходившие на восточных границах Германии на основании межсоюзнических договоренностей, не повлияли на серболужицкий регион, и, стало быть, его последующую общественно-политическую ангажированность в процессах создания просоветских властных структур на территории Восточной Германии. Ситуация в данном регионе была даже осложнена обильным притоком немецких беженцев из Чехословакии и Польши. В таких условиях осуществлялась инсталляция структур создающейся прокоммунистической Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), в которые были включены и представители серболужицкого движения (с. 31–33).

Третья глава «Народное образование, печать и предвыборная агитация в сербской Лужице» указывает на значимый культурный парадокс в современной истории лужицких сербов, когда впервые были созданы условия для масштабного развития серболужицких культурных и научных институ-

ций, что, однако, не помогло остановить резкое снижение уровня осознания народом региона своей культурной самобытности. Культурная политика в отношении лужицких сербов в ГДР увязывала развитие культуры народа с вовлечением в политические механизмы функционирования коммунистического режима, что нашло особое отражение в способах политической мобилизации: образовании, каналах средств массовой информации и непосредственно предвыборной агитации. Проведенные при содействии СЕПГ реформы образования позволили обеспечить преемственность развития серболужицкой культуры, однако уже в 1958 г. приоритет был смещен и вместо лозунга «Лужице будут двуязычными» появился лозунг «Лужице будут социалистическими» (с. 43–44).

Масштаб изысканий автора в немецких архивах можно оценить в рамках глав «Эпоха Курта Креньца (1949–1964)» и «Эпоха Юрия Гросса (1964–1989/1990)», которые посвящены представительству серболужицких деятелей в высшем законодательном органе ГДР – Народной палате. Курт Кренец, еще в 1949 г. назначенный заместителем учредительной Народной палаты ГДР, в период 1948–1953 гг. работал в лужицком отделе Управления образования Саксонии. В 1951 г. К. Кренец был выбран председателем «Домовины», способствуя ее интеграции в систему государственной власти ГДР. Петр Калета в своей монографии смог отметить 18 депутатов, работающих в исследуемый период, чье серболужицкое происхождение можно подтвердить на основании письменных источников (с. 151–155). Деятельность названных депутатов рассмотрена в период председательства в лужицкой культурно-общественной организации «Домовина» Курта Креньца и наследовавшего ему (правда, в должности первого секретаря) Юрия Гросса. Помимо официального анализа внешних и внутренних параметров биографий действовавших депутатов Народной палаты ГДР, автор останавливается и на институте дополняющих депутатов, который более интенсивно действовал в публично-политических практиках на втором этапе социалистического периода. П. Калета отмечает стабильно высокий процент женщин среди депутатов, а также тенденцию к увеличению числа представителей серболужицкого этноса в составе парламента, что автор связывает скорее со стечением обстоятельств, чем с целенаправленной этнической политикой. Тем не менее, как отмечает автор, полити-

ческие амбиции лужицких сербов так и не смогли быть реализованы: никакая отдельная партия или фракция на основании их особого этнорегионального статуса не была основана, наоборот, практически все политически заангажированные активисты находились под контролем или во взаимодействии органами безопасности ГДР. Автор объясняет этот феномен и тем, что в процессе развития серболужицкой идентичности никем так и не была сформулирована достаточно действенная программа решения национального вопроса, что стало одним из препятствий для возможного создания государства. Наоборот, политическим активистам серболужицкого происхождения была характерна лояльность к действующей власти, что помогало им продолжать работать в доминирующем немецком окружении. Данная политика показала свою эффективность и в рамках социалистического государства, где индивидуализация и фракционность были осуждаемы по идеологическим причинам.

Именно падение социалистического режима в 1989 г. и последующее объединение ГДР с Федеративной Республикой Германия способствовало активизации этнополитической пропаганды лужицких сербов, первый этап которого Петр Калета описывает в последней главе «Период переворота (1989/1990)». В ней прослеживается судьба серболужицких политиков времен социализма в новом периоде постсоциалистической трансформации.

Рассматриваемая книга может использоваться как всеобъемлющий справочник по истории политической жизни славянского населения лужицкого региона в период социализма. Об этом говорят многочисленные хронологические таблицы и подробные биографические очерки, посвященные всем политикам и активистам серболужицкого происхождения, которых сумел найти автор.

Среди других достоинств книги нельзя не отметить прекрасный и доступный язык изложения, а также публикацию целого корпуса иллюстративных материалов, свидетельствующих о том, какие практики политической агитации существовали в среде лужицких сербов в период социализма. Публикация книги по праву может считаться событием в чешском славяноведении и сорабистике, о чем свидетельствует ее издание в серии *Fontes*, являющейся визитной карточкой философского факультета Карлова университета в Праге.

В. В. Репин¹

¹Виталий Валерьевич Репин – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Белорусского государственного университета.

Віталь Валер'евіч Репін – кандидат гістарычных навук; дацэнт кафедры гісторыі паўднёвых і заходніх славян гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Vitali V. Repin, PhD (history); associate professor at the department of Southern and Western Slav's history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: repinv@bsu.by

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ

SCIENTIFIC EVENTS

**ТРЕТЬИ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ
ПРОФЕССОРА ВАЛЕНТИНА НАУМОВИЧА РЯБЦЕВИЧА**

**ТРЭЦІЯ НАВУКОВЫЯ ЧЫТАННІ ПАМ'ЯЦІ
ПРАФЕСАРА ВАЛЯНЦІНА НАВУМАВІЧА РАБЦЭВІЧА**

**THE THIRD SCIENTIFIC READINGS IN MEMORY
OF PROFESSOR V. N. RABTSEVICH**

Традыцыя правядзення міжнародных нумізматычных канферэнцый на гістарычным факультэце БДУ нарадзілася ў 2010 г., калі ў памяць аб заснавальніку беларускай навуковай нумізматыкі В. Н. Рабцэвічу і да адкрыцця новай экспазіцыі нумізматычнага кабінета былі праведзены навуковыя чытанні¹. У іх прынялі ўдзел 42 даследчыкі з Беларусі, Літвы, Польшчы, Расіі і Славакіі. Пасляховае правядзенне канферэнцыі стала падставай для пераўтварэння чытанняў у перыядычную канферэнцыю, што арганізуецца раз на чатыры гады. Другія чытанні, удзельнікамі якіх сталі ўжо 52 навукоўцы з Беларусі, Латвіі, Літвы, Расіі і Украіны, адбыліся ў 2014 г.

Трэція навуковыя чытанні памяці прафесара БДУ Валянціна Навумавіча Рабцэвіча праводзіліся 16–18 мая 2018 г. У іх прынялі ўдзел 66 даследчыкаў, у тым ліку 40 прадстаўнікоў замежных краін – Кыргызстана, Літвы, Малдовы, Польшчы, Расіі, Чэхіі, Швецыі і Украіны.

Удзельнікамі канферэнцыі была разгледжана самая разнастайная тэматыка. Значная частка паведамленняў так ці інакш тычылася навуковай спадчыны В. Н. Рабцэвіча. Непасрэдна асобе вучонага быў прысвечаны даклад І. Н. Колабавай, якая распавяла пра эпістальную спадчыну выбітнага нумізмата, у прыватнасці пра яго перапіску

з калегамі і настаўнікамі з Ленінграда: І. Г. Спаскім, І. Г. Дабравольскім і М. Б. Северавай.

Антычная нумізматыка была прадстаўлена шэрагам паведамленняў. Я. В. Захараў (Дзяржаўны гістарычны музей, Расія) распавёў пра блізкаўсходнія надчаканкі на электравых манетах VI–IV стст. да н. э. і пераканаўча абгрунтаваў існаванне на Блізкім Усходзе традыцыі абарачэння вагавога каштоўнага металу ў разнастайных формах, у тым ліку і ў выглядзе манет. Сучасны стан і перспектывы дыгіталізацыі антычнай нумізматыкі ва Усходняй Еўропе былі разгледжаны К. В. Мызгіным (Варшаўскі ўніверсітэт, Польшча). Аўтарскі калектыў на чале з доктарам хабілітаваным Я. Бодзэкам (Ягелонскі ўніверсітэт, Польшча) пазнаёміў удзельнікаў канферэнцыі з праектам «Знаходкі рымскіх манет з Польшчы і тэрыторый, гістарычна звязаных з Польшчай» і з яго рэалізацыяй у гістарычным рэгіёне Малапольска. Нарэшце, некалькі паведамленняў было прысвечана знаходкам рымскіх манет на тэрыторыі Беларусі і Украіны.

Наступны блок дакладаў датычыўся пытанняў нумізматыкі ранняга Сярэднявечча. Аб скарбах арабскіх дзірхамаў з Гнёздава і Пінска распавялі А. А. Шаўцоў (Дзяржаўны гістарычны музей, Расія) і В. С. Куляшоў (Стакгольмскі ўніверсітэт, Швецыя). Знаходкам арабскіх і заходнееўрапейскіх манет

¹Сидорович В. М., Плавинский А. Н. Международные научные чтения памяти профессора БГУ В. Н. Рябцевича // Российские и славянские исследования. 2010. Вып. 5. С. 398–400.

у курганах Цэнтральнай Беларусі прысвяціў сваё паведамленне А. В. Вайцяховіч (Інстытут гісторыі НАН Беларусі). Праблема масавага з'яўлення антыкварных падробак старажытнарускіх срэбранікаў была разгледжана М. С. Маісеенкам (Расія). Гэтым жа аўтарам разам з С. У. Хаўрыным (Дзяржаўны Эрмітаж, Расія) былі абвешчаны вынікі даследавання сярэднявечных срэбраных плацёжных зліткаў метадам рэнтгенафлюарэсцэнтнага аналізу.

Традыцыйна самай актуальнай для беларускіх нумізматычных канферэнцый тэмай, якая выклікае гарачыя дыскусіі і спрэчкі, застаецца чаканка манет у Вялікім Княстве Літоўскім і на прылеглых тэрыторыях у XIV–XV стст. Не сталі выключэннем і Трэція навуковыя чытанні памяці прафесара БДУ Валянціна Навумавіча Рабцэвіча. На секцыі «Грашовое абарачэнне ў XIV–XVI стст.» прагучалі даклады ўкраінскага даследчыка У. Г. Шапашніка аб манетах удзельных северскіх княстваў, якія імітавалі золатаардынскую чаканку, і студэнта Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта У. А. Волкава аб смаленскіх манетах з выявай «Калюмнаў». Найбольшую зацікаўленасць і працяглае абмеркаванне выклікаў даклад Ю. Л. Барэйшы (Беларусь) аб храналогіі эмісій манет Ягайлы і семантыцы выяў на іх. Дакладчыку ўдалося пераканаўча абгрунтаваць дакладнае датаванне некаторых тыпаў манет.

Некалькі паведамленняў было прысвечана новым знаходкам ранніх манет Вялікага Княства Літоўскага на яго былых тэрыторыях, у тым ліку на сучасных Маладзечаншчыне і Смаленшчыне. Самым цікавым з гэтага шэрагу стала паведамленне Я. В. Уласаўца аб нумізматычных знаходках з магільніка XIV–XVI стст. каля в. Грынцы Ашмянскага раёна.

Росквіт манетнага абарачэння на нашых землях прыпадае на XVI–XVII стст. Натуральна, што гэты час не застаўся па-за ўвагай удзельнікаў канферэнцыі. Аднаму з тыпаў смаленскіх манет першай паловы XVI ст. было прысвечана паведамленне В. В. Зайцава (Дзяржаўны гістарычны музей, Расія). Новыя даныя аб пачатку абарачэння ў ВКЛ талернай манеты прагучалі ў дакладзе У. А. Юргенсона (Інстытут гісторыі НАН Беларусі). Аб некалькіх скарбах з тэрыторыі Беларусі паведамілі беларускія навукоўцы Л. І. Таўкачова, Р. І. Крыцук, В. А. Кабынец і А. М. Плавінскі, а таксама расійская даследчыца Н. У. Чакуніна, якая распаўяла пра паступленне ў Цвярскі музей у 1910 г. часткі манетнага скарбу з мястэчка Крычаў Магілёўскай губерні.

Два даклады датычылі тэмы знешнегандлёвых сувязей, пра што сярод іншага сведчаць знаходкі замежных манет. Так, знаходкам літоўскіх і польскіх манет на тэрыторыі Цвярскага краю прысвяціў сваё паведамленне расійскі археолаг У. У. Хухараў. У сваю чаргу, аб знаходках манет валашкага га-спадара Міхая Радугі на тэрыторыі Беларусі распавёў

Р. І. Крыцук (Нацыянальны гістарычны музей, Беларусь).

Асобна варта адзначыць выступленне В. А. Кабынца (Музей Беларускага Палесся, Беларусь) і М. В. Клімава (Інстытут гісторыі НАН Беларусі), якія разгледзелі падзеі Інфлянцкай (Лівонскай) вайны на падставе нумізматычных знаходак. Раскопкі шэрагу фартэцый Рускага царства на Полаччыне далі прадстаўнічую калекцыю манет, сярод якіх абсалютна пераважаюць розныя наміналы Маскоўскай дзяржавы.

Асобная секцыя на Трэціх навуковых чытаннях была прысвечана тэме падробкі грошай у розныя гістарычныя эпохі. Гэта пасяджэнне адбылося ў сценах Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь, які выступіў партнёрам БДУ ў справе арганізацыі сёлетніх чытанняў. Спецыяльна да канферэнцыі Нацыянальным гістарычным музеем Рэспублікі Беларусь, які валодае найвялікшай у краіне нумізматычнай калекцыяй, была зладжана выстава «Зладзейскія грошы, або Гісторыя фальшываманецтва». Выстава, у падрыхтоўцы якой прынялі ўдзел шэраг музеяў, у тым ліку музей гістарычнага факультэта БДУ, музей крыміналістыкі пры Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь, музей цэнтра культурна-выхаваўчай работы МУС Рэспублікі Беларусь, мела мэтай паказаць гісторыю і матэрыяльныя сведчанні аднаго з самых старажытных і распаўсюджаных злачынстваў – падробкі плацёжных сродкаў.

Выступленні на секцыі «Фальшываманецтва» ахапілі шырокі храналагічны дыяпазон – ад X да XX ст. Сярод дакладаў варта адзначыць паведамленне А. М. Камышава (Кыргызстан) аб фальшываманецтве ў Чагатайскім улусе, М. Возняка (Музей імя Э. Гутэн-Чапскага, Польшча) аб фальшывых манетах Ягелонаў у калекцыі Нацыянальнага музея ў Кракаве і У. І. Галанова (Смаленскі дзяржаўны музей-запаведнік, Расія) аб фальшываманецтвах у Смаленскай губерні Расійскай імперыі. Асабліваю зацікаўленасць удзельнікаў канферэнцыі выклікала паведамленне А. С. Бойка-Гагарына (Нацыянальны музей гісторыі Украіны) і В. Рузаса (Музей грошай Банка Літвы) аб унікальнай падробцы меднай капейкі Рускага царства.

Нумізматычныя канферэнцыі традыцыйна з'яўляюцца месцам абмеркавання актуальных праблем сумежных гістарычных дысцыплін – сфрагістыкі, геральдыкі і фалерыстыкі. Не сталі выключэннем і Трэція навуковыя чытанні памяці прафесара БДУ Валянціна Навумавіча Рабцэвіча, на якіх дзейнічала асобная секцыя па гэтых дысцыплінах. Найбольшая ўвага была нададзена пытанню сфрагістыкі. Беларускія даследчыкі В. І. Кошман і М. А. Плавінскі распаўялі аб распаўсюду працы па каталагізацыі знаходак «драгічынскіх» пломб у Мінску і яго ваколіцах. Шэраг дакладаў быў прысвечаны новым знаходкам віслых пячатак на тэрыторыі

Полацкай зямлі і ў іншых рэгіёнах. Так, І. А. Жукаў (Расія) паведаміў пра пячатку віцебскай княгіні Сафіі, а І. М. Шталяню (Беларусь) – пра выяўленне вялікай колькасці пячатак у Аршанскім раёне. Гісторыя сфрагістычнай калекцыі Нацыянальнага музея Літвы была асветлена ў выступленні В. Алесеюнаса (Літва).

Два выступленні былі прысвечаны геральдыцы. Так, С. М. Цемушаў (Беларусь) выказаў сваё меркаванне аб прызначэнні так званых «геральдычных» падвесак, якія былі распаўсюджаны на землях Старажытнай Русі ў X–XI стст. Аб сучасным стане і перспектывах развіцця тэрытарыяльнай геральдыкі Беларусі распавяла М. М. Елінская (Дэпартамент па архівах і справаходстве Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь).

Пра вельмі цікавую для беларускай фалерыстыкі знаходку ў Асобым архіве Літвы паведаміла Д. Грымалаўскайтэ (Нацыянальны музей Літвы). Там

захоўваецца ўнікальны крыж Заслугі – узнагарода Беларускай цэнтральнай рады для настаўнікаў Віленскай беларускай гімназіі.

Такім чынам, можна канстатаваць, што Трэція навуковыя чытанні памяці прафесара БДУ Валянціна Навумавіча Рабцэвіча прайшлі на высокім прафесійным узроўні. Шырокае геаграфічнае прадстаўніцтва ўдзельнікаў, разнастайная тэматыка і навуковая значнасць іх паведамленняў, а таксама вострыя дыскусіі падчас пасяджэнняў набліжаюць канферэнцыі гістарычнага факультэта БДУ да самых прэстыжных нумізматычных навуковых форумаў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Мы маем усе падставы меркаваць, што наступныя чытанні памяці Валянціна Навумавіча Рабцэвіча, правядзенне якіх запланавана на 2022 г., будуць яшчэ больш цікавымі і прадстаўнічымі.

В. М. Сідаровіч²

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОТ УРБАНИСТИКИ ДО ВООРУЖЕНИЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО»

КРУГЛЫ СТОЛ «АД УРБАНІСТЫКІ ДА ЎЗБРАЕННЯ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА»

ROUND TABLE «FROM URBAN STUDIES TO THE ARMING OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA»

Чалавек у праяўленні індывідуальнай і калектыўнай памяці імкнецца да абсалютызавання знакавых падзей і дат, абагульняе іх у эмацыйна значныя ўспаміны і ідэнтычнасці. Карпаратыўная ж памяць аперыруе знакаваасцю асобы і фарміраваннем мадэляў паводзін унутры гэтай карпарацыі. Універсітэт – гэта супольнасць вучняў і настаўнікаў, павяжа да асобы Мэтра і выхаванне новай генерацыі.

У аўдыторыі імя Уладзіміра Іванавіча Пічэты гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта 12 красавіка 2018 г. на круглым сталё «Ад урбаністыкі да ўзбраення Вялікага Княства Літоўскага» калегі, вучні і студэнты ўшанавалі памяць сябра і настаўніка, даследчыка і калегі

Юрыя Мікалаевіча Бохана, заўчасна памерлага 13 красавіка 2017 г.

Юрый Мікалаевіч нарадзіўся 21 лютага 1966 г. у Мінску. Скончыў Мінскі дзяржаўны педагагічны інстытут імя М. А. Горкага (цяпер – Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя М. Танка) і аспірантуру Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Кандыдацкую дысертацыю па археалогіі абараніў у 1994 г. Доктарам гістарычных навук стаў у 37 год (2003 г.). Кіраваў аддзелам гісторыі Беларусі XIII–XVIII стст. у Інстытуце гісторыі НАН Беларусі і кафедрай эканамічнай гісторыі Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. Сябра навуковых і экс-

²Віталій Михайлович Сидорович – заведующий учебной лабораторией музейного дела исторического факультета Белорусского государственного университета.

Віталь Міхайлавіч Сідаровіч – загадчык вучэбнай лабараторыі музейнай справы гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Vital M. Sidarovich, the head of training laboratory of museum business, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: wital.sidarowicz@gmail.com

пертных саветаў, рэдкалегій навуковых выданняў з 2004 г.

Больш за 20 год Юрый Мікалаевіч аддаў выкладанню на гістарычным факультэце БДУ, на кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта БДУ. У аснову сваіх спекурсаў ён закладаў практычны вопыт уласных даследаванняў урбаністыкі, узбраення і вайскавай справы Вялікага Княства Літоўскага. Узгадваецца, як падчас лекцый актыўна маляваў крэйдай і алоўкам, што часам замяняла візуальную прэзентацыю. Навуковыя і навукова-папулярныя выданні даследчыка ўвасобілі ўвесь спектр цікавасці аўтара да рэканстрування сярэднявечнага мінулага Беларусі. Як навуковы кіраўнік і кансультант Юрый Мікалаевіч падрыхтаваў спецыялістаў у галіне даследавання ўзбраення і вайскавай справы. Кола яго вучняў не можа быць абмежавана толькі дыпломнікамі, магістрантамі і аспірантамі: вучоны нікому не адмаўляў у парадах і дапамозе.

Фармат круглага стала прадугледжваў тры блокі. Арганізатары хацелі ўзгадаць Юрыя Мікалаевіча як навукоўца, як навуковага кіраўніка і чалавека, як асобу, якая магла паўплываць на навакольных і навучыць іх.

З уступным словам на пачатку мерапрыемства выступіў дэкан гістарычнага факультэта БДУ, прафесар А. Г. Кахановіч. Ён закрануў пытанні фарміравання цэлага напрамку ў даследаваннях універсітэта (гісторыя Вялікага Княства Літоўскага), які развівалі ў 1990–2000 гг. менавіта прадстаўнікі новага пакалення даследчыкаў (П. А. Лойка, У. П. Емельянчык і, канешне, Ю. М. Бохан). Адзначыў Аляксандр Генадзевіч і ролю прыватных архіваў даследчыкаў у вывучэнні і развіцці гісторыі сярэднявечнай Беларусі ва ўніверсітэце, а таксама неабходнасць стварэння ўмоў для яе развіцця.

Пра Ю. М. Бохана як навукоўца, выкладчыка і функцыянера вышэйшай школы расказалі ў сваіх выступленнях загадчык цэнтра спецыяльных гістарычных навук і антрапалогіі Інстытута гісторыі НАН Беларусі, прафесар В. Ф. Голубеў і загадчыца кафедры эканамічнай гісторыі Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта, дацэнт Н. І. Палетаева. Працу вучонага ў экспертным савеце ВАК Беларусі і яго ролю ў падрыхтоўцы кадраў вышэйшай катэгорыі адзначыў загадчык кафедры гісторыі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта БДУ, прафесар В. А. Фядосік. Археаграфічны аспект навуковай дзейнасці Юрыя Мікалаевіча і яго працу ў «Архіварыусе» акрэсліў за-

гадчык кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта БДУ М. Ф. Шумейка. Пра традыцыі факультэта і месца ў ім Юрыя Мікалаевіча ў іх стварэнні расказалі загадчык кафедры гісторыі Расіі, прафесар А. А. Яноўскі і дацэнт кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў Ю. Л. Казакоў.

Затым слова было прадстаўлена вучням Юрыя Мікалаевіча. Намеснік дырэктара Нацыянальнага гісторыка-культурнага музея-запаведніка «Нясвіж» па выставачных праектах і гісторыка-культурнай спадчыне С. А. Егарэйчанка выступіў з паведамленнем «Вяртаючы з небыцця. Уклад Ю. М. Бохана ў вывучэнне калекцыі зброі і даспехаў нясвіжскіх Радзівілаў», у якім распавёў пра планы супрацоўніцтва з Ю. М. Боханам па апісанні і рэпрэзентацыі радзівілаўскай мілітарнай спадчыны ў Беларусі. На жаль, плённае навуковае супрацоўніцтва перарвалася, падрыхтоўка новага пакалення спецыялістаў не завершана, а вырашэнне некаторых пытанняў без дапамогі мэтра зойме больш часу. Навуковы супрацоўнік аддзела гісторыі Беларусі сярэдніх вякоў і ранняга Новага часу Інстытута гісторыі НАН Беларусі М. А. Волкаў у сваім паведамленні «Публікацыя спадчыны Юрыя Мікалаевіча Бохана» расказаў пра рыхтуемы сумесна з сям'ёй Боханаў праект выдання работ Юрыя Мікалаевіча, прысвечаных урбаністыцы Беларусі, у аснову якога будзе пакладзена кандыдацкая дысертацыя даследчыка, яго асобныя друкаваныя тэксты па згаданай праблеме. Увага чытачоў будзе звернута на іканаграфію, ілюстрацыйны і картаграфічны матэрыял.

Нарэшце, пра чалавечы аспект асобы Ю. М. Бохана, яго сціпласць і адначасова прынцыповасць згадаў А. А. Радаман, М. Н. Гальпяровіч, В. А. Варонін і У. А. Падалінскі.

На мерапрыемстве прысутнічалі студэнты розных курсаў, магістранты і аспіранты БДУ. Менавіта да іх у заключным слове звярнулася прарэктар па вучэбнай рабоце Беларускай дзяржаўнай акадэміі мастацтваў А. С. Бохан. Згадаўшы жыццёвую пазіцыю Юрыя Мікалаевіча, яна параіла прысутным заставацца сабой.

Мерапрыемствы падобнага кшталту ствараюць прастору Універсітэта. Антрапалогія навукі пачынаецца з выбудовы сваіх сувязяў з папярэдняга пакалення (настаўнікаў) і наступнага пакалення (вучняў), фарміруюць карпаратыўную культуру з акцэнтам на шанаванні традыцый і права дыскусіі.

А. У. Любы¹

¹Андрей Владимирович Любый – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Андрэй Уладзіміравіч Любы – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Andrei V. Liuby, PhD (history), docent; associate professor at the department of Belarus history of Ancient time and Middle Ages, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: liuby@bsu.by

ЮБИЛЕИ

ЮБИЛЕИ

JUBILEE

Петр Алексеевич
ШУПЛЯК

Пётр Аляксеевіч
ШУПЛЯК

Petr Alyakseevich
SHUPLJAK

Першаму дэкану гістарычнага факультэта БДУ ў незалежнай Рэспубліцы Беларусь, аднаму з вядучых айчынных германістаў, доктару філасофіі (гісторыя, універсітэт імя Ф. Шылера, г. Ена), прафесару Пятру Аляксеевічу Шупляку 8 верасня 2018 г. спаўняецца 75 гадоў.

Пётр Аляксеевіч нарадзіўся ў сялянскай сям’і Аляксея Ігнатавіча і Соф’і Пятроўны Шуплякоў у вёсцы Брускаўшчына Маладзечанскага раёна Мінскай вобласці. Першыя гады жыцця будучага навукоўца прайшлі ва ўмовах нацысцкай акупацыі і пасляваеннага аднаўлення гаспадаркі. Таму цяжар народнага жыцця, складанасць лёсу беларускага народу знаёмы нашаму юбіляру не з кніг. Няпростае дзяцінства і бацькоўскае выхаванне прывілі Пятру Аляксеевічу павагу да працы, арыентацыю на сумленнасць, адказнасць і высокую самадысцыпліну.

Гэтыя якасці і сталі яго неад’емнымі рысамі з малых гадоў. Пётр Аляксеевіч старанна дапамагаў бацькам па гаспадарцы і не менш старанна і рупліва вучыўся ў школе, якую і скончыў у 1961 г. з сярэбравым медалём.

Як успамінае сам навуковец, гісторыю ён любіў з дзяцінства: чытаў кніжкі, падручнікі, слухаў радыёперадачы, навіны – асабліва тыя, што паведамлялі аб палітычным, сацыяльным, эканамічным жыцці замежных краін. Таму ў нейкім сэнсе выбар прафесіі гісторыка, магчыма, быў наканаваны. Ва ўсялякім выпадку ён лагічна ўпісваўся ў інтарэсы Пятра Аляксеевіча. Як вядома, гісторыя не ведае ўмоўнага ладу. Аднак айчынная гістарычная навука магла і не атрымаць аднаго з сваіх выбітных прадстаўнікоў: школьны настаўнік гісторыі адгаворваў вучня – Пятра Шупляка – ад вы-

бару прафесіі гісторыка. Нават бацькі не адразу далі сваё блаславенне на выбар гэтага шляху. Яны марылі, каб сын стаў афіцэрам. Несумненна, Пётр Аляксеевіч праявіў бы сябе і ў афіцэрскім корпусе. Аб гэтым сведчыць тое, што тэрміновую службу (1962–1965 гг.) ён скончыў у званні старшыні – найвышэйшым для салдата. Таму можна меркаваць, што, выбраўшы ўсё ж вайсковую службу ў якасці асноўнай прафесіі, Пётр Аляксеевіч мог прымаць віншаванні ў якасці палкоўніка або нават генерала.

Аднак, як прызнаецца сам навуковец, паступіць на гістфак было яго марай і імкненнем. І ён здзейсніў гэту мару: у 1965 г. стаў студэнтам гістарычнага факультэта БДУ. Вучоба яму падабалася, ён чытаў многа кніг і артыкулаў, рабіў канспекты. Быў дысцыплінаваным і працавітым студэнтам. Займаўся даследчыцкай працай, удзельнічаў у канферэнцыях, вёў грамадскую дзейнасць. Як любому чалавеку, які сумленна працуе, вучоба Пятру Аляксеевічу давалася лёгка, і ў 1970 г. ён з адзнакай скончыў універсітэт. Па заканчэнні вучобы быў размеркаваны выкладчыкам на родную кафедру (гісторыі новага і навіейшага часу), з якой будзе звязана ўсё далейшае яго прафесійнае жыццё.

Досыць рана вызначылася галіна навуковых інтарэсаў юбіляра: навіейшая гісторыя Германіі – складаная, супярэчлівая, якая ставіць перад даследчыкам няпростыя пытанні, але тым больш цікавая.

Варта адзначыць, што германістыка – гэта класічная спецыялізацыя кафедры гісторыі новага і навіейшага часу. Шэраг прац па гісторыі Германіі ў новы час яшчэ ў першай палове XX ст. апублікаваў адзін з пачынальнікаў вывучэння ўсеагульнай гісторыі ў БССР В. М. Перцаў. Адным з карыфеяў савецкай германістыкі быў першы загадчык кафедры – Л. М. Шнеерсон, які з’яўляўся навуковым кіраўніком Пятра Аляксеевіча пры напісанні курсавых і дыпломнай прац. Менавіта ён і ўбачыў у маладым студэнце Пятры Шупляку будучага прафесійнага гісторыка, свайго калегу. Варта адзначыць, што значная частка старэйшага пакалення супрацоўнікаў кафедры была прыведзена ў навуку менавіта Л. М. Шнеерсонам: П. А. Шупляк, У. С. Кошалеў, В. М. Пісараў, В. І. Сініца і інш.

На станаўленне Шупляка-гісторыка, акрамя Л. М. Шнеерсона, паўплывалі выкладчыкі гістарычнага факультэта М. П. Палетыка, Г. М. Ліўшыц, а таксама доктар М. Вайсбеккер, які стаў навуковым кіраўніком кандыдацкай дысертацыі Пятра Аляксеевіча падчас вучобы ў аспірантуры ў ГДР.

Такім чынам, у 1970/1971 навучальным годзе пачалася працоўная дзейнасць Пятра Аляксеевіча ў якасці выкладчыка на гістарычным факультэце. У 1973 г. ён быў накіраваны на вучобу ў аспірантуру ў універсітэт імя Я. Ф. Шылера ў г. Ена (ГДР). Тут пад кіраўніцтвам буйнога нямецкага гісторыка М. Вайсбеккера датэрмінова падрыхтаваў і абараніў дысер-

тацыю «Прафсаюзы і стачачная барацьба ў Германіі ў перыяд эканамічнага крызісу 1929–1933 гг.» (1975 г.). Па выніку абароны яму была прысуджана вучоная ступень доктара філасофіі.

Навукова-даследчую дзейнасць у Ене Пётр Аляксеевіч сумяшчаў з грамадскай, педагогічнай, арганізатарскай. У прыватнасці, кіраваў тут гуртком палітасветы савецкіх студэнтаў і аспірантаў «3 гісторыі германскага рабочага руху і інтэрнацыянальнае супрацоўніцтва працоўных Германіі і СССР», а потым, ужо пасля вяртання ў Мінск, разам з калегамі па кафедры – К. А. Даўгучыц, В. А. Радзькавай і В. М. Пісаравым – кіраваў групай студэнтаў-практыкантаў з гістарычнага факультэта БДУ ў Енскім універсітэце. У 1977 г. адбылося адкрыццё пакоя дружбы СССР – ГДР, аформленага П. А. Шупляком і У. М. Пісаравым.

У 1970–1980-х гадах дацэнт П. А. Шупляк вядзе актыўную выкладчыцкую працу, а таксама піша вучэбна-метадычныя і навуковыя працы. Ён выступае на шматлікіх канферэнцыях у СССР і ГДР, праходзіць стажыроўкі ў Енскім універсітэце (1984 г.), у МДУ імя М. В. Ламаносава (1988 г.).

Арганізатарскія здольнасці навукоўца рэалізаваліся, калі ў 1981 г. ён заняў пасаду намесніка дэкана па вучэбнай рабоце, а ў 1991 г. – дэкана гістарычнага факультэта. У 1993 г. яму было прысвоена вучоная званне прафесара.

Падчас працы Пятра Аляксеевіча дэканам (1991–1996 гг.) фактычна былі закладзены асновы таго факультэта, якім сёння з’яўляецца гістфак БДУ. Адным з першых рашэнняў было стварэнне беларускамоўнага патоку для навучання. Прычым і ў гэтым пытанні выявіўся такт Пятра Аляксеевіча і яго ўменне спалучаць ідэальныя памкненні з рэальнасцю: можна было валявым рашэннем загадаць неадкладна перавесці ўвесь працэс навучання на адзіную ў той час дзяржаўную мову – беларускую. Аднак новы дэкан, які не на словах, а на справе быў дэмакратычным чалавекам, вырашыў правесці кансультацыі з супрацоўнікамі факультэта, паразважаць, наколькі рэалістычна адразу зрабіць факультэт беларускамоўным па загадзе і наколькі якаснымі будуць тады выкладанне і атрыманая адукацыя. У выніку быў абраны кампрамісны шлях, які аказаўся стратэгічна правільным: па прапанове дэкана аддзяленне філасофіі і палітэканоміі было выведзена за межы факультэта (пасля на базе гэтага аддзялення быў створаны філасофска-эканамічны факультэт), а аддзяленне гісторыі КПСС было закрыта зусім. Вызваленыя рэсурсы накіравалі на стварэнне першага ў краіне беларускамоўнага аддзялення на гістарычным факультэце.

Разам з гэтым новы дэкан ініцыяваў і іншыя пачынанні і змены: былі адкрыты новыя спецыяльнасці (архівазнаўства і музеязнаўства), што дапамагло забяспечыць рэспубліку ўласнымі спе-

цыялістамі; было адкрыта аддзяленне міжнародных адносін, якое пазней стала самастойным факультэтам; з'явіліся новыя кафедры. Гістарычная адукацыя і ўніверсітэцкая навука атрымалі магутны стымул для развіцця і свабоднай творчасці.

Як патрыёт і прыхільнік гісторыі, Пётр Аляксеевіч актыўна ўключыўся ў метадалагічныя, арганізацыйныя дыскусіі, якія былі вельмі актуальнымі ў новай маладой дзяржаве, шукаў уласныя адказы на пытанні «хто мы» і «куды мы ідзем». Ён апынуўся сярод тых гісторыкаў, якія разумелі: без выхаду гістарычнай навукі з кабінетаў і аўдыторый, без папулярызацыі навукі і ведаў немагчыма пабудаваць новае грамадства. Таму Пётр Аляксеевіч быў сярод ініцыятараў стварэння і членаў рэдакцый новых гістарычных часопісаў («Беларускі гістарычны часопіс» і «Беларуская мінуўшчына»).

Навуковец спрыяў развіццю супрацоўніцтва паміж універсітэцкай і акадэмічнай навукай. Так, 3–5 лютага 1993 г. была праведзена I Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў «Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы)». На ёй прафесар Шупляк выступіў з канцэптуальным дакладам «Праблемы гістарычнай адукацыі ў ВНУ Рэспублікі Беларусь». У тым жа месяцы, дзякуючы намаганням Пятра Аляксеевіча, было створана прафесійнае аб'яднанне «Беларуская асацыяцыя гісторыкаў» (БАГ), у якое ўвайшлі вядучыя гісторыкі беларускіх ВНУ і Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Дэкан гістфака быў абраны старшынёй БАГ, яго намеснікам стаў дырэктар Інстытута гісторыі НАН Беларусі, прафесар М. П. Касцюк.

З другой паловы 1990-х гг. прафесар П. А. Шупляк накіроўвае свае асноўныя сілы на падрыхтоўку студэнтаў, аспірантаў, правядзенне навуковых даследаванняў. Ён працуе з рознымі тэмамі навукова-даследчых прац, накіраванымі на больш глыбокае разуменне асноўных тэндэнцый сацыяльна-палітычнага і эканамічнага развіцця Германіі і краін Еўропы, рыхтуе новыя лекцыйныя і спецыяльныя курсы, піша вучэбна-метадычныя дапаможнікі, навуковыя артыкулы, падручнікі. Свайго роду жамчужынай у вучэбна-педагагічнай дзейнасці Пятра Аляксеевіча з'яўляецца двухтомнае выданне «Гісторыя навейшага часу», падрыхтаванае пад яго кіраўніцтвам групай выкладчыкаў кафедры гісторыі новага і навейшага часу. Гэта першы ў рэспубліцы

ўніверсітэцкі падручнік па навейшай гісторыі заходніх краін, выдадзены на беларускай мове.

Прафесар Шупляк рыхтуе не толькі студэнтаў, але і кадры вышэйшай кваліфікацыі. У прыватнасці, на гістарычным факультэце працуюць і карыстаюцца заслужанай павагай студэнтаў дацэнты Я. Р. Колб і І. І. Шумскі, якія абаранілі кандыдацкія дысертацыі пад яго кіраўніцтвам (1995 г. і 2000 г. адпаведна).

Нельга не згадаць і яшчэ адну паспяховую сферу дзейнасці юбіляра – сям'ю. Ён шмат гадоў любячы муж, бацька і дзядуля. Магчыма, памятаючы, як няпроста было пачынаць уласны жыццёвы шлях, ён не стаў кіраваць сынамі адносна выбару іх будучай прафесіі, справядліва вырашыўшы, што найбольш правільным будзе падтрымаць іх у тых сферах, куды іх пацягнуць уласныя інтарэсы. Старэйшы сын – Андрэй – у 1995 г. скончыў гістфак (аддзяленне міжнародных адносін), шмат гадоў працуе ў Міністэрстве замежных спраў Рэспублікі Беларусь на розных пасадах. Малодшы сын – Сяргей – таксама скончыў гістфак БДУ (2001 г.), абараніў кандыдацкую дысертацыю і працуе намеснікам дэкана па навуковай рабоце на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка.

За сваю дзейнасць Пётр Аляксеевіч неаднаразова быў адзначаны рознымі ўзнагародамі: ганаровымі граматамі БДУ, Міністэрства адукацыі, ганаровым знакам у срэбры «За выбітныя поспехі і заслугі ў справе развіцця і ўмацавання германсавецкай дружбы» (1989 г.), нагруднымі знакамі Міністэрства вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі СССР «За выдатныя поспехі ў працы» (1987 г.) і Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь «Выдатнік адукацыі» (2003 г.). Яго імя ўключана ў «Міжнародны біяграфічны слоўнік» (Кембрыдж, Англія).

Усе мы – яго сябры, калегі, вучні – жадаем Пятру Аляксеевічу, каб яго цела было такім жа здаровым і моцным, як яго дух і розум! Каб ён і далей дзяліўся з намі сваімі ведамі, мудрасцю, прафесійным майстэрствам, пачуццём гумару. Жадаем здароўя яго сям'і. Мы ўдзячныя лёсу за радасць зносін з юбілярам і спадзяемся на тое, што ўсіх нас чакаюць яшчэ доўгія гады гэтых зносін.

Д. Г. Ларыёнаў¹

¹Денис Геннадьевич Ларионов – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени, исторический факультет Белорусского государственного университета.

Дзяніс Геннадзевіч Ларыёнаў – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі новага і навейшага часу, гістарычны факультэт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Denis G. Larionov, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: dglarionov@yandex.ru

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АННТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 008(082)

Научно-практические исследования по культурологии [Электронный ресурс] : сб. ст. студентов, магистрантов, аспирантов / редкол.: М. Ю. Шода (отв. ред) [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2018. 150 с. : ил. Библиогр. в конце отд. ст. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/198215>. Загл. с экрана. Деп. 20.06.2018, №004320062018.

Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов посвящен широкому кругу проблем, являющихся предметом разных направлений культурологических исследований, к которым относятся: актуальные вопросы социокультурного развития Беларуси, функционирования туристической инфраструктуры и культурных индустрий; роли информационных технологий в сфере культуры; проблемы развития литературы и искусства; культурологическое осмысление феноменов культуры.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.....	8
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ГИБЕЛЬ ИМПЕРИЙ	
<i>Бригадин Д. П., Бригадин П. И.</i> Белорусская Народная Республика в 1918 г.	10
<i>Калета П. Т. Г. Масарик и его взгляд на белорусскую проблему после Первой мировой войны.....</i>	17
<i>Жеребцов И. Л., Таскаев М. В.</i> Национальное движение в Коми крае в годы Первой мировой войны	23
<i>Карабин А. Ю.</i> Деятельность добровольческих подразделений военнопленных на просторах Российской империи в 1914–1919 гг.	31
<i>Глибищук Н. В.</i> К вопросу о месте Украинской державы в геополитических планах Австро-Венгрии и Германской империи в 1918 г.	42
ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ	
<i>Сталюнас Д.</i> Модернизация и погромы: Литва и Беларусь в начале XX в.	49
<i>Гужаловский А. А.</i> Становление института политической цензуры в Советской Белоруссии (1917–1922 гг.).....	55
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ	
<i>Перзашкевич О. В.</i> К вопросу об историчности древнеиндийских текстов (на примере Ригведы)	64
<i>Сычев М. В.</i> Возникновение родовой структуры эллинского общества.....	72
<i>Вахрамеева А. В.</i> Деметра в государственном пантеоне Боспорского царства (VI–I вв. до н. э.).....	78
<i>Бродяк Д. А.</i> Политическая эволюция городских контрэлитных групп в независимой Бирме/Мьянме...	84
ИСТОРИОГРАФИЯ	
<i>Острога В. А. П. А.</i> Шупляк – историк-германист	92
<i>Меньковский В. И.</i> Символ революции: «Образ керенского» в исследованиях Б. И. Колоницкого.....	102
<i>Подолинский В. А., Денисова Е. Г.</i> История Беларуси периода Средневековья и раннего Нового времени в исследованиях Павла Лойко (1958–2010).....	110
АРХЕОЛОГИЯ	
<i>Онищук Я. И.</i> Взаимосвязи населения вельбарской, сарматской и черняховской культур на территории Западного Подолья во второй четверти I тыс. н. э.	120
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
<i>Захаркевич С. А.</i> Белявина В. Н., Ракова Л. В. Белорусский костюм.....	130
<i>Козик Л. А.</i> Państwo – Demokracja – Chłopi. Studia z historii społeczno-politycznej Polski (XVII–XX w.). Tom studiów dedykowany Profesorowi Romualdowi Waławowowi Turkowskiemu z okazji 65-lecia urodzenia i 40-lecia pracy dydaktyczno-naukowej [Государство – демократия – крестьяне. Исследования по общественно-политической истории Польши (XVII–XX в.). Том исследований, посвященный профессору Ромуальду Вацлаву Турковскому по случаю 65-летия и 40-летия научно-дидактической деятельности]	133
<i>Репин В. В.</i> Kaleta P. Lužićtí Srbové v lidové sněmovně. Nástin politického života v srbské Lužici v době NDR [Калета П. Лужицкие сербы в Народной палате: Очерк политической жизни в сербской Лужице в эпоху ГДР]	135
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
<i>Сидорович В. М.</i> Третьи научные чтения памяти профессора Валентина Наумовича Рябцевича.....	137
<i>Любый А. В.</i> Круглый стол «От урбанистики до вооружения Великого княжества Литовского».....	139
ЮБИЛЕИ	
Петр Алексеевич Шупляк.....	141
Аннотации депонированных в БГУ работ	144

ЗМЕСТ

Ад рэдакцыі	8
ПЕРШАЯ СУСВЕТНАЯ ВАЙНА: НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ РУХІ І ГІБЕЛЬ ІМПЕРЫЙ	
<i>Брыгадзін Д. П., Брыгадзін П. І.</i> Беларуская Народная Рэспубліка ў 1918 г.	10
<i>Калета П. Т. Г.</i> Масарык і яго погляд на беларускую праблему пасля Першай сусветнай вайны	17
<i>Жарабцоў І. Л., Таскаеў М. У.</i> Нацыянальны рух у Комі краі ў гады Першай сусветнай вайны	23
<i>Карабін А. Ю.</i> Дзейнасць добраахвотніцкіх падраздзяленняў ваеннапалонных на абсягах Расійскай імперыі ў 1914–1919 гг.	31
<i>Глібіцук М. В.</i> Да пытання аб месцы Украінскай дзяржавы ў геапалітычных планах Аўстра-Венгрыі і Германскай імперыі ў 1918 г.	42
ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ	
<i>Сталюнас Д.</i> Мадэрнізацыя і пагромы: Літва і Беларусь на пачатку XX ст.	49
<i>Гужалоўскі А. А.</i> Станаўленне інстытута палітычнай цензуры ў Савецкай Беларусі (1917–1922 гг.)	55
УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ	
<i>Перзашкевіч А. В.</i> Да пытання пра гістарычнасць старажытнаіндыйскіх тэкстаў (на прыкладзе Рыг-веды)	64
<i>Сычоў М. В.</i> Узнікненне родавай структуры элінскага грамадства	72
<i>Вахрамеева Г. В.</i> Дэметра ў дзяржаўным пантэоне Баспорскага царства (VI–I стст. да н. э.)	78
<i>Брадзяк Д. А.</i> Палітычная эвалюцыя гарадскіх контрэлітных груп у незалежная Бірме/М'янме	84
ГІСТАРЫЯГРАФІЯ	
<i>Астрога В. А. П. А.</i> Шупляк – гісторык-германіст	92
<i>Менькоўскі В. І.</i> Сімвал рэвалюцыі: «Вобраз Керанскага» ў даследаваннях Б. І. Каланіцкага	102
<i>Падалінскі У. А., Дзянісав А. Р.</i> Гісторыя Беларусі перыяду Сярэднявечча і ранняга Новага часу ў даследаваннях Паўла Лойкі (1958–2010)	110
АРХЕАЛОГІЯ	
<i>Анішчук Я. І.</i> Узаемасувязі насельніцтва вяльбарскай, сармацкай і чарняхоўскай культур на тэрыторыі Заходняга Падолля ў другой чвэрці I тыс. н. э.	120
КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ	
<i>Захаркевіч С. А.</i> Бялявіна В. М., Ракава Л. В. Беларускі касцюм	130
<i>Козік Л. А.</i> Państwo – Demokracja – Chłopi. Studia z historii społeczno-politycznej Polski (XVII–XX w.). Tom studiów dedykowany Profesorowi Romualdowi Wałławowi Turkowskiemu z okazji 65-lecia urodzenia i 40-lecia pracy dydaktyczno-naukowej [Дзяржава – дэмакратыя – сяляне. Даследаванні па грамадска-палітычнай гісторыі Польшчы (XVII–XX ст.). Том даследаванняў, прысвечаны прафесару Рамуальду Вацлаву Туркоўскаму з нагоды 65-годдзя і 40-годдзя навукова-дыдактычнай дзейнасці]	133
<i>Репін В. В.</i> Kaleta P. Lužičtí Srbové v lidové sněmovně. Nástin politického života v srbské Lužici v době NDR [Калета П. Лужыцкія сербы ў Народнай палаце: Нарыс палітычнага жыцця ў сербскай Лужыцы ў эпоху ГДР]	135
НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ	
<i>Сідаровіч В. М.</i> Трэція навуковыя чытанні памяці прафесара Валянціна Навумавіча Рабцэвіча	137
<i>Любы А. У.</i> Круглы стол «Ад урбаністыкі да ўзбраення Вялікага Княства Літоўскага»	139
ЮБІЛЕІ	
Пётр Аляксеевіч Шупляк	141
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац	144

CONTENTS

Editorial	8
WORLD WAR I: NATIONAL MOVEMENTS AND THE FALL OF EMPIRES	
<i>Brigadin D. P., Bryhadzin P. I.</i> The Belarusian People's Republic in 1918.....	10
<i>Kaleta P. T. G.</i> Masaryk and his views on the Belarusian issue after World War I.....	17
<i>Zherebtsov I. L., Taskaev M. V.</i> The national movement in the Komi region in the years of the First World War	23
<i>Karabin A. Y.</i> Activities of war prisoners voluntary units in all of the Russian Empire in 1914–1919	31
<i>Hlibischuk N. V.</i> Revisiting question of the place of the Ukrainian State in the geopolitical plans of Austria-Hungary and the German Empire in 1918	42
BELARUSIAN HISTORY	
<i>Staliūnas D.</i> Modernization and pogroms: Lithuania and Belarus at the beginning of the XX century.....	49
<i>Huzhalouski A. A.</i> Formation of political censorship institution in Soviet Byelorussia (1917–1922).....	55
WORLD HISTORY	
<i>Perzashkevich A. V.</i> To the question of historicity of Ancient Indian texts (the case of Rigveda).....	64
<i>Sychov M. V.</i> The origin of genos in hellenic society	72
<i>Vakhrameeva G. V.</i> Demeter in the public pantheon of Bosporan kingdom (VI–I centuries BC)	78
<i>Brodyak D. A.</i> The political evolution of the urban counter-elite groups in the independent Burma/Myanmar	84
HISTORIOGRAPHY	
<i>Astroha V. A. P. A.</i> Shuplyak – historian-Germanist.....	92
<i>Menkouski V. I.</i> Symbol of revolution: «The image of Kerensky» in the studies of B. I. Kolonitskii	102
<i>Padalinski U. A., Dzianisava A. R.</i> History of Mediaeval and early modern Belarus in the research of Pavel Lojka (1958–2010).....	110
ARCHAEOLOGY	
<i>Onyshchuk J. I.</i> Relationship of population of Velbar, Sarmatian and Chernyakhov cultures on the territory of Western Podillia in the second quarter of the 1 st millennium AD	120
REVIEW AND BIBLIOGRAPHY	
<i>Zakharkevich S. A.</i> Belyavina V. M., Rakava L. V. Belarusian costume	130
<i>Kozik L. A.</i> State – Democracy – Peasants. The collection of research on the social and political history of Poland (XVII–XX centuries). The book is dedicated to Professor Romuald Waław Turkowski for his 65 th anniversary and 40 th anniversary of his scientific and didactic activities	133
<i>Repin V. V.</i> Kaleta P. The Sorbs of Lusatia in the People's Chamber. An Outline of Political Life in Lusatia during the GDR.....	135
SCIENTIFIC EVENTS	
<i>Sidarovich V. M.</i> The third scientific readings in memory of professor V. N. Rabtsevich	137
<i>Liuby A. V.</i> Round table «From urban studies to the arming of the Grand Duchy of Lithuania»	139
JUBILEE	
<i>Petr Alyakseevich Shupljak</i>	141
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU	144

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 3. 2018**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы О. А. Бабашова, С. Е. Богуш, А. С. Люкевич
Технический редактор Т. А. Караневич
Корректор К. Б. Скакун

Подписано в печать 31.07.2018.
Тираж 100 экз. Заказ 259.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2018

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 3. 2018**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors O. A. Babashova, S. J. Bohush, A. S. Lyukevich
Technical editor T. A. Karanevich
Proofreader K. B. Skakun

Signed print 31.07.2018.
Edition 100 copies. Order number 259.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'variiskaya Str., Minsk 220004.

© BSU, 2018